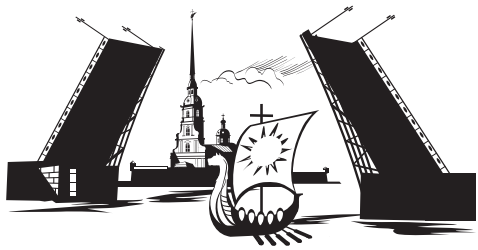
Родная Ладога

№ 4(38)' 2016

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Заместитель главного редактора,
заведующая литературным отделом
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Руководитель
редакционно-издательского отдела
Татьяна МАКАРОВА

Референт редакции
Юлия СОКОЛОВСКАЯ

Издается ежеквартально
при участии:

Союза писателей России

Ассоциации российских дипломатов

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга

ЗАО «Утро»

Подписной индекс в каталоге «РОСПЕЧАТЬ» журналы России — 70924

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-55701 от 21 октября 2013 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов); ***Агафонов Николай, протоиерей*** (Самара); ***Громов А. В.*** (Самара); ***Денисов Н. В.*** (Тюмень); ***Казин А. Л.*** (Санкт-Петербург); ***Коняев Н. М.*** (Санкт-Петербург); ***Корольков А. А.*** (Санкт-Петербург); ***Корытин С. Н.*** (Санкт-Петербург); ***Орлов Б. А.*** (Санкт-Петербург); ***Сдобняков В. В.*** (Нижний Новгород); ***Семёнов В. Е.*** (Санкт-Петербург); ***Смолькин И. А.*** (Псков); ***Швечиков А. Н.*** (Санкт-Петербург); ***Ясенев В. А.*** (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БОНДАРЕНКО Владимир Григорьевич (Москва) — главный редактор газеты «День литературы», секретарь СП России.

БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ Лиляна (Сербия) — лауреат премий «Имперская культура» и «Золотой Витязь», член СП России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГАЙЕК Петр (Чехия) — писатель и публицист, первый заместитель главы администрации президента Чешской Республики Вацлава Клауса (2003–2013).

ГАНИЧЕВ Валерий Николаевич (Москва) — председатель СП России, доктор исторических наук, заместитель Главы ВРНС.

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — гл. редактор газеты «Российский писатель», секретарь СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ЗОРИГТ Дашдорж (Монголия) — публицист, экс-министр энергетики и минеральных ресурсов Монголии.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИВАШОВ Леонид Григорьевич (Москва) — председатель клуба министров обороны СНГ, генерал-полковник, доктор исторических наук.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика».

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — секретарь СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат премии Александра Солженицына.

ЛЕОНТЬЕВ Михаил Владимирович (Москва) — руководитель и ведущий программы «Однако», гл. редактор журнала «Однако».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — секретарь СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

НОЖКИН Михаил Иванович (Москва) — народный артист России, лауреат Государственной премии России.

РЕШЕТНИКОВ Леонид Петрович (Москва) — директор Российского института стратегический исследований, генерал-лейтенант.

СКВОРЦОВ Ярослав Львович (Москва) — доцент, декан факультета Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ.

Княгиня ЧАВЧАВАДЗЕ Елена Николаевна (Москва) — вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

ШЕВЦОВ Никита Всеволодович (Москва) — профессор, заведующий кафедрой Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ.

СОДЕРЖАНИЕ

Национальная безопасность

Митрополит Петрозаводский и Карельский КОНСТАНТИН (Горянов).
Патриотизм — соединяющий любовью 5

Мировоззрение

Александр Казин. Национал-большевизм и русская культура 25
Михаил Смолин. Любовь к Отечеству 72
Александр Каплин. Сущность и виды российской монархии в осмыслении истинных славянофилов 91
Александр Проханов. Свет Пушкина 118
Анна Евтихиева. «Александр Сергеич, да не слушайте ж вы их!» 124

Пути познания

Сергей Перевезенцев. В поисках нового консерватизма 40
Валерий Егошкин. Немного о российской дипломатической службе. *Тезисы к беседам на Университетских субботах в МГИМО* 153

История и современность

Валерий Ганичев. Наш главный резерв. *К 15-летию прославления в лике святых праведного адмирала Федора Ушакова* 98
Маркс Гуревичев. Анатолий Долгарев. «Гением блистал в бою любом». *К 120-летию со дня рождения Великого полководца XX века Георгия Константиновича Жукова* 102
Дина Никифорова. Трагедия, которую нельзя забывать. *К 75-летию начала блокады Ленинграда* 215
Никита Шевцов. Елена Наумова. За Ермаком Тимофеевичем 225

Проза

Михаил Зарубин. Не отдам. *Рассказ* 128
Василий Забелло. На Воздвижение. *Рассказы* 247
Владимир Крупин. «Ол райт», — сказал Емеля 268
Ирина Дубовицкая. Ночной гость. *Рассказ* 317

Поэзия

Марина Ахмедова 139
Андрей Скоринкин 144
Николай Зиновьев 149
Ирэна Сергеева 209
Селимир Радулович 213
Константин Скворцов 251
Надежда Мирошниченко 255
Николай Рачков 259
Протоиерей Геннадий Рязанцев-Седогин 309
Светлана Сеничкина. Александр Сигида. Стихи поэтов Луганска 312

На рубеже ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Борис Ключников. Грядущий бич Божий? *Новое великое переселение народов* 173
Евгений Шмагин. Киргизия-2005: тюльпаны или чертополох? 196

Славянское БРАТСТВО

Иржи Опршал. Карел Гавличек Боровский (1821–1856) — чешский патриот и великий славянин 192

ДОСПЕХИ

Нина Северикова. Отечество превыше всего 221

ПАМЯТОСЛОВ

Андрей Чернов. Луганский парижанин Владимир Смоленский 233
Эдуард Анашкин. Из глубин памяти 272

Пути ПОЗНАНИЯ

Павле Ингороква. Ямбиконы святой благоверной царицы Тамары. *Фрагменты статьи «Философская лирика царицы Тамар».* Перевод **Владимира Саришвили** 242

ЛЕСТВИЦА

Блаженный инок. Жизнеописание блаженного инока Владимира, Важеозерского чудотворца 263

Критика, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Валентина Ефимовская. Первый и последний или Факт иного значения. *О книге Бориса Подопригоры «Запомните нас живыми»* 280
Чеслав Кирвель. Снежана Семерник. Пока горит «Зоркая свеча». *О творчестве Андрея Реброва. К 55-летию со дня рождения* 286

Вопросы ТВОРЧЕСТВА

Александр Осыков. Борис Осыков. Искренний голос любви 295

ВЕХИ

Неудавшийся побег. Подготовила **Марина Дейнекина** 304

Наша идеология

Митрополит Петрозаводский и Карельский КОНСТАНТИН (Горянов)

ПАТРИОТИЗМ — СОЕДИНЯЮЩИЙ ЛЮБОВЬЮ

Мы ходим средь ужасной высоты,
Залито небо красной кровью.
И — всюду пропасти…
И всюду есть мосты,
Соединяющие все любовью.

Архиепископ Иоанн (Шаховской)

Патриотизм — древняя, многосоставная, обладающая исторически отличными проявлениями и формами категория, имеет конкретное содержание. Происходя от греческого существительного πατρίς — отечество, — патриотизм, строго говоря, означает любовь к Отечеству и является родственным таким жизнеобеспечивающим понятиям, как отец, отчизна, отчий, соотечественник и др. В современных научных словарях патриотизм характеризуется как нравственно-политический принцип, социальное чувство.

В Священных Книгах чувству патриотизма приписывается божественное происхождение и определяется оно как прирожденное духовное человеческое дарование. Всеобъем-

---

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов) — родился в 1951 г. Окончил Винницкий мед. институт. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1989 г. окончил МДА. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. В 1990 г. возведен в сан игумена, назначен ректором МинДС.
В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН и др.). Награжден многими церковными наградами. Член СП России, лауреат ряда литературных премий. С 2008 г. правящий архиерей Курганской епархии. Председатель Синодальной богослужебной комиссии. С мая 2015 г. митрополит Петрозаводский и Карельский, глава Карельской митрополии.

лющую суть патриотизма раскрывают слова Апостола Павла: *«преклоняю колени мои пред Отцем Господа нашего Иисуса Христа, от Которого именуется всякое отечество на небесах и на земле»* (Еф. 3: 14–15). Святитель Филарет Московский, осмысливая пятую заповедь Господню о почитании родителей, раскрывает понятие патриотизма применительно к государственной организации народа: «Вместо родителей для нас являются: *Отечество,* потому что оно есть великое семейство, в котором Государь есть отец, а подданные — дети Государя и Отечества; *пастыри и учителя духовные,* потому что они учением и Таинствами рождают нас в жизнь духовную и воспитывают в ней; *старшие* по возрасту; *благодетели; начальствующие* в разных отношениях»[1]. Такая сложная, выверенная веками система иерархических взаимоотношений обеспечивала нашей и любой другой стране историческую устойчивость, гармоничное развитие и независимость.

Но существуют другие точки зрения. Здесь уместно привести версию этимологии слова «патриотизм» профессора РГПУ им. Герцена, а также кафедры библеистики СПб Духовной академии, д-ра философ. наук А. Л. Вассоевича, который говорит: «С моей точки зрения, это греко-латинское по происхождению слово (πατρίωτης означало у греков соотечественника, земляка), будучи соединенное с латинским суффиксом —ismus, могло бы в дословном переводе с этих двух древних языков на наш обыденный русский язык означать “со-отечественность”, то есть соотнесенность с интересами своей Родины, своего Отечества. Увы, но во времена М. Ю. Лермонтова некоторым русским людям “со-отечественность” была абсолютно чужда. Об этом свидетельствует гениальное стихотворение, написанное в 1837 г. Владимиром Сергеевичем Печериным:

Как сладостно отчизну ненавидеть
И жадно ждать ее уничтожения!
И в гибели отчизны видеть
Всемирную денницу возрождения!»[2]

Сегодня чаяние «возрождения денницы» и всемирной гибели в некоторых кругах по-прежнему актуально. На свою погибель мир, кажется, очаровался процессом деградации: анонимными силами планомерно и достаточно легко размыкаются скрепы государственной системы, разрушаются традиционные основы человеческой цивилизации, сохранявшие свою крепость на протяжении тысячелетий. Известны трагические события в нашей стране в XX веке, можно много привести новейших мировых примеров сокрушения государственного суверенитета — Югославия, Ирак, Ливия, Украина, Сирия. Зачем это делается? Кто следующий? Вопросы непраздные для России, хорошо знающей, что такое «Смутные времена» и «Апокалипсисы революций».

Актуальные сегодня эти вопросы, как безотлагательные, ставит руководитель России Владимир Путин и, видя их неисчерпаемость в исторической перспективе, вызывает на разговор в первую очередь молодежь.

---

[1] Пространный Катехизис, составленный митрополитом московским Филаретом. Ч. 3. П. 556. http://paskha.gatchina3000.ru/christianity/catechism/59-filarets-orthodox-catechism.htm

[2] Конкуренция и рынок. Информационно-аналитический журнал. Март 2015. № 1 (68). С. 95.

«Мы сегодня поговорим о проблеме, которая давно назрела и часто на слуху, но вот так системно, пожалуй, не помню, чтобы она обсуждалась: вопрос о патриотическом воспитании молодежи. На самом деле это разговор о самом главном: о ценностях, о нравственных основах, на которых мы можем и должны строить нашу жизнь, воспитывать детей, развивать общество, в конечном итоге укреплять нашу страну». /…/ «Как показывает, в том числе и наш собственный исторический опыт, культурное самосознание, духовные, нравственные ценности, ценностные коды — это сфера жесткой конкуренции, порой — объект открытого информационного противоборства, не хочется говорить агрессии, но *противоборства*, это точно, и уж точно хорошо срежиссированной пропагандистской атаки. И это никакие не фобии, ничего я здесь не придумываю, так оно и есть на самом деле. Это как минимум одна из форм конкурентной борьбы. Попытки влиять на мировоззрение целых народов, стремление подчинить их своей воле, навязать свою систему ценностей и понятий — это абсолютная реальность, так же как борьба за минеральные ресурсы, с которой сталкиваются многие страны, в том числе и наша страна. И мы знаем, как искажение национального, исторического, нравственного сознания приводило к катастрофе целых государств, к их ослаблению, распаду в конечном итоге, лишению суверенитета и к братоубийственным войнам»[1].

Но для того, чтобы вступить в патриотическое противоборство и выиграть его, нужно представлять каждому участнику этой борьбы, что же такое патриотизм как национальное явление, осмыслить его во всей полноте, что сделать сложно, не только потому что при всем многообразии трудов в области патриотизма фундаментальных исследований данной проблемы мало, но и потому что патриотизм по своей природе многоаспектен, многообразен в формах проявления, имеет для каждого человека личностные особенности, определяющиеся его гражданской позицией и отношением к своей стране.

Слово «патриот» по-русски впервые прозвучало при Петре I. Великий Император этим термином хотел подчеркнуть и усилить главную идею своего царствования — идею служения Отечеству. В России изначально и в последующие века основной акцент ставился на военной стороне патриотизма. В процессе развития идей патриотизма его толкование ширилось, связывалось не только с военным аспектом, но и с гордостью за родную страну, славились ее победы на всех поприщах, духовные подвиги народа, воспитывалось почтение к отечественной истории, культуре и т. п. Хотя при различных социальных формациях идеи патриотизма подвергались различным толкованиям, вплоть до взаимоисключающих.

Так, например, «Поучения князя Владимира Мономаха детям» — не только памятник, отражающий идеалы Древней Руси, но и призыв к новому поколению любить свою Родину, защищать ее от врагов. В этом произведении нет слова «патриотизм», но, по сути, Поучение содержит национально обоснованное нравственное начало, ядром которого является любовь к Родине. А вот писатель-«бунтовщик» А. Н. Радищев считал, что настоящий

[1] Из выступления В. В. Путина на совещании представителей власти и общественности по вопросам нравственного и патриотического воспитания молодежи. Краснодар, 12 октября 2012 г.

патриот это тот, кто способен активно бороться с самодержавной Россией ради угнетенного народа, который, будучи не свободным, не может быть патриотичным. Славянофилы и западники считали, что самым главным аспектом сущности патриотизма являются интересы Родины (у тех и других по-разному понимаемые). Н. Бердяев, В. Соловьев, Н. Федоров и другие русские консервативные философы видели патриотические традиции в идеях самодержавности, соборности и мессианской роли нашего народа. Выдающийся деятель своего времени патриот, меценат, историк, писатель граф Сергей Дмитриевич Шереметев, чьи труды еще ждут более глубокого осмысления, видел воплощение патриотической идеи в процессе соединения современной России со Святой Русью, в защите русского дворянства и Церкви. Он был убежден, что «русское дворянство не есть отвлеченная формула, ни консервативная, ни либеральная. Оно — живая принадлежность русского народа, оно сословие его, которое находится в теснейшей связи с его государственной жизнью. И в предреволюционную эпоху, в годы формирования народного самосознания, писал: «нашим лозунгом должно быть известное изречение 1863 года, когда воспрянуло с такою силою народное самосознание. Изречение это незабвенно, как пожелание, чтобы “в новизах Твоего Царствования нам старина наша слышалась”!»[1]. Граф С. Д. Шереметев высказывал не только свою личную точку зрения, но мнение дворянства, которое не хотело с крестьянством конфронтации, искусственно провоцируемой сторонними силами, и выступало за единение сословий. Особенно подчеркивалась важность «сближения с духовенством для обоюдной пользы и для воздействия ради возврата к тому прошлому, когда не было еще резкой обособленности духовенства». Граф писал: «В годину политической слабости России оно высоко держало перед народом знамя Отечества, и если наше Отечество вынесло междоусобие князей, татарское иго и внутренние неурядицы, то этим оно обязано прежде всего русскому духовенству»[2].

Как говорил свт. Филарет Московский: «Люби врагов своих, сокрушай врагов Отечества, гнушайся врагами Божиими». Но не погнушался русский народ врагами Божиими, и революционеры в 1917 г. захватили власть. Они выступили за категорический разрыв с любой русской стариной и церковной традицией, пропагандируя особый вид патриотизма, названный «революционный патриотизм рабочего класса». Внедрялась идея уничтожения старого мира и распространения во всемирном масштабе миссии большевизма, советскому народу исторически предназначалось быть основным плацдармом в строительстве коммунизма, служить его делу и распространению по всему миру. России как государству в этом проекте места не было. Как, не стесняясь, говорил Ленин, «А на Россию мне наплевать, ибо я большевик» — эта фраза была зафиксирована в разговоре Ленина с Бонч-Бруевичем советским дипломатом Георгием Соломоном (Исецким)[3]. Есть у вождя пролетариата и другие показательные высказывания, сохранившиеся в его записях. Например, «“Ивашек” надо дурить. Без одурачивания “Ивашек”

---

[1] Цит. по: Правая Россия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века / сост. А. А. Иванов, А. Д. Степанов. СПб.: Царское Дело, Русская народная линия, 2015. С. 375–377.

[2] Там же. С. 376.

[3] *Соломон (Исецкий) Г.* Среди красных вождей. М., 1995. С. 15.

мы власть не захватим»; «Интеллигенция — это не мозг нации, а говно»; «Нужно поощрять энергию и массовидность террора»; «Под видом “зеленых” (мы потом на них свалим) пройдем на 10–20 верст и перевешаем кулаков, попов, помещиков. Премия: 100 000 р. за повешенного»; «…чем большее число буржуазии и духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше» (11 августа 1918 г.)[1].

Но за высказываниями следовали распоряжения. Есть немало документов-распоряжений под грифом «Строго секретно», в которых Ленин торопит Дзержинского как можно быстрее покончить с попами и религией. Попов он рекомендует арестовывать как контрреволюционеров и саботажников, расстреливать беспощадно и повсеместно. И как можно больше. Ленин категоричен в вопросе обязательного и повсеместного закрытия церквей — рекомендует помещения храмов опечатывать и превращать в склады.

Вот письмо от 19 марта 1922 г. под грифом: «*ни в коем случае копий не снимать*».

«Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны!) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо, во всяком случае, будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету.

Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности, совершенно немыслимо»[2]…

Прерву цитирование, чтобы пояснить, что понималось под «хозяйственным строительством» на средства, изъятые у монастырей и церквей. Анализируя положение советского правительства и заявления Ленина, Е. И. Белов в статье «Судьба церковных ценностей, изъятых Советской властью в 1922 году» писал: «Официальным предлогом изъятия церковных ценностей был голод на Волге и помощь голодающим. Но как вытекает из секретного письма Ленина от 19.03.22 г., он мечтал создать «Фонд в несколько сот миллионов, а может быть, миллиардов золотых рублей», чтобы блеснуть на Генуэзской конференции. Результат этого изъятия был совершенно другой и довольно жалкий. Было собрано всего лишь 90 пудов золота и 13 000 пудов серебра. Было также собрано довольно большое количество жемчуга и аметистов, но большая часть их была с изъянами. Жемчуг был речной, с Севера России, неправильной формы. Продать эти камни за границу было невозможно. Многое было разворовано самими чекистами,

[1] http://maxpark.com/community/4560/content/1685041

[2] РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22947. Опубликовано: Известия ЦК КПСС, 1990. № 4.

которых в то время звали «ловцами жемчуга». Цена серебра за границей в это время тоже была очень низкой, и не было смысла его продавать»[1].

В. Русак в своей книге «Пир сатаны» приводит другие цифры. Он проанализировал, сколько действительно было истрачено средств на покупку продовольствия. «В целом “операция” по изъятию церковных ценностей к сентябрю 1922 г. принесла большевикам фантастическую сумму в 8 000 000 000 000 рублей… На все изъятые у Церкви ценности большевики купили за границей только “3 миллиона пудов хлеба и некоторое количество других продуктов питания”. Всего 3 миллиона пудов! А ведь на изъятые ценности можно было купить 525 миллионов пудов зерна. Дефицит, как мы помним, составлял 200 миллионов. Церковные ценности, таким образом, использовались на нужды голодающих не боле 0,6 процента! Куда же они подевались?»[2]

На это вопрос попытался ответить в своей работе «Гонения на Православную Церковь в Смоленске в 20-е годы XX века» священник Георгий Урбанович (выпускник СПбДА 1998 г.). «…можно сделать лишь более или менее точные предположения. Подавляющая часть изъятых ценностей пошла в переплавку, а полученные от продажи суммы были потрачены на проведение самой кампании по их изъятию: агитация, техническое обеспечение, карательные операции, сверхсметные ассигнования и т. д. …Троцкий настаивал, чтобы это отчисление не облагалось налогом и не зачислялось в смету, так как оно якобы предназначалось на мобилизационные нужды… Механизм реализации ценностей и отчислений от вырученных от этого сумм был чрезвычайно сложен, и его могли знать только отдельные люди, навсегда унесшие с собой тайну о судьбе церковного золота»[3].

Поэтому Ленин с такой уверенностью и запальчивостью грабителя изрекал: «…я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его…

Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать»[4].

В день Николая Чудотворца, когда нельзя было работать, Ленин издал приказ от 25 декабря 1919 г.: «Мириться с “Николой” глупо, надо поставить на ноги все чека, чтобы расстреливать не явившихся на работу из-за “Николы”». В то же время Ленин очень лояльно относился к католичеству, буддизму, иудаизму, мусульманству, к сектантам. Он даже вознамеривался запретить Православие и заменить его католичеством. Не случайно римский папа приветствовал Октябрьскую революцию и первое правительство большевиков, в котором почти не было русских.

---

[1] *Белов Е. И.* Судьба церковных ценностей, изъятых Советской властью в 1922 г. // Вестник РХД 104/105 II–III. Париж, 1972. С. 325.

[2] *Русак В.* Пир сатаны. Джорданвилль, США, 1991. С. 94.

[3] *Урбанович Г.* Гонения на Православную Церковь в Смоленске в 20-е годы XX века (по материалам Смоленских архивов) / научн. рук. Иоанн Белевцев. СПб., 1999. С. 165.

[4] РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22947. Опубликовано: Известия ЦК КПСС, 1990. № 4.

В ходе «первой волны репрессий» в течение только 1918 года было расстреляно 16 000 священников. В течение «второй волны», когда был арестован Патриарх Тихон, расстреляно около 10 000 представителей духовенства. Но что — церкви, если вождь пролетариата покушался на всю страну. Стоит вспомнить его работу «О поражении своего правительства в империалистической войне»[1], в которой Ленин говорил «Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству. Это — аксиома. И оспаривают ее только сознательные сторонники или беспомощные прислужники социал-шовинизма…

Революция во время войны есть гражданская война, а превращение войны правительства в войну гражданскую, с одной стороны, облегчается военными неудачами ("поражением") правительства, а с другой стороны, — невозможно на деле стремиться к такому превращению, не содействуя тем самым поражению».

Вот что значит (вкратце) «революционный патриотизм рабочего класса», за который пришлось расплачиваться миллионами жизней во время Великой Отечественной войны и переоценивать ценности прямо в окопах, не выпуская из рук винтовку. Великая Отечественная война явила патриотизм невиданной ранее жертвенности, за свое Отечество встал весь советский народ. Но дети и внуки победителей по ряду причин, на которых мы останавливаться не будем, отдали врагам России многие завоевания, чем нанесли непоправимый ущерб не только русскому миру, но человечеству вообще. И поэтому сегодня мир балансирует на грани новой мировой войны.

А ведь более ста лет назад, великий молитвенник земли Русской св. Иоанн Кронштадтский предсказал многое из того, что случилось с Россией в 1917 и не окончилось поныне. Предвидел святой проповедник многое, но мало кто прислушался к его предостережениям и советам. Мало кто видел в нем величайшего патриота России. Комментировать слова Иоанна Кронштадтского не имеет смысла, так они ясны, вдохновенны и красноречивы. Но их надо обязательно держать в уме нам, сегодняшним.

«Не скорби безутешно о злополучии отечества, о проигранных войнах (с Японией), о наступлении на нас Австрии, Германии, Англии, Финляндии, Польши (хоть это суть две части России), Италии; о потере военных кораблей ("Олег", в начале октября сего года надвинутый нарочито на камни Гирсом), о громадных потерях государства от поджогов (заводы разные). Скорби о том, что ты плохо подвигаешься к отечеству нетленному, вечному, на небесах уготованному, что сердце твое далеко от Бога. Земное отечество страдает за грехи Царя и народа, за маловерие и недальновидность Царя, за его потворство неверию и богохульству Льва Толстого и всего так называемого образованного мира министров, чиновников, офицеров, учащегося юношества. Молись Богу с кровавыми слезами о общем безверии и развращении России»[2].

«Послали на войну с японцами на смех: суда потеряли, войну проиграли. Теперь приказано отпустить сто миллионов на постройку подобных панцирей; а способных офицеров нет как и нет, а главное — охоты к делу, патриотизма да религии в будущих моряках не предвидится, и

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 26.

[2] Выборка из дневниковых записей святого праведного Иоанна Кронштадтского.

морские будущие чудовища опять обречены будут на истребление. — Господа, извините, но послушайте болящего за флот постороннего человека. Приготовьте сначала любящих Россию и Бога и преданных всем сердцем делу офицеров»[1]…

Здесь следует отметить, что неспроста волновался отец Иоанн о моряках, ведь всю свою пастырскую жизнь он провел в Кронштадте, который в геополитическом плане представлял не меньшую ценность, чем Севастополь. Кронштадт в основном населяли матросы и офицеры, а также нищие, воришки, калеки — людской сброд, выдворенный из столицы по наведению в ней порядка. Многим из них протоиерей Иоанн Кронштадтский стал духовным отцом и благодетелем. Обо всем, что происходило в этой среде, знал сердобольный священник. И страдал, когда видел, как разрушаются законы флотской чести и доблести. Флот всегда был показателем нравственного здоровья русского общества. Флот — гордость России, пример самоотверженности и геройства к тому времени, о котором сокрушается Кронштадтский батюшка, попал в первую очередь под растлевающую обработку разрушающих Россию сил. Они знали, что флот по негласному правилу находился вне политики, что вице-адмирал Степан Осипович Макаров прямо говорил о том, что армия и флот должны находиться вне политики, дело вооруженных сил — стоять на страже Отечества вне зависимости от существующего строя.

Поэтому враждебные России силы, внешние и внутренние, поддерживаемые масонскими организациями, в первую очередь неискушенных в политике моряков заразили революционными идеями. Поддержали их и некоторые офицеры, например, небезызвестный лейтенант Петр Шмидт. Интересны детали его биографии. Первоначально он вышел в отставку после двух лет службы, жил в Париже, занимался бизнесом. Потом был восстановлен на флоте с прежним чином мичмана, сменил несколько мест службы, даже подозревался в растрате, но был без суда уволен из флота по заступничеству влиятельного родственника. После второй отставки он возглавил «Союз офицеров — друзей народа» и принял активное участие в известном восстании на крейсере «Очаков», нарядившись в китель с погонами капитана II ранга. То ли по романтичным представлениям о западном мире, то ли по авантюрному недомыслию этот деятель, происходивший из благородного офицерского рода, стал одним из первых поджигателей революции. У него были последователи, например, вице-адмирал Андрей Семенович Максимов, который объявил себя «первым революционным адмиралом», но продержался на своей должности всего три месяца[2]. Он был избран матросами командующим Черноморским флотом в начале марта 1917 г. после серии убийств морских офицеров в Кронштадте, Ревеле и Гельсинфорсе. Предшественник Максимова — вице-адмирал Адриан Иванович Непенин был убит в Гельсинфорсе выстрелом в спину. Матросы, отравленные ядом революционно-либеральной пропаганды, оказались самыми непримиримыми, самыми жестокими солдатами революции.

---

[1] Выборка из дневниковых записей святого праведного Иоанна Кронштадтского.

[2] *Манвелов Н. В.* Под Андреевским флагом. Русские офицеры на службе Отечеству. М.: Вече, 2011. С. 88.

А ведь предрекал св. Иоанн Кронштадтский еще в 1905 г.: «Приготовьте сначала любящих Россию и Бога и преданных всем сердцем делу офицеров». Да и не только офицеров.

А ведь разъяснял святой батюшка на примере подвига св. благ. князя Александра Невского: «…Слава Богу, даровавшему России такого чуднаго в вере, мужестве, мудрости и благочестии князя, воителя и победителя неустрашимаго! Отчего мы не могли ныне победить врагов-язычников при нашем храбром воинстве? Скажем не обинуясь: от неверия в Бога, упадка нравственности и от безсмысленнаго толстовскаго учения, не противься злу, следуя которому сдался на капитуляцию Порт-Артур, а военныя суда — в постыдный плен со всем инвентарем. Какой славный учитель для всего русскаго воинства и для всех военных и других властей св. благоверный великий князь Александр Невский! Но кто из интеллигентов читает ныне о подвигах его и кто верит сказанным чудесам? Вот от этого неверия и от своего гордаго, кичащагося разума и надмения своею военною силою мы и терпим всякия поражения и стали посмеянием для всего мира! Страшный урок дан Богом русской интеллигенции, неверующей в Бога и себя боготворящей. Научись, Россия, веровать в правящаго судьбами мира Бога Вседержителя и учись у твоих святых предков вере, мудрости и мужеству»[1].

А ведь прямо указывал святой Иоанн Кронштадтский, что надо делать:

Если соберем волю каждого
в одну волю — выстоим!
Если соберем совесть каждого
в одну совесть — выстоим!
Если соберем любовь к России каждого
в одну любовь — выстоим!

В этих словах кроется суть патриотизма, его зерно, его не зависящая от конкретной исторической ситуации и других условий неизменная сущность, незыблемый критерий — любовь. Эта сущность, как говорил Иван Ильин, определяется *особым душевным укладом народа и духовно-творческим актом*, являющимися дарами Духа Святого. Философ пишет, что народ «принял их своим инстинктивным чувствилищем и творчески претворил их по-своему; что сила его обильна и призвана к дальнейшим творческим свершениям; и что поэтому народу моему подобает культурное “само-стояние”, как “залог величия” (Пушкин), и как независимость государственного бытия»[2].

Есть и такое современное практическое определение патриотизма, его дает наш современник профессора РГПУ им. Герцена, а также кафедры библеистики СПб Духовной академии, д-р философ. наук А. Л. Вассоевич «…патриотизм или соотнесенность с интересами Отечества в практическом плане требует усвоения двух простых истин: 1. “Знай, чем кормишься” и

---

[1] Слово на день перенесения св. мощей благовернаго Великаго князя Александра Невскаго, бывшаго в 1724 году при Императоре Петре 1-м, из Владимира в Петербург.

[2] *Ильин И. А.* О грядущей России. Избранные статьи / под ред. Н. П. Полторацкого. Совместное издание Св.-Троицкого монастыря и Корпорации «Телекс», Джорданвилл, США, 1991. С. 265.

2. “Где живешь, не пачкай”. Именно поэтому всякий человек, переходящий на патриотические позиции, должен воспитать в себе три категорических запрета:

- нельзя разрушать духовное и культурно-историческое наследие своей родной страны;
- нельзя разбрасываться территориями, за которые пролили кровь не мы, но наши предки;
- нельзя допускать процессов депопуляции, то есть того, чтобы народ в стране вымирал.

Тот же, кто готов нарушить хотя бы один из этих запретов, патриотом уже не является»[1].

Но что бы мы ни говорили о патриотизме, какое бы определение ему ни давали в качестве основного условия независимости государственного бытия, не обойтись без понятия — любовь. Это тот критерий, который является мерой и смыслом патриотизма. Апостол Павел говорил, «Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного» (1 Тим. 5: 8). Но что значит «свой», и отношение к «ближнему» — «другому» не сужает ли мир?

Отношения между людьми определяются критерием любви, которая в нашей земной жизни выражается множеством понятий: любовь родителей и детей, любовь дружеская, супружеская, плотская — эрос, филия, агапэ, сторгэ. Диапазон любовного чувствования широк: от «сторгэ» — любви-нежности к некоторым людям или семейной любви, точнее, психологической, до «агапэ» — жертвенной, безусловной любви, выводящей на вселенский, онтологический уровень, в христианстве — это любовь Бога к человеку. Именно любовь «сторге» лежит в основе патриотической любви, чувственно-психологической, от природы присущей человеку, которая не сужает, а, наоборот, расширяет духовные объятия личности. Но любые человеческие чувства подвержены изменениям, они могут возгораться от любви или гаснуть в зависимости от нравственной устойчивости человеческой души. Как считают психологи, в частности, Карл Юнг («Психология бессознательного»), сознание человека в первую очередь зависит от нравственности, оно не может мириться с нравственной распущенностью, в результате которой возникают психические заболевания, укореняются низменные чувства. Нравственная распущенность убивает в человеке любовь, приводит к «окамененному нечувствию» и, конечно, потере патриотического чувства.

Но зачем нам патриотическое воодушевление, любовь к Родине, жертвенное ей служение, если все на земле обращается в прах? Если в наше время трудно, да и не требуется отличать правду ото лжи, добро от зла, красоту от уродства? И где критерии?

Критерием добра, любви, веры в нашем мире всегда был и остается Христос, Его Заповеди. Христос — основной закон бытия, которое без любви и правды превращается в хаос, в бессмыслицу существования, в порочный круг, о котором так убедительно рассказывает Ивану Карамазову его ночной инфернальный гость. «Ты думаешь про теперешнюю землю. Так ведь теперешняя земля, может, сама биллион раз повторялась; ну отжива-

[1] Конкуренция и рынок. Информационно-аналитический журнал. Март 2015. № 1 (68). С. 95.

ла, трескалась, рассыпалась, разлагалась на составные начала; опять вода, яже бе над твердию; потом опять комета, опять солнце, опять из солнца земля; ведь это развитие, может, уже бесконечно повторялось и все в одном и том же виде, до черточки. Скучища неприличнейшая». Эти слова лукавого, по сути, издевательский перифраз слов Апостола Петра: «Придет же день Господень, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят. Если так все это разрушится, то какими до́лжно быть в святой жизни и благочестии вам, ожидающим и желающим пришествия дня Божия, в который воспламененные небеса разрушатся и разгоревшиеся стихии растают? Впрочем, мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда» (2 Петра 3: 10–13).

В диалоге Ивана Карамазова с его ночным гостем нет слов об ожидании нового неба и новой земли, нет слова о правде. Речь идет о неживом веществе, о бездушной природе, так что картина оставляет мучительное ощущение безысходности, поражения. Не хочется сомневаться, что «в жизни живых существ все целесообразно, все направлено к цели. И вот, когда мы видим, что и это стремление суетно, что жизненный круг в его целом воспроизводит в осложненном виде все то же бессмысленное вращение волчка вокруг своей оси, — нам становится тошно от жизни. Мы испытываем острую душевную боль при виде этого повторения низшей формой существования высшей»[1]. Действительно, кажется, напрасны мучения и жертвы живой твари. Но человек все равно ищет смысл существования и находит его и в зримой земной плоскости, и в вертикальном подъеме к недостижимому, и в пересечении этих направлений, образующих крест.

«Крест в этом смысле есть в основе всякой жизни. Совершенно независимо о того, как мы относимся ко Христу и христианству, мы должны признать, что крестообразно само начертание жизни, и что есть космический крест, который выражает собою как бы архитектурный остов всего мира… Если последний и окончательный результат всякой жизни есть смерть, то скрещение жизненных линий есть только предельное выражение скорби, страдания, унижения и ничего больше, — тогда крест есть только символ всеобщей муки: его и знало дохристианское человечество. Иное дело, если в скрещении своих линий жизнь достигает своей полноты, прекрасного и неумирающего смысла. Тогда крест становится символом этой высшей победы. В доступной нашему наблюдению действительности крест приводит к смерти. Спрашивается, может ли он стать крестом животворящим? Поставить этот вопрос — и значит прийти к единственно правильной постановке вопроса о смысле жизни»[2]. Этот смысл крестом испытуется, и на нем же совершается Победа жизни над смертью, любви над ненавистью, порядка над хаосом. Смысл нашей жизни неразрывно связан с жизнью и смертью Богочеловека, в нем мы находим явление искомой нами жизненной полноты и правду всеединства, проявляющееся в соборности, обладающей, в частности, формами социально-государственными и общецерковными.

---

[1] *Трубецкой Е. Н.* Мировая бессмыслица и мировой смысл // Смысл жизни. Антология. М., 1994. С. 268.

[2] Там же. С. 292.

Да, истинный патриотизм обладает божественным смыслом, он обретает христианское выражение только тогда, когда любовь к Родине осуществляется в системе Божиих заповедей, когда она деятельна, нетерпима к таким проявлениям человеческого общества, как ненависть и чувство национального превосходства. Церковь в деле патриотического воспитания не может подменять никакие общественные или политические организации, но должна быть укоренена в своем христианском служении во спасение людям, вернее, каждому человеку, ведь патриотизм и служение стране нельзя рассматривать абстрактно, это конкретное делание каждого человека, выражающееся совокупным результатом.

Существует несколько подходов к толкованию сущности понятия «патриотизм»:

- идеологический, определяющийся готовностью служить своей Родине, любовью к своему Отечеству;
- социально-философский, отражающий духовность человека и общества в целом, рассматривающийся как важнейший аспект общественной и личной культуры духа, предполагающий возможность ставить сверхзадачи;
- социологический, представляющий патриотизм как ценностную ориентацию, основу которой составляет ценностное отношение личность—родина, нравственно-эмоциональные связи, единство этнических, географических, религиозных, культурных, исторических и эстетических характеристик в понятии Родина.

Мне, возглавлявшему восемнадцать лет Минскую и Санкт-Петербургскую Духовные академии и семинарии, особенно близок **педагогический** подход, рассматривающий формирование и развитие чувства патриотизма не только у подрастающего поколения, но и у всего населения страны. К вопросам патриотизма в своей научно-педагогической деятельности я обращался давно и неоднократно. И в новых исторических условиях мои статьи на эту тему не потеряли актуальности. И сегодня я могу повторить, что процесс формирования патриотического сознания россиян продолжает набирать силу с большим градиентом, что связано, конечно, с небывалой прежде мощностью и обширностью геополитических процессов, можно сказать, социально-тектонических сдвигов. Лидирующей группой в этом процессе выступает молодежь, которую можно назвать ведущим поколением новой России. Но чтобы воспитать патриотизм, необходимо доверие молодежи к власти, а значит — и к государству. Сегодня в недоверии государству со стороны молодежи отражается непонимание молодым человеком способности государства и власти отвечать различным запросам представителей разных поколений, но, самое главное, — способности государства решать уже осознаваемые молодыми людьми жизненные проблемы, будь то возможность получить образование, профессию, найти работу, приобрести достойное жилье и т. д.

Однако эти и другие трудности являются лишь частью проблемы. Ругать правительство, власть имущих, богатых и коррупционеров — легко, но зададимся вопросом: откуда они взялись и почему некоторые из них столь смело, самоуверенно и безнаказанно навязывают свои аморальные принципы? В них ли только дело, или также (и, скорее, прежде всего) — в нас? Нельзя представить ситуацию так, что пришли какие-то захватчики,

силой овладели нами и навязали нам свою якобы абсолютно чуждую нам идеологию. Нет, их выбирали (активно или пассивно — другой вопрос) — мы сами. К сожалению, они — плоть от плоти современного российского общества и лишь концентрируют в себе (зачастую в весьма уродливой форме) социальные язвы и пороки всего народа. Известной аксиомой является то, что та или иная власть отражает духовное состояние народа. Сделав выбор в пользу так называемых либеральных демократических ценностей, наше общество показало свой духовный уровень, поскольку провозгласило примат материального над духовным, количественного над качественным, светского над религиозным.

В связи с этим уместно вспомнить слова выдающегося религиозного философа Льва Тихомирова, который разъяснял: «Государственный порядок и энергическое преследование целей общественного блага достигаются хорошим устройством правительственного механизма, установлением разумного закона, рядом мер наблюдения, принуждения, кары, поощрения и т. д. Но как бы ни были разработаны законы и усовершенствованы правительственный механизм, суд, администрация, это еще не обеспечивает достижения благих целей государства, если граждане не стремятся по собственному побуждению жить согласно справедливости и своему нравственному долгу. Живое, самостоятельное чувство нравственного долга в душах граждан есть основа общественного блага: когда это имеет место — то и сами недосмотры закона и власти не становятся особенно роковыми, ибо граждане не торопятся воспользоваться возможностью злоупотребления и своими самостоятельными нравственными поступками значительно исправляют зло, допущенное несовершенством закона или правительственного механизма»[1].

Весьма показательно, что наиболее массовые выступления на рубеже XX–XXI вв. в России против политики властей почти всегда шли под экономическими лозунгами, очень редко — под сугубо политическими, почти никогда (за исключением деятельности православных организаций) — под религиозно-нравственными. Народ вышел на улицу не тогда, когда легализовывались гомосексуализм и порнография, или когда показывался кощунственный фильм «Последнее искушение Христа», а когда встал вопрос о монетизации льгот. При том, что «совместная российско-американская революция» 1991 г. была в достаточной степени манипулируемым процессом, она пользовалась сочувствием широких слоев населения, многие связывали с ней надежды на личное обогащение, личный успех, личную свободу, вхождение в многообещающий либеральный западный мир. На примере киевского майдана нам теперь хорошо видны подоплеки и типичные приемы создания таких «совместных» революций. Но, как говорится, на чужих ошибках не учатся, и одураченный, униженный, поставленный на колени заокеанскими разбойниками несчастный украинский народ, отдавший на разграбление свою родину в обмен на иллюзорные, недостижимые блага Евросоюза, еще не осознал свою трагедию. Жителей Украины ничему не научила русская революция 90-х, происходившая на их глазах. Не услышали они и предостережения Православной Церкви, которая ни при каких испытаниях не оставляет свой народ.

---

[1] *Тихомиров Л. А.* Личность, общество и Церковь. Минск: Белорусская Православная Церковь, 2010. С. 51.

Бог по молитвам и деяниям Патриарха Алексия II, всего православного русского народа спас Россию, вразумил россиян. Но многим нашим соотечественникам за свою «революционную романтику» пришлось заплатить совестью, нищетой и даже жизнью. Превращение молодой российской демократии с 1991 г. по 2000 г. в авторитарно-олигархический режим, защищающий дикий криминально-мафиозный капитализм, явилось для многих шоком (но не шоковой терапией), однако оно было закономерным, поскольку, как цинично, но точно тогда заметил Борис Абрамович Березовский: «У нас власть капитала», а капитал нуждается в концентрации и употреблении. Сам по себе капитал внеморален, но возведенный в абсолют, он становится аморальным и антикультурным, с соответствующими социальными и нравственными последствиями. А абсолютизация капитала была исторически неизбежной после семидесятилетнего господства безбожия и воинствующего материализма, который был доведен до своего логического конца реформаторами, рыночниками и монетаристами девяностых, последовательно отбросившими «моральный кодекс строителя коммунизма», как не соответствующий подлинно материалистическому учению. А ведь этот «кодекс», по сути, являлся примитивным переложением десяти заповедей Божиих.

Социальная угроза нравственному здоровью народа носит системный характер и должна лечиться как системное заболевание. Безусловно, усилиями только Церкви или только государства эту болезнь не вылечить. Необходимо соединение усилий церковных, государственных и общественных институций и, более того — общенародное движение в защиту нравственности, здоровья и самой жизни каждого человека. «Безумное молчание всея земли» должно смениться «мнением народным», основанным на вере, на богочеловеческих ценностях, доведенным до сознания правящей элиты, в конечном счете — закрепленным в законах, в государственной и общественной жизни. Многообразные позитивные процессы, которые в последнее время происходят в государстве, позволяют видеть сдвиги и надеяться на восстановление духовного здоровья нации. Но, конечно, все это немыслимо без воцерковления российского общества, пример чему показывает сам Президент России Владимир Владимирович Путин. Вызывает восхищение его работоспособность, профессиональная одаренность, убежденность в принимаемых решениях. Посещение Путиным в качестве богомольца Валаамского монастыря 11 июля 2016 г. в день памяти преподобных Сергия и Германа Валаамских, его исповедь и причастие вместе с паломниками из Запорожья подтверждают, что наш Президент черпает силы для служения Отечеству в вере в Бога.

Но есть ли у нас реальный потенциал для грандиозного дела всероссийского воцерковления? Тем более тогда, когда вновь активизировались антихристианские и антироссийские силы, не скрывающие своих намерений. Мы являемся свидетелями беспрецедентного идеологического давления на Россию, спровоцированного Западом. Но он наш исконный, тысячелетний враг. Страшнее то, что немало врагов и среди наших соотечественников, например, преподавателей вузов, которые внедряют в умы молодежи, что *Россия сходит с исторической арены*, что *альтернатива радикальной трансформации — распад социокультурной целостности России и Русского мира*. Убеждают, что ***эта*** *территория либо попадает в другие циви-*

лизационные круги, либо появится качественно новая цивилизационная модель. О каком патриотизме можно говорить со студентами, воспитанными на таких «науках» и убежденными, что *Россия сходит с исторической арены*?

Молодежь должна понимать, что эта старая либеральная песня о вхождение в «цивилизованное» западное общество на его правах и законах — лишь припев. О сути самой песни правильно говорит выдающийся наш современник философ А. С. Панарин: «Мы ошибемся, если подумаем, что нынешняя программа американизации российской культуры в самом деле направлена на то, чтобы уподобить нас американцам или приобщить к достижениям этого находчивого и практичного народа. На самом деле целью такой американизации является отлучение от собственной великой культурной традиции, полное забвение и разрушение ее. Народу, у которого отняли его великую традицию, уже ничего не поможет: его в полном смысле можно брать голыми руками»[1].

Ужесточается война и против Русской Православной Церкви. Как пишет в статье «Обзор агрессии Ватикана в цитатах» политолог Игорь Друзь: в последнее время религиозная война против Русской Православной Церкви и против самой России настолько усилилась, что агрессоры все чаще сбрасывают маски за ненадобностью. Обычно елейные, двусмысленные речи и публичные жесты тех же католических «епископов» и их партнеров — «православных» экуменистов становятся все более жесткими и откровенными. Сейчас, зачастую, уже не надо писать глубинных аналитических обзоров религиозной ситуации. Достаточно привести цитаты из выступлений религиозных лидеров, чтобы все стало ясно. Вот недавно лидер украинских униатов Святослав Шевчук в присутствии госсекретаря Ватикана кардинала Паролина недвусмысленно заявил: «Выдвигаемся на Восток! Будущее УГКЦ — там…, …будущее УГКЦ и Украины куется там, где война»[2].

Открыто готовится «крестовый» поход на Россию, и это должно способствовать патриотическому прозрению молодежи, одурманенной либеральной пропагандой, которая изменяет названия, но сути и целей своих с победы большевистской богоборческой революции не меняет: Россия не нужна западному миру и римо-католической церкви — никакая, ни княжеская, ни самодержавная, ни социалистическая, ни либерально-демократическая. Нужны русские земли, богатства недр и русские рабы. Интересно недавнее заявление 80-летнего Джейкоба Ротшильда, которое он высказал американским СМИ. «Я бы не назвал нынешний кризис новой холодной войной. Если между Советским Союзом и США практически не было никакого сотрудничества, то сегодня Россия и США сотрудничают во многих сферах. Думаю, Запад никогда не отстанет от России, поскольку Россия привлекает к себе многих западных инвесторов, которые видят массу возможностей для своих компаний». Также Ротшильд сообщил, что сегодня в России много друзей США, которых необходимо поддерживать. «В нынешней России довольно много сторонников США, как среди элит, так и среди обычных граждан. В 90-х годах прозападному правительству не удалось довести задуманные реформы до логического конца, инициативу перехватили другие

[1] *Панарин А. С.* Православная цивилизация. СПб., 2014. С. 195.

[2] http://ruskline.ru/opp/2016/iyun/25/obzor_agressii_vatikana_v_citatah/

люди. А сегодня российский президент слишком амбициозный, но не следует ожидать, что Запад отступится от своих планов», — заявил Ротшильд[1].

Но, несмотря на чудовищное давление деструктивных сил на психику молодежи, на незрелость государственной молодежной политики, на назойливое пропагандирование либеральных ценностей — индивидуализма и стяжательства, на нарочитые попытки некоторых деятелей СМИ и массовой культуры атомизировать и разложить сознание молодежи, главными жизненными ценностями молодых людей остаются исконно национальные. Например, в Санкт-Петербурге и Ленинградской области по данным Института социологических исследований остаются в приоритете: семья (соответственно 78 % в Петербурге и 84 % в Ленобласти), друзья (53 и 52 %), здоровье (53 и 57 %), работа (41 и 29 %). Деньги главной ценностью назвали 23 % молодых людей в Петербурге и 28 % в Ленобласти.

Все это показывает, что, несмотря на катастрофическое падение нравственного уровня в 90-х, в русском народе, и в том числе среди современной молодежи, не только сохраняется, но и укрепляется здоровое духовное начало. Проблема состоит в неориентированности, а чаще всего в дезориентированности русского человека, и прежде всего — молодежи. Задача Церкви и общества состоит в привитии ему четких мировоззренческих ориентиров, твердой шкалы нравственных ценностей, а также нравственных, жизнетворных мотиваций, которые некоторые психологи называют стратегическими убеждениями.

Одна из главных задач Церкви — участие в формировании правильного, трезвого, а значит, воцерковленного самосознания современного русского человека, прежде всего — молодежи. Современные СМИ чаще всего «играют на понижение», стремятся привить молодым людям комплекс заранее побежденного — чего стоит травля наших олимпийцев накануне открытия летних Олимпийских игр 2016 г. в Бразилии. Омерзительные спекуляции вокруг допинговых фальсификаций были нужны не только для того, чтобы отстранить конкурентов, ослабить нашу команду, в ее лице унизить перед мировым сообществом всю Россию, но чтобы в молодых людях, не допущенных на Олимпиаду и сопереживающих им, взыграла ненависть к своей стране, поколебалась вера в справедливость. Таких людей легче сделать объектами политических манипуляций и спекуляций. Но, к счастью, если не считать двух перебежчиков-предателей, ничего у заокеанских авантюристов не получилось, наоборот, спортсмены сплотились в своей уверенности в победе во имя Отечества, в своей любви к нему, а народ окружил атлетов своей верой в них и любовью. Блистательные победные результаты известны. Вот показатель того, что нам необходимо формировать у молодежи убеждения победителя. Господь наш Иисус Христос сказал: «Побеждающий наследует все, и буду ему Богом, и он будет Мне сыном. Боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей, и всех лжецов участь — в озере, горящем огнем и серою. Это смерть вторая» (Откровение. 21: 7,8).

Конечно, для того, чтобы воспитать «поколение победителей», потребуются очень серьезные усилия и меры. Здесь необходима активная и грамотная информационная и молодежная политика (и не только со стороны

[1] http://cenznet.com/2016/08/23/…

государства, но также Церкви и общества). Среди неотложных мер на повестке дня стоят — нравственный контроль над СМИ и, прежде всего, — электронными, а также над рекламой; последовательное проведение курса православной культуры в качестве федерального компонента образования и усиление роли воспитания и воспитательных дисциплин, прежде всего, — гуманитарных; развитие трезвеннического и антинаркотического движения, развертывание антиалкогольной и противоабортной пропаганды и т. д., создание многоцелевых православных молодежных центров. Это трудно, но все это надо делать.

Русская Православная Церковь во все исторические эпохи благотворно влияла на формирование у своей паствы глубокого и горячего чувства любви к своему Отечеству. Духовной основой патриотизма всех народов России, исповедующих Православие, было учение Иисуса Христа. С именем Христа созидалась российская государственность, формировались народы России и, прежде всего, великий русский народ. Под православными хоругвями наши предки защищали рубежи своей Родины. Православная Церковь постоянно и активно трудилась над формированием духовных основ патриотизма, а в тяжелую годину вместе с народом вставала на защиту государства.

Мы помним, каким страшным гонениям, граничащим с полным уничтожением, подверглась наша Церковь в годы советской власти. Однако когда грянула Великая Отечественная война и над страной нависла реальная и страшная угроза фашистского порабощения, Православная Церковь вместе со своим народом встала на защиту Отечества. Словами местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Сергия она подала свой пастырский голос, чтобы поддержать растерянных и упавших духом, чтобы вдохновить твердых и решительных, вразумить сомневающихся в святости защиты социалистического Отечества, ибо война началась не против советской власти и коммунистов, а против всего народа. В своем Послании пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви митрополит Сергий (Страгородский) писал: «Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину… Жалкие потомки врагов Православного Христианства хотят еще раз попытаться поставить наш пород на колени перед неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостностью Родины, кровными заветами любви к своему Отечеству». Послание заканчивалось словами: «Церковь Христова благословляет всех на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу!» Всем нам известно, какую значительную посильную помощь оказала Русская Православная Церковь фронту и внесла достойный вклад в общую победу над врагом.

Однако сегодня политики и даже некоторые преподаватели и служители Церкви пытаются исказить значение русской Победы и осуждают стояние Русской Православной Церкви за советскую Россию, предлагают осудить советский период русской истории, несмотря на то, что именно в это время народ победил фашизм, и Церковь не предала Россию. Такие «мыслители» из истории вырезают не нравящиеся кому-то исторические периоды, так что историческое полотно становится похожим на дырявую ветошь, а сами прикрываются софизмом, что любовь к истине важнее любви к Родине, не давая определения истины. Здесь хочется процитировать небезызвестного западника Петра Чаадаева. «Прекрасная вещь — любовь

к отечеству, но есть еще нечто более прекрасное — это любовь к истине. Любовь к отечеству рождает героев, любовь к истине создает мудрецов, благодетелей человечества». Правда, продолжал П. Я. Чаадаев, «любовь к родине разделяет народы, питает национальную ненависть и подчас одевает землю в траур; любовь к истине распространяет свет знания, создает духовные наслаждения, приближает людей к Божеству». Поэтому, заключал философ, «не через родину, а через истину ведет путь на небо»[1]. Далее П. Я. Чаадаев разъяснял: «Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной. Я люблю мое отечество, как Петр Великий учил любить его. Мне чужд, признаюсь, этот блаженный патриотизм, этот патриотизм лени, который приспосабливается все видеть в розовом свете и носится со своими иллюзиями и которым, к сожалению, страдают теперь у нас многие дельные умы»[2].

На почве любви «к истине» сегодня на Украине возросли статуи Бандеры, а в России пытаются увековечить как героя генерала Власова. Не хотелось бы оказаться в положении некогда нам братской, благополучной страны, ныне пронизанной идеями фашистской «истины». Но и у нас не все в порядке, раз некоторые православные священники экуменического толка, защищающие коллаборационистов, яростно осуждают действия выдающихся военачальников, героев Великой Отечественной войны, отвергают самоценность патриотизма, отказываются признавать Церковь, которая учит любви к Родине в широком смысле, Церковью Христовой. Церковь осуждается ими за деятельность по воспитанию молодежи, за просветительство, даже обзывается *содержительницей националистической идеологии*.

Что на это ответить? Что Церковь живет в среде социальной, иначе она не может существовать, и вынуждена взаимодействовать с миром и регулировать с ним отношения. А может, по аналогии наших времен с дисгармоничностью бытия противоречивой эпохи, в которую жил и богословствовал математик, астроном, философ, писатель, священнослужитель Николай Кузанский (1401–1464), сказать его словами: «И Платон в письмах, и великий Дионисий запретили обнародовать сокровенные тайны людям, не знающим духовных подъемов, потому что таким людям ничто не кажется смехотворнее высоких предметов; душевный человек не воспринимает божественного. Но кто упражнял в них ум, тому нет ничего желаннее. Поэтому если тебе сначала все покажется пустым бредом, знай, что причиной твоя слабость и что стоит немного поупорствовать с максимальной жаждой знания и поучиться навыку медитации у кого-нибудь, способного разъяснить тебе символы, — и ты начнешь ничего не ценить выше этого озарения и порадуешься найденному духовному сокровищу, причем придешь к этому за очень недолгое время»[3].

А если говорить по-православному, то кто же спорит? — конечно, наша воля непременно должна быть в гармонии с волей Божией, и это условие

---

[1] *Чаадаев П. Я.* Сочинения. М., 1989. С. 139.

[2] Там же. С. 150–151.

[3] *Кузанский Н.* Сочинения: в 2-х т. Т. 2. // Берилл. М.: Мысль, 1980. С. 97.

существования нашей соборной Церкви, это условие личной религиозной жизни, чему, конечно, не должно быть помехой гражданское общество. «Невозможно представить, чтобы личность осталась действительно в связи с Богом, если она стала небрежно относиться к Церкви или высокомерно полагает, что для нее Церковь не нужна… Сверх того мы и не можем придумать ничего лучшего. Установить формы такой тонкой организации, приспособить общие законы социальной жизни к задачам жизни духовной — создать этого люди сами по себе не могли бы. Это построение, проникнутое таинственного, могло быть сделано только Богом… Церковная организация именно и создана для поддержания такого единства людей, которое требуется духовной жизнью, где человек, никогда не выходя из Божественной дисциплины, всегда, однако, остается самостоятельным и сознательным существом»[1].

Но как осмыслить эту противоречивую совокупность множества и единства, целого и частности? Обратимся вновь к общемировому кладезю мудрости, к образным пояснениям Николая Кузанского. «Дискурсивный разум (*rationi discurrenti*) мыслит в границах противоположного и раздельного. В сфере этого разума пределы разобщены; например, в понятии круга — которое состоит в том, что линии от центра до окружности равны — центр не может совпадать с окружностью. Только в области интеллекта, видящего число свернутым в единстве, линию — в точке, круг — в центре, умозрение без рассуждений постигает совпадение единства и множества, точки и линии, центра и окружности…»[2]

Патриотизм — чувство настолько личное, насколько и общественное, соборное. Соборная Церковь существует в историческом процессе, обнимая светом Царствия Божия все народы, все эпохи, привлекая всю «добрую рыбу» человечества, которая в Господнем отечестве была, есть и будет. И вспомним вновь Апостола Павла, кто со словами *«преклоняю колени мои пред Отцем Господа нашего Иисуса Христа, от Которого именуется всякое отечество на небесах и на земле»* (Еф. 3: 14–15) возвел дом на Камне. Этот дом Божий открыт для всех людей. Но у него есть враги, и его надо защищать. И в нашем пока еще несовершенном обществе и с нашими недостаточно воцерковленными соплеменниками мы не отказываемся от помощи государства-Отечества, которое любим всеми силами душ наших, и в трудную минуту вражьего нашествия сами идем на помощь ему. Так это встречное движение пояснял святитель Филарет Московский на примере войны 1812 г.: «Когда гласа законов уже почти не слышано было среди шума бранного, тогда закон внутренний говорил сердцу россиянина столь же сильно и повелительно: “Не смущайся сомнением и неизвестностью; в клятве, которую ты дал в верности Царю и Отечеству, ты найдешь ключ к мудрости, разрешающей все недоумения. Находясь целую жизнь под защитой законов и правительства, воспользуйся случаем быть хоть единожды защитой законов и правительства. Не страшись опасностей, подвизаясь за правду: лучше умереть за нее, нежели пережить ее. Искупи своей кровью для потомков те блага, которые кровью приобрели для тебя предки. Если

[1] *Тихомиров Л. А.* Личность, общество и Церковь. Минск: Белорусская Православная Церковь, 2010. С. 103–104.

[2] *Кузанский Н.* Сочинения: в 2-х т. Т. 2 // Берилл // М.: Мысль, 1980. С. 17–18.

ты уклонишься от смерти за честь Веры и за свободу Отечества, то ты умрешь преступником или рабом. А если умрешь за Веру и Отечество, — то ты приимешь жизнь и венец на небе"»[1].

О той же кровной связи потомков с предками, о нашем долге пред ними, на протяжении веков своими жизнями спасавшими Россию, сегодня говорит руководитель нашего государства В. В. Путин, видя патриотизм элементом общенациональной идеи: «Мы должны строить свое будущее на прочном фундаменте. И такой фундамент — это патриотизм. Мы, как бы долго ни обсуждали, что может быть фундаментом, прочным моральным основанием для нашей страны, ничего другого все равно не придумаем. Это уважение к своей истории и традициям, духовным ценностям наших народов, нашей тысячелетней культуре и уникальному опыту сосуществования сотен народов и языков на территории России»[2].

Так, конкретным строгим языком о любви к земному Отечеству говорит сегодня наш Президент. И слышится в его словах эхо слов святого праведного Иоанн Кронштадтского, сказанных более ста лет назад, накануне великой смуты: «Люби отечество земное… оно тебя воспитало, отличило, почтило, всем довольствует; но особенно люби отечество небесное… то отечество несравненно дороже этого, потому что оно свято и праведно, нетленно. Это отечество заслужено тебе бесценной кровью Сына Божия. Но чтобы быть членами того отечества, уважай и люби (его) законы, как ты обязан уважать и уважаешь законы земного отечества».

Наша жизнь совершается в противодействии злу, в борьбе с «силой беззакония», стремящегося разрушить дела Божии. И в этой борьбе со злом, в которой Россия извечно находится на переднем краю, каждая личность по мере своих добрых сил должна принимать участие. А это требует высокой любви ко Христу, к людям и к своему Отечеству, и каждый человек может найти ее и восполнить в Русской Православной Церкви.

---

[1] *Филарет Московский, свт.* Рассуждение о нравственных причинах неимоверных успехов наших в настоящей войне (об Отечественной войне 1812–1813 годов). http://www.xxc.ru/orthodox/pastor/mit_filaret/uspech.htm

[2] Из выступления В. В. Путина на совещании представителей власти и общественности по вопросам нравственного и патриотического воспитания молодежи. Краснодар, 12 октября 2012 г.

Александр КАЗИН

НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИЗМ И РУССКАЯ КУЛЬТУРА*

Александр Леонидович Казин — родился в 1945 г. в Смоленске. Окончил философский факультет ЛГУ. Доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения. Директор Российского института истории искусств, заслуженный работник культуры РФ. Член Союза писателей и Союза кинематографистов России. Автор многих книг и статей по философии культуры. Книга «Великая Россия. Религия. Культура. Политика» удостоена в 2008 г. Всероссийской литературной премии «Александр Невский». **Живет в Санкт-Петербурге**.

Критика «русского исторического опыта»

«Нация, у которой нет ничего святого, не имеет права на существование». На первый взгляд истина неопровержимая. Однако с нею следует обращаться осторожно. Кто и по каким признакам будет судить народные святыни? Сама нация в целом, та или иная ее «элита», успех нации в мировой истории? Однако свои и чужие «элиты» скорее всего будут заведомо пристрастны, тем более что понятия об успехе у них разные…

В 2005 году Президент РФ В. В. Путин в своем послании Федеральному Собранию заявил, что считает распад Советского Союза главной геополитической катастрофой XX века. Не меньше оснований усматривать такую катастрофу в февральско-мартовском перевороте 1917 года, разрушившем последнее Православное Царство. В этом плане *Первая мировая война и Февральская революция в России суть ключевые события XX века, потянувшие за собой всю дальнейшую их судьбоносную цепь — в том числе Октябрь 1917 года и Великую Отечественную войну.*

В предлагаемой статье речь пойдет о более позднем времени, о 1930–1950-х годах ушедшего века. Споры о нем не только не утихают, но обостряются. Не так давно парламентская ассамблея ОБСЕ приняла резолюцию «Воссоединение Европы», в которой фактически уравняла фашистскую Германию и советскую Россию в качестве зачинщиков Второй мировой войны. Отечественные «друзья народа» тоже не остаются в

* Статья написана при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-04-00093).

стороне. В 2009 году вышла в свет концептуальная книга Т. Д. и В. Д. Соловей «Несостоявшаяся революция: исторические смыслы русского национализма». Красной нитью через указанный текст проходит утверждение абсолютной чуждости и даже враждебности российской государственности (во всех ее исторических формах, включая советскую) интересам русских как нации. Авторы, правда, оговариваются, что «причудливое соединение вражды и отчуждения с сотрудничеством и взаимозависимостью народа и государства составило в подлинном смысле диалектику русской истории», однако фактически всю силу своей аргументации направляют на доказательство изначальной и постоянной чуждости русских их собственному державному строю (и наоборот). «В исторической ретроспективе хорошо заметно, что эксплуатация русских этнических ресурсов превосходила все мыслимые и немыслимые размеры, что людей не жалели (знаменитое «бабы рожать не разучились»), что русскими затыкали все дырки и прорехи имперского строительства, взамен предлагая лишь сомнительную моральную компенсацию — право гордиться имперским бременем. Временами имперская власть принимала откровенно антирусский характер, как при Петре I, чья фактически оккупационная политика привела к колоссальной убыли населения, дезорганизации социальной жизни и социокультурной деградации России»[1]. Редкие обращения к национальной тематике, вроде «бюрократического национализма» Николая I, «русского стиля» Александра III или сталинского национал-большевизма, с точки зрения авторов, не более чем приманки, но никак не направляющий принцип. В общем, вольно или невольно, Т. и В. Соловей выносят смертный приговор русским как нации, которая не только не способна была сопротивляться давящей мощи державы, но и внутри себя заключала некую «экзистенциальную червоточину», обусловившую ее интеллектуальную и политическую слабость, отсутствие воли и, как следствие, вечные расколы, предательство и взаимную ненависть. Справедливо ли это, особенно применительно к 1930—1950-м годам? Может быть, как раз эти годы и показали, что для русского народа свято?

История у нас одна

В декабре 2008 года телеканал «Россия» провел убедительное аргументированное обсуждение образов и дел наиболее известных деятелей отечественной истории. Цифры последовавшего затем народного (50 млн человек) голосования «имени России» говорят лучше слов: из двенадцати деятелей нашей истории зрители выбрали четырех царей и двух генсеков, среди которых такие «крутые», как Иван Грозный, Петр Великий и Иосиф Сталин. И хотя первое место по официальной версии занял Петр Столыпин, есть немало поводов полагать, что реально большинство голосов получил именно Сталин.

Вот тут-то и выходит на поверхность своеобразие русской истории — и современности — которых то ли не могут, то ли не хотят понять либерал-демократы и либерал-националисты. Их главная ошибка — неумение мыслить конкретно, в полноте истины, которая — особенно применительно к

[1] *Соловей Т. Д., Соловей В. Д.* Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма. М. 2009. С. 56.

России — как правило, не укладывается в рамки одного категорического суждения и нуждается, как сейчас говорят, в множественном дискурсе, то есть в системе взаимодополняющих суждений. В свое время выдающийся филолог и историк Г. Д. Гачев назвал это способностью пойти на подвиг противоречия, однако такая задача почти непосильна для позитивистского сознания…

В самом деле, какую бы эпоху (или выдающегося деятеля) в истории или современности России мы ни рассматривали, мы тут же обнаружим внутреннее противоречие — разнонаправленные векторы — в ее/его продуктивном действии, служащие предметом ожесточенных споров не только социологов, философов и политиков, но и «широких масс трудящихся». И спорам этим не видно конца.

Для «русских европейцев», например (и, как оказалось теперь, для последовательных русских националистов) вся история русского Православного Царства есть нечто изначально враждебное русскому народу, да и всем остальным цивилизованным народам вообще («рабовладельческая империя»). Напротив, для русских православных христиан — то есть для подавляющего большинства русских — отечественная история и государственность, от св. Владимира до Иоанна IV, от Иоанна до Петра и от Петра до свщм. Николая II есть их собственная, народная история, русский религиозный и державный выбор (кроме, разумеется, старообрядцев). Для либералов Февральская революция — долгожданное освобождение от ига царизма, Октябрь — сатанинское наваждение, а белые генералы Гражданской войны — подлинные национальные герои. А вот для монархистов-патриотов Февраль — предательство великой Российской империи, а Октябрь — логическое продолжение Февраля. Последующая сталинская сверхдержава для коммунистов (исключая троцкистов, конечно) — предмет гордости, для либералов — концлагерь, а для многих наших современников — наследница целого ряда имперских традиций в их превращенной форме. Наконец, Вторая мировая война для патриотов — война России-СССР с оккультным нордическим рейхом, а для «внутренних» либералов (и их вдохновителей на Западе) — совместное предприятие Гитлера и Сталина против цивилизованной Европы, за которое фашистская Германия и Советский Союз — обе тоталитарные диктатуры — несут равную ответственность.

Сведем для наглядности эти противоречия в таблицу, расположив в левой ее стороне известный отрицательный тезис, а в правой — не менее известный положительный:

Русский народ	
Денационализированная и деклассированная толпа варваров	Народ-богоносец
Московская Русь	
Темное царство, дикость	Третий Рим, симфония Церкви и государства
Иоанн VI Грозный	
Жестокий тиран и опричник	Успешный военачальник, талантливый писатель, один из самых образованных людей своего времени, первый венчанный Царь всея Руси

Петр Великий	
Деспот, западник, гонитель Церкви	Создатель Империи, строитель Санкт-Петербурга, крупнейший реформатор России
Российская империя	
Рабовладельческая тюрьма народов, в том числе русского	Одна из величайших Империй в мировой истории, создавшая гениальную культуру
Николай II	
Безвольный и неудачливый человек, отрекшийся от престола своих отцов	Священномученик и исповедник, пострадавший за Святую Русь
Ленин	
Разрушитель традиционной России, богоненавистник и русофоб, вдохновитель красного террора	Собиратель России в форме СССР после либерально-революционного погрома
Сталин	
Один из самых кровавых диктаторов в истории	Победитель фашизма, создатель сверхдержавы, сохранившей русский и другие народы от истребления Гитлером
Русская интеллигенция	
Прослойка вестернизированных «образованцев», не любящих и не понимающих собственную страну	Носитель умственного логоса Святой Руси

Диалектика истории

В свое время великий немецкий диалектик Гегель написал статью «Кто мыслит абстрактно?», которую следует время от времени перечитывать всем скорым на расправу радикалам. Приведу небольшую выписку из нее: «“Эй, старая, ты торгуешь тухлыми яйцами”, — сказала покупательница торговке. “Что? — вспылила та, — мои яйца тухлые?! Сама ты тухлая! Ты мне смеешь говорить такое про мой товар! Ты? У которой отца вши заели, а мамаша якшалась с французами?” <…> Короче, она не может допустить в покупательнице ни зернышка хорошего.

Она и мыслит абстрактно — подытоживает в покупательнице все, начиная со шляпок, кончая простынями, с головы до пят, вкупе с папашей и всей остальной родней, — исключительно в свете того преступления, что та нашла ее яйца тухлыми. Все оказывается окрашенным в цвет этих тухлых яиц, тогда как те офицеры, о которых говорит торговка (если они вообще имеют сюда какое-либо отношение, что весьма сомнительно), предпочли бы заметить совсем иные вещи…»[1].

Если перевести этот веселый рассказ на философский язык, то придется еще раз подтвердить, что истина конкретна. Легче всего взять одно («белое» или «черное») определение какого-либо события или лица и дать ему

[1] *Гегель Г. В. Ф.* Работы разных лет: в 2 т. Т. 1. М., 1972. С. 394.

на этом тощем рассудочном (а точнее сказать, обывательском) основании категорическую оценку, как это и сделала упомянутая торговка. Где уж «торговочному» рассудку додуматься, что любая вещь — и уж тем более роковые исторические события и люди — содержат в себе *множество противоречивых* определений, действий, последствий, знать и судить которые во всей полноте может только сам Творец. В начале XX века выдающийся русский богослов и философ П. Флоренский употребил для характеристики подобной ситуации термин «антиномия», означающий по-гречески — противоположность в самой сущности вещей (противостояние в законе), а Н. А. Бердяев в своей книге «Судьба России» прямо писал, что Россия может быть охарактеризована только противоречиями. «Эвклидовскому» человеческому уму (*ratio*) действительно трудно вместить в себя единство, а иногда даже тождество указанных определений. Не случайно в Библии почти отсутствуют формально-логические (субъектно-предикатные) дефиниции: божественный Логос изъясняется большей частью притчами. Высшая Истина содержит в себе всю полноту суждений, которая для конечного ума неизбежно распадается на отдельные части. Можно до бесконечности спорить об «имени России», противопоставляя друг другу левые и правые стороны приведенных антиномий, — эти споры слишком напоминали бы прения остроконечников и тупоконечников в известном романе Д. Свифта, если бы они не приводили к расколу общества и, в конечном счете, к холодным и горячим гражданским войнам. Тем более, когда в дело вступает политический радикализм, видящий истину исключительно в самом себе, в своей резкой и, как правило, непримиримой абстракции[1].

Имперская государственность России

Главная ошибка вышеупомянутых критиков «русского исторического опыта» (как либералов, так и националистов) — это отделение личности от Бога и государства. Личность ведь не просто самодовлеющая юридическая или телесная единица. Личность в православно-русской цивилизации есть индивидуальное преломление «симфонического» (по выражению Л. П. Карсавина) образа народа. Точно так же народ не сводится к своей этнической, биологической составляющей. Исторический *большой народ* (суперэтнос) — это нация, обладающая религиозным, культурным и государственным самосознанием. По существу, именно об этом твердили все сколько-нибудь чуткие к своеобразию своего отечества мыслители XIX–XX веков, причем как традиционалисты, так и либералы. Именно К. Д. Кавелину — теоретику русского либерализма — принадлежит глубокая формулировка (правда, со ссылкой на славянофила Ю. Ф. Самарина): «В идеале русском представляется самодержавная власть, вдохновляемая и направляемая народным мнением. Сама история заставляет нас создать новый, небывалый своеобразный политический строй, для которого не подыщешь другого названия, как — *самодержавной республики*»[2].

---

[1] Подробнее см. об этом: *Казин А. Л.* Метафизика национального радикализма // В кн.: *Казин А. Л.* Великая Россия. Религия. Культура. Политика. СПб., 2007.

[2] *Кавелин К. Д.* Разговор с социалистом-революционером // *Кавелин К. Д.* Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 436, 441.

Вот в этом все дело. *Русское государство — это всегда Царство, не только в форме истинной народной монархии (Третий Рим), но и в модусе петербургского абсолютизма, и даже в превращенной форме советской власти — например, сталинского национал-большевизма.* Либералы и националисты согласно молчат о том, что у них идет игра на понижение человеческого образа: личность (юридическая или биологическая) оказывается абсолютной самоцелью, своего рода *causa sui*. Вот тут-то и выходят на поверхность парадоксы русской истории. Недаром царская, а затем советская власть держалась на Руси (сравнительно с буржуазной Европой) так долго: *православный народ предпочитал царя, а затем генсека — власти денег.*

Вспомним, для сравнения, Царя Петра Великого. В ходе петровской революции население страны уменьшилось почти на четверть. Именно Петр разрушил древнюю православную симфонию Церкви, народа и державы, отменил патриаршество и пытался построить нечто вроде европейского абсолютизма в протестантском духе. Однако где бы мы были сейчас без Петра? Можно сколько угодно осуждать его кровопийство («указы написаны будто кнутом», «утро стрелецкой казни», «варварская борьба против варварства»), или считать, что Святая Русь после него кончилась, а Церковь в параличе — вся последующая судьба Отечества подтверждает его общерусскую и мировую правоту. Петровская Россия — Русь Серебряная, с ее Санкт-Петербургом, Пушкиным, Достоевским и Блоком — это вечный памятник воле и делу Петра. Непостижимо для ярых реформаторов («перестройщиков») и, может быть, для себя самого — Петр оставил в неприкосновенности сердцевину Святой Руси, хотя и переодел столицу по-немецки. В таком плане Петр Александрович Романов стал первым русским интеллигентом, предшественником того же Родиона Романовича Раскольникова, который ведь тоже земного рая («парадиза») захотел и для этого через кровь переступил.

Нравится нам это или нет, Россия — страна веры и верности (vs их нарушения), но не юридической механики «общественного договора». В классическом народном представлении московский царь, петербургский император и даже советский генсек — это сакральные религиозно-политические фигуры, стоящие рядом с патриархом (симфония властей) в деле спасения Руси, а не просто «регуляторы рынка», как это оказалось в Европе после буржуазных революций XVII–XVIII веков. Именно эту особенность «русского исторического опыта» отмечали — уже после катастрофы 1917 года — такие разные мыслители, как И. А. Ильин и П. Б. Струве. «Россия росла и выросла в форме монархии не потому, что русский человек тяготел к зависимости и к политическому рабству, — писал Ильин, — но потому, что государство, в его понимании, должно быть *художественно и религиозно* (курсив мой. — *А. К.*) воплощено в едином лице — живом, созерцаемом, беззаветно любимом, и укрепляемом этой всеобщей любовью»[1]. Что касается Струве, этого бывшего «легального марксиста» и оппонента Ленина, то он прямо утверждал, что «в государстве есть, помимо социальной техники, нечто от божественного начала. В любви к государству находит выражение не материализм, а, наоборот, бескорыстное, преодолевающее заботу о личном благополучии, религиозное отношение к сменяющему друг друга на

[1] *Ильин И. А.* Русская идея, М., 1992. С. 436.

земном поприще бесчисленному ряду человеческих поколений, почтение к предкам, которых мы никогда не видели, к потомкам, которых мы никогда не увидим»[1].

Таковы глубинные метаисторические корни губительного и одновременно спасительного (антиномического) феномена советской власти, особенно ее национал-большевистского периода 1930–1950-х годов.

Февральская революция 1917 года была не только (и даже не столько) политическая или даже социальная — это был системный религиозно-мировоззренческий и экзистенциальный переворот, разрушение последнего в Европе христианского Царства. Англичане и французы казнили своих королей лет на двести раньше, но эти страны уже оказались к тому времени *de facto* вполне буржуазными, а значит, и нехристианскими, по сути, цивилизациями. Русская же монархия в 1917 году пала жертвой либеральной «прогрессивной общественности» (сегодня она называет себя «креативным классом), восставшей прежде всего против духовной власти Удерживающего (Катехона) на одной шестой части планеты. Потому падение российской Империи и было таким катастрофическим. Не могу не привести в этой связи удивительно точные слова А. С. Изгоева из статьи «Социализм, культура и большевизм» (сборник «Из глубины», написанный авторами знаменитых «Вех» летом 1918 года уже по следам революции, против которой они в свое время предупреждали): «Все главные политические, социально-экономические и психологические идеи, в которых столетие воспитывалась (и продолжает воспитываться до сих пор. — *А. К.*) русская интеллигенция, оказались ложными и гибельными для народа <…> Напрасно интеллигенция пытается спасти себя отводом, будто она не отвечает за большевиков. Нет, она отвечает за все их действия и мысли. Они лишь поставили точки над i, вывели все следствия из посылок. Добросовестность велит признать, что под каждым своим декретом большевики могут привести выдержки из писаний не только Маркса и Ленина, но и всех русских социалистов и сочувственников как марксистского, так и народнического толка… Единственное возражение, которое с этой стороны делалось большевикам, по существу сводилось к уговорам действовать не так стремительно, не так быстро, не захватывать всего сразу. Это — не принципиальные возражения, а оговорки трусливого оппортунизма. Чхеидзе, Чернов, Церетели, Скобелев, Некрасов, Керенский говорили и проповедовали то, что принципиально должно было привести к господству большевизма, решившегося, наконец, воплотить в делах их речи»[2].

Разумеется, «ленинско-троцкистская гвардия» — это настоящие демоны революции («красная русофобия»). Политику красного террора («диктатуры пролетариата») развернули в октябре семнадцатого именно они. Один из первых совдеповских концлагерей — знаменитый СЛОН на Соловецких островах — заработал на полную мощность уже в 1923 году. Вместе с тем, нравится это кому-либо или нет, *именно большевики собрали рухнувшую в феврале семнадцатого Россию почти в прежних имперских границах.* Вопреки наследственному интеллигентскому презрению к собственному Оте-

[1] *Струве П. Б.* Национальный эрос и идея государства // Нация и империя в русской мысли начала XX века. С. 242.

[2] *Изгоев А. С.* Социализм, культура и большевизм // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1991. С. 363.

честву[1] и поддержке германского генштаба и нью-йоркских банков, на которые они опирались, Ленин и Троцкий ввели «отчалившую» Русь в жесткие дисциплинарные берега, выиграв Гражданскую войну. Великая, Малая и Белая Россия, Средняя Азия и Кавказ к 1922 году опять стали частями единой страны. Если бы действия советской власти сводились к заговору пассажиров «пломбированного вагона», проехавших в апреле 1917 года через линию фронта, и в котором действительно не было ни одного русского человека, — и рассуждать было бы не о чем. Но дело идет о судьбе России, всего ее многомиллионного народа вплоть до сего дня. В своей книге «Истоки и смысл русского коммунизма» Н. А. Бердяев квалифицировал советскую власть как превращенную форму русской идеи, и по сути он был прав. Смысл знаменитой Декларации митрополита Сергия (Страгородского) 1927 года и заключался в констатации этого факта, по сути признанного теперь зарубежной Церковью, воссоединившейся в 2006 году с Московским патриархатом. Византинизм, абсолютизм, социализм в нашей истории, в конечном счете — только модусы (хотя и не «равночестные») русской идеи: *живи не так, как хочется, а так, как Бог велит.*

Сталинизм как превращенная форма русской имперской идеи

Главным архитектором СССР явился, конечно, Иосиф Сталин, построивший за три пятилетки фактически новую державу, взявшую в 1945 году Берлин, овладевшую ядерным оружием и первой вышедшую в космос. Все это было достигнуто ценой большой крови. «Лучше было этого не делать?» — это мы слышали от людей, предлагавших сдать Ленинград и Москву Гитлеру по примеру Парижа. «Надо было действовать иначе, другими методами?». К сожалению, история сослагательного наклонения не имеет. К сожалению, в России *не нашлось других социально-политических сил*, которые осуществили бы воссоздание страны после либерально-революционного разгрома другими, более гуманными — я уже не говорю, христианскими — средствами. Повторяю, дело не в оправдании жестокости, а в ясном понимании того, что своим сегодняшним существованием мы, живущие в XXI веке, обязаны тем самым «советским людям», которые в 1936 году голосовали за социалистическую конституцию, а в 1945 ценой своей жизни спасали буржуазную Европу от «окончательного решения» еврейского, польского, цыганского и других расовых вопросов. Это были одни и те же

[1] Ленинское отношение к России хорошо описано в воспоминаниях Г. А. Соломона (которому невозможно не верить), приводящего слова вождя: «Дело не в России, на нее, господа хорошие, мне наплевать — это только этап, через который мы проходим к мировой революции» (см.: *Соломон Г. А.* Среди красных вождей. М., 1995). Собственно, об отношении г. Ульянова-Ленина к своей исторической родине лучше всего говорит вся его деятельность, целиком направленная на разгром последнего Православного Царства. Либералы («отцы») — это правые («розовые») западники, восходящие по своей идеологии к просветительству и масонству. Революционные интернационал-коммунисты начала XX века («дети») — это левые («красные») западники, сделавшие из атеизма и свободопоклонничества своих предтеч радикальные, но последовательные практические выводы. Нынешние либералы («внуки») — это снова правые (но уже «желтые») западники, воюющие за свои антихристианские цели вполне большевистскими методами. И тем и другим равно на Россию наплевать. Яблоко от яблони недалеко падает.

люди, один и тот же народ. Это им поставлен памятник в Трептов-парке, за которым бережно ухаживают немцы — потомки их бывших врагов. Об этом не удается судить по формальному принципу «или — или». Начавшись как террористическая ленинско-троцкистская «Совдепия», Советский Союз (к изумлению самого Троцкого и возглавляемого им «Четвертого интернационала»), унаследовав народную энергетику тысячелетней православной традиции, принес в середине XX века плод победы над самой страшной антинациональной силой, когда-либо надвигавшейся на Русь в истории.

Не случайно главная «антисталинская» книга Льва Троцкого называется «Преданная революция». Бывший студент Тифлисской духовной семинарии и боевик Иосиф Джугашвили (Коба) действительно осуществил «переворот внутри переворота», начиная с прямой критики русофобских высказываний «основоположника» Энгельса[1] и кончая возвратом курса истории в университеты и праздника новогодней елки советским детям. Последовал целый ряд символико-политических актов сталинского руководства, направленных, по сути, на восстановление изуродованной русской культуры. Характерна в этом отношении растерянно-покаянная реакция Демьяна Бедного (Придворова) на решение Политбюро (ноябрь 1936 года) о его пьесе «Богатыри», в котором говорилось, в частности, об антиисторическом и издевательском изображении в ней крещения Руси. «Ведь я привык думать, — оправдывался «пролетарский поэт», — что Византия пришла к нам с крещением. А византизм было страшное для меня слово. Ведь мы с крещением получили византизм, восток. Мы повернулись спиной к Западу. Византия от Рима отошла и дала нам наиболее порочную форму христианства. <…> Форма была настолько жуткая для нас, что дала и обоготворение царской власти, дала нам московских государей. Эта идеология византизма держала нас до Октября, то есть если византизм был прогрессивен для нас на тот момент, то потом он стал хуже для нас татарского ига, он отвратил нас на сотни лет от Запада»[2]. Ленинско-троцкистская гвардия — как во власти, так и в творческой интеллигенции — на самом деле не понимала, что происходит. «Еще недавно непререкаемые истины Н. А. Бухарина и М. Н. Покровского вызывали теперь недоумение самим фактом своего существования. Вот что, к примеру, писала «Правда» об исторической концепции Покровского в марте 1937 года: «Можно только удивляться, как эта антинародная ересь печаталась»[3]. А вот как описывал события 1930-х годов Г. В. Свиридов, в те годы начинающий композитор: «Тридцатые годы — неоднородные: начало их — 31–32–33-й годы — голод по России. В литературе и искусстве торжество крайних экстремистских движений. С одной стороны — ЛЕФ, с другой — РАПП и РАМП. Гнусные негодяи и тут и там. Травля и уничтожение Русской культуры. Разрушение церквей, уничтожение ценностей, уже никогда невосполнимых. Отмена ЛЕФа и РАППа, Горький, недолгая попытка поднять значение и роль творческой интеллигенции. Литература: Шолохов, Леонов, А. Толстой. Появление талантливых поэтов: Прокофьев, Корнилов, Васильев, Смеляков. Романтизм (поэтический). Кино “Чапаев” — лучшая

[1] *Сталин И. В.* О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // Большевик. 1941, № 9. С. 1–5.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. ОН 120. Д. 257. Л. 32. Цит. по: Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. — 1991). М., 2015. С. 499.

[3] Там же. С. 495.

советская картина, так и осталась лучшей, имевшая настоящий всенародный резонанс и успех. Стали выставляться Нестеров, Петров-Водкин, Рылов. Появление Корина. Рахманинова разрешили играть, а раньше он был под государственным запретом. С. Прокофьева перестали называть “фашистом”. Интерес к Русскому (внимание к нему), возврат к классическим тенденциям»[1]. Со своей стороны, кинорежиссер И. З. Трауберг заявлял: «Советское государство становится все более национальным и даже националистическим. Совершенно неожиданные вещи находят защиту у руководства партии»[2]. В белой эмиграции патриотический сдвиг в идеологии СССР приветствовали словом «сталинократия»[3]. Высшей точкой этого курса в сфере культурной политики стал I Съезд писателей СССР в августе 1934 года.

Таким образом, в политическом и социокультурном плане Сталину пришлось (повторяю, вопреки большевистскому фетишу мировой революции как одному из вариантов насильственной глобализации) построить нечто вроде вышеназванной «самодержавной республики» и тем самым вытянуть Россию из болота, в которую ее загнали в феврале 1917 года взбунтовавшиеся кадеты и социалисты. Причем у него не было колоний и волшебных источников нефти, все приходилось делать на энтузиазме, страхе и рабском труде. При осмыслении советской истории XX столетия следует решительно отвергнуть как тупой сталинизм в стиле «культа личности», так и патологический антисталинизм в кругозоре кухонного диссидентства. В 1930-е — начале 1950 годов Иосиф Сталин был верховным главнокомандующим («красным императором») советской России, а побед без главнокомандующего, и тем более вопреки ему, не бывает.

Конечно, сталинская диктатура не вернула России православную Империю и русскую культуру в изначальном (аутентичном) виде. Но она существенно модифицировала богоборчески-модернистскую государственную идеологию и практику страны, создав на деле ее безразличный к отдельному индивиду, предельно жесткий, но политически эффективный «национал-большевистский» вариант. Если в первой советской (ленинско-троцкистской) Конституции 1924 года торжественно утверждалось, что «новое союзное государство послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом на пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику», то в Конституции 1936 года, в отличие от прежней, провозглашалось равноправие всех граждан, независимо от вероисповедания, социального происхождения и прошлой (т. е. дореволюционной) деятельности[4]. Тем самым фактически упразднялась базовая формула СССР как государства исключительно «диктатуры пролетариата»[5]. Как тут не вспомнить роман А. Солженицына «В круге первом», персонажи которого предлагали подвергнуть сталинскую Москву американской ядерной бомбардировке! Следуя такой логике, главным спасителем русского народа от сталинизма следовало бы признать, на-

---

[1] *Свиридов Г. В.* Музыка как судьба. М., 2002. С. 209–210.

[2] Власть и художественная интеллигенция // Документы ЦК РКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953. С 415.

[3] См. одноименную статью выдающего русского мыслителя Г. П. Федотова в его книге «Судьба и грехи России»: в 2 т. СПб., 1992. Т. 2. С. 83.

[4] Конституция и конституционные акты Союза ССР (1922–1936). М., 1940. С. 189.

[5] Подробно см. об этом: Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. — 1991). С. 502–505 и др.

пример, генерала Власова[1] или даже самого Гитлера, объявившего в 1941 году Советскому Союзу войну на уничтожение.

Уроки национал-большевизма

Истоки советского национал-большевизма глубоки и восходят к деяниям Петра Великого. «Родоначальник ты советов, ревнитель ассамблей…» — приговорила его однажды Марина Цветаева. После петровской реформы/

[1] Подобную логику демонстрирует в своей книге «Трагедия России» священник (! — *А. К.*) Г. Митрофанов, в которой едва ли не главным героем Великой Отечественной войны провозглашается предатель Власов, а воины, победившие оккультный Третий рейх и спасшие Россию (и всех русофобов заодно) ценой собственной жизни, оказываются «носителями лжи». «Наше общество, — пишет Г. Митрофанов, — состоит из людей, в подавляющем своем большинстве живших во лжи, служивших злу и сейчас упорно делающих вид, что вся их жизнь проходила в служении правде. Они "служили России" — называлась ли она Советским Союзом, называется ли она Российской Федерацией, — а на самом деле эти люди, не способные вот так честно и последовательно, как генерал Власов и его сподвижники, перечеркнуть свою прошлую неправую жизнь, служили не России и служат не России, а служат только себе» (*Митрофанов Г.* Трагедия России. Запретные темы XX века. СПб., 2009. С. 156). Митрофанов даже изобретает чудовищный неологизм «победобесие» — это о всенародном празднике 9 Мая! Чем такой взгляд отличается от героизации бывших эсэсовцев в Прибалтике и на Украине? Еще более удивительно, что подобные мысли высказывает священнослужитель. Иной несведущий человек и впрямь может принять личную точку зрения г. Митрофанова за позицию Русской Православной Церкви по этому вопросу. Между тем выступать от имени Церкви имеет право только ее Предстоятель. Вот какую оценку современным поклонникам Власова дал Святейший Патриарх Кирилл в своем выступлении в Архангельске 24.08.2009: «Мы называем эпоху, в которой мы живем, эпохой постмодерна — такое вот слово выдумали. И наибольшим достижением этой эпохи считается свобода человека, которая ориентирована на свободный выбор. Человек сам является автономным носителем окончательных решений, что́ есть добро, а что́ — зло. Время от времени у нас вспыхивают общественные дебаты по поводу значения Великой Отечественной войны, и некоторые утверждают, что выбор тех людей, которые стали сотрудничать с немцами, которые пошли во власовскую армию, вполне правомерен: "Это был их выбор, они свободны. Человек свободен определять, с кем он. Вот и выбрали эти люди не защиту Родины, а борьбу со своей Родиной вместе с оккупантами". Наивные люди, воспитанные в традиции, говорят: "Да как же так можно! Да постыдитесь вы греха, да ведь они же предатели!" А им отвечают: "А что такое предатели? Это свободный выбор человека. Сегодня у нас разные точки зрения, сегодня у нас плюрализм мнений, и свободный, самодостаточный человек и определяет, что такое добро, а что такое зло" <…> Так постепенно размываются границы между добром и злом. А почему это происходит? А потому, что человечество утрачивает понятие греха. Сегодня, отталкиваясь от идеи человеческой свободы и альтернативного поведения, поддержанного современной псевдокультурой, мы укореняемся в сознании того, что любой человеческий выбор правомерен. Понятие нравственности исчезает: я сам себе голова, я сам определяю, что нравственно, а что безнравственно».

Как видим, патриаршее осмысление этих событий — и вообще русской истории и культуры, включая сталинский период — решительно противостоит попыткам превратить Россию середины XX века в «черную дыру», отождествив ее с красным ГУЛАГом. Правы те аналитики, которые подчеркивают, что при всей чудовищности обоих режимов — фашистского (гитлеризм) и советского (ленинизм-троцкизм-сталинизм — «оба хуже») существовала сущностная разница между ними: первый ориентировался на биолого-мистическое господство сверхчеловеческого вида «белокурая бестия», опираясь при этом на оккультизм гностического типа и приговаривая остальных «недочеловеков» к смерти — тогда как второй стремился в идеале к всеобщей солидарности людей труда. И Рузвельт с Черчиллем и Де Голлем очень хорошо отличали имперский проект Сталина от нордического мифа Гитлера, однозначно предпочитая советскую Россию и образовав с ней вместе Организацию Объединенных Наций. И приговорили своих «заслуженных коллаборационистов» к смертной казни. И столицы Европы весной 1945 года встречали советские танки цветами.

революции страна как бы разделилась на две неравные части. Часть интеллигенции («образованщина», по слову Солженицына) начала думать о своей стране по-немецки или по-французски и мечтать, чтоб «все было, как в Европе», не отдавая себе отчета в том, что она имеет дело с другой цивилизацией. Даже деревенская дворянская девушка Татьяна Ларина «по-русски плохо знала, журналов наших не читала и изъяснялася с трудом на языке своем родном». Как писал уже в начале XX века Петр Струве, «Россию погубила безнациональность интеллигенции, единственный в мировой истории случай забвения национальной идеи мозгом нации»[1]. К слову, Ленину принадлежит не менее критическая квалификация этого мозга…

Однако нет худа без добра. Благодаря разделению отечественной культуры на «господскую» (европеизированную) и крестьянскую («низовую») именно *большой народ* оказался в России носителем национальной духовной традиции, оставив *малому народу* Арину Родионовну и сетования по поводу «проклятого французского воспитания». Проще говоря, народ сохранил свою (а частью и «господскую») православную душу и продолжал отличать правое от левого даже тогда, когда прогрессивная интеллигенция начала рисовать черные квадраты вместо икон или признаваться в стихах, что любит смотреть, как умирают дети. *То, что сделалось для вестернизированной (особенно творческой) интеллигенции нормой, большинством народа воспринималось (и до сих пор воспринимается) как антинорма, как грех.*

Тайный Крест против явного насилия (красного меча) и скрытого богатства (мирового золота) — вот короткая формула Советской России как метафизической, социальной и культурной реальности. Российская интеллигенция соблазнилась первой, взяв из западных католическо-протестантско-масонских рук плоды апостасии, — и сотворила из них очистительное страдание во имя неизвестного ей Бога. Со своей стороны, русский народ в условиях навязанной ему мировой войны впал в состояние черни, искусился «землей и волей» — но уже в годы гражданской смуты фактически подхватил упавшее из рук петербургской монархии знамя Третьего Рима — Нового Иерусалима (опять-таки в чуждых ему искони формах марксистского хилиазма). Святая Русь, не удержавшись на поверхности истории, ушла в глубину, но и оттуда продолжала невидимо определять

---

[1] *Струве П. Б.* Размышления о русской революции // Избранные сочинения. М., 1999. С. 272. Примерно о том же говорит антикоммунист И. А. Бунин в «Окаянных днях», приводя свой диалог с одним из «февралистов»:

«9 марта (1918 г. — *А.К.*)

Нынче В.В.В. … понес опять то, что уже совершенно осточертело читать и слушать:

— Россию погубила косная, своекорыстная власть, не считавшаяся с народными желаниями, надеждами, чаяниями… Революция в силу этого была неизбежна…

Я ответил:

— Не народ начал революцию, а вы. Народу было совершенно наплевать на все, чего мы хотели, чем мы были недовольны. Я не о революции с вами говорю — пусть она неизбежна, прекрасна, все что угодно. Но не врите на народ — ему ваши ответственные министерства, замены Щегловитых Малянтовичами и отмены всяческих цензур были нужны как летошний снег, и он это доказал твердо и жестоко, сбросивши к черту и Временное правительство, и Учредительное собрание, и "все, за что гибли поколения лучших русских людей", как вы выражаетесь, и ваше "до победного конца"».

Ай да Бунин! Кстати, не менее яростный антикоммунист А. И. Солженицын в принципе придерживался сходного взгляда на роковой «февральский узел», потому и закончил им свою эпопею «Красное колесо».

земные пути Отечества. Противопоставлять Россию СССР — почти то же самое, что противопоставлять петербургскую «рабовладельческую империю» соборной монархии московской Руси. Народная традиция требовала сакральной персонификации власти и общенародной высокой цели — и в лице «вождя народов» получила их. На уровне национального архетипа сам народ[1] заставил сталинское руководство отказаться от глобалистских левых утопий в обществе и культуре, вернув их на отечественную почву в прямом и переносном смысле слова. *Национал-большевизм оказался своего рода религиозной ересью, которая, тем не менее, сохранила у русского народа способность веры, сам «орган» веры.* В отличие от просвещенных европейцев XX века, считавших себя христианами, но в жизни твердо исповедовавших религию рынка, советские/русские люди под знаменами воинствующего материализма и официального атеизма продолжали жить не по выгоде, а по вере. Как заметил в 1918 году Андрей Белый, в стране победившего материализма первым делом исчезла материя, а любая практическая задача поднималась на уровень священного действа. *В таком плане Октябрь 1917 года может быть квалифицирован как искупление предательства Февраля, а Отечественная война и Победа 1945 года — как искупление Октября*. Дух дышит, где хочет. Вот характерные слова бывшего царского генерала — персонажа философского полилога С. Н. Булгакова «На пиру богов» (лето 1918 г.): «Россия есть царство или же ее вообще нет. Этому достаточно научило нас Смутное время. Этого не понимали только тупоголовые самодовольные “вожди” (интеллигенты-либералы. — *А. К.*), которые самоуверенно расположились после февраля в министерских креслах, как у себя дома. Но пришли другие люди, менее хитроумные (большевики. — *А. К.*), и без церемонии сказали: позвольте вам выйти вон. Ну, иных и помяли при этом — без этого перевороты не обходятся. А я вам скажу — и отлично сделали. Уж очень отвратительна одна эта мысль об “окадеченной”, конституционно-демократической России. Нет, уж лучше большевики “style russe”, сарынь на кичку! Да из этого еще может и толк выйти, им за один разгон Учредительного собрания, этой пошлости всероссийской, памятник поставить надо. А вот из мертвой хватки господ кадетов России живою не выбраться б!»[2].

Сбылось предвидение Лермонтова: настанет год, России черный год, когда царей корона упадет. Сбылись и пророчества Константина Леонтьева относительно того, что династия Романовых, скорее всего, сама уступит престол ради чаемого умиротворения Отечества. Архиепископ Иоанн (Шаховской) утверждал, что не большевизм, а именно Православие опалило русский народ. И исход Гражданской войны, и идея смерти за «светлое будущее», и воинствующий атеизм, больше похожий на превращенную веру, чем на цивилизованное равнодушие, и массовый (отнюдь не только пропагандистский) порыв пятилеток, и, конечно, знамя России-СССР над столицей фашистской Германии — все это не оставляет сомнения в рождении в России в XX веке колоссального национального мифа, сложившегося на святом месте внешне отброшенного Православия путем его тайного,

[1] Стоит отметить, что по всесоюзной переписи 1937 года более 42 % процентов опрошенных назвали себя православными христианами — вопреки всем казням и ссылкам. Причем перепись была не анонимной: каждый называл свое имя.

[2] *Булгаков С. Н.* На пиру богов // Из глубины. 1918. С. 305.

но мощного сопротивления на всех «этажах» русско-советской жизни и культуры.

Сталинский режим был тираничен и кровав. На начало революционной жестокости — социально-классовой войне в России — было положено не им. Еще декабристы планировали вырезать всю Царскую семью, а некоторые народы отправить пешком в едином строю в Палестину. Террористы-народовольцы вели системную охоту за Царем-освободителем и взорвали его накануне подписания проекта конституции, а их наследники-эсеры не успокоились, пока не разорвали на части бомбой генерал-губернатора Москвы. В 1905–1907 годах от рук «освободителей»-бомбистов погибли более 10 тысяч человек, в том числе наиболее верных и дееспособных государственных служащих. Ленин, Троцкий и Дзержинский развязали всеобщую гражданскую войну, стоившую жизни примерно 10 миллионам людей, а более двух миллионов было выброшено за границу. Красный и белый террор в этой войне и после нее соперничали друг с другом. Сталин был таким же «магистром ордена меченосцев», как и другие члены большевистского ЦК, но разница между ними заключалась в том, что последние вместе с либерал-кадетами и социалистами *разрушали* Православное Царство (хотя и собрали его впоследствии — вопреки собственному «единственно верному учению» — в виде РСФСР), а генсек их партии неожиданно начал *восстанавливать* под красными знаменами имперскую Россию, включая некоторые важные ее духовные и культурные скрепы. При этом он не щадил и многих своих бывших соратников по революционному подполью, чего до сих пор ему не могут простить их потомки. Революции, как известно, пожирают собственных детей.

Идеология властвующей ленинско-троцкистской политической и культурной элиты 1920-х годов относительно русской духовной традиции образно сформулирована в стихах некоего В. Александровского: «Русь! Сгнила? Умерла? Подохла? Что же! Вечная память тебе. Не жила ты, а только охала в полутемной и тесной избе»[1]. Однако в национал-большевистской культуре следующих двух десятилетий презренная «Расея» (которую «лучше было б не спасать», по мнению стихотворца Д. Алтаузена) предстала Великой Русью в строках государственного гимна, а поэты стали гордиться тем, что «русская мать нас на свет родила» (К. Симонов). В 1943 году были возвращены священники из лагерей и восстановлено Патриаршество, а в 1945 году зоркие люди разглядели над поверженным рейхстагом за красным флагом православный Крест. И тут уже недалеко было до русской атомной бомбы и первого человека в космосе.

Все это означает, что Русь не погибла ни с Петром, ни с Лениным, ни со Сталиным. Известны слова Пушкина, адресованные Чаадаеву: «Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю кроме той, которую нам Бог дал». На основе вышеприведенного — хотя и по необходимости краткого — анализа позволительно заключить, что Русь-Россия во всех своих исторических формах — от царской до советской — так или иначе, с большим или меньшим успехом, исполняла роль Удерживающего на нисходящих путях истории. Именно такое (инволюционное) направление историко-культурного процесса

[1] Правда. 1925. 13 августа.

предсказано в Писании. Можно предположить, что назначение Святой Руси и состоит в замедлении, «задержании», как сказал бы К. Н. Леонтьев, подобного сползания мирового социокультурного «человейника» вниз, ко все более темным (вплоть до инфернальных) уровням постхристианской цивилизации[1].

Сталин не был убийцей русского народа или его спасителем. Он был тем и другим одновременно. Это была страшная и великая эпоха — в том числе в области культуры. «Так это было на земле» (А. Твардовский).

---

[1] Подробнее о затронутых проблемах см.: *Казин А. Л.* Последнее Царство. Русская православная цивилизация. СПб.: Наука, 1998; Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго. СПб., 1998.

Вышла книга

Шумейко И.
В России надо жить долго… — М: Худож. лит., 2015. — 432 с.

Эта книга известного писателя, историка Игоря Шумейко — продолжение известной его книги «Ближний Дальний. Предчувствие Судьбы» (2012, Премия Александра Невского, одноименный фильм на канале «Россия»). Новые путешествия по Дальнему Востоку и Сибири дают картины современной жизни, порой «выживания» регионов, которые должны стать «мостом в будущее России». Проверяя свой давний тезис «В истории освоения зашифрованы и условия сохранения российской Азии», автор знакомит читателя с важнейшими проектами СССР, дореволюционной и нынешней России. Размышления о роли евразийства, сравнение изначальных мотивов и результатов Великих географических открытий — в главах «Добродушие как геополитический фактор», «Периодическая таблица русских войн», «Гонка Потребления».

Путевые очерки и беседы Игоря Шумейко с видными военными деятелями, учеными, писателями, режиссерами, политиками, публиковавшиеся в журнале «Мужская работа», в книге представлены в полном объеме, с интересными продолжениями и комментариями.

Пути познания

Сергей ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ

В ПОИСКАХ НОВОГО… КОНСЕРВАТИЗМА

Сергей Вячеславович Перевезенцев, доктор исторических наук, декан историко-филологического факультета Российского православного университета, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, сопредседатель Правления Союза писателей России, автор многочисленных книг и публикаций по истории России и Русской Православной Церкви. **Живет в Москве.**

Недавно в свет вышла двухтомная антология «Хранители России»[1]. В работе над антологией принимал участие творческий коллектив сотрудников кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова: доктор политических наук, профессор А. А. Ширинянц, доктор исторических наук, профессор С. В. Перевезенцев, кандидат политических наук А. А. Горохов, кандидат политических наук О. Е. Пучнина, аспирант кафедры А. С. Хелик, студенты А. Б. Страхов и Д. А. Ананьев. Издание антологии осуществлено при участии фонда ИСЭПИ (Д. В. Бадовский, Р. В. Михайлов).

Двухтомная антология «Хранители России» — во многом новаторское издание. Прежде всего, важен сам факт того, что идейные корни русского консерватизма составители находят в самых древних пластах отечественной социально-политической традиции, и не только находят, но логически и исторически обосновывают и направление собственного поиска, и его результаты. Таким образом, русская мыслительная традиция консервативно-традиционалистского направления предстает непрерывной на протяжении восьми веков (!). В данном контексте

[1] Хранители России. Антология. Т. I. Истоки русской консервативной мысли. XI–XVII вв. / под ред. С. В. Перевезенцева; авт.-сост.: Р. В. Михайлов, С. В. Перевезенцев, А. А. Ширинянц; подг. текстов А. А. Горохов, О. Е. Пучнина, А. С. Хелик и др. М.: ООО «Паблис», 2015. 736 с.; Хранители России. Антология. Т. 2. В поисках нового… консерватизма / под ред. А. А. Ширинянца, С. В. Перевезенцева; авт.-сост. Р. В. Михайлов, С. В. Перевезенцев, А. А. Ширинянц; подг. текстов: А. А. Горохов,О. Е. Пучнина, А. С. Хелик и др. М.: ООО «Паблис», 2015. 936 с.

вполне логичным представляется включение в первый том антологии текста «Домостроя» или ключевых фрагментов Соборного уложения 1649 года. Еще более оригинальным представляется состав второго тома, в который, с одной стороны, включены сочинения мыслителей, скорее «модернистского» склада (для своего времени, конечно): Феофана Прокоповича, В. Н. Татищева, С. Е. Десницкого, Императрицы Екатерины II. С другой стороны, труды православных подвижников XVIII столетия — свт. Тихона Задонского, прп. Паисия Величковского, свт. Арсения Мацеевича. Кстати, послания свт. Арсения Мацеевича опубликованы впервые за последние сто пятьдесят лет. А если продолжить тему редких публикаций, то нужно указать и на «Три разсуждения о трех главнейших древностях Российских» В. К. Тредиаковского, не издававшихся с 1849 года. В этом новаторстве — несомненное преимущество и научная ценность данной антологии.

Публикуемая ниже статья представляет собой предисловие ко второму тому антологии и раскрывает специфику русской консервативной мысли XVIII века.

XVIII столетие — особый этап в становлении русской консервативной мысли. И связана эта особость была с тем, что именно в XVIII в. отечественная мыслительная традиция довольно резко восприняла в себя чуждые ей до того религиозные представления, философские и социально-политические теории, социологические схемы. Находясь под сильным влиянием различных идейных новшеств, российские интеллектуальные круги начали иначе, нежели прежде, смотреть и на сам процесс развития человеческой истории, и на способы познания этого процесса, и на силы, способные изменить ход истории. Как следствие, меняется содержание и иерархия духовных, социальных и политических ценностей, лежащих в основе российского бытия. Заметно по-другому в российском обществе начинает восприниматься роль традиционных ценностей, формулируются новые цели и задачи исторического развития России. Но даже в новых и «модных» идейных комплексах многие отечественные мыслители, с характерной для русской традиции неспешностью и раздумчивостью, ищут и выделяют консервативные черты. Можно сказать, что XVIII в., с этой точки зрения — это время поиска нового… консерватизма. Впрочем, начало этому интеллектуальному поиску новых, но «консервативных» путей развития России было положено несколько раньше — во второй половине XVII в.

* * *

Уже 50-х годах XVII столетия среди сторонников представлений о России как об избранной Богом державе возникли серьезные разногласия, вызванные целым комплексом причин как социально-политического, так и чисто богословского характера. Немалую роль сыграли и различные религиозно-философские и историософские воззрения противоборствующих сторон.

Стоит напомнить, что к тому времени в русской духовно-политической мысли[1] уже утвердилось представление о России, как о единственной в

[1] О специфике русской духовно-политической мысли см. более подробно в серии публикаций составителей книги: *Перевезенцев С. В.* Русская религиозно-философская мысль X–XVII вв.: Основные идеи и тенденции развития. М., 1999;

мире богоизбранной державе, равной по своему благочестию ветхозаветному Израилю, избранному Самим Господом. Недаром именно в этот период общепринятым становится именование России «Новым Израилем», «Третьим Римом», а Москвы — «Новым Иерусалимом». Данные определения к середине XVII в. перешли из разряда «идеал-образов», к которым должна стремиться Россия, в разряд уже реализованных духовно-политических целей. Иначе говоря, в понимании отечественных мыслителей Россия как «Новый Израиль», как «Третий Рим», и Москва, как «Новый Иерусалим» уже были построены, а «Новый Израиль» и «Третий Рим» перестали быть мечтой, но превратились в историческую реальность.

Однако именно такие убеждения отечественных мудрецов оказались истоком возникновения заметных духовных и теоретических противоречий, ведь более глубоких, нежели ветхозаветные, аналогий тогда просто невозможно было найти, следовательно, сами библейские аналогии оказываются исчерпанными. Исчерпывается и идея «Третьего Рима» — Божия благодать сузилась только до пределов России. И это в то время, когда в реальности Российское государство присоединило к себе новые земли, население которых придерживалось православия греческого обряда (Малороссию и Белоруссию). А постоянные и все расширяющиеся культурные и политические контакты с Европой значительно активизировали проникновение в российское общественное сознание «светской», а, следовательно, нетрадиционной, неправославной культуры.

Перевезенцев С. В. О смысле бытия и философии образования русского народа // Педагогика. 2001. № 8. С. 93–98; Русская социально-политическая мысль X — начала XX в. Часть I. История политических учений России X–XVII вв.: От Киевской Руси до Московского царства / авт.-сост. С. В. Перевезенцев, А. А. Ширинянц, Д. В. Ермашов. М, 2005; *Перевезенцев С. В.* «Слово о погибели Русской земли» как политическая программа возрождения Руси // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2006. № 2. С. 39–45; *Перевезенцев С. В.* Духовно-политическая концепция царя Ивана IV Васильевича Грозного // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2006. № 4. С. 88–97; *Перевезенцев С. В.* Русский выбор: Очерки национального самосознания. М., 2007; *Перевезенцев С. В.* К вопросу о специфике русской политической мысли XI–XVII вв. // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2008. № 4. С. 11–22; *Перевезенцев С. В.* «Умное делание» преподобного Нила Сорского // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2011. № 4. С. 63–72; *Андерсон К. М., Ермашов Д. В., Вархотова В. А., Мырикова А. В., Перевезенцев С. В.* и др. Политология как история идей: материалы «круглого стола» // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2009. № 4. С. 65–81; *Андерсон К. М., Бойцова О. Ю., Вархотова* и др. Политическая текстология как наука и учебная дисциплина: круглый стол // SCHOLA-2013: Материалы международной научной конференции «Политика в текстах — тексты в политике: наука истории идей и учений». М., 2013. С. 341–357; *Андерсон К. М., Артамонова Ю. Д., Бойцова О. Ю.* и др. Политическая текстология как наука и учебная дисциплина: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2014. № 4. С. 110–136; Русская социально-политическая мысль. XI–XVII вв.: Хрестоматия / сост. С. В. Перевезенцев; подг. текстов: С. В. Перевезенцев, Г. В. Талина, Д. В. Ермашов и др.; под ред. А. А. Ширинянца, С. В. Перевезенцева. М., 2011; *Ширинянц А. А.* О специфике истории социально-политической мысли России // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления: Материалы Международной научной конференции / отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2011. С. 536–546; *Перевезенцев С. В.* И будет нам чудо… Уроки преподобного Сергия Радонежского // Историческое образование. 2014. № 3. С. 3–12; *Страхов А. Б.* О духовно-политических смыслах «Слова об убиении злочестивого царя Батыя» // Историческое образование. 2014. № 2. С. 100–105; *Перевезенцев С. В.* Родство по истории: Статьи. Очерки. Беседы. М., 2015; *Перевезенцев С. В.* Истоки русской души: Обретение веры (X–XVII вв.). М., 2015.

Перед русскими любомудрами XVII столетия встала дилемма: искать ли новые идеалы и целевые установки дальнейшего развития России или же довольствоваться уже достигнутым? Иначе говоря, любомудрам XVII столетия вновь нужно было отвечать на уже, казалось бы, решенные вопросы: какое место в общечеловеческой истории занимает Россия? в чем смысл и цель существования России на земле? кто способен обеспечить достижение этой цели?

История показала, что русская духовно-политическая мысль в XVII в. нашла три пути решения возникшей дилеммы. *Первый путь — «грекофильство», т. е. ориентация на греческое православие, почитавшееся во всем православном мире как вселенское* (стоит напомнить, что константинопольский патриарх считался *первым* среди других православных патриархов). Этот путь был достаточно традиционным, уже испытанным и, как казалось, исторически и богословски наиболее обоснованным. В религиозно-философском смысле на Русь подразумевалось перенести опыт современной греческой догматики и, соответственно, принципы схоластико-догматического мышления. Инициаторам такого перенесения казалось, что этот опыт, неизмеримо более глубокий, древний и распространенный в православном мире, нежели собственно российский, позволит поднять русское православие на новую высоту, расширить его богословскую базу и все это, соответственно, усилит влияние русского православия, Русской Церкви и Российского государства среди других православных народов, позволит России принять на себя обязанности Вселенского Православного царства[1].

Второй путь, наоборот, *был совершенно новым для русской религиозно-философской мысли — «латинство», т. е. ориентация на западноевропейский опыт, прежде всего на опыт рационалистического мышления, привнесение в русскую жизнь элементов «светской» культуры и образования*. Как представлялось сторонникам этого направления, традиционная русская религиозно-философская и духовно-политическая мысль, замкнувшаяся в узких национальных рамках, уже исчерпала себя в решении не только богословских, но и важнейших мировоззренческих вопросов. Поэтому требовался новый, рационально-критический взгляд на Священное Писание, на историю, на вероучительные проблемы, на судьбу самого Рос-

[1] Идея Вселенского Православного царства возникла в конце XV в. у тех православных народов, которые оказались под чужеземной и иноверной властью. Эти народы терпели притеснения за свою веру и поэтому с надеждой смотрели на Россию, которая, как они верили, будучи единственным независимым православным государством, сможет их освободить. Таким образом, Вселенское Православное царство — это идея, мечта православных народов об освобождении из-под чужеземного гнета и создании единого православного государства во главе с русским православным государем. Столицей Вселенского Православного царства должен был стать Константинополь. Идея создания Вселенского Православного царства проникла и в Россию. Главными проводниками этой идеи были вселенские православные патриархи — константинопольский, иерусалимский, антиохийский, которые в XVII в. часто и подолгу бывали в России. Они были заинтересованы в том, чтобы Россия освободила подчиненные им патриархаты от турецкого владычества. При их активном участии в России распространялась идея государственного соединения православного Востока с Россией — путем отвоевания Константинополя у турок. Так, константинопольский патриарх объявил русского государя Алексея Михайловича «столпом твердым и утверждением веры, помощником в бедах, прибежищем нашим и освобождением». А русскому Патриарху Никону константинопольский Владыка посулил Вселенское патриаршество.

сийского государства. Бурное развитие научно-рационалистического мировоззрения на Западе как бы подсказывало новые ориентиры и для России.

И, наконец, *третий путь — «старообрядчество» (движение за «древлее благочестие»), т. е. полное отрицание не то что необходимости, а даже самой возможности формулирования новых целевых и смысловых установок развития России*. Сторонники этой точки зрения были абсолютно убеждены в том, что Россия как «Третий Рим» уже удостоилась Божией благодати и превосходит весь мир своим благочестием. И весь христианский мир, особенно греки и все остальные православные народы, «исказившие» свою веру под гнетом мусульман или владычеством римского папы, должны обращаться к России как к образцу православного благочестия. Сторонникам этого направления наиболее свойственно было религиозно-мистическое восприятие мира, подкрепляемое верностью традиционным русским богослужебным обрядам, заметно отличавшимся от греческих.

Тогдашние светские и официальные церковные власти были настроены на решительные реформы. Ведь в понимании царя Алексея Михайловича, Патриарха Никона и некоторых других «придворных боголюбцев» Москва как «Новый Иерусалим», и Россия как «Новый Израиль» — это новый центр вселенского православия, который должен объединить все Православные Церкви под своим покровительством во Вселенском Православном царстве. Так, в предисловии к «Служебнику» 1655 г., написанному под непосредственной редакцией Патриарха Никона, утверждалось, что желание «прославить» и «восхвалить» Русскую Церковь по всей Вселенной и стало главной причиной «исправления книг». Следовательно, Россия должна была стать примером абсолютного православного благочестия и взять на себя исполнение обязанностей защитницы Греческой, то есть Вселенской, Православной Церкви. Зримым центром вселенского православия должен был стать Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь под Москвой — он был построен как подобие знаменитого Иерусалимского храма Воскресения Господня (храма Гроба Господня), местность вокруг монастыря была переименована в честь святых мест Палестины, в храме предполагалось устроить пять престолов, в которых одновременно могли служить четыре вселенских патриарха во главе с Патриархом Московским и всея Руси.

Именно поэтому была начата церковная реформа, для проведения которой потребовались образованные специалисты, знатоки богословия и иностранных языков. Приглашали всех, кто имел хоть минимальный авторитет в образованных кругах Греции, Малороссии и Белоруссии. Так в России оказались и «грекофилы» (собственно греки, а также малоросы, чаще всего выпускники Киево-Могилянской академии), и «латинствующие» (выученики католических и униатских учебных заведений, чаще всего родом из Малороссии и Белоруссии). Официальные власти активно поддерживали и тех, и других, тем более что все «справщики» (так стали называть тех, кто занимался «исправлением» богослужебных книг) были сторонниками идеи Вселенского Православного царства.

Но в ходе проведения церковной реформы возникла масса противоречий: «грекофилы» и «латинствующие» совместно обрушились на старообрядцев, те, в свою очередь, нещадно обличали и первых, и вторых, но серьезные расхождения выявились и между реформаторами — «грекофилами» и «латинствующими». Все это вместе взятое привело к заметным из-

менениям в идейном поле русской мыслительной традиции. Прежде всего, «идеал-образы», еще недавно дополнявшие друг друга в характеристике особой цивилизационной судьбы России, во второй половине XVII в. «разошлись» и оказались в оппозиции друг другу. Образы «Нового Израиля» и «Нового Иерусалима» стали олицетворять новый, вселенский путь развития страны и общества, а образ «Третьего Рима» был взят «на вооружение» старообрядцами и превратился в символ погибшей богоизбранной России, оказавшейся во власти «мысленного антихриста». Кроме того, впервые в истории русской религиозно-философской и духовно-политической мысли открыто столкнулись *разные методологии мышления*: если ранее все споры по различным поводам развивались в структуре единого религиозно-мистического мышления, основанного на определенной догматике, то теперь возник новый образ мысли — рационалистический.

Идейная борьба вскоре превратилась в политическую. Сначала противостояние защитников «древлего благочестия» против церковных реформаторов привело к Расколу Русской Православной Церкви (окончательно сторонники «старообрядчества» были осуждены на Больших церковных соборах 1666 и 1667 гг.). А после кончины царя Федора Алексеевича резко обострился конфликт между «грекофилами» и «латинствующими», закончившийся осуждением «латинства».

Однако победа «грекофилов» оказалась временной, а официальное осуждение старообрядчества и «латинства» не смогло отменить существования самих этих идейных направлений в российском общественном сознании. В итоге, поиски ответов на коренные вопросы о судьбе России обернулись не только церковным Расколом, но и расколом общерусского сознания. Самое поразительное заключалось в том, что представители всех трех идейных направлений по своей сути были консервативными мыслителями, потому что все они отстаивали традиционные православные ценности. Но если идейные лидеры старообрядчества жестко стояли на защите национально-религиозной специфики России, то грекофилы предлагали намного более широкую, вселенско-православную трактовку общепризнанных христианских идей. А «латинствующие», вообще не понимавшие и не признававшие русской специфики, расширяли эту трактовку до космополитических форм и методов мышления. Поэтому, если применить к анализу духовно-политической ситуации второй половины XVII в. лексику «постмодерна», то старообрядцев можно назвать «суперконсерваторами», «грекофилов» — «полуконсерваторами», а «латинствующих» — «недоконсерваторами».

Но в любом случае факт был налицо — в «просвещенное» имперское будущее русская религиозно-философская и духовно-политическая мысль вступала в расколе…

* * *

В духовно-политическом и идейном отношениях XVIII столетие стало продолжением предшествующего времени, а именно — раскол общерусского сознания не только продолжился, но ускорился и углубился. Так, на протяжении всего XVIII в. сторонники «древлего благочестия» активно вытеснялись на обочину и русской жизни, и русской мысли. Лишь в конце этого столетия отдельные из старообрядцев, признавшие истинность офици-

альной Церкви в рамках «единоверия», были возвращены в число полноценных подданных русской короны. Но при этом все основные постулаты старообрядческого учения, в том числе «идеал-образ» «Третий Рим», окончательно исчезли из общероссийского интеллектуального поля.

В то же время в интеллектуальном смысле XVIII столетие стало для России «веком ученичества» — русские интеллектуальные круги целенаправленно осваивали идейный и исторический опыт западноевропейских стран и пытались применить этот опыт и собственные новые знания к российской политической, социальной, экономической и духовной реальности. При этом кто-то стремился побыстрее сломать все «русское традиционное», другие, наоборот, терпеливо приспосабливали «новое европейское» к «старому русскому», а третьи вообще оказались на интеллектуальных росстанях и потому постоянно метались между «новым» и «старым». Именно поэтому в интеллектуальном отношении XVIII в. оказался столь противоречивым и неоднозначным.

И тем не менее одно новшество вклинилось в традиционную русскую жизнь очень быстро и жестко: уже в начале XVIII в. возникло противоречие между традиционным православным и новым рационалистическим, «светским» миропониманием. И, как оказалось, это противоречие стало по сути основным духовно-политическим и идейным противоречием не только XVIII в., но в последующие столетия отечественной истории.

Это противоречие можно обозначить таким образным выражением: «прелестный» век прельщал людей разными свободами, в том числе свободой духа. Распространению в России «светского», нецерковного мировоззрения способствовало развитие образования, которое строилось на «светских» принципах, почерпнутых из Европы. Такое образование получали, в первую очередь, представители высшего общества — царские вельможи, дворяне и, отчасти, представители купечества и городского населения. В итоге, многие образованные люди стали считать традиционную русскую религиозность одним из главных источников российского «невежества» и даже «отсталости». Уже во второй половине XVIII столетия в России появились люди, которые бравировали своим атеизмом. Чаще всего это были дворяне и вельможи Царского двора, получившие европейское образование. Традиционные православные представления о мире, о добре и зле они заменяли различными теориями, созданными в западноевропейских ученых кабинетах. В целом «светское» миропонимание приобрело очень большое влияние в образованных кругах русского общества и в высшем свете, и главное, при Императорском дворе. Но волей-неволей подобное миропонимание вступало в противоречие с традиционной русской религиозностью, а его сторонники пытались потеснить, или вообще вытеснить Церковь и саму православную веру на периферию общественного сознания.

Сам «рационализм» в XVIII в. стал совершенно иным, нежели у «латинствующих», ибо основывался не на специфически понятом православном вероучении, а на совершенно противоположных Православию религиозных и философско-политических идеях — на религиозно-философском учении гуманизма. Поэтому понятие «светский» совершенно не случайно взято в кавычки, ибо «светскость» вовсе не означает «нерелигиозность». Во-первых, «светское» миропонимание не отрицает возможности сохранения традиционных религиозных убеждений на личном уровне. Во-вто-

рых, гуманистическая вера в человека и его безграничные способности, на которой основывается «светское» миропонимание, столь же религиозна и иррациональна, как и иные религии. «Светскость» — это прежде всего «нецерковность» или «антицерковность», т. е. неприятие или же принципиальное отрицание традиционной Церкви, в первую очередь Христианской Церкви. Таким образом, «светскость» противостоит традиционной религиозности, как одна из нетрадиционных религий или даже как псевдорелигия. Именно поэтому представители так называемой «светскости» в проповеди собственных гуманистических культов зачастую намного более религиозны и фанатичны, нежели последователи какой-либо традиционной религии. История последних трехсот лет, к сожалению, предоставляет множество примеров, когда наиболее фанатичные адепты «светскости» жестоко и бескомпромиссно уничтожали всех и вся, что было связано с традиционной религиозностью.

Противоречие между традиционным Православным и новым рационалистическим, «светским» миропониманием уже в XVIII в. достаточно быстро переросло в *духовное противостояние* двух религиозных сознаний (традиционного православного и «светского» рационалистического). И, к сожалению, это духовное противостояние в дальнейшем будет все больше и больше углубляться, тем более что «главными агентами» рационализма в России оказались все русские государи XVIII столетия, начиная с Петра I Алексеевича (1672–1725), который первым стремительно утвердил в русском общественном сознании идейное лидерство «нового способа» мышления и основанные на этом способе ценности — в официальной политической идеологии и практике XVIII в. стал главенствовать *принцип государственной целесообразности (прагматизм)*, который, как считалось, способен обеспечить сохранение созданного при Петре I абсолютистского монархического строя.

Но рационалистическое переосмысление прошлого и настоящего России имело вполне зримые и неоднозначные последствия, в том числе и идейно-политические. К примеру, в ходе утверждения «рационализма» возникла одна серьезная проблема — *десакрализация как идеи власти, так и самой государственной власти*. С одной стороны, Петр I и его наследники разделяли убежденность своих предков в том, что власть русских монархов имеет своим истоком Божественное происхождение. Однако, с другой стороны, признавая божественное происхождение своей власти, российские государи впервые в русской истории отказались от достижения в своей деятельности каких-либо духовных целей. Следовательно, произошел разрыв с предшествующей духовной русской традицией, в соответствии с которой Российское государство есть, прежде всего, государство истинной Православной веры.

В политической практике это привело еще к одному поразительному противоречию. Преобразования русских правителей народ принимал и исполнял их волю потому, что в народном сознании сохранялся традиционный образ православного царя, Помазанника Божия. Но сами русские государи всячески ломали этот образ, всячески избавлялись от него и в личной, и в общественной жизни. Иначе говоря, опираясь на силу и авторитет традиции, русские правители ломали саму традицию. А их православные подданные, веками воспитанные в представлении о первенствующей духовной роли Русского государства и русского государя,

оказались один на один с жестоким жизненным противоречием — в церквах они молились за здравие императора или императрицы и процветание империи, но ни император, ни императрицы, ни империя не собирались брать на себя исполнения духовных задач. И никаких объяснений никто давать не собирался.

Более чем противоречивыми стали церковно-государственные отношения. Вообще, отношение властей к религии в целом в XVIII в. стало крайне прагматичным. Если представители тех или иных религий были согласны жить по законам Российской империи и признавали власть российских императоров, то им дозволялось строить храмы, мечети, синагоги в местах своего проживания и осуществлять церковное окормление верующих. Но этот прагматизм и отказ от исполнения духовных задач привел к иному пониманию отношений государства с Русской Православной Церковью. Еще Петр I, в своем стремлении все подчинить государственной целесообразности, полностью подчинил себе Церковь, превратив ее в одну из структур общего государственного аппарата. И здесь снова проявляются противоречия, характерные для его церковной политики Петра I и его наследников. *Отношение к вере у всех русских царей и цариц было, скорее, рационалистическим, нежели исконно православным*. Даже частые и регулярные посещения церковных служб превратились теперь в события *частной жизни* государя. Но одновременно государственные власти должны были следить за тем, чтобы народ обязательно исполнял церковные службы. В 1718 г. вышел высочайший указ, обязывавший всех подданных ходить в воскресные дни к вечерне, заутрене и особенно литургии. Правда, и здесь верх брала государственная целесообразность: государевым указом была отменена тайна исповеди — духовник был обязан открывать уголовному следователю грехи, сказанные на исповеди. Таким образом, государство насильно вторгалось и в права Церкви, и в самую интимную жизнь своих подданных — в тайну исповеди.

Или еще одно противоречие — в XVIII в. правителями России владела идея равенства всех Церквей и всех вер перед государством. Не случайно, стремясь привлечь в Россию как можно большее число иностранных специалистов, в России разрешили строить протестантские и католические храмы, даже в Петропавловской крепости, наряду с Петропавловским собором была сразу же построена лютеранская церковь святой Анны. Но в Сибири проводилась иная линия — всячески поддерживали Православие и требовали от Церкви обязательного крещения сибирских народов.

В XVIII в. заметно снизилась по сравнению с предыдущими столетиями, роль духовенства в жизни русского общества. Русские государи смотрели на духовенство как на государственных чиновников. За приходским духовенством была закреплена функция регистрации рождения, браков и смертей, велся строгий учет бывавших на исповеди. На духовенство было возложено множество повинностей — адмиралтейская, полицейская и другие. После указа 1723 г. о запрещении пострижения новых монахов из недорослей, значительно снизилось и число монашествующих.

Сугубо прагматически государство стремилось полностью подчинить себе Церковь, одновременно изъять церковные ценности и собственность, столь необходимые для обеспечения многочисленных государственных потребностей. Напомним, что эти цели были поставлены еще в Собор-

ном уложении 1649 г., на основании которого администрация царя Алексея Михайловича активно вмешивалась в хозяйственную жизнь Церкви. Поэтому принятый в 1721 г. высочайшим указом «Духовный регламент» (составлен поручению Петра I в 1718–1720 гг. псковским епископом Феофаном Прокоповичем, исправлен самим царем) можно считать завершением процесса подчинения Церкви государству, начатого еще в середине XVII века. В соответствии с «Духовным регламентом» церковное управление преобразовывалось по образцу гражданских коллегий: упразднялось Патриаршество и вводился коллегиальный орган — Духовная коллегия, вскоре названная Святейшим Правительствующим Синодом. По Указу 11 мая 1722 г. непосредственным руководителем Синода становился обер-прокурор — светский государственный чиновник, назначаемый царем. «Верховным судьей» и фактическим главой Синода являлся император, который утверждал все распоряжения в области церковного управления. Под контроль государства перешли все церковные земли, судебная власть, издание духовных книг, духовные школы. Таким образом, *Церковь полностью подчинялась государству, а высшее церковное управление осуществлялось под контролем светской власти*. В 1722–1723 гг. патриархи ряда православных автокефальных Церквей Востока признали церковную реформу, проведенную Петром I.

В дальнейшем, при наследниках Петра отношения между государством и Церковью только усложнялись. До времен царствования Елизаветы Петровны в России была приостановлена, а фактически запрещена канонизация национальных святых. Это запрещение специально оговаривалось в «Духовном регламенте» 1721 г., как средство борьбы с народными суевериями. (Но в народном понимании «остановить» или «запретить» святость — дело невозможное. В первой половине XVIII в. в разных городах и монастырях начинают возникать местные почитания святых.)

Наступление на церковную собственность обернулось несколькими секуляризациями. Так, к началу XVIII в. в России насчитывался 1201 монастырь, к началу 1760-х гг. их было уже только 1072. Но именно тогда, в 1764 г., началась самая крупная секуляризация церковных земель. В результате в России из 1072 имевшихся монастырей осталось 452, число монашествующих уменьшилось с 12 444 человек до 5105, для содержания монахов им установили штатные оклады, выплачиваемые из государственной казны.

* * *

И тем не менее множество преобразований в политической, социальной, духовной жизни России были приняты в народном мнении. Почему? Думается, дело в том, что многообразные, начиная с петровских, реформы XVIII в., конечно же, имели под собой объективную основу и объективные потребности страны.

В первую очередь, Россия и в самом деле должна была освоить новое, научно-рационалистическое понимание мира, овладеть новыми способами познания и преобразования мира, иначе Российское государство вряд ли смогло бы конкурировать с ведущими европейскими державами в борьбе за сохранение и расширение собственного жизненного пространства. Но была и вторая причина, в силу которой петровские преобразования нашли отклик, хотя и не

во всех, но во многих русских сердцах и умах: *именно на XVIII в. выпало завершение процесса формирования единой русской нации*[1].

Идея нации в XVIII столетии начинает господствовать во всей Европе, ведь практически все европейские народы в этот период вступили в эпоху национального подъема. «Воля народа», служение «воле народа» в европейском сознании получает преобладающее значение. Более того, «воля народа», «воля нации» начинает почитаться более значительной, нежели Божия воля. Потому и абсолютизируются «права народа», которые признаются намного более значимыми, чем Замысел Божий об этом народе. Поэтому и перед общественным сознанием встает главная задача — выработка новой национальной идеологии, вполне «мирской», далекой от чисто церковного мышления, превалирующего ранее.

Понятно, что русская нация складывалась не одно столетие. Процесс этот был неоднозначным и сопровождался периодами подъемов и временами падений. Уже в древности, в X–XII вв. русский народ заявил о себе на весь мир победоносными походами и созданием крупнейшего государства в Европе. Митрополит Киевский Иларион в своем знаменитом «Слове о Законе и Благодати» (середина XI в.) имел полное право сказать, что Русь — это не «худая» и «неведомая» земля, но земля Русская, «яже ведома и слышима есть всеми четырьми конци земли»[2]. Монгольское нашествие ввергло Русь в страшную катастрофу. Но уже в XIV в. народ начал подниматься с колен, собираясь вновь вокруг молодого Московского княжества. В XV столетии исторический энтузиазм русского народа, вызванный окончательным свержением монголо-татарского господства, был столь велик, что наши отечественные мудрецы заговорили уже о всемирно-историческом значении России. Смутные времена рубежа XVI–XVII вв. вновь, казалось бы, должны были привести к распаду Русского государства, однако народ опять превозмог все свои беды. Более того, именно в XVII в. начался заключительный этап рождения единой русской (великорусской) нации.

В XVIII в. на базе развивающихся капиталистических отношений, усиливающихся экономических и политических связей, а также из-за ряда внешнеполитических условий процессы национального объединения резко ускорились. Практически все экономические, социальные и политические изменения в России проходили или в рамках процесса формирования единой русской нации, или имели к нему непосредственное отношение.

Следовательно, в XVIII столетии происходило формирование и единого национального самосознания, в котором находили отражение интересы всех сословий и других социальных групп России, а также тех нерусских групп населения, которые ассимилировались русским народом. На это сложное переплетение накладывало отпечаток и то, что в России в границах одного государства проживало много других народов, сохранявших свою национальную и религиозную самобытность, а значит, на общегосударственном сознании сказывалось и их влияние.

Необходимо отметить, исследование именно национальной идеологии в XVIII столетии долгое время не было в чести у отечественной *обществен-*

---

[1] Более подробно об этом см.: *Перевезенцев С. В.* Отечества пользы для. М., 1990. С. 32–38; *Перевезенцев С. В.* Русский выбор: Очерки национального сознания. М., 2007. С. 175–194.

[2] Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. XI–XII вв. СПб., 1997. С. 42, 44.

ной науки. Пожалуй, только в известной работе В. В. Зеньковского «История русской философии» можно встретить интересное рассуждение о том, что кристаллизационным ядром, вокруг которого в XVIII в. слагаются интересы и идеи, «является не идея вселенской религиозной миссии (хранение чистоты Православия), как это было раньше, а идеал Великой России»[1]. Поэтому, по мнению В. В. Зеньковского, «исторические сочинения Татищева, Щербатова, Ломоносова, Болтина… вдохновлялись национальным самосознанием, искавшим для себя обоснования вне прежней церковной идеологии».

В России уже в первой половине XVIII в. впервые в отечественной истории в качестве официальной «светской» общенациональной идеологемы утверждается вполне рационалистическая *теория «общей пользы»*, разработанная западноевропейскими учеными. Главная задача этой теории, по мысли ее авторов и адептов, состояла в создании модели равновесия прав и обязанностей различных сословий в производстве и распределении общенациональных благ, что обеспечивало бы благоденственное существование той или иной «нации». Но на русской почве теория «общей пользы» очень быстро принимает гораздо более привычный для русского сердца вид *идеи «пользы Отечества»*. Несколько столетий борьбы за достижение, а потом за обеспечение национального суверенитета к началу XVIII в. жестко закрепили в русском социально-политическом сознании две аксиомы: главная ценность в земном бытии — свобода и независимость Отечества; главное дело всякого русского человека — служение своему Отечеству. В этом отношении можно сказать, что *идея «пользы Отечества» — это рационалистическая трансформация традиционного православного представления о России, как сосредоточении Божией благодати*. А названные сами «аксиомы» сложились в XVIII в. в рамках все большего распространения рационалистического миропонимания, когда традиционное религиозное мышление и поведение из разряда общественно значимых постепенно смещались на уровень личностного поведения и мышления, вовсе необязательного в общественно-политической жизни (впрочем, за исключением одного обязательного компонента — участия в обрядовой жизни Церкви). В итоге, идея «пользы Отечества» довольно быстро занимает господствующее положение в общественном сознании, вытесняя собой предшествующие религиозно-мистические образы «Нового Израиля» и «Нового Иерусалима».

Практически все мыслители XVIII в. важнейшей обязанностью человека считали служение своему Отечеству, ради блага которого нельзя, по их мнению, щадить ни сил, ни здоровья, ни «живота своего». Но служить следует с умом, чтобы приносить Отечеству пользу, а не вред. Нужно отметить, что подобный подход позднее был свойствен русской общественно-политической мысли вообще. Российские мыслители всегда на первый план ставили все же интересы общества и России в целом. Такова уж особенность нашей истории, таков наш жизненный и исторический опыт, который диктовал главное условие самостоятельного, независимого существования Российского государства — «стояти заодно».

Но «пользу Отечества» может обеспечить только сильное государство. Идея мощного национального государства имела свои экономические, соци-

[1] *Зеньковский В. В.* История русской философии. Т. 1. Ч. 1. Л., 1991. С. 93–94.

ально-политические и духовные основания в России. Ведь только сильное самостоятельное национальное государство является политическим гарантом независимости той или иной нации, способной «сверху», силой помочь объединению страны и народа, обеспечить защиту и продвижение национальных приоритетов на международной арене. Таким образом, возникновение сильной государственной власти в России вызывалось, в том числе, этими национальными потребностями. *По сути дела, XVIII в. сплел воедино два важнейших впоследствии для русской истории понятия — единая русская нация и великая держава.* Именно в этом столетии стало ясно — *единая русская нация может жить дальше, только превратив свою Родину в великую державу*.

В итоге, давнее русское представление о духовном смысле исторического бытия России сменилось *идеей светского Российского государства*, объединяющего русский народ только государственными скрепами и не ставящего перед собой задачи достижения каких-либо духовных целей. А в силу того, что в XVIII в. внешняя и внутренняя политика России утрачивает свое религиозное обоснование и приобретает гораздо более прагматический характер, то из официального политического и геополитического дискурса совершенно исчезает и идея устроения Вселенского Православного царства. Тезис о защите угнетенных православных народов русские государи XVIII в. использовали скорее как идеологическое оружие, как идейное обоснование своих гораздо более реалистических устремлений, и не более того. И если ранее ради защиты единоверцев и единоплеменников Россия могла быть втянута в какой-либо вооруженный конфликт, даже не имея никаких преференций, то теперь на первый план ставились, в первую очередь, интересы Отечества, укрепление и упрочнение его позиций.

* * *

Национальное самосознание в предыдущие времена оказывалось напрямую связано с религией. Особенно ярко это проявилось в России, где Православие во многом олицетворяло собой духовность русского народа. Постоянное, на протяжении многих веков, противостояние внешним врагам, которые чаще всего принадлежали к иным вероисповеданиям, крепко связало в народном сознании защиту самостоятельной Православной веры и Церкви с идеей независимости. Тем более что западноевропейский мир неоднократно предпринимал попытки подчинить себе русские земли путем внедрения католичества. Поэтому независимость национальная и государственная мыслилась и как независимость религиозная.

Но в конце XVII — начале XVIII в. религиозное миропонимание постепенно перестает удовлетворять российские образованные круги. Тем более что экономическое развитие диктовало необходимость развития науки, возникла насущная потребность в объяснении проблем окружающего мира из естественных причин. В Западной Европе этот процесс начался раньше и проявился гораздо ярче, что было связано с рядом отличительных особенностей развития России от развития Европы. Во всяком случае, уже в XVII столетии в научном мире европейских стран начинают властвовать два основных философских направления — рационализм и эмпиризм, которые активно пропагандируют идеи самостоятельности человеческого разума,

способности разумного (рационального) и чувственного (эмпирического) познания реальности. Тогда же возникает и получает широкое распространение теория «естественного права», отодвигающая на второй план Божественную волю в объяснении проблем общественной жизни и провозглашающая приоритет «естественных» и «гражданских» законов, т. е. выдвигающая на первый план свободу человеческой воли, способной изменять мир. Нужно, однако, подчеркнуть, что мыслители XVII столетия в своем большинстве не были атеистами, более того, атеизм вполне искренне осуждали. Они оставались верующими людьми, но в силу собственной «светскости» стремились уменьшить сферу влияния Церкви, церковных установлений в жизни человека, отводили отдельной человеческой личности значительную роль в мирских делах.

Однако ни эмпиризм, ни рационализм, ни теория «естественного права» не могли заменить собой религию и Церковь в общественном сознании и всегда оставались «кабинетными» науками, ибо представляли собой скорее методологию научного познания (т. е. разрабатывали методы научного осмысления окружающего мира), а не идеологию. Такого рода идеология появляется уже в середине XVIII в., — *просветительство*. И совсем не случайно вся вторая половина — это уже «эпоха Просвещения» в большинстве европейских стран, благодаря чему и все XVIII столетие прозывается «веком Просвещения».

«Эпоха Просвещения» — явление не столько научно-технической, сколько общественно-политической и культурной жизни. В самом деле, идеи просвещения, необходимости развития науки стали в XVIII столетии одними из главных в общественном сознании многих народов христианской цивилизации. С ними связывался прогресс общества, ибо предполагалось, что только образованные люди способны изменить мир к лучшему, что само распространение знания, образованности уже может привести человечество к созиданию лучшего, чем есть, образа жизни, при котором восторжествуют справедливость, свобода, равенство.

Но здесь необходимо сделать небольшое отступление, разъясняющее одну терминологическую путаницу. Дело в том, что «просвещение народа», «эпоха Просвещения» и «просветительство» — суть три разные вещи. Просвещение народа — задача, в принципе, вневременная, стоящая в той или иной степени перед каждым поколением человечества. Другой вопрос — как, какими средствами оно осуществляется, в каких масштабах мыслится, какое содержание в него вкладывается.

Эпоха Просвещения имеет свою определенную протяженность во времени и пространстве. Началась она раньше всего во Франции, во второй четверти XVIII в., а затем получила распространение в Англии, Германии, России и других странах Старого и Нового Света. Французское же просвещение оказалось и самым ярким, дав миру интереснейших мыслителей, и самым влиятельным, став непосредственной подготовкой Великой Французской революции.

Просветительство — это идеологическое течение, возникшее в XVIII в. на основе развивающихся капиталистических отношений и напрямую связанное с процессами национального становления европейских народов. Оно включает в себя определенные философские, политические, исторические, социально-экономические взгляды, теории, концепции. Основное содержа-

ние этих взглядов составляют определенные социально-политические требования, критика крепостного права, пропаганда идей равенства всех людей, призыв к уважению личности каждого человека, независимо от его происхождения.

С середины XVIII в. и до первого десятилетия века XIX просветительские идеи оказались в определенном роде господствующими в общественном сознании Европы и Северной Америки. Поэтому данный исторический отрезок времени и получил название «эпохи Просвещения». Однако само просветительство появилось раньше и просуществовало намного дольше собственно «эпохи Просвещения». Не сводится просветительство и к просвещению народа, хотя идея просвещения входила в общую идеологию просветительства в качестве одного из основных элементов.

Сразу же необходимо отметить, что просветительство всегда оставалось внутренне противоречивым учением. Помимо различий, зачастую значительных, между теориями разных просветителей, противоречивыми были и сами эти теории. Если говорить о социальных корнях просветительства, то обычно его связывают с возникновением и развитием капиталистических отношений. В таком мнении есть большая доля истины, однако думается, что связывать напрямую духовные и экономические процессы — излишне упрощенное решение. Более того, объявлять просветителей лишь идеологами буржуазии явно неправомерно.

История показывает, что себе «на вооружение» просветительские идеи брали самые разные социальные слои, в том числе и дворянство. Многие просветители, оставаясь дворянами, опередили «свою» национальную буржуазию в идейном развитии, намного раньше поняли бесперспективность феодально-крепостнического устройства общества и стали искать иные, более «разумные» принципы общественной организации. А сами идеи, высказываемые просветителями, никогда не отражали исключительно буржуазных интересов. В этом смысле интересно мнение Ф. Энгельса, который писал, что просветители XVIII столетия выступали «в роли представителей не какого-либо класса, а всего страждущего человечества», и, указывая на эту черту просветительства, отмечал, что «люди, основавшие современное господство буржуазии, были всем чем угодно, но только не людьми буржуазно-ограниченными»[1]. Видимо, одним из возможных объяснений внутренней противоречивости просветительства можно считать мнение, связывающее это течение не только с социально-экономическими процессами, но и с процессами становления наций.

Когда появляется просветительство в России? Когда наступает эпоха Просвещения? На эти вопросы наша наука не дает однозначного ответа[2].

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 190; Т. 20. С. 346.

[2] Дискуссия о зарождении российского просветительства продолжается уже не первый год. К концу XVII в. относят время рождения просветительства П. Н. Берков и А. П. Валицкая. См.: *Берков П. Н.* Основные вопросы изучения русского просветительства // Проблемы Просвещения в литературе XVIII века. М.; Л., 1961; *Валицкая А. П.* Русская эстетика XVIII века. М., 1983. Ряд ученых считает, что начало просветительству было положено в первой половине XVIII века. См.: *Бетяев Я. Д.* Общественно-политическая и философская мысль России в первой половине XVIII в. Саранск, 1959; *Кузьмин А. Г.* Русское просветительство XVIII века // Вопросы истории. 1978. № 1; *Уткина Н. Ф.* Проблемы русского Просвещения XVIII века // Некоторые особенности русской философской мысли XVIII в. М., 1987. Другие исследователи считают, что просветительство зародилось в 60-е годы

Обычно принято начинать отсчет российского просветительства с середины XVIII века. Объяснение тому достаточно привычно: именно к этому времени в России уже сложился капиталистический уклад. Но такое объяснение неудовлетворительно. Тем более что и капиталистический уклад в России был довольно-таки неразвитым. Поэтому для снятия противоречия, видимо, надо поменять угол зрения и признать, что все социальные, экономические, политические, культурные и религиозные процессы шли в пределах другого, более общего исторического процесса — формирования русской нации.

И если рассматривать просветительство через призму процесса формирования русской нации, то станет ясно, что *русское просветительство XVIII в. — это проект по созданию единого русского национального самосознания в новых социально-экономических и политических условиях.* В своем стремлении стать формой выражения национального самосознания просветительство, естественным образом, всегда оказывалось противоречивым. Просветителям приходилось в своих теоретических выкладках и практических рекомендациях балансировать на сочетании, во-первых, интересов разных социальных групп, во-вторых, интересов узкоклассовых и общенациональных, а в России еще и на сочетании интересов разных народов.

Причем именно в России, в большей степени, нежели в других странах, просветители ориентировались, прежде всего, на общенациональные интересы и крайне осторожно относились к различным нововведениям «буржуазного» толка. Более того, во многом благодаря просветительству «буржуазно-ограниченными» не стали и лучшие мыслители России XIX столетия. И подобная идейная преемственность, определившая довольно специфический характер общественной мысли России на долгое время, несомненна.

Русские просветители XVIII в. смотрели на развитие новых для них экономических и социальных отношений, которые теперь называются капиталистическими, прежде всего с позиций усиления Российского государства, с точки зрения обеспечения национальных интересов. Потому-то и был уловлен наиболее чуткими из них ход возникновения капитализма в России в самом начале, когда о становлении капиталистического уклада в экономике говорить было просто невозможно, а были отдельные факты, тенденции, потребности. Но уже и отдельные факты, тенденции и потребности свидетельствовали, что существуют некие новые условия, которые позволяют России стать Великой Державой.

Для отечественных просветителей государство представлялось той силой, которая могла бы примирить интересы различных социальных сил и управлять ими. Поэтому практически все просветители активно разрабатывали идеи сильного государства, способного сохранять спокойствие внутри страны и отстаивать интересы «своей» нации на международной арене.

Русское просветительство, по сути дела, попыталось выступать одновременно и в роли духовного наследника Православной традиции, и в качестве носителя рационалистической традиции научного мышления. С одной стороны, просветительство стремилось выразить национальные потребности, стать формой выражения национального самосознания в новых полити-

---

XVIII века. См.: *Штранге М. М.* Демократическая интеллигенция в России. М., 1968; *Щипанов И. Я.* Философия русского Просвещения. Вторая половина XVIII века. М., 1971; *Моряков В. И.* Из истории эволюции общественно-политических взглядов просветителей конца XVIII века. М., 1981 и др.

ческих и социально-экономических условиях, которые требовали «мирского» осмысления. С другой стороны, просветительство сохраняло определенную религиозность, ведь сами русские просветители в большинстве своем субъективно оставались верующими людьми, признавали существование Бога, включали Его в свои мировоззренческие системы. Кстати, так было и в других странах Европы. Наверное, только во французском просветительстве антиклерикализм стал одной из главных составляющих, вылившись даже в атеизм, что особенно ярко выразилось в трудах П. Гольбаха. В просветительстве же других европейских стран Божественная воля никогда полностью не отрицалась, а трансформировалась в веру в некую иную, сверхъестественную силу — Разум, организующий мир. Иначе говоря, религиозность изменила свое содержание, но сохранялась как явление. Поэтому большинство просветителей критиковали не столько веру, сколько Церковь за ее неправильное, по их мнению, толкование сущности Бога.

Но вполне понятно, что уже такие идейные установки довольно резко противостояли позициям официальной Церкви в любой ее разновидности. Сама возможность «мирского» познания, признаваемая и активно пропагандируемая просветителями, вызывала вполне естественное неприятие Церкви, ибо в данном случае, с одной стороны, подвергался сомнению один из важнейших постулатов — непознаваемость Бога, а с другой стороны — Церковь лишалась права на духовное наставничество.

И в этом отношении идеи просветителей заслуживают особого внимания. *В отличие от своих предшественников — ученых XVII столетия — они превратили науку в идеологию, т. е. в социальную силу, с помощью которой можно изменять мир*. Именно в учениях просветителей не только идеал единой нации, но и идеал свободной человеческой личности, зародившиеся в предыдущие времена, прорвали многовековые узы корпоративного и сословного сознания Средневековья, впервые в истории получили всеевропейское распространение, стали близки различным социальным группам, более того — начали оказывать влияние на общественно-политическую жизнь многих европейских стран.

Конечно же, мы не должны забывать, что одновременно с возникновением такого идеала свободной личности и стремлением воплотить его в жизнь значительно усложнились проблемы взаимоотношения личности и общества в целом. А быстро прогрессирующий «эгоизм отдельной личности» вызывал нравственный протест у многих и, в первую очередь, у российских мыслителей XIX столетия. Но ведь это вина не одних только просветителей, а беда, а может быть, и трагедия всего человеческого общества, избравшего подобный путь развития. Тем более что сами просветители настойчиво искали решение проблемы гармоничного существования личности и общества, никогда не противопоставляя общественным интересам устремления отдельной личности, а пытались совместить их. И особенно характерно это именно для российского просветительства.

Российское просветительство XVIII в. — явление сложное и неоднозначное. Наверное, духовные поиски просветителей, их осторожные попытки заменить традиционную веру упованиями на силу человеческого разума не могут и не должны служить ныне примером для подражания. Уж больно дискредитировал себя «свободный человеческий разум» за последние два века. И, кстати говоря, возможно, именно по этой причине просветитель-

ство так и не выполнило поставленную перед собой задачу — оно так и не стало новой формой национального самосознания. Да, приверженность просветительским идеалам была характерна для значительной части образованного общества России. Но народ, принимая некоторые новые веяния, в подавляющим большинстве своем оставался вполне традиционным и православным — и в духовном, и в идейном, и в бытовом отношениях. Подобное отношение народа к различным идейным и религиозным новшествам стало одной из главных причин рождения уже в следующем, XIX столетии великой русской национальной культуры и великой русской национальной философской и социально-политической мыслительной традиции — это был ответ национально мыслящей интеллигенции на запросы своего народа.

И все же думается, столь страстное желание просветителей объединить усилия всех жителей Российского государства, найти нечто общее для всех, помочь России стать истинной великой державой заслуживают искреннего внимания.

* * *

Всякое свободное национальное государство, а тем более государство, претендующее на роль великой державы, обязательно должно иметь великую историю, на которую может и должна опираться в ходе своего исторического существования. Это мнение в XVII–XVIII вв. становится господствующим в Европе, потому в разных европейских странах (в Швеции, Германии, Франции, Англии и др.) достаточно быстро складываются национальные школы исторической науки, которые начинают активно изучать прошлое своих народов и, одновременно, конкурировать между собой в деле обеспечения национальных приоритетов. Несомненным подспорьем для новоявленных историков оказывается рационалистическая методология исторического познания, предполагающая обязательную критику источников и допускающая различные интерпретации одних и тех же исторических событий. На этом фоне уже в XVII в. появляются первые обобщающие труды по истории народов Европы, некоторые из них приобретают статус классических, как, например, книга немецкого историка и юриста С. Пуфендорфа[1].

Вполне естественно, что и в России возникает необходимость в создании собственных исторических сочинений, написанных с одной стороны, на научных, рационалистических основаниях, но, с другой стороны, отвечающих на запрос по формированию общенациональной идеологии. И снова инициатором этого процесса выступает государство, точнее, государь — Петр I. Царь обращается с просьбой о создании исторического труда к своему ближайшему соратнику Я. В. Брюсу, а тот, за неимением времени, перепоручает это дело своему сотруднику — Василию Татищеву, которому он еще раньше поручил заняться написанием российской географии.

---

[1] См. напр.: *Pufendorff S.* Einleitung zu der Historie der Vornehmsten Reiche und Staaten, so itziger Zeit in Europa sich befinden. Francfurt am Mayn, 1684. Та же книга в переводе на латынь: *Pufendorfii S.* Introductio ad Historiam Europeam. Latina redcita a Jo. Frid. Cramero. Ultrajecti, 1692. Та же книга в переводах на русский язык: *Пуфендорф С.* Введение в гисторию европейскую. 1-е изд. СПб., 1718; 2-е изд. 1723; *Пуфендорф С.* Введение в историю знатнейших европейских государств. Ч. 1–2. СПб., 1767–1777.

Так в России появляется первый русский историк — Василий Никитич Татищев (1686–1754). В течение тридцати лет (с 1719 по 1750 гг.) он работал над созданием первого фундаментального научного многотомного труда «История Российская». В ходе работы Татищев открыл для науки важнейшие документы — «Русскую Правду», «Судебник 1550 года», «Книгу Большого Чертежа» и др., нашел редчайшие летописи, сведения которых сохранились только в его «Истории», так как его архив сгорел во время пожара. В исторической науке Татищев выступает новатором не только российского, но и европейского масштаба: своей «Истории» он предпосылает «Предъизвесчение», т. е. предисловие, которое под его пером превращается в методологическое введение. Нужно отметить, что подобного рода методологическое введение, в котором автор раскрывает и обосновывает свои теоретические и методические принципы, проводит анализ предшествующей историографии, классифицирует и характеризует источники, обосновывает периодизацию отечественной истории, дает определение предмета истории, определяет задачи и состав самой «Истории Российской», — это уникальное явление в европейской исторической науке XVII–XVIII веков. Сравнительный анализ исторических сочинений Татищева с работами предшествующих и современных ему европейских историков показывает, что в их трудах не было такого рода глубоких рассуждений о принципах и методах исторического исследования. К сожалению, при жизни Василия Никитича «История Российская» так и не была опубликована, а истинное ее значение и для науки, и для становления национального самосознания было понято только в XIX столетии.

Но вслед Татищеву приходят иные историки, может быть, не столь дотошные и основательные, каким был Василий Никитич, но, тем не менее, сыгравшие значительную роль в становлении отечественной исторической науки и русского национального самосознания. Наверное, на первом месте — и по масштабу сделанного, и по уровню научности, и по влиянию на умы современников и потомков — стоит, конечно же, Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765). Исторические и филологические работы М. В. Ломоносова стали одной из важнейших основ научного изучения российской истории и русского языка. Многие сочинения Ломоносова раскрывают его как ученого-просветителя, безгранично верившего в творческие силы россиян. Характерно в этом отношении его произведение «О сохранении и размножении российского народа» (1761), проникнутое тревогой за судьбы соотечественников. В нем Ломоносов предлагает программу сохранения и увеличения населения страны, включающую конкретные шаги по улучшению быта народа, его благосостояния путем распространения культуры, научных и медицинских знаний. Защита интересов Отечества, борьба за развитие науки и просвещения характеризуют Ломоносова как яркого патриота и хранителя России.

Князь Михаил Михайлович Щербатов (1733–1790) с 1767 г. занимал должность историографа, а затем и герольдмейстера Сената (с 1771 г.). Именно в эти годы Щербатов начал проводить исторические изыскания, которые оказались делом всей его жизни, а результатом стала семитомная «История Российская от древнейших времен», издававшаяся по мере создания отдельными томами на протяжении двадцати лет — с 1770 по 1791 год. Кроме того, благодаря Щербатову были изданы найденные им в архивах разнообразные

исторические источники: «Царственная книга», «Царственный летописец», «Журналы Петра Великого», «Письма Петра Великого» и другие.

Близкими к созданию трудов по истории России, как по своим задачам, так и по своему значению, были и сочинения по исследованию русского языка, где снова нужно отметить роль М. В. Ломоносова. Интересно в этом отношении его произведение «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке», которым Ломоносов подытожил свой многолетний труд по мобилизации всех живых национальных сил «русского литературного языка, чтобы повысить, с одной стороны, его сопротивляемость чужеродным вторжениям и чтобы, с другой стороны, сделав научную и литературную речь общепонятной, обеспечить внедрение науки и литературы в национальный быт»[1].

Рядом с Ломоносовым и даже в конкуренции с ним находился другой талантливый русский поэт и мыслитель — Василий Кириллович Тредиаковский (1703–1769). Наряду с М. В. Ломоносовым, Тредиаковский был одним из первых филологов-теоретиков, стремившимся обосновать собственное видение правил русского стихосложения, спорил с Ломоносовым по этим проблемам. В 1735 г. он опубликовал трактат «Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих знаний», в котором дал обоснование силлабо-тонического стихосложения. В 1745 г. произнес программное «Слово о богатом, различном, искусном и несходственном витийстве», в котором изложил принципы полной синтаксической свободы смешения «славенщизны» с просторечием. В 1748 г. Тредиаковский опубликовал «Разговор об ортографии» — первый в русской науке труд по фонетике русского языка. А в своем сочинении «Три разсуждения о трех главнейших древностях Российских» Тредиаковский в научной форме приводит доказательства превосходства и первичности русского («славенскаго») языка перед остальными, исключительного места русского народа в мировой истории. Конечно, сегодня многими исследователями признается слабость и натянутость научных изысканий Тредиаковского, однако подчеркивается, что размышления Тредиаковского идут в духе западноевропейских мыслителей того времени, отстаивающих особые права своих народов.

* * *

Идея «пользы Отечества» и идея сильного светского государства оказались присущи всем социально-политическим концептам, рожденным русской мыслью в XVIII столетии. Но это были основополагающие, фундаментальные идеи. Однако конкретное содержание этих идей (в чем заключается «польза Отечества»; каковы формы организации и цели сильного государства?) разные мыслители видели по-разному. Можно, несколько условно, выделить четыре основных направления в отечественной социально-политической мысли XVIII в.: *государственническое; консервативно-просветительское*; *радикально-просветительское*; *традиционалистско-православное*. Естественно, что наибольшими консерваторами по своей сути были

[1] *Блок Г. П., Макеева В. Н.* Примечания // *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч.. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 894.

православные традиционалисты. Впрочем, при всей своей устремленности к обновлению России мировоззрение представителей государственнического и консервативно-просветительского направления тоже отличалось заметным консерватизмом, но уже, скорее, не в традиционном русском, а в европейском понимании этого явления. И только просветители-радикалы в своих идеях пытались не только приблизиться, но и «обогнать» самых отъявленных европейских революционеров — якобинцев.

Последователи *государственнического направления* своим главным делом считали теоретическое обоснование сложившейся в первой половине XVIII в. модели политического устройства России — абсолютной монархии. Именно идею неограниченной власти русского государя, так или иначе присутствующую в отдельных сочинениях русских книжников XVI–XVII вв., мыслители-государственники в XVIII столетии восприняли как единственную традиционную, развили и дополнили ее в необходимом для себя ключе. В этом отношении самыми яркими представителями государственнического направления можно считать Феофана Прокоповича и Императрицу Екатерину II.

Архиепископ Новгородский и вице-президент Святейшего Синода Феофан Прокопович (1681–1736), будучи рационалистом, по своим религиозным и церковным предпочтениям стоял ближе к протестантизму, нежели к Православию, почему неоднократно обвинялся в еретичестве, особенно после смерти Петра I. Но именно Феофан Прокопович стал главным государственным идеологом не только петровского времени, а, фактически, всего XVIII в., став автором важнейших церковно-политических и политических сочинений: «Духовного регламента» (1721) и «Правды воли монаршей» (1722), утверждающей божественное происхождение царской власти. В своих рассуждениях на политические темы Ф. Прокопович основывался на теории естественного права, поэтому в его сочинениях мы найдем противоречивое соединение нового для России рационалистического мышления и традиционного теологического мировоззрения. Придерживаясь теории двух истин (религиозной и «светской»), Прокопович настаивал на необходимости опираться и на доводы естественного разума, и на исторические примеры, и на «законы народные», и на Слово Божие. В этом отношении он предложил новое обоснование идеи и практики абсолютной монархии, истинность которой Прокопович доказывает как рационалистическими методами и ссылками на научные авторитеты, так и традиционными богословскими обоснованиями, и ссылками, прежде всего, на авторитет Священного Писания и сочинения Отцов Церкви. Сам термин «самодержавие» Прокопович стал употреблять в смысле неограниченной власти императора. Его прежнее содержание, означавшее суверенность и независимость государства, утратилось, и отныне данный термин стал обозначать только верховную, неограниченную власть. В таком именно значении он употреблялся и употребляется в XIX, XX и XXI веках.

Императрица Екатерина II Алексеевна (1729–1796) в первые годы правления была очень увлечена идеями французских просветителей — Вольтера, Дидро, Монтескье, Д'Аламбера, вела с некоторыми из них переписку, советовалась с ними, материально их поддерживала. Она считала себя просвещенной государыней, которая сможет с помощью справедливых законов установить в России столь пропагандируемую француз-

скими мыслителями «просвещенную монархию». В 1767 г. Императрица созвала Уложéнную комиссию, главной задачей которой была разработка нового Уложения — Свода законов Российской империи. Для работы в Уложенной комиссии со всей страны съехались депутаты, представители различных сословий: дворянства, духовенства, купечества, государственных крестьян. К началу работы Комиссии Екатерина лично написала «Наказ», в котором выразила свои мысли о справедливой, «просвещенной монархии».

Но представления Екатерины II о «просвещенной монархии» значительно отличались от идей французских просветителей. Екатерина II считала, что в России император должен иметь абсолютную, ничем и никем неограниченную власть, ведь Россия — очень большое государство, и иначе управлять таким государством невозможно. Рассуждая о равенстве и справедливости, Екатерина утверждала, что российское общество должно быть поделено на сословия. Высшим сословием она считала дворянство, которое должно пользоваться исключительными правами и привилегиями. Ведь, по убеждению Екатерины, именно дворяне являются главной опорой империи и императорской власти. В свою очередь, определенные права и обязанности должны быть у купечества, у городских жителей, у государственных крестьян. И только крепостные крестьяне не могут обладать никакими правами, потому что являются собственностью дворян. Екатерина вовсе не собиралась лишать дворянство, которое было опорой ее власти, главного богатства — крепостных крестьян. Она и не помышляла о воле для крестьян, но, в то же время, призвала помещиков к гуманному обращению с крестьянами. Однако с самого начала работы Комиссии вскрылись острые противоречия между представителями разных сословных групп, входивших в нее. Кроме того, в 1768 г. началась война с Турцией, и деятельность Комиссии была приостановлена, а затем и вовсе прекращена. Екатерининский проект о выработке нового Свода законов так и остался нереализованным. Тем не менее Императрица Екатерина II попыталась воплотить в жизнь некоторые идеи французских просветителей, но войны с Турцией и Пугачевский бунт несколько охладили реформаторский пыл государыни. Впрочем, после подавления Пугачевского бунта Екатерина II продолжила свои реформы, правда, теперь она более не стремилась к составлению законов, защищающих права ее подданных, а заботилась об укреплении уже существующих основ российской государственности.

Консервативно-просветительское направление представлено широким кругом русских мыслителей. Одним из первых, кто уже в первой половине XVIII в. увидел новые явления в жизни России и попытался осмыслить их с просветительских позиций, стал Василий Никитич Татищев. Понимая, что России необходимо самой найти свою историческую дорогу, ведущую в будущее, Татищев попытался использовать самые современные тогда достижения западноевропейской науки, преломив их в соответствии с отечественным историческим опытом. Именно потому он и оказался человеком, стоявшим у истоков зарождения многих тенденций в русской философской и общественно-политической жизни.

Так, впервые в истории российской общественной мысли Татищев рассматривал все проблемы с позиций философского деизма, методологической

основы всего просветительского мировоззрения[1]. Деисты в своих учениях соединяли материалистические и идеалистические воззрения. Соединение это было чаще всего механическим, потому-то деизм и был всегда внутренне противоречивым. Но сам факт уравнения деистами Божественного Промысла (т. е. идеального) и «естественного бытия» (т. е. материального) сыграл значительную роль в истории.

Если Татищев раздумывал над проблемами соотношения материального и идеального с деистических позиций чисто теоретически, то впоследствии Михаил Васильевич Ломоносов, стремясь связать философию с выводами естествознания, стал искать естественнонаучные доказательства материальности мира. М. В. Ломоносов, вслед за Татищевым, но независимо от него, пришел к признанию единства природы. «Я натуру нахожу везде себе подобную, — писал он. — Я вижу, что лучи, от самых отдаленных звезд к нам приходящие, с тем же законом в отвращении и преломлении, которым и солнечное и земного огня лучи последуют и для того то же средство и свойство имеют. Подобным образом уверясь, что и в кометах воздух и пары те же, как здешние, имеют свойства»[2].

Много размышлял Ломоносов и над понятием «материя». В его работах можно встретить несколько уточняющих друг друга определений. «Материя есть то, из чего состоит тело и от чего зависит его сущность», — писал он в «Опыте теории о нечувствительных частицах»[3]. В другом месте встречается и такое определение: «…Материя есть протяженное несопроницаемое, делимое на нечувствительные части (сперва, однако, надо сказать, что тела состоят из материи и формы, и показать, что последняя зависит от первой)»[4].

Деистической картины мира придерживались и другие российские просветители, продолжая большей частью ломоносовскую линию. Интересны в этом отношении суждения Дмитрия Сергеевича Аничкова (1733–1788) о соотношении души и тела, т. е. идеального и материального в его «Слове о разных способах, теснейший союз души с телом изъясняющих»[5]. Другой мыслитель второй половины XVIII в. Яков Павлович Козельский (1728–1794) в своем труде «Философические предложения», говоря о натуре (т. е. природе), строго разграничивает «натуральное» или естественное от «вышенатурального», «вышеестественного» или сверхъестественного[6].

История показывает, что увлечение просветителей деизмом стало одним из этапов в рождении и распространении материалистических учений. Впрочем, свои крайние формы выражения — вплоть до атеизма — материализм XVIII в. нашел, как уже говорилось, только во французском просветительстве. И, тем не менее, проблема остается. Противоречивое восприятие просветителями идеи Бога, их стремление все и вся объяснить естественны-

---

[1] О деизме см.: *Милюков П. Н.* Главные течения русской исторической мысли. Т. 1. М., 1897; *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. М., 1941; *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII века. Ч. 2. Л., 1965; *Кузьмин А. Г.* Татищев. М., 1987; *Перевезенцев С. В.* Отечества пользы для. М., 1990; *Шкуринов П. С.* Философия в России XVIII века. М., 1992 и др.

[2] *Ломоносов М. В.* Избранные философские произведения. М., 1950. С. 357.

[3] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 1. М.; Л., 1950. С. 173.

[4] *Ломоносов М. В.* Избранные философские произведения. С. 92.

[5] Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века: в 2-х т. Т. 1. 1952. С. 134–151.

[6] Там же. С. 452–458.

ми причинами сыграло двоякую роль в истории. С одной стороны, их пропаганда научного знания, открытое воспевание человеческой свободы как бы двинули вперед всю европейскую цивилизацию, раскрепостив человеческую личность. Но, с другой стороны, результатом такового мировосприятия стало все более ширящееся убеждение людей в их способности жить без Бога, более того, устраивать жизнь лучше Бога. Отказ от понимания мира как Божественного Творения означал и отказ от вечных и Высших истин. Получалось, что человек сам, без Божией помощи может построить справедливый и счастливый мир. Если нет Бога с его законами, то человек должен сам устанавливать свои законы, сам решать, как ему жить.

Исторический же опыт свидетельствует, что отказ от Высших, Божественных истин всегда приводит человека не к счастью, но к торжеству самопроизвола, к довольно быстрой замене Бога Небесного на бога земного, к возникновению религиозности в иных, более низких, более искаженных, «идолопоклонских» формах. Кстати, это случилось уже в конце XVIII в., когда якобинцы попытались установить во Франции новый религиозный культ Разума. И в этом смысле XVIII в. стал временем, когда европейский человек впервые за последние столетия задумался — а на что способен он сам, без Бога? Естественно, подобный вопрос встал и перед русским человеком.

Впрочем, русские просветители XVIII столетия никогда не отрицали саму идею Бога. И это не случайно, ведь для русского сознания вообще, и русского философствования, в частности, наиболее органичным всегда было и остается религиозно-мифологическое мировосприятие. Так и мыслители XVIII в. были критически настроены по отношению к Церкви, а не к религии как таковой. Более того, главной целью русского просветительства было все то же, присущее всему отечественному любомудрию, стремление понять итоговый замысел Божий, но только не с помощью теологии, а посредством человеческого разума, с помощью науки. А ведь в XVIII в. наука достигла поразительных успехов, открывая все новые и новые «тайны естества». Ну, как тут было не увлечься изучением «естественных» законов!

Вот и просветители облекали свое деистическое мировоззрение в форму «естественного закона» или, иначе, в форму теории «естественного права». Что же это за «естественный закон»? Уже В. Н. Татищев считал, что мир развивается по определенным законам — по Божественному, который изначально заложен Господом, и по «естественному», который вырабатывается в мире (природе и обществе) сам по себе. При этом Татищев не отрицал Божественный закон в пользу «естественного», но пытался, опять же деистически, совместить эти два закона. Самым важным в рассуждениях Татищева о «естественном законе» является то, что на первое место выходит разумная любовь к себе или, иначе, принцип «разумного эгоизма», в этом и заключается суть «естественного закона». В этом случае целью существования человека становится достижение «истинного благополучия, т. е. спокойствия души и совести». Любовь к ближнему, даже любовь к Богу — только для собственного благополучия[1]. Вот и получается, что впервые в истории российской общественной мысли В. Н. Татищев поставил в центр своей концепции человека. Человек — вот точка отсчета всего миропонимания Василия Никитича.

[1] *Татищев В. Н.* Избранные произведения. Л., 1979. С. 61.

Впрочем, в татищевском понимании «естественного закона» есть и еще одна примечательная для отечественной историко-философской традиции особенность: в толковании «естественного закона» он подчеркивает необходимость любви — любить нужно себя самого, Бога, ближнего своего. В западноевропейских учениях того времени человеческие отношения рассматривались, в первую очередь, с позиции «разума» и сам «естественный закон» осмысливался исключительно через призму прав и обязанностей человека. Для Татищева же идеи любви и идея «естественного закона» неразделимы. Видимо, он не мог воспринимать теорию естественного права как просто юридическую, отвлеченную от нравственных категорий. Для него было важно придать этой теории человеческое, нравственное звучание, что было вообще характерно для русской общественной мысли.

Антропоцентрическая направленность была продолжена и развита другими мыслителями во второй половине XVIII века. Николай Никитич Поповский (1726–1760) включил в свое определение предмета философии учение о человеке и его благе. Он считал, что «благополучие, то есть всех наших действий внешних и внутренних естественная причина, в самом подлинном виде лице свое показывает»[1]. Примерно о том же говорил в своих «Речах» и «Словах» профессор Московского университета Антон Алексеевич Барсов (1730–1791), когда утверждал, что философия «приобучает разум к твердому познанию истины, чтобы оный напоследок знать мог, в чем наше истинное благополучие заключается»[2]. В этом же духе высказывался и Я. П. Козельский: «Кажется мне, лучше определить философию наукою благополучия», ибо философия «подает человеку всевозможные средства добрые к приобретению благополучия»[3].

Однако столь большое внимание, уделяемое просветителями теме «свободного», «эгоистического» человека, имело в России свое нравственное обоснование и весьма жесткие рамки. Пристальное внимание к индивидуальности, выделение сознания отдельного индивида, как основы сознания вообще началось в Европе еще в эпоху Возрождения, вылившись в философию гуманизма. Для Нового времени характерен рационализм, как идейное выражение новых отношений, который по сравнению с гуманизмом более «эгоистичен»[4]. Но в середине XVIII столетия теория «естественного права» с ее проповедью «разумного эгоизма» носила совершенно иной характер, чем в позднейшие времена, когда буржуазный «эгоистический человек» стал и в теории, и в реальной жизни отрицать христианские нормы морали и нравственности, а свои собственные желания и устремления стал объявлять общественными потребностями. По мнению просветителей, чувства и воля человека должны сдерживаться разумом, иначе существование человеческого общества просто невозможно. Да, человек обязан во всем исходить из «пользы для себя», но делать он это должен разумно, соотнося свои желания с желаниями других людей и общества в целом.

---

[1] Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. 1. С. 88.

[2] Там же. С. 107.

[3] Там же. С. 426.

[4] См. напр.: *Чичерин Б. Н.* История политических учений. Ч. 2. М., 1872; *Новгородцев П. И.* Учения Нового времени XVI–XVIII вв. М., 1904; *Мотрошилова Н. В.* Познание и общество. М., 1969; *Нарский Н. С.* Западноевропейская философия XVIII века. М., 1973 и др.

Еще Татищев писал: «Тако, зане человек по естеству желает быть благополучен, но оное никако без помощи других приобрести и сохранить не можем, убо должны мы оных, от кого какую любовь или милость получили, возмездно любить, или от кого паче надеемся милость, помощь или добродеяние получить, должны ему заимственно от нас самих равное изъявить»[1]. Татищеву вторил Н. Н. Поповский, утверждавший, что главная цель науки — искать «пути и средства всему человеческому благополучию»[2]. Кроме того, он говорил, что «мы в своем счастии не должны рассуждать только по одному своему состоянию, но по общему концу и пользе всех тварей»[3].

Рационалистическое мышление заставляло в XVIII в. искать в любом деле прежде всего «пользу». Уже говорилось, что идея «общей пользы» главенствовала и в теоретических трактатах западноевропейских ученых, и в практических деяниях правителей европейских государств. Для российских просветителей идея «общей пользы» довольно рано и прочно трансформировалась в идею «пользы Отечества».

Осознание глубокой взаимосвязи судьбы отдельной личности с судьбой всей России на долгие времена определило и то, что, начиная с XVIII в., важнейшим предметом размышлений, порой мучительных раздумий отечественных мыслителей стало положение русского народа. Именно просветители впервые критически взглянули на основу основ — крепостное право, ибо именно крепостная зависимость крестьян вступала в противоречие с идеей «пользы Отечества».

Уже в 30-е годы XVIII столетия В. Н. Татищев пришел к выводу: «Воля по естеству человеку толико нуждна и полезна, что ни едино благополучие ей сравняться не может и ничто ея достоино, ибо кто воли лишаем, тот купно всех благополучий лишается или приобрести и сохранить не благонадежен». После этой мысли Татищев делает отступление, рассуждая о том, что для обеспечения нормального общежития необходимо заключение «общественного договора» между разными категориями населения. Иначе говоря, «воле человека положена узда неволи для его же пользы»[4].

Приводя разные примеры «узды неволи», Татищев называет и крепостное право, как договор между холопом и господином. Однако уже в конце жизни он выражал серьезные сомнения в экономической эффективности и целесообразности крепостничества. Более того, он считал, что введение крепостного права в начале XVII в. принесло большой вред России (вызвало Смуту), и призывал серьезно продумать вопрос о «восстановлении» бывшей когда-то на Руси вольности крестьян. И недаром именно ему принадлежат слова: «…Рабство и неволя противу закона христианского»[5].

Просветители второй половины XVIII столетия также большое значение придавали правовому положению крестьянства в Российском государстве. Некоторые из них приняли активное участие в работе Уложенной комиссии. Характерна в этом отношении записка профессора юриспруденции Москов-

---

[1] *Татищев В. Н.* Избранные произведения. С. 61.

[2] Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. 1. С. 90.

[3] *Поповский Н. Н.* Опыт о человеке господина Попа. М., 1787. С. 7.

[4] *Татищев В. Н.* Избранные произведения. С. 121.

[5] *Татищев В. Н.* История Российская. Т. VII. М.; Л., 1968. С. 360; *Татищев В. Н.* Избранные произведения. С. 125, 381.

ского университета Семена Ефимовича Десницкого (ок. 1740–1789) «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи». С. Е. Десницкий довольно резко выступал за обеспечение прав крестьянства, как он говорил, «нижнего рода»: «Оное состоит в утверждении навсегда свободы человеку, единожды оную от господина своего получившему, равномерно и его потомству с запрещением вступить снова в крепость». Также резко требовал он прекратить продажи крестьян, ибо они «противны человеколюбию, пагубны для государства, вредны самим помещикам»[1].

В защиту крестьян выступал коллега Десницкого, профессор Иван Андреевич Третьяков (1735–1776), который доказывал полную экономическую несостоятельность крепостного труда[2]. Осуждал произвол и беззаконие помещиков и Алексей Яковлевич Поленов (1738–1816), написавший целое сочинение под названием «О крепостном состоянии крестьян в России». В этом сочинении он утверждал, что рабство — это следствие насилия в войнах, т. е. рабы — это захваченные в войнах пленные. Что касается современного ему положения дел, то Поленов считал необходимыми ряд мер для улучшения положения крестьян, ибо крестьяне унижены и угнетены: 1) уничтожение торговли людьми; 2) усиление воспитания крестьян; 3) разрешение собственности крестьян на движимое имущество; 4) введение крестьянских судов (своих крестьян в то время помещики судили по собственному произволу)[3].

Теоретически обосновывал необходимость равенства всех людей Н. Н. Поповский: «Мы по естеству все равны, и нет достойнейшего, ибо Бог никого не любит больше прочих, следовательно, и счастие должно быть всем одно и общее. Потому здравие, красота, благородство, богатство и прочие не могут быть первым и общим блаженством; понеже не всем они достаются, и притом переменяются, а счастие должно быть у всех и непрерывно»[4].

Российские просветители XVIII в. многое сделали для пропаганды идей равенства. Однако не стоит из этого делать вывод о «революционности» их мировоззрения. Большинство из них не могли быть революционерами по самой логике исторического развития, да и не должны были ими быть. Ведь, стоит повториться, просветители выступали как выразители интересов всей нации, всего Отечества, стремились учесть в своих «Словах», «Речах», «Рассуждениях» и «Разговорах» требования различных социальных сил, привести их к некому единому знаменателю. Они искали пути и средства для достижения процветания собственного Отечества.

Именно поэтому все они прекрасно понимали и активно поддерживали идею единого национального государства, идею России, как Великой Державы. Какова могла быть форма этого государства? Большинство просветителей видели Российское государство самодержавным, во главе с «хорошим царем» — «философом на троне», «просвещенным монархом». По их мнению, народ заключает с монархом «общественный договор» для того, чтобы

---

[1] Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. 1. С. 322.

[2] Там же. С. 353–363.

[3] Там же. Т. 2. С. 7–29.

[4] *Поповский Н. Н.* Опыт о человеке господина Попа. С. 7.

последний обеспечивал достойное существование государства, соблюдал законы, заботился о своем народе. «Премудрый и истинный тот государь, — говорил, например, Н. Н. Поповский, — который о средствах исправления нравов, т. е. о просвещении учением подданных своих печется. Судии помощию здравой философии толкуя законы не по словам и внешнему знаменованию, но по самым обстоятельствам и правосудию, пресекают дорогу бесстыдным клеветникам употреблять на зло монаршеские учреждения и под видом закона беззаконно утеснять неповинное гражданство». «Подданные» же, доказывал Николай Никитич, «чрез доброе и честное воспитание снискивают благородные мысли, правые рассуждения, неповрежденные о всякой вещи мнения… Просвещенный ум подает им подробное понятие истинного зла и добра; научает дружелюбию, беспритворной откровенности и неповинному обхождению»[1].

Но вот, что интересно. Именно размышления о благе Отечества, о величии русского народа приводили просветителей к достаточно вольнодумным выводам. Уже говорилось о позиции просветителей по крестьянскому вопросу. Но заслуга мыслителей XVIII в. не только в том, что они подняли крестьянскую проблему, но и в том, что увидели непосредственную ее связь с политическим строем. Еще В. Н. Татищев осторожно заметил по этому поводу: вольность крестьян «с нашею формою правления монаршеского не согласует, и вкоренившийся обычай неволи переменить небезопасно»[2].

Однако, размышляя о сущности российской государственности, Татищев пришел к выводу о том, что в России наиболее целесообразной формой государства может быть только монархия. Географические условия, размер территории, уровень просвещения народа — вот главные факторы, определяющие форму государства в той или иной стране. Россия — это великое государство и географически, и политически. В подобных великих государствах, по убеждению Татищева, не может быть ни демократии, ни аристократии, в доказательство чего он приводит многочисленные примеры вреда того и другого для России — Смуту, «семибоярщину» и др. Поэтому «всяк благоразсудный видеть может, колико самовластное правительство у нас всех полезнее, а протчие опасны». Из-за обширности территорий, сложности географии и, главное, непросвещенности народа В.Н. Татищев и считал, что для России наиболее приемлемым государственным строем является монархия[3].

Но дело в том, что Василий Никитич мыслил монархию в России не абсолютной и бесконтрольно самовластной, а, во-первых, просвещенной, и, во-вторых, ограниченной законом. Об этом ярко свидетельствует его проект ограниченной (конституционной) монархии, который был написан им в 1730 году. Конечно, проект не мог быть воплощен в жизнь, но он точно показывает, в каком направлении развивалась просветительская мысль в России[4].

Впрочем, далеко не все отечественные просветители пошли по стопам Татищева в решении политических вопросов, однако идеи ограничения са-

---

[1] Речи, произнесенные в торжественных собраниях Московского университета русскими профессорами оного. Ч. 1. М., 1819. С. 30–31.

[2] *Татищев В. Н.* История Российская. Т. VII. С. 360.

[3] *Татищев В. Н.* Избранные произведения. С. 147, 149; *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 1. С. 147.

[4] *Татищев В. Н.* Избранные произведения. С. 146–152.

мовластия монарха некоторыми из них использовались. Так, С. Е. Десницкий в своей записке о новом политическом устройстве Российской империи, представленной в Уложенную комиссию, предлагал ввести обязательное разделение законодательной, исполнительной, судебной и гражданской властей, а также учредить выборный «правительствующий сенат» с достаточно широкими полномочиями, т. е. учредить своего рода конституционную монархию. Политическое устройство, предлагаемое Десницким, было таково. Во главе государства, естественно, монарх. Законодательную власть представляет выборный от всех сословий (за исключением крепостных крестьян) «правительствующий сенат» в количестве 600–800 человек. Судебная власть — это губернские постоянно присутственные коллегии из 12 человек. Исполнительная власть (в терминологии Десницкого «наказательная власть»): воевода, назначаемый в губернию монархом, но находящийся под контролем судов. Наконец, гражданская власть — это своеобразное городское самоуправление (выборные от дворян и купцов). При этом Десницкий выступал за то, чтобы закон достаточно строго определял прерогативы монарха, государственных учреждений, определял бы отношения между помещиками и крепостными, родителями и детьми, всякого рода имущественные и личные отношения[1]. Впрочем, записка Десницкого не нашла поддержки у власть имущих, хотя некоторые юридические положения С. Е. Десницкого нашли отражение в «Наказе» Екатерины II.

Несколько особняком в когорте русских мыслителей, выражавших просветительские идеалы, стоит князь Михаил Михайлович Щербатов. С одной стороны, как политический мыслитель, М. М. Щербатов был сторонником просветительской концепции государственного устройства, предложенной Ш. Монтескье: русский мыслитель был убежден в том, что России более всего подходит монархическое устройство, но ограниченное законом и общественным представительством. Но при этом князь Щербатов оставался идеологом родовой аристократии и вполне определенно выступал против равенства сословий, резко высмеивая эту идею. Ведь разные способности людей, по Щербатову, обусловливают их естественное неравенство, которое в обществе связано с исторически возникшим сословным неравенством. Основа общества — люди дворянского звания, их стержневая роль обусловлена как заслугами предков перед государством и монархом, так и их образованием и воспитанием[2]. Щербатов выступал против предоставления дворянского звания выходцам из других сословий. Полемизируя со многими положениями «Наказа» Екатерины II, он настаивал на сохранении крепостного права как веками сложившейся традиции. Щербатов резко отрицательно относился к наделению крепостных каким-либо имуществом и к просвещению народа, полагая, что это повлечет за собой крестьянский бунт. И недаром, по мнению современных исследователей, именно М. М. Щербатов может в наибольшей степени считаться мыслителем, который принадлежал к числу представителей зарождавшегося русского консерватизма второй половины XVIII века.

Наверное, единственным реальным идеологом *радикального просветительства* оказался Александр Николаевич Радищев (1749–1802). Он тоже,

---

[1] Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. 1. С. 292–332.

[2] См. *Щербатов М. М.* Избранные труды. М., 2010. С. 179–346.

как и иные просветители XVIII в., считал, что важнейшей обязанностью человека служение своему Отечеству: «истинный человек и сын Отечества есть одно и то же». «Истинный человек» «пламенеет нежнейшею любовию к целости и спокойствию своих соотчичей; …преодолевает все препятствия, неутомимо бдит над сохранением честности, подает благие советы и наставления, помогает несчастным, избавляет от опасностей, заблуждений и пороков, и ежели уверен в том, что смерть его принесет крепость и славу Отечеству, то не страшится пожертвовать жизнию…». Но служить следует с умом, чтобы приносить Отечеству пользу, а не вред. А. Н. Радищев, вслед за приведенными выше словами, отмечал, что, если Отечеству нужна жизнь человека, «то сохраняет ее для всемерного соблюдения законов естественных и отечественных; по возможности своей отвращает все, могущее запятнать чистоту и ослабить благонамеренность оных (то есть законов. — *С. П.*), яко пагубу блаженство и совершенствования соотечественников своих»[1].

Однако само служение Отечеству А. Н. Радищев понимал более чем радикально. Именно он подверг самому же резкому в XVIII столетии осуждению самодержавную форму правления. «Самодержавство, — писал он, — есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние… Если мы живем под властию законов, то сие не для того, что мы оное делать долженствуем неотменно; но для того, что мы находим в оном выгоды. Если мы уделяем закону часть наших прав и нашея природныя власти, то дабы оная употребляема была в нашу пользу; о сем мы делаем с обществом безмолвный договор. Если он нарушен, то мы освобождаемся от нашея обязанности. Неправосудие государя дает право народу, его судии, то же и более над ним право, какое ему дает закон над преступниками. Государь есть первый гражданин народного общества»[2]. А свои столь радикальные воззрения Радищев сопровождал призывами к насильственному свержению монархии в России и к массовым репрессиям по отношению к господствующим сословиям. А. Н. Радищев был единственным из российских просветителей, кто мыслил столь радикально и резко. Впрочем, именно с Радищева принято отсчитывать начало революционного общественного движения в России.

Господство рационалистического мировоззрения, «светскости» и просветительства, казалось бы, совершенно отодвинуло в сторону и даже превратило в некую эфемерность традиционное русское православное миропонимание. Однако это было совсем не так. Более того, увлечение «светскостью» было характерно для достаточно узкого слоя российского населения: высшего общества, образованного дворянства и купечества, для возникшей во второй половине XVIII в. русской интеллигенции, которую тогда именовали «разночинцами». Основная же масса русского народа продолжала исповедовать традиционные православные ценности и почитать тех, кто в народном сознании напрямую связывался с давней традицией православного подвижничества — уподобления Христу. Именно поэтому XVIII столетие дало немало примеров традиционной русской святости. А духовное стояние русских подвижников в борьбе со злом неизменно вызывало искренний отклик в народном сознании. И недаром позднее немалое число русских подвижников XVIII в. были причислены к лику святых. Именно поэтому пред-

[1] *Радищев А. Н.* Избранные сочинения. М., 1949. С. 247–248.

[2] Там же. С. 7.

ставители *традиционалистско-православного направления* и в XVIII в., и позднее оказывали, как это не покажется странным, наибольшее духовное и идейное влияние на самые широкие круги своей православной паствы.

Так, еще в годы Петровских реформ своим благочестием прославился епископ Митрофан Воронежский (1623–1703), который не только способствовал Петровским реформам, но и не боялся отстаивать перед Царем православные истины, резко противостоял иноземным порядкам, которые вводил Петр I. В конце XVIII столетия замечательный пример подвига юродства явила Ксения Петербургская (Ксения Григорьевна Петрова, между 1719 и 1730 — ок. 1803).

За сохранение традиционной религиозности и церковной дисциплины жестко боролся Арсений Мацеевич, митрополит Ростовский и Ярославский (1697–1772). Ростовский митрополит всячески противостоял попыткам Святейшего Синода «переосвидетельствовать» мощи ростовских святых, докладывая на многочисленные запросы из Синода о том, что в его епархии никаких суеверий «не усмотрено, но, слава Богу, все добре». Именно трудам Арсения Мацеевича мы обязаны тем, что в 1757 г., впервые в XVIII столетии, произошла канонизация русского святого — был прославлен святитель Димитрий Ростовский. В своих проповедях и сочинениях митрополит Арсений резко критиковал сочинения Феофана Прокоповича и его последователей. В 1750–1760-е гг. Арсений Мацеевич в полный голос выступил против секуляризационных намерений русских властителей. При Императрице Елизавете ему удалось добиться отклонения правительского проекта секуляризации церковных владений. Усилиями митрополита Арсения был остановлен подобный проект Императора Петра III (правда, уже после свержение Петра). В феврале 1763 г. Арсений резко осудил проект секуляризации Екатерины II и даже во время одного из праздничных богослужений, когда положено анафематствовать еретиков, в текст анафематствования внес дополнение: «Вси насильствующии и обидящии св. Божии церкви и монастыри, отнимающе у них данная тем… имения яко крайние врази Божии да будут прокляти»[1]. Затем, в марте 1763 г. отправил в Синод два доношения, в которых резко критиковал императорский Указ и инструкцию об управлении церковной собственностью. Твердость и непреклонность митрополита Арсения Мацеевича дорого ему обошлись — его расстригли и под именем Андрея Враля отправили на вечное содержание в тюрьму г. Ревеля, где он и умер.

Высочайшим духовным авторитетом в XVIII столетии пользовался святитель Тихон Задонский (1724–1783), прославившийся как выдающийся проповедник и писатель. В жизни и творчестве святителя Тихона Задонского ярко проявляется наследие древней монашеской традиции — старчества. Целью проповеди и личного иноческого подвига святителя было «христоподражательное житие»: каждый истинный христианин должен с верою и любовью следовать за Христом в земной жизни, и тогда Господь удостоит его спасения и вечной жизни. Образ жизни и философско-литературные произведения святителя Тихона Задонского стали важнейшим этапом в дальнейшем развитии русской духовно-политической мысли, ибо в XVIII

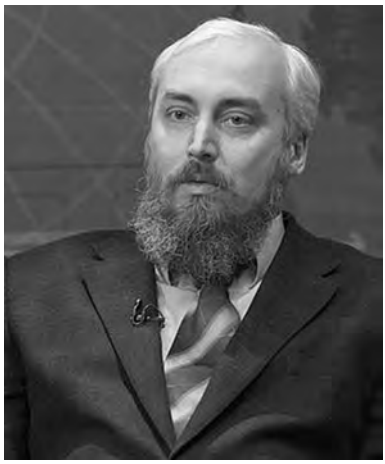
[1] Цит. по: *Алексеев А. И.* Арсений (Мацеевич) // Православная энциклопедия. Т. 3. М., 2001. С. 390.

столетии он был одним из немногих, кто вновь возродил к жизни принципы истинного Православия, столь проповедуемые русскими мыслителями в XI–XVII веках.

Знаменательной была деятельность преподобного Паисия Величковского (1722–1794). Во-первых, он возродил в обителях древнюю православную монашескую традицию старчества, во-вторых, перевел более сорока святоотеческих книг на славянский и молдавский языки. Этот свод получил название «Добротолюбие», получил самую широкую известность и стал одним из самых излюбленных чтений в славянском Православном мире. После смерти Паисия его многочисленные ученики распространили старчество, возрожденное трудами их духовного наставника, во многие монастыри Молдавии, Украины, России, Греции. Уже вскоре более ста русских монастырей возродятся к активной монашеской жизни. Поднимутся и достигнут расцвета древние северные обители — Валаам и Коневец, прославятся на всю страну Оптина и Глинская пустыни, Саровская обитель, духовно обновится Троице-Сергиева Лавра. Монастыри, в которых в конце XVIII — начале XX в. утвердится старческая традиция, превратятся в важнейшие духовные центры России, которые много поспособствуют возрождению и сохранению важнейших традиционных духовно-политических идеалов в жизни российского общества.

Подвиг русской святости даже в «век Просвещения» был не напрасен. Уже со второй половины XVIII в. православная жизнь и мысль начинают постепенно возвращать свое законное место в душах и сердцах русских людей, а, значит, возвращалось понимание роли и значения традиционных ценностей в историческом бытии России. Правда, для полного осознания значимости этих традиционных ценностей в жизни России потребовалась трагедия Отечественной войны 1812 года, в ходе которой высшее российское общество неожиданно для самого себя открыло русский народ, его мощь, красоту и духовную глубину. А результатом станет небывалый взлет русской культуры и русской национальной мысли в XIX столетии.

Михаил СМОЛИН

ЛЮБОВЬ К ОТЕЧЕСТВУ

Михаил Борисович Смолин — родился в 1971 г., окончил Санкт-Петербургский государственный университет, историк русской консервативной мысли, публицист, кандидат исторических наук, член Союза писателей России, руководитель Центра гуманитарных исследований Российского института стратегических исследований. Заместитель директора Российского института стратегических исследований. **Живет в Москве.**

Туманность и неизученность вопроса любви к Родине в истории русской государственности составляет большую проблему при формировании правильной государственной позиции в этой важнейшей воспитательной и мировоззренческой сфере.

К сожалению, в современной России в этой теме чувствуется наличие не столько самосознания, сколько голоса инстинкта. Недостаток сознательности препятствует как созданию практической программы деятельности по формированию воспитательной и мировоззренческой составляющей любви к Родине, так и дает полную возможность входить в ряды патриотов людям, проникнутым совершенно противоположными взглядами и симпатиями. Таким образом, под флагом любви к Родине может развиваться деятельность даже и прямо ей противоречащая.

Как пример, можно привести формулу «Россия для русских», бездумно перенесенную к нам из Европы нашими националистами и являющуюся очередным образцом традиционного нашего «европейничания». Россия никогда не культивировала у себя национальный эгоизм, поэтому народы, входившие в состав русского государства, не испытывали давления господствовавшей (в том числе и численно) русской народности.

Для того чтобы иметь государственное будущее в России, необходимо развивать гражданскую самосознательность, краеугольным камнем которой должна быть любовь к Родине, ясное и глубоко чувствуемое родство со своим Отечеством.

Любая страна обладает своим неповторимым характером и имеет ни на кого не похожее свое лицо. Этот характер создается не только и не столько современностью, сколько прошедшими историческими событи-

ями и религиозными убеждениями, создающими те или иные национальные качества.

Быть патриотом, жить и думать патриотично — это значит пребывать в том типе жизни, в том строе мысли, которые национальны для России, то есть выражают вековую и тысячелетнюю мысль и жизнь нации. Россия имеет целый ряд значительных мыслителей, которые могут и должны быть признаны национальными, а именно верно отметившими и сформулировавшими, что значит жить и думать по-русски патриотично[1].

В эпохи низкой гражданской сознательности даже в России может быть популярна узкая идея русского национального эгоизма, хотя русская патриотическая мысль никогда не замыкалась в круге племенных интересов, но всегда несла идеалы общечеловеческой жизни, что и давало возможность найти достойное место в своем имперском деле и в своей жизни множеству самых разнообразных народностей и племен.

Как писал один из русских мыслителей, Россия «не из тех опекунов, которые пользуются своими правами для того, чтобы обобрать отданных в зависимость от него»[2].

Общая для всех людей любовная привязанность к месту рождения и возрастания остается теплым чувством и пленительными воспоминаниями на всю жизнь. Возрастая из возраста в возраст, мы привыкаем к тем, кто нас окружает. Окружающие нас сограждане так или иначе сходны с нами в своих психологических установках. Это вызывает и укрепляет ощущение единства, в котором чувство любви находит благодатную почву.

«*…В характере единоземцев*, — как писал знаменитый историк Н. М. Карамзин, — *есть всегда некоторое сходство, и жители одного государства образуют всегда, так сказать, электрическую цепь, передающую им одно впечатление посредством самых отдаленных колец или звеньев…*»[3].

Эта «электрическая цепь» и есть тот «психологический провод», в котором электричеством является чувство любви и национального единства. Есть это электричество — и Отечество живет энергичной и мощной жизнью. Уходит этот патриотический заряд — и жизнь нации приобретает вялость, а зачастую и при разрыве этой цепи теряет и единство.

Наряду с вышеописанным психологическим образом любви мы рассмотрим и духовную сторону этого чувства к Родине. Эта настоящая любовь, о которой мы будем говорить, сродни любви евангельской, описанной в Первом послании св. апостола Павла к Коринфянам[4]. Подлинная любовь — «долготерпит», то есть сохраняется в неизменной силе, несмотря ни на какие испытания, «не ищет своего», не ищет себе награды, она бескорыстна и жертвенна, она радостна и имеет великую веру и надежду, а потому переносит любые испытания.

Но прежде чем говорить о любви к Отечеству, необходимо понимать историософскую особость русской государственности.

---

[1] Например, такими мыслителями могут быть названы многие славянофилы, Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, Л. А. Тихомиров, И. А. Ильин и др.

[2] *Тихомиров Л. А.* Что такое Отечество? // Христианское государство и внешняя политика. М., 2012. С. 658.

[3] *Карамзин Н. М.* Избранные соч. в 2-х т. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 100.

[4] См.: Первое послание св. апостола Павла к Коринфянам, 5–7 стих.

История государства в России. Самобытность и суверенность

Государственность как таковая — одно из сложнейших общежительных установлений человеческой жизни и всегда, во все времена, этот общий для всех крупных цивилизаций могучий институт, его история, проблемы деятельности и усовершенствования волновали лучшие умы представителей разных наций.

Самобытность, суверенность, непохожесть, оригинальность — это неотъемлемое право каждого государства. Именно индивидуальные особенности государства порождают политическую независимость и жизненную силу таких государств, тогда как общества, построенные по либеральным трафаретам, как и посредственные личности, носят на себе печать безжизненности, искусственности, а значит, цивилизационной слабости и неустойчивости. Исходя из этого положения, мы считаем необходимым изучать государственный строй государств в связи с историей нации в целом.

Особенностями формирования русской системы власти является влияние византийской идеи власти Императора, идеи религиозного автократизма, глубоко воспринятой русскими книжниками и летописцами, и в частноправовом характере власти Великих князей из рода Рюриковичей, смотревших на свои владения, как на свою неотчуждаемую вотчину, переходящую по наследству в их роде.

В России не было того феодального строя, установившегося в Европе, который сформировал враждебные классы, породил борьбу королевской власти с феодальной аристократией. Счастливое разрастание рода Рюрика не дало боярской знати стать реальной силой, могущей противодействовать собиранию единой власти. Борьба на Руси за власть всегда была противоборством между родственниками. На Руси не было создано крупное землевладение, находящееся не в руках дома Рюрика, разросшаяся династия Рюриковичей «окняжила» землю, на Западе же произошло «обаристократчивание», попадание земли в руки знатных родов. Феодализм на Западе породил борьбу королей с аристократией, а затем, после поражения последних, общее с остатками аристократии порабощение народа.

Таким образом, зарождение и развитие власти на Руси и на Западе глубоко отличались различными поземельными отношениями, феодальными на Западе и частноправовыми — у нас. Московский князь, а затем и Царь смотрели на наследованную и приобретенную землю как на свою личную собственность, которую они передают по наследству своим сыновьям, они видели в Руси свою «отчину», землю, переданную им во владение их отцами.

Формированию большого Московского государства способствовали и две другие причины: концентрация земель в руках Московской линии Рюриковичей, а затем и вымирание этой линии после Царя Феодора Иоанновича. Вторая причина позволила новой династии владеть Московской «отчиной» после занятия ею Московского престола и отказаться от поддерживавшейся всеми московскими Рюриковичами удельной системы, каждый из которых выделял своим сыновьям уделы во владение. Романовы окончательно превратили вотчину Рюриковичей в Московское царство,

а князя-вотчинника в Государя, но власть сохранила свою родовую частноправовую черту. Романовы также смотрели на Московское государство как на свою личную собственность.

По мнению исследователя русской государственной власти юриста-международника Н. А. Захарова (1883 — после 1928): «*Такой характер властвования налагал особую печать на развитие понятия о существе нашей Верховной власти. Эта частноправность вошла в плоть и кровь русского государства, несмотря ни на потрясения Смутного времени, ни на все изменения императорского периода*»[1].

Владение землей в Московском государстве разделялось на вотчинное (наследуемое во владетельном роде) и на поместное (не наследуемое) и зависело от службы Государю. За верную службу землю дарили либо во временное, либо в наследственное пользование; неисполнение государевой службы, немилость вызывали отобрание дарованного. Таковое владение землей высшего слоя государства сильно разнилось от западного феодального владения.

«*На Западе,* — пишет Н. А. Захаров, — *родовая аристократия развивалась при конкуренции с королевской властью на территориях, охраняемых вассалами, подданными сюзерена. У нас подобие этой аристократии — удельные князья, потомство общего с царствующим государством родоначальника, — потеряли всякое значение под твердой рукой московского государя. На Западе высший слой общества составила родовая аристократия, которая в некоторых местах, потеряв возможность противостоять воле возвысившегося над всеми феодала-короля, создала корпоративные законодательные собрания, ограничивающие власть государя. У нас же весь высший класс состоял из лиц, непосредственно избранных царем, и экономически зависел от государя, который имел неограниченное право отбирать земли у тех, кто неправильно или неисправно нес свои обязанности. Если на Западе феодал был неограниченный господин своих земель, то русский служилый человек был государственный работник, которому государь давал за его труды право вечной, наследственной или пожизненной аренды*»[2].

Эта система начала разрушаться только при Екатерине II, освободившей дворян от обязательной службы. С этого момента в государственную систему было введено структурное противоречие, одни продолжали служить, другие получали право не служить. Этот социальный кризис и охлаждение к вере в русском обществе во многом и привели к цивилизационному срыву, разразившемуся в XX столетии.

Любовь к Родине с христианской точки зрения

Российское государство исторически сформировалось как христианское, поэтому важно рассмотреть исходный русский посыл любви к Родине, сформулированной еще христианской традицией.

---

[1] *Захаров Н. А.* Система русской государственной власти. Новочеркасск, 1912. С. 16.

[2] Там же. С. 20–21.

Христос пришел спасти всех. Христианское учение проповедано всем народам. В этой проповеди любви ко всем ближним христианство всегда находило место и для необходимости предпочтительной любви к родному народу. Так, Сам Христос при приближении к Иерусалиму плачет о неправдах Своего народа, отвергающего Его: «*О, если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему*»[1].

Его Апостол, Павел, столь же слезно говорит о своих соплеменниках: «*Истину говорю во Христе, не лгу, свидетельствует совесть моя в Духе Святом, что великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему: я желал бы сам быть отлученным за братьев моих, родных мне по плоти, т. е. израильтян*»[2].

Эти чувства любви к ближним по плоти, к тем, которые даже гонят и распинают, выраженные Самим Спасителем и его Апостолом, а также и подчинение Спасителя власти и Пилата, и синедриона, являются лучшим свидетельством возможности христианского патриотизма и оправданием небезразличного отношения христианства к национальности и национальному государству.

Апостол Павел, говорит: *«Кто о своих не печется, тот отрекается от веры и хуже неверного»*[3].

Поэтому мы не погрешим против основной христианской заповеди любви, когда скажем, что имеем предпочтительную любовь к своим родителям, родственникам, супругам, своему народу, государству, своей Церкви, вере и т. д., поскольку эта предпочтительная любовь не уменьшает любовь ко всем остальным. Мы испытываем к ближним своим предпочтительную любовь, питающуюся, кроме всего прочего, чувством благодарности, чувством материнства, сыновства или супружества, иначе говоря, чувствами объективными и глубоко нравственными, которые (чувства), однако, отсутствуют в чувстве любви ко всем остальным ближним. Чувство предпочтительной любви самовозникающее, естественнейшее из чувств человека, заложенное в его природе, против которого прегрешает либеральный космополитизм, не имеющий сам никакого отношения к христианству.

Характерным примером предпочтительной жертвенной любви может служить воинская служба, да и сама война. Как воинская служба, так и война не есть что-либо запрещенное христианством. Не лишним будет сказать, что церковный собор в Арле, в 314 г. анафематствовал всякого отказывавшегося от военной службы и прикрывавшегося при этом христианским исповеданием. Христианству вообще свойственно глубокое понимание отличия вынужденного убийства на поле брани, при защите ближних, и убийства из личных корыстных побуждений. Св. Афанасий Александрийский в своем послании к монаху Аммуну писал, что «*великих почестей сподобляются доблестные в брани, и им воздвигаются столпы, возвещающие превосходные их деяния. Таким образом, одно и то же, смотря по времени и в некоторых обстоятельствах, непозволительно, а в других обстоятельствах и благовременно, и допускается, и позволяется*». Также и Св. Василий

[1] Лук. 19, 41–42.

[2] Римл. 9, 1–4.

[3] 1 Тим. 5, 8.

Великий свидетельствует о том, что и другие Отцы Церкви не вменяли убиения на брани за убийство[1].

«*Заповедью о любви ко врагам*, — пишет известный православный богослов, профессор Казанской духовной академии А. Ф. Гусев, — *безусловно не отвергается война. Эта заповедь только тогда исключала бы войну во всех случаях, если бы она устраняла любовь к неврагам нашим и, в частности, к нашим соотечественникам. На самом деле этого нет. Питать любовь только ко врагам или питать к ним предпочтительную любовь Христос не только нигде не заповедует в Евангелии, но и не мог заповедать. Напротив, мы знаем, что Он освятил и узаконил собственным примером преимущественную любовь к людям, наиболее тесно связанным с нами узами кровного и духовного родства. В известной первосвященнической Своей молитве Спаситель прямо говорит, что Он молится об учениках Своих и о верующих в Него, но не о всем мире (Иоан. 17, 9 и 20), в котором есть закоренелые враги истины и добра*»[2].

Само Евангелие дает положительные примеры, подтверждающие наше утверждение. Так, Предтеча Спасителя, Иоанн Креститель пришедшим к нему воинам на вопрос «*что им делать?*»[3], говорит: «*Никого не обижайте, не клевещите и довольствуйтесь своим жалованием*»[4], дав тем самым им положительную «профессиональную» заповедь. А ведь воины действительно спрашивали, как им жить в своей профессии! И Иоанн Креститель не запретил их службу, не назвал ее богопротивной, как это сделали впоследствии Лев Толстой и другие пацифисты. Значит, христианство не отвергает воинскую службу, которая безусловно является ярким примером преимущественной любви к своему народу, вплоть до отдания за него своей жизни.

Русская история так же знает немало величайших христианских подвигов отдания своей жизни за други своя. Интересен в связи с этим известный призыв Владимира Мономаха к удельным князьям перед походом на половцев, в котором он говорит так: «*Вы жалеете людей, а не думаете о том, что вот придет весна, выедет смерд (крестьянин) в поле с конем пахать землю. Приедет половчанин, крестьянина убьет, коня уведет. Потом наедут половцы большой толпой, перебьют всех крестьян, заберут их жен с детьми в полон, угонят скот, а село выжгут. Что же вы в этом-то людей не жалеете? Я жалею их, а потому и зову вас на половцев*»[5].

Таким образом, защита своих ближних от вражеских нападений законна для христианства. Средства же и способы защиты ближних своих зависят от средств и способов, употребляемых нападающими. Если нападающие убивают или покушаются на убийство, то убийство врагов становится совершенно неизбежным для обороняющихся. Причем совершенно необязательно, что обороняющийся непременно свирепеет и жаждет «упиться кровью» своего врага, им могут двигать совершенно другие, христианские чувства.

---

[1] Книга правил святых Апостолов, Святых соборов вселенских и поместных и святых отец. М., 1893. 13 правило Св. Василия Великого.

[2] *Гусев А. Ф.* О сущности религиозно-нравственного учения Л. Н. Толстого. 2-е изд. Казань, 1902. С. 605.

[3] Лук. 3, 14.

[4] Лук. 3, 12–13.

[5] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. 2-е изд. В 6 кн. Кн. 2. М., 1896. С. 343.

«*Восставать,* — убеждает всех непротивленцев злу профессор А. Ф. Гусев, — *против нашей решимости силою обуздать врагов отечества совсем не следует же ни во имя христианского всепрощения, ни во имя христианского братства. Во-первых, мы уже знаем, что снисходительность должна иметь свои пределы, чтобы не переходить в преступное попустительство зла и в преступное же покровительство ему. Во-вторых, прощать мы обязаны лишь личному своему врагу. Народ же, вредящий благосостоянию наших соотечественников и даже умерщвляющий их, или тоже самое совершающий по отношению к другому какому-либо народу, вовсе не есть наш личный враг. Прощать ему мы не имеем ни права, ни оснований. Именно братское то чувство к нашим страдающим соотечественникам или к чужому угнетаемому народу и должно побуждать нас к тому, чтобы защитить и охранить бедствующих собратьев от разного рода Каинов, хотя бы нам самим пришлось не только потерять из-за этого все наше имущество и быть искалеченными, но и лишиться жизни в неизбежной кровавой схватке с упорным и жестоким врагом. Вот какую обязанность налагает на нас христианство своим учением о братстве людей*»[1]…

Государство и этическое начало

В России государство, будучи глубоко проникнуто религиозными установками, всегда опирало свою власть на этическое начало. Искусственный разрыв этики и государственности в истории российской государственности в XX столетии привел к разобщению между человеком (существом этическим) и гражданином (существом политическим). При этом страдал не только сам человек как личность, но и гражданин как его политическая ипостась. Государство же страдало, лишаясь мощного двигателя своего процветания.

Знаменитый русский юрист, профессор Н. М. Коркунов (1853–1904) даже настаивает, что несоблюдение этических норм в прошлом лишает нас и в настоящем возможности достигнуть высших человеческих целей. Он говорит о безусловной обязательности этических норм, неисполнение которых приводит как к внутреннему наказанию (угрызение совести), так и ко внешним санкциям со стороны государства и общества.

«*Несоблюдение этических норм,* — говорил он, — *всегда есть дело общего интереса… Если этические нормы нарушаются, если гармония человеческих целей не устанавливается, если личные и общественные интересы приходят в резкое столкновение, общество не может оставаться безучастным. Нарушитель этических норм неуклонно вызывает против себя суд и гнев общества, заинтересованного в том, чтобы между личными и общественными целями поддерживалось определенное соотношение. Общество поэтому требует от каждого соблюдения этических норм, осуждает за их нарушение, и даже в важных случаях карает за него*»[2].

При секулярном поверхностном взгляде кажется, что между нравственностью и государственностью нет никакой серьезной связи. Может даже

---

[1] *Гусев А. Ф.* О сущности религиозно-нравственного учения Л. Н. Толстого. 2-е изд. Казань, 1902. С. 606.

[2] *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права. 5-е изд. СПб., 1898. С. 34.

казаться, что область этики исключительно принадлежит к области свободы, а государственность исключительно к области принуждения. И между свободой и принуждением нет ничего общего. Однако если вспомнить, что человек живет одновременно в разных своих ипостасях, и в мире государственном, и в мире нравственных императивов, то все встает на свои места. Раз человек погружен и в жизнь государства, и в жизнь нравственную, то необходимым становится поиск правильного соотношения гармонии между государством и этикой.

Нарушение же гармонии между этими двумя составляющими может приводить и к конфликту между личностью и обществом.

Сама природа государства требует связи с нравственными убеждениями. Как говорит историк и правовед Б. Н. Чичерин (1828–1904) «*цель государства — общее благо, по существу своему есть цель нравственная, ибо нравственное требование состоит именно в деятельности на пользу другим, следовательно, и на общую пользу. В этом смысле можно сказать, что призвание государства состоит в установлении нравственного порядка в обществе. Подчиняя частные цели общественной, оно тем самым устанавливает порядок, требуемый нравственным законом. Через это нравственное начало становится существенным элементом самой государственной деятельности*»[1].

Если государство перестает быть общим делом, направленным на благо всех, то оно отходит от своей основной цели и преследует интерес лишь одной группы, то для других групп такое государство становится неродным, что противоречит нравственным требованиям.

Присутствие нравственного элемента особенно заметно в области подчинения власти. Ведь какова бы ни была сама власть, если подчиненные ей граждане не признают ее за власть законную и нравственно обоснованную, то никакие властные действия практически невозможны. Легитимизация власти в огромной своей части лежит в области этики, в области оценки ее нравственного содержания самими гражданами. И подчинение этой власти тем более безусловно, чем более высок нравственный императив самой власти, чем более высоконравственные задачи ставит сама власть.

При наличии нравственных целей у государства власть над гражданами из сугубо принудительного института превращается в явление народной свободы. Государство, будучи эксклюзивным держателем в обществе вопросов принуждения, получает от того же общества граждан и обязанность уничтожать в обществе все другие возможные случаи применения насилия. И тем самым государство становится главнейшим охранителем свободы граждан от насилия внутри общества.

Внутреннее нравственное признание гражданами за государством силы принуждающей одновременно формализуется правом. Государственное принуждение не является чьим-то частным произволом или частным принуждением, это другая сторона самоограничения самого общества.

Говоря о связи государства и этического начала, никуда не уйти от религиозной веры. Именно она, рождаясь из сердечного ощущения высшего, нравственного, хорошо чувствует ту установку «должного» в жизни человеческого общества, за которое и отвечает государство. Именно религиозное

[1] *Чичерин Б. Н.* Вопросы политики. М., 1903. С. 25–33.

чувство лучше всего и ощущает тот пафос «должного», которое через право рассудочно формулирует государство.

Государство собственно и считает «должным» то, что религия считает нравственным. И право (должное) формировалось из того, что религия, исповедуемая народом, считала нравственным. Явление это вневременное, оно свойственно и языческим, и христианским временам, оно было характерным даже и для советского периода. Со временем менялся лишь объект верования. Жречество для языческих времен, Церковь для христианского времени и коммунистическая партия (как антирелигиозная, но от этого не менее «верующая» в свою правду организация) для советского периода формировали свой нравственный кодекс добра и зла, из которого исходило современное им государство.

Нынешнее приглушенное существование нравственного принципа в государстве говорит не об отрицании предыдущего рассуждения, а лишь о помутнении в современном обществе этических начал добра и зла, примерно в стиле известного революционного теоретика Камилла Демулена (1760–1794), который утверждал, что люди в отношении Бога напоминают подкидыша. Подкидыш тоже знает, что где-то у него есть отец, так как без отца он не мог явиться на свет. Но кто этот отец, где он и как к нему относиться — подкидыш не знает.

В государстве, потерявшем или отринувшем нравственное начало, быстро утрачиваются и все гражданские добродетели, в том числе патриотизм и самопожертвование для государства, со временем умирает даже и простое желание какого бы то ни было его улучшения.

Как писал известнейший русский публицист М. О. Меньшиков (1859–1918): «*Ругать за утрату патриотизма — все равно, что ругать за утрату здоровья*»[1]. Ведь зачастую потерявший здоровье не знает, как с ним это произошло.

Сегодня многие испытывают (правда, в большинстве своем не понимая свою потерю) это теплохладное отношение к родине. Полная потеря чувства патриотизма довольно редкий случай, по большей части патриотизм носит лишь ослабленный вид.

Моральный упадок подрывает и патриотизм. Любовь к Родине остывает, страна становится чужой. Как отметил М. О. Меньшиков: «*В стране, которую уже не жаль, ведут себя как в завоеванном царстве. Служба все реже переходит в служение, измена законности все реже чувствуется как низость*»[2].

Ослабление патриотизма сродни измене и сделке с совестью. Все это рождает недобросовестность в наших отношениях с Родиной…

Психологические основы общественности

Любой общественный союз строится на основе психологической кооперации. В обществе вступают во взаимодействие чувства, представления и желания отдельных человеческих личностей, создавая ту общность, кото-

[1] *Меньшиков М. О.* О любви к Отечеству и народной гордости // Новое время. 1904.

[2] Там же.

рую мы привыкли называть народом. Подобная общественная кооперация предполагает некое общее направление этих разнообразных и противоположных чувств, хотений и представлений. Для этого нужна направляющая сила или, другими словами, власть. И она появляется как последствие этого объединительного общественного процесса и становится важнейшим фактором его совершения.

Здесь немаловажно будет заметить, что психологические основы общественной жизни носят глубоко национальный характер. В силу разнообразных исторически сложившихся условий жизни любой нации она отстраивает свой государственный организм, исходя из своего понимания добра и зла, правды и несправедливости, то есть стремится построить такое общество и такую власть в нем, чтобы ее национальные ценности получили наиболее благоприятные условия для своего развития и охранения.

В этом смысле интересно выслушать мнение такого критика государства и общества, как граф Л. Н. Толстой, по этой теме[1].

«*Образцы западных учреждений и реформ,* — говорит граф Л. Н. Толстой в своем интервью англичанину Лонгу, — *всегда были и будут гнойным нарывом на политическом теле России.*

Ваша всегдашняя ошибка заключается в том, что западные учреждения вам кажутся какой-то стереотипной моделью, по которой должны производиться всякие преобразования. Это и есть именно то самообольщение, которое лежит в основе войн и разбойнических нападений европейцев на иноплеменные народы. Россия нуждается в реформах, но это не восточные и не западные реформы, а просто меры, нужные народу, и притом именно русскому народу. Мнения, что так называемые реформы должны совершаться по западным шаблонам, являются результатом западного самомнения».

На замечание Лонга, что раз западные учреждения пригодны для немцев, французов и англичан, то они могут быть пригодны и для русских, граф Толстой столь же категорически высказал противное мнение.

«*Ни на одно мгновение не допускаю, чтобы европейская политика более подходила к европейским народам, чем русская политика к России. Западная жизнь богаче русской во внешних проявлениях, политических, гражданских и художественных. Для такой жизни закон необходим; на Западе смотрят на закон как на венец и охрану существования; жизнь же русского народа экспансивна, и поэтому русские не считают закон за действующее (основное?) начало».*

«*Но ведь русские подчиняются законам, как и мы*», — сказал Лонг.

«*Они подчиняются им, но не руководятся ими. Народные массы, пренебрегая всякими внешними ограничениями, руководятся в своей жизни совестью. Если я говорю, что русские руководятся в своей жизни совестью, то я не хочу сказать, что у нас менее нищеты и преступлений, чем в Европе. Я хочу этим сказать только то, что совесть занимает у нас то место, которое на Западе принадлежит закону.*

[1] Текст этот был напечатан в консервативном журнале «Гражданин» в одном из последних номеров за 1903 г., где излагаются слова графа Л. Н. Толстого о русской государственности сравнительно с западноевропейской (по статье английского писателя Лонга, который приезжал в Россию и был у графа Толстого).

Признав, что между Россией и Европой нет ничего общего, нет основания производить опыты в России над западными реформами; западная система не сумела обеспечить истинной нравственности на самом Западе, почему же она должна дать лучшие результаты в стране, для которой она предназначена не была? Я же могу лишь повторить, что для России, как и повсюду, единственным средством улучшения положения вещей является развитие совести и морального чувства населения»[1].

Любовь к Отечеству (патриотизм) как идеология и чувство

Что же такое любовь к Отечеству? Как описать это чувство и это мировоззрение?

«*Любовь к Отечеству*, — как утверждает один профессор-религиовед, — *так же естественна, как и любовь к себе, и она в зародыше есть у каждого человека... Любовь к Отечеству — это ветвистое дерево, ствол которого корнями любви упирается внутрь сердца каждого, и первые ростки которого непременно проявляются еще в семье и среди общества ближних*»[2].

Коренное свойство истинной любви — активность и жертвенность (самоотверженность). Эта любовь, полагающая в требуемых случаях «*душу свою за други своя*»[3]...

Для начала необходимо определиться с такими понятиями, как Родина и Отечество. В мире, где идут процессы глобализации, эти понятия уже объявляются почти несуществующими.

Так существует ли Отечество и что оно означает? Вот вопрос, на который необходимо ответить.

Суетная жизнь современного человека, с его огромными потоками информации, частыми сменами впечатлений, не дающих возможности долго сосредоточиваться на отдельных предметах, приводит к определенной опустошенности души, когда появляется необходимость доказывать существование того или иного феномена, который ранее доказывался простым непосредственным ощущением, обычным человеческим восприятием. В отношении Родины появилась особая бесчувственность, некое «невидение» Отечества, слабость ощущения его. Этому ложному и болезненному современному состоянию «нечувствования», «невидения» Отечества необходимо помочь опереться на свидетельство других человеческих душевных способностей для того, чтобы исправить показания ослабевшего патриотического чувства. Необходима помощь разума, уяснение идеи Отечества — апология Отечества.

Россия в своей тысячелетней истории представляет интереснейший пример единства поколений, каждое из которых выполняло свою часть некоего общего отечественного проекта, общего исторического дела. Этот процесс не останавливался. Были периоды, когда государство российское почти

---

[1] Цит. по книге: *Черняев Н. И.* Мистика, идеалы и поэзия Русского Самодержавия. М., 1998. С. 300–301.

[2] *Чельцов М. П., проф. прот.* Христианское миросозерцание. Ч. II. Петроград, 1917. С. 159.

[3] Ин. 13:15.

прекращало свое самостоятельное существование, раздробленное на части. Но у русских никогда не пропадало то чувство единого целого, которое начинали возрождать, несмотря ни на какие исторические смуты и поражения. Каждый раз социальный организм, разрушенный или надорванный, начинал восстанавливаться в тех местах Русского мира, которые более или менее уцелели после очередного национального катаклизма. Кризис одного поколения не являлся непреодолимым для последующего, которое с новыми силами бралось за возрожденческую работу. Эту работу можно сравнить с передачей по наследству от одного поколения другому того национального делания, которое и можно назвать построением Отечества, национальным деланием. Этот исторический процесс и есть практическая сфера применения деятельной любви к Родине, то, что сегодня многими не «слышится» или не принимается.

Именно в смене поколений и их единой деятельности и есть смысл существования Отечества — той реальной общности (в отличие от воображаемой общности), — человечества.

Отечество дает единственное реальное осуществление общечеловеческой жизни во всем разнообразии ее частей, не предоставленных борьбе, а разумно и справедливо согласованных. Человек как член человеческого рода воспитывается и реально живет только в Отечестве.

Мы рождаемся в определенном Отечестве, в определенной социальной страте и постоянно пользуемся с рождения тем, что сделали как предыдущие поколения, так и современные нам люди. Мы испытываем в своей жизни как последствия их ошибок, так и пользуемся результатами их положительных усилий. Таким образом, каждый наш шаг вписан в общественную, реальную национальную жизнь. Эта вписанность нашей личной жизни в общенациональную рождает и развивает наше общественное чувство. Чувство сопричастности к национальным задачам первостепенной важности, начало которым положено предыдущими поколениями и которые нам будет суждено лишь продолжить и передать, в свою очередь, последующим поколениям.

Отечество, Родина, государство являются, таким образом, коллективным процессом, в котором формируется преемственность исторических задач и преемственность политики.

Но существуют учения, как, например, коммунистическое, которое отрицает существование общего интереса, утверждая, что происходит лишь эксплуатация одних классов другими.

Это клевета на Отечество. Государство не создается исключительно для того, чтобы эксплуатировать одних в пользу других, так же как пища существует не для того, чтобы люди умирали от «заворота кишок». Общество в любом государстве живет тем, что люди оказывают друг другу услуги, тем самым каждый в обществе так или иначе пользуется услугами других людей и сам служит другим, а значит, и всему обществу.

Оскудение любви к Отечеству означает и то, что человек не способен ничего любить горячей, самоотверженной любовью. Быть может, он еще способен многое ненавидеть, способен к мщению или разрушению, но к самоотверженной любви и к самоотверженному творчеству он уже не способен. Утрата любви к Отечеству сопровождается ведь и утратой любви и к многомиллионным окружающим его людям, соотечественникам.

Критики идеи Отечества (космополиты) противопоставляют ей идею человечества. Правда, либеральные мыслители так и не объяснили до сего времени, почему идея человечества выше идеи Отечества. Неужели только исходя из принципа большинства — из того, что человечество количественно значительно больше любого Отечества? Но ведь на стороне патриотов есть не менее весомые доводы в защиту любви к своему Отечеству. В любви к Родине есть глубокие качественные, положительные черты — большей близости, большей родственности и большей возможности реализовать саму христианскую любовь для каждого человека.

Здесь уместно вспомнить довод очень глубокого русского философа П. Е. Астафьева (1846–1893) в пользу любви к своим. Он утверждал, что человек, лишенный всякой к себе любви, не может любить никого из ближних просто потому, что это чувство ему незнакомо, — ведь недаром христианская заповедь «возлюби ближнего» имеет критерием этой любви сравнительный ход мысли: «*как самого себя*», то есть изначально предполагается необходимость и естественность отношения с любовью к самому себе. Христианство даже в отношении Создателя, любовь к Нему сравнивает с любовью к самому себе: «*Люби Бога больше, чем самого себя*». Поэтому, не любя своих, невозможно научиться хотя бы уважать других, так же как невозможно любить всякого ближнего, пока не научишься любить всякого родственного.

Любовь к родному естественна, прирожденна у любого здорового духовно и физически человека. Любовь к нации, к своему государству действительно сродни любви к женщине — любви, выделяющей из множества — одного, из разнообразия — лишь свое, родное.

Рождаясь на свет, человек принимает определенные обязательства в любви к своему Отечеству, как бы обручается с ним. С возрастом человек может «не обвенчаться», нарушить верность своему Отечеству, что означает разрыв с родственным, добровольное изгойство.

Безусловно, такая любовь пристрастна, то есть избирательна и субъективна, но она естественна и другой быть не может, как не может не быть избирательна и пристрастна любовь к своей жене, к собственным детям, признаваемым самыми лучшими хотя бы лишь только потому, что они твои.

Национальное сознание, любовь к Отечеству по профессору П. Е. Казанскому (1866–1947), есть сознание живой солидарности со своим культурно-историческим национальным типом, содержанием которого являются любовь к своему народу и желание служить преимущественно во благо ему. Подобная солидарность дает возможность развития и достойного существования не только всей общности в целом, но и каждому ее члену в отдельности.

Внешнее постоянное усложнение борьбы за жизнь рождает закономерный поиск естественных союзников в среде родственников и членов своего национального общества. Почему, собственно, и чувство патриотизма для профессора П. Е. Казанского исходит из того же источника, что и национальное сознание. Ощущение, что каждый член государственного организма делает общее дело во благо каждого гражданина, утверждал профессор, должно воспитывать и взаимную солидарность. «*Патриотизм есть сознание своей политической принадлежности к определенному государству и своей жизненной общности с ним, сознание своей политической национальности*»[1].

[1] *Казанский П. Е.* Введение в курс международного права. Одесса, 1901. С. 6–7.

Причем нормой он считал поглощение нации государством. Чувство, любовь к государству (патриотизм) должны были, по его мнению, перевешивать чувство национальности. Государство для него важнее: оно *вмещает* в себя народность. «*Государство,* — писал он, — *поглотило в себе разные народности. В этом смысле можно говорить, что государство есть, пожалуй, также народность, и считать своего рода национализмом*»[1].

Патриотизм — это любовь к ближнему. Это начальная школа любви к самым близким. Как любовь в семье педагогически полезна для укрепления в любви христианской, так любовь к Отечеству столь же полезна для возрастания в любви ко всем людям.

Если человек не может любить членов своей семьи, то любовь ко всем, любовь, достигающая идеала христианской любви к ближнему, абсолютно недостижима. Можно сказать, что это ступени. Если ребенок, вырастая, не любит своих родителей, не чувствует добрых чувств к своим родственникам, если взрослый человек не любит своего земного Отечества, своих ближних по нации, то о какой любви ко всем ближним, ко всем людям можно готовить?

Христианская любовь к ближним основывается на преизбытке желания добра вообще и любви к Богу. Однако христианская любовь не рождается из секулярной философии интернационализма, классового чувства, космополитизма или либеральной доктрины всеобщего равенства. Для любви недостаточно понимать, что надо хорошо относиться к окружающим тебя людям.

Государство, Верховная власть и патриотическая жертвенность

Необходимую принадлежность каждого государства составляет власть. Причем власть особую, не похожую ни на одну другую общественную власть. Власть присутствует и в Церкви, и в семье, и во всяком другом непроизвольном общении, где властвует над своими членами. Но власть в государстве проявляется особо сильно. Государство по преимуществу из всех общественных союзов есть союз властвующий и принудительный, причем властвующий самостоятельно и исключительно в пределах определенной территории.

«*Не подлежит сомнению,* — писал философ и правовед, князь Е. Н. Трубецкой (1863–1920), — *что кроме государства существуют другие общественные союзы, власть которых также территориальна (местные автономные общества). Власть этих союзов, будучи территориальною, отличается от власти государства тем, что она не самостоятельна, а напротив того, заимствована и подчинена высшей власти. Власть земства или города не самостоятельна… Напротив того, государство в пределах подчиненной ему территории господствует вполне исключительно, т. е. не допускает в этих пределах существования власти, не подчиненной ему. Никакое государство, как бы оно сильно ни было, не может воспрепятствовать образованию в своих пределах враждебных ему анархических партий или разбойничьих обществ; но оно останется государством лишь до тех пор, пока оно в состоянии отстаивать свою*

[1] *Казанский П. Е.* Народность и Государство. Одесса, 1912. С. 10.

самостоятельную власть над территорией против внутренних и внешних врагов»[1].

Государство является высшей формой общественности, неизбежность государства — это политическая аксиома. Государство появляется как высший этап развития общества для охраны внутриобщественной свободы и порядка.

«*Государство,* — пишет Б. Н. Чичерин, — *есть высшая форма общежития, высшее проявление народности в общественной сфере. В нем неопределенная народность собирается в единое тело, получает единое отечество, становится народом. В нем верховная власть служит представительницей высшей воли общественной, каков бы ни был образ правления. Эта общественная воля подчиняет себе воли частные и устанавливает, таким образом, твердый порядок в обществе. Ограждая слабого от сильного, она дает возможность развиться разумной свободе; уничтожая все преимущества случайные, она производит уравнение между людьми; оценивая заслуги, оказанные обществу, она возвышает внутреннее достоинство человека. Заставляя всех подданных уделять часть своих средств для общественной пользы, она содействует осуществлению тех разнообразных человеческих целей, которые могут быть достигнуты только в общежитии при взаимной помощи, и для которых существует гражданский союз*»[2].

В древности государство тотально занимало всю общественную жизнь человека, подчиняя себе все другие сферы деятельности. Аристотель даже называл государство «*самодовлеющим общением*», ни от кого независимым и ни в ком не нуждающимся.

Действительная отличительная особенность государства в том, что оно одно осуществляет самостоятельно принудительную власть. Все другие общественные союзы, как бы они ни были самостоятельны в других отношениях, функцию принуждения осуществляют только по уполномочию и под контролем государства.

Государство является монополистом принуждения. Государственный порядок прежде всего не допускает частного насилия, самоуправства.

Можно определить государство как общественный союз, представляющий собой самостоятельное признанное принудительное властвование над свободными людьми.

Государство, собственно, и есть союз людей, представляющих собою правовую организацию народной жизни и подчиняющихся принудительной и самостоятельной верховной власти. С того момента как человечество живет сознательной жизнью, как у него появилась своя история, оно живет на основе государственности.

Таким образом, государственная власть профессором Н. М. Коркуновым определяется даже не как чья-либо воля, а сила, вытекающая из сознания гражданами их зависимости от государства.

Сознательное подчинение — важнейшая психологическая составляющая, поддерживающая значимость власти в государстве. Подчинение часто не зависит от личных качеств правителей. Власть же есть именно то, что объединяет государство в одно целое.

---

[1] *Трубецкой Е. Н., князь.* Лекции по энциклопедии права. М., 1917. С. 225–226.

[2] *Чичерин Б. Н.* Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 368, 369.

Власть государства над гражданами выражается не только в пассивном подчинении правительственным повелениям, но и в том, что граждане сами сознают себя обязанными активно относиться к потребностям государства. При этом граждане часто ведут себя жертвенно в отстаивании суверенитета своего государства.

Классическим примером такой сознательной жертвы граждан во имя своего государства стал подвиг моряков Императорского русского флота во время Русско-японской войны 1904–1905 годов.

«*Сотруднику одной московской газеты пришлось беседовать о подвиге "Варяга" и "Корейца" с одним из героев морского боя 27 января 1904 года в Чемульпо. Эта беседа проливает свет на те побуждения, которыми руководствовались капитан 1-го ранга Руднев, капитан 2-го ранга Беляев и экипажи обоих судов, когда шли на бой с японской эскадрой адмирала Уриу.*

"Мы, как и вообще вся Россия, никак не ожидали, что японцы начнут военные действия до объявления войны, а потому нас поразило требование адмирала Уриу покинуть гавань Чемульпо в самый непродолжительный срок. Стоявший вне гавани, приблизительно в 6–7 милях, японский флот ясно говорил, что значит это требование и что ожидает нас по выходе в море. Несмотря на то, что японцы собирались попрать основные положения международного права — права, священного для каждого народа, — нейтральные суда остались глухи и немы.

Мы были одни среди врагов равнодушных. Каждая минута была дорога. Надо было решиться.

И мы решились!

Решение это явилось как-то само собою еще до того момента, когда было сделано распоряжение готовиться к бою. Для каждого из нас решение это было ясно, каждый чувствовал его.

Мы русские. ***Мы отвечаем за честь России, мы должны высоко держать наше знамя во славу Царя и Отечества. Ему, и только ему одному принадлежит наша жизнь, и мы должны были пожертвовать ею.*** *Ни о каком колебании не могло быть и речи. Личные интересы, интересы семьи и любовь к ней — все это стушевывалось, меркло и терялось в величии момента.*

Принять бой на самом рейде мы не считали себя вправе, при этом подвергались бы опасности суда нейтральных держав.

Раздается команда готовиться к сраженью. Деревянные части спешно удаляются. Мы готовы выступить.

Тут каждый из нас простился мысленно со всем, что было ему дорого, простился с Родиной, и, благословляя ее под звуки нашего народного гимна, двинулись мы навстречу врагу.

Трудно, даже больше — невозможно словами выразить тот необычайный подъем духа, энергии и сил, который мы почувствовали в этот страшный момент. Что-то свыше влилось в нашу душу, о себе мы больше не думали, пред нами был наш долг. И долг этот каждый решил исполнить до конца"»[1].

---

[1] Цит. по книге: *Черняев Н.И.* Мистика, идеалы и поэзия Русского Самодержавия. М., 1998. С. 354–355.

Государственная власть сама действительно основывается на осознании людьми их зависимости от государства. Но сознание это не должно носить тоталитарные безусловные черты, потому что люди осознают свою зависимость не только от государственного союза, но и от многих других общественных союзов (Церковь, семья, профессиональные союзы и т. д.).

Государство есть организация национальной жизни

Либеральная идея о том, что государство есть договорный союз множества отдельных индивидуумов, не соответствует действительности. Государственный союз не нужен атомизированным, а значит, слабо социализированным личностям. Государственный интерес может возникать только у людей, уже объединившихся в другие более мелкие социальные группы, у которых вследствие этого возникли определенные интересы, требующие третейского согласования и охранения от посягательств. Появление этих социальных интересов и их взаимной борьбы, в свою очередь, рождает отношения власти и подчинения, а здесь уже необходимым становится властный примирительный и объединяющий принцип государственности.

Здесь идея государственного союза предстает уже как нечто *общечеловечески ценное.*

Как образно писал Святитель Филарет (Дроздов), митрополит Московский о государстве, это есть «*некоторый участок во всеобщем владычестве Вседержителя, отдельный по наружности, но невидимой властью сопряженный с единством всецелого*»[1].

С точки зрения Церкви «*государство не есть непосредственное создание Божие, в том смысле, каком является, например, дело человеческого спасения, но оно и не произвольное, самим человеком изобретенное учреждение, а по Божией воле среди людей возникающее установление, наделенное от Бога высшею земною властью. Но, хотя государство, по своей внутренней природе, есть установление божественное, однако осуществление этого "Божия установления" переходит в руки грешных людей; поэтому-то личные органы власти и именуются в Св. Писании "человеческим начальством" (1 Петр. 2, 13)*»[2].

Идеи, отрицающие Отечество (космополитизм и классовое государство)

Отрицание Отечества исходит из двух позиций. Первая — *космополитическая* — противополагает ему все человечество. Вторая — *узкоклассовая* (созданная социализмом) — отрицает сотрудничество различных социальных слоев общества во имя общего блага, утверждая, что единство существует лишь внутри классов. А раз нет солидарности социальных слоев, значит, по утверждению теоретиков социализма и коммунизма, нет и единого Отечества и общего государственного интереса.

---

[1] *В. Н. [Назаревский В. В.]* Государственное учение Филарета, митрополита Московского. М., 1883.

[2] *Стеллецкий Н. С., прот., проф.* Опыт Нравственного православного Богословия в апологетическом освещении. Ч. 3. Общественная нравственность. Харьков, 1917. С. 276–277.

Социальная солидарность внутри отдельного социального слоя (или класса) есть лишь материальный или профессиональный интерес, и он не затрагивает большинства тех нравственных идеальных чувств, свойственных жертвенному патриотизму. Классовый эгоизм отрицает благородные чувства гражданского единения и проповедует только сугубую выгоду.

Идея Отечества создает такую солидарность, которая противоположна и космополитической беспочвенности с ее отвлеченной беспредметностью, и грубо эгоистичному материализму классовой идеи.

Тезисы космополитизма сформулированы примерно в следующем виде: «*1) патриотическое чувство — безнравственное чувство, оно ничем не может мотивироваться, кроме эгоистических мотивов; 2) обособление народов в изолированные, замкнутые, отдельно существующие союзы противодействует солидарности, работе на пользу общечеловеческих интересов; 3) христианство прямо и положительно запрещает деление человечества на обособленные народности своим учением о равенстве эллина и иудея, раба и свободного, своей проповедью о себе, как универсальной религии, единящей всех людей в единое стадо с единым Пастырем*»[1], не выдерживают критики.

Патриотическое чувство не эгоистическое чувство, поскольку часто требует жертвенности и даже самой смерти для искреннего своего носителя, почему, собственно, и имеет большое достоинство.

Отечество как социальная общность отнюдь не является тормозом в человеческом совершенствовании. Именно в Отечестве, как и в семье, и в Церкви, человек получает самые важные уроки любви к ближнему, уроки, которые если не проходишь, то не можешь в дальнейшем полюбить и никакого другого ближнего встречающегося на твоем жизненном пути.

Отнюдь не в принадлежности всякого человека к какой-либо национальной общности или национальному Отечеству лежит причина раздоров и борьбы между людьми, а в злой воле разных людей, которая никак не исчезнет из людского рода, если даже и объединить все человечество в один государственный союз и юридически уничтожить все Отечества. Злая воля будет существовать и в этом искусственно соединенном образовании, только в еще более сгущенном составе, поскольку человечество будет жить не в родственном (а значит, в более «тренированном» в любви друг к другу союзе), а в случайно и даже насильно соединенном союзе разных, не родственных друг другу людей.

Абстрактная общность — человечество — не будучи реальной общностью[2], для многих либеральных мыслителей и пропагандистов являлась более значимой, чем нация или Отечество. Эта «несомненность» в реальности отнюдь не так абсолютно несомненна, как это ими утверждается, и многие возражали против нее[3].

---

[1] *Никольский В. А.* Космополитизм (Изложение и критический разбор его основных положений). Казань, 1913. С. 10.

[2] Разве лишь в момент построения Вавилонской башни. Но ведь далее языки (народы) были смешаны Творцом и люди перестали понимать друг друга, что и происходит и по сей день. Не это ли Промысел Божий, чтобы люди в земных условиях жили разными общностями-народами, а не устраивали, соединившись в одно целое, всечеловеческих безумств вроде Вавилонского столпотворения.

[3] *Астафьев П. Е.* Спор с г-ном Вл. Соловьевым // Русский Вестник 1890. № 10.

Например, философ П. Е. Астафьев считал, что *«русский народ всего лучше послужит и общечеловеческим задачам, оставаясь верен своему духу и характеру»*[1].

* * *

Опора всякой государственной власти есть не что иное, как высокое развитие чувства патриотизма. Государственная власть никогда не может опираться исключительно на физическую силу уже потому, что правительство в каждом государстве всегда является меньшинством в обществе. Вот почему наиболее важною опорою для власти является чувство патриотизма: оно побуждает граждан исполнять веления законодателя и служить гарантией того, что предписания закона будут исполняться гражданами даже в тех случаях, когда им приходится стеснять себя в своих отношениях к государственной власти.

Власть, по профессору Н. М. Коркунову, сила, обусловленная не волею властвующего, а сознанием зависимости подвластных. Для того чтобы орган власти мог в своей деятельности опереться на сознание подчиняющихся их зависимости от государства, необходимо, чтобы его действия находились в известном соответствии с этим сознанием подвластных, с теми представлениями, какие они имеют о государстве, об его отношении к праву, к личной и общественной свободе. Власть государства простирается лишь настолько, насколько граждане сознают себя от него зависимыми. Поэтому всякое сознание личной или общественной свободы непременно обусловливает соответственное ограничение государственной власти.

Ту же мысль, но другими словами, высказывал и идеолог русского почвенничества, философ Н. Н. Страхов (1828–1896). «*Никакая власть,* — писал он, — *не лишает нас свободы, если внутри нас есть согласие на нее… Для этого нужно видеть во власти известный смысл, иметь ясную ее идею: только тогда у нас будет согласие на ее осуществление*»[2].

Начало XXI в. совпало с концом постсоветского либерального диктата, идеологи которого, всего на какие-нибудь десять лет, попробовали заменить институт государства и любовь к Отечеству свободолюбивыми прениями о «гражданском обществе» и «свободном рынке». Печальный итог упадка идеи Отечества не заставил себя долго ждать.

Современность, приостановившись перед бездной небытия, повелительно настаивая на пересмотре либеральных представлений о государстве, требует утверждения нового понимания в противовес прошедшему «десятилетию сугубой индивидуальности» и на государственном, и на общественном уровнях.

---

[1] *Астафьев П. Е.* Спор с г-ном Вл. Соловьевым // Русский Вестник 1890. № 10.

[2] *Страхов Н. Н.* Борьба с Западом в нашей литературе. СПб., 1887. Кн. 1. С. 460.

Александр КАПЛИН

СУЩНОСТЬ И ВИДЫ РОССИЙСКОЙ МОНАРХИИ В ОСМЫСЛЕНИИ ИСТИННЫХ СЛАВЯНОФИЛОВ

Александр Дмитриевич Каплин — родился в 1961 г. на хуторе Красном Конышевского района Курской области. Окончил исторический факультет Харьковского госуниверситета (ХГУ), профессор Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина. Автор многих книг по истории русской религиозной мысли, ответственный редактор, составитель «Православной энциклопедии Харьковщины», член редакционного совета, один из авторов энциклопедии «Славянофилы». Работы издавались на русском, украинском, немецком, сербском, польском языках. **Живет в Харькове, Украина.**

Российская монархия, ее сущность и виды активно обсуждались в общественной мысли XIX—XX веков. Об этом писали представители самых разных направлений. В середине XIX в. особой активностью отличались так называемые истинные славянофилы, которые являются выдающимися представителями русской православной мысли. И неудивительно, что многие другие течения общественной мысли соотносили свои позиции со взглядами славянофилов.

Издавая в 1898 г. ряд статей славянофилов, С. Ф. Шарапов писал: «Если русская самостоятельная мысль по вопросу о государственном устройстве нашла себе выражение, то именно у славянофилов. Вся остальная русская политическая литература представляет изложение чужих идей, отголосок разнообразнейших западноевропейских течений»[1]. Последнее утверждение не учитывает православно-церковную мысль, в частности, государственное учение свт. Филарета (Дроздова). Но что касается светской части, то, несмотря на категоричность публициста, с его суждением вполне можно согласиться.

Однако через год в Риме Д. А. Хомяковым был опубликован «Опыт схематического построения» понятия «самодержавие», который изложил славянофильское («настоящее русское», «православно-русское», как он считал) понимание сущности самодержавия. Этот «Опыт», дополненный впоследствии двумя другими брошюрами («Православие» и «Народность») представляет собой единственное на сегодняшний день серьезное специальное рассмотрение славянофильского понимания мо-

[1] Теория государства у славянофилов. Сб. статей. СПб., 1898. С. 3.

нархии[1]. К сожалению, этот труд до сих пор практически не замечается в исторической науке.

За более чем столетие, прошедшее со времени первого издания «Самодержавия», специальных научных работ по «теории монархии у славянофилов» не появлялось, хотя отдельные фрагменты, замечания встречаются в различных работах[2].

В данной статье мы кратко рассмотрим отношение главных представителей славянофильского направления к русской монархии. Учитывая, что эта тема требует обстоятельного, фундаментального, всестороннего осмысления, мы лишь указываем на некоторые особенности славянофильского подхода к пониманию русской монархии в контексте взаимоотношений Церкви, государства и народа, а также обратим внимание на вопросы, вызванные в литературе славянофильским подходом, но не нашедшие своего продолжения.

Славянофильство как направление в русском самосознании определяется не сразу. Уничижительная кличка, данная славянофилам их противниками, ни в коей степени не соответствует их коренным убеждениям, которые ко второй половине 1840-х гг. получили вполне определенное выражение. Все, принадлежавшие к данному направлению, имели богатый самостоятельный опыт духовно-религиозного осмысления судеб русского народа и государства. Это было главной постоянной темой их раздумий. По свидетельству Ю. Ф. Самарина, «о политических вопросах никто в то время (в 1840-е гг. — *А. К.*) не толковал и не думал»[3]. Главным был «спор религиозный», заключающий в себе «всю сущность и весь смысл всех предстоящих нам жизненных споров. Вопрос об России во всех отношениях есть без сомнения единственный истинно-всемирный вопрос нашего времени»[4].

Таким образом, мы имеем дело с православными мыслителями. Настоящую же основу **христианского политического учения** составляет «воздавание кесарю кесарева и Божия Богу»[5]. П. А. Флоренский, считавший, что «всякий вопрос о славянофилах и славянофильстве на три четверти, кажется, обращается в вопрос о Хомякове», отмечал: «А. С. Хомяков “противополагает понятия общественные понятиям государственным, вместо того, чтобы прямо встать на понятиях церковных … в учении о государстве у него заметно стремление объяснить все из момента социального. Общество, а не государство”, — вот смысл хомяковских утверждений, выраженных прямо. Эти сложные построения, думается нам, — не что иное, как осторожный подход к теории народного (или, при разговорах о Церкви — всечеловеческого) суверенитета»[6].

По мнению П. А. Флоренского, А. С. Хомяков открыто высказывает теорию суверенитета в своих исторических соображениях о происхожде-

---

[1] *Хомяков Д. А.* Православие, самодержавие, народность. Монреаль, 1983; См. совр. изд.: Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность / Сост., вступ. ст., прим., имен. словарь А. Д. Каплина. М.: Ин-т русск. цивилизации, 2011. 576 с.

[2] *Завитневич В. З.* Алексей Степанович Хомяков. Т.1. Кн. 1–2. Киев,1902. Т. 2. Киев, 1913; *Флоренский П. А.* Около Хомякова. Сергиев Посад, 1916 и др.

[3] *Самарин Ю. Ф.* Соч. в 12 т. Т. 4. М., 1911. С. 240.

[4] *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. Т. 8. М., 1900. С. 258.

[5] *Тихомиров Л. А.* Единоличная власть, как принцип государственного строения // Русское Обозрение. 1897. № 6. С. 536.

[6] *Флоренский П. А.* Около Хомякова. Сергиев Посад, 1916. С. 12, 24.

нии династии Романовых. Русские цари самодержавны потому, что такою властью одарил их русский народ. Следовательно, не народ — дети от царя-отца, но отец-царь — от детей-народа. Самодержец есть самодержец не «Божиею милостию», а народною волею. Не потому народ призвал Романовых на царский престол, что в час просветления сердцем, очищенным страданиями, узрел свершившееся определение воли Божией, почуял, что Михаил Федорович уже получил от Бога царский венец, а потому избрал, что так заблагорассудилось наиудобнейшим для себя. Одним словом — не «сыскал» своего царя, а «сделал» своего царя. И первый Романов не потому воссел на престол, что Бог посадил его туда, а потому, что вступил в «договор с народом». Следовательно, приходится заключить далее, что «сущие власти» не «от Бога учинены суть»[1].

Конечно, допускает П. А. Флоренский, во внерелигиозной, чисто светской мысли, там, где Бог не признается Источником общественного строя, — без народного суверенитета обойтись нельзя. Ибо если нет в научном сознания Бога, то кому же, как не народу, быть последним судьей своих дел, и тогда право самодержавия без суверенитета народа обосновано быть не может. Но будет ли такое «самодержавие» самодержавием? — «В том-то и дело, что в сознании русского народа самодержавие не есть юридическое право, а есть явленный самим Богом факт, — милость Божия, а не человеческая условность, так что самодержавие царя относится к числу понятий не правовых, а вероучительных, входит в область веры, а не выводится из внерелигиозных посылок, имеющих в виду общественную или государственную пользу»[2].

Интересно, что крупнейший русский философ, автор специального фундаментального труда о монархии и республике, И. А. Ильин, считал: исследование монархии недоступно только «научному» мышлению. А потому «надо, не порывая с научным материалом государственных законов, политических явлений и исторических фактов, проникнуть в их философский, религиозный, нравственный и художественный смысл и постигнуть их как состояния человеческой души и человеческого духа»[3].

Но подтверждает ли сомнения П. А. Флоренского наследие А. С. Хомякова, считавшего, что «первый и главный предмет, на который должно обратить внимание исторического критика, есть народная вера»[4]. В трагедии «Ермак», написанной еще в царствование Александра I, главный герой восклицает: «И я за то России должен мстить, // Что Небо ей послало Иоанна?»[5]. Здесь поэт однозначно указывает на богоизбранность царя и его власти.

А. С. Хомякова интересует «дух жизни» и «жизнь духа», а не внешнее величие России, а потому не «сила народов» повергает Наполеона, но «Тот, Кто пределы морям положил». В стихотворении на день коронования Александра II А. С. Хомяков так и пишет: «Ему Господь родного края //

---

[1] *Флоренский П. А.* Около Хомякова. Сергиев Посад, 1916. С. 25.

[2] Там же.

[3] *Ильин И. А.* О монархии и республике // Вопросы философии. 1991. № 4. С. 109.

[4] *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 31, 131.

[5] Там же. Т. 4. С. 340.

Вручил грядущую судьбу»[1]. Но как велика «тягота венца»! О России, ее духовной сущности и царской миссии А. С. Хомяков размышляет на протяжении всей своей жизни. И не только народ, сам собою, решает свою судьбу: «В Москве узнали мы волю Божию».

Думается, что проблема не в том: народ ли решает участь царя или Промысел. Ведь для А. С. Хомякова русский народ есть «не просто материал, а духовная сущность»; но и призвание государства «свято и высоко» — «как живой органический покров» охватывает оно общественную жизнь[2]. Выражением же государства русского народа является государь. И в этом смысле сомневаться в праве народа участвовать в решении своей судьбы, в том числе и в выборе государя, значит, не признавать за ним этой духовной сущности и свободы. «Один только православный, сохраняя свою свободу, но смиренно сознавая свою слабость, покоряет ее единогласному решению соборной совести»[3]. А совесть — «глас Божий». Да, у А. С. Хомякова встречаем: «Царь, избранный Россией». Но сама-то Россия, «недостойная избранья», — избрана за смирение и веру. А потому, собственно, суть проблемы, думается, заключается в том, насколько власть в лице государя оказывается достойной служить Богу и народу.

В историографии высказывалось мнение о том, что «взгляд И. В. Киреевского на церковно-государственные отношения сложен и трудно поддается исследованию из-за недостатка данных»[4]. Тем не менее мы можем судить как о его некоторых теоретических взглядах на отношение государства к Церкви, так и о конкретно-исторических оценках монархии.

И. В. Киреевский считал, что «душа государства есть господствующая вера народа»[5]. Русское общество выросло самобытно, оно представляет не плоскость, но лестницу. Разум народа — в церквах, убеждениях сословий и т. д., в правительстве же — народная воля. А она не умнее разума. Все правительства от св. Владимира до Иоанна Грозного были православные. Петр I пошел наперекор пути народа, это привело к неминуемому расстройству организма. Поэтому И. В. Киреевский различает единовластие и самовластие. Очевиден и выход: «Чем более будет проникаться духом православия государственность России и ее правительство, тем здоровее будет развитие народное, тем благополучнее народ и тем крепче его правительство, и, вместе с тем, оно будет благоустроеннее, ибо благоустройство правительственное возможно только в духе народных убеждений»[6].

С ранней молодости внимательно изучал особенности русской государственности Ю. Ф. Самарин. Уже в письме к Могену (1840) он определяет: «принцип монархический — великое дело нашей истории. Она вся есть не что иное, как развитие этого принципа»[7]. По мнению А. М. Иванцова-Платонова, «едва ли где-нибудь исследование отношения церкви к государству в древней России проведено с такою ясностью и последовательностью»,

---

[1] *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 234, 259, 280.

[2] Там же. Т. 3. С. 434.

[3] Там же. Т. 1. С. 386.

[4] *Цимбаев Н. И.* Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986. С. 258.

[5] *Киреевский И. В.* Полн. собр. соч. Т. 2. М., 1911. С. 271, 277.

[6] Там же. С. 277.

[7] *Самарин Ю. Ф.* Соч. Т. 12. М., 1911. С. 454.

как в магистерской диссертации Ю. Ф. Самарина «Стефан Яворский и Феофан Прокопович» (1840–1843)[1]. Этот ученый труд был одним из ранних выражений славянофильской идеи исторического развития России, хотя самого автора считать в то время убежденным славянофилом еще рано. Он показывает, что свое отношение к государству Церковь выражает догматом: «власть царская (вообще верховная мирская власть) ведет свое начало от Бога непосредственно; люди только облекают в нее избранного или избранных из сферы своей, но сама власть от Бога, а не от них»[2].

В последующее время Ю. Ф. Самарин оставил множество суждений о правительстве России, его политике, конкретных оценок царствующих особ. Для России он считал положительными две силы: народ и самодержавного царя. Но последний — «сила положительная, историческая … только вследствие того, что ее выдвинула из себя народная сила и что эта последняя сила признает в царе свое олицетворение, свой внешний образ»[3]. И самодержавие законно и несокрушимо, пока обладает этими двумя условиями. Для тогдашней России всякую попытку ограничить самодержавие Ю. Ф. Самарин считал делом безумным. Такие взгляды наиболее близки воззрениям К. С. Аксакова, излагавшего свою теорию в целом ряде работ, а в наиболее концентрированном виде — в «Записке» к Александру II.

По мнению К. С. Аксакова, русский народ есть народ негосударственный, т. е. не стремящийся к государственной власти, не желающий для себя политических прав, не имеющий в себе даже зародыша народного властолюбия. Самым первым доказательством тому служит начало его истории: добровольное призвание чужой государственной власти в лице варягов. Земля поручила свою защиту государству в лице его государя и не хочет переходить ей же положенного. Следовательно, государственная власть при невмешательстве ее народа должна иметь монархическую форму. Ибо вне народа, вне общественной жизни может быть только лицо. Здесь необходим монарх. Такой взгляд есть взгляд свободного человека. Признавая монархическое правление, русский народ удерживает за собою свою совершенную независимость духа, совести, мысли. Считая правительство властью от мира сего, русский народ не признает свою форму правления за совершенство. Это человеческое устройство мира, а потому русский народ не воздает царю божеской почести.

Народ так и остался верен своему взгляду и не посягнул на государство, но последнее в лице Петра I посягнуло на народ, вторглось в его жизнь. Произошел разрыв царя с народом, разрушился древний союз земли и государства; так вместо прежнего союза образовалось иго государства над землей. Русская земля стала как бы завоеванной, а государство — завоевательным, монарх получил значение деспота, а свободно-подданный народ — значение раба-невольника в своей земле[4].

Петровское государство побеждает с силами еще допетровской России, но силы эти к середине XIX в. слабеют. «Внешнее величие России, при императорах, точно блестяще, но оно может существовать, пока еще внутрен-

---

[1] *Самарин Ю. Ф.* Соч. Т. 5. М., 1880. С. XIII–XIV.

[2] Там же. С. 178.

[3] Теория государства у славянофилов. Сб. статей. СПб., 1898. С. 63.

[4] Ранние славянофилы. М., 1910. С. 86.

няя, хотя и подрываемая, сила не исчезла … Внутреннее величие — вот что должно быть первою главною целью народа и, конечно, правительства»[1].

Вышеизложенное не оставляет сомнения в том, что славянофилы были монархистами, сторонниками самодержавия. Принадлежали ли они к особому течению «лояльного монархизма», куда кроме них И. А. Ильин причисляет А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, Н. В. Гоголя, Ф. И. Тютчева, Ф. М. Достоевского, Д. А. Милютина, «всех совершителей «великих реформ», П. А. Столыпина и «всех его соратников и сотрудников»[2], думается, отвечать пока рано. Гораздо важнее другое.

1830–1850-е гг. в определенной степени были переломными в истории заблуждений русского самосознания. Славянофилы были, по сути дела, единственным православным направлением в светской русской мысли, когда, по слову И. В. Киреевского, «уже почти не осталось ни одной мысли общественной, политической, нравственной, юридической или даже художественной, которая бы более или менее не была запачкана и измята неправославными руками…»[3]. В наследии славянофилов четко изложенной теории русской монархии (княжеской и царской власти, самодержавия, абсолютизма) нет. Отдельные работы и суждения породили законные вопросы, в частности П. А. Флоренского. Хотя мысли А. С. Хомякова разнообразнее и глубже того, что представлено П. А. Флоренским, вопросы последнего не теряют своей значимости при обращении к другим славянофилам.

Но есть ли вообще в православно-русской церковной мысли авторитетный труд о сущности самодержавия? Да, таким является развитое в сочинениях архиепископа Серафима (Соболева) государственное учение свт. Филарета (Дроздова)[4]. Здесь, исходя из апостольского изречения, говорится, что царская власть установлена самим Богом, ее существом является единодержавие или самодержавие[5].

Но нельзя смешивать две разные вещи: существо и вид царской власти. Вид царской власти или ее проявление зависит от свободной воли царя. Иначе сказать, она может быть истинной самодержавной или же не истинной, но абсолютистской. Помазание не изменяло существа власти: «Бог не стесняет человеческой свободы. Он только дает нам благодать для истинного служения ему».

Итак, делает вывод архиеп. Серафим (Соболев), «царская самодержавная власть основана на Священном Писании». Поэтому «основные истины о царе и его власти можно назвать догматами царского и государственного права, как об этом свидетельствует митрополит Филарет»[6].

В связи с этим очень важным является свидетельство архиеп. Серафима (Соболева), что славянофилы неискаженно понимали самодержавие в смысле единодержавия, или неограниченной, не зависимой ни от кого

---

[1] Ранние славянофилы. М., 1910. С. 89.

[2] *Ильин И. А.* Указ. соч. // Вопросы философии. 1991. № 5. С. 111–112.

[3] *Киреевский И. В.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 275.

[4] *Серафим (Соболев), архиеп.* Об истинном монархическом миросозерцании. Статьи и проповеди. СПб., 1994; *Серафим (Соболев), архиеп.* Русская идеология. СПб., 1994.

[5] *Серафим (Соболев), архиеп.* Об истинном монархическом миросозерцании. С. 27, 33.

[6] Там же. С. 40, 42.

из подданных царской власти. Но если монарх будет считать источником власти свою волю, не ограниченную Божественным законом, то она будет абсолютистской по своему виду или проявлению[1].

Говорить, что «для Бога чужды и далеки государственные интересы и что Он подчеркивает свое безразличие к государственной жизни и деятельности, это значит, отрицать веру в Богооткровенные истины о Божественном промышлении в отношении царей и их деятельности и даже целых государств»[2]. Но если «рассматривать царскую власть в ее отношении к Богу, то ее можно назвать ценностью относительною, и не только ее, но и все существующее, как получившее свое бытие от Бога»[3].

Православное же понимание отношения царской власти к Церкви выражается учением о симфонии властей, различии священства и царства, когда исключается папоцезаризм и цезарепапизм. На Руси, по заключению архиеп. Серафима (Соболева), русские великие князья и цари осуществляли симфонию и согласие властей, как она осуществлялась византийскими императорами. Нарушаться она начала в царствование Алексея Михайловича, уничтожена же она Петром I, когда искаженная самодержавная власть стала абсолютистской и деспотической. Здесь была заложена причина гибели России. И хотя русские цари XIX в. покровительствовали церкви, русский народ уже не мог оправиться и встать на заповеданный ему Богом путь осуществления религиозно-нравственного идеала — «путь святой Руси»[4].

Таким образом, славянофилы считали монархию Богоустановленной властью. Но, как видно из вышеизложенного, позиция каждого представителя славянофильского кружка требует отдельного дополнительного исследования. С основания истинного монархического миросозерцания уяснили они сущность Святой Руси и переворота Петра I. Славянофилы разделяли самодержавие (как «активное самосознание народа, концентрируемое в одном лице…») и абсолютизм (как «власть безусловную, отрешенную от органической связи с какою бы то ни было народностью в частности», которой охотнее всего облекаться в форму римского императорства)[5]. Самодержавие «есть исконная, излюбленная форма проявления высшей государственной власти» среди русского народа и «стремление к осуществлению идеи самодержавия составляет основной мотив всей русской истории, вполне прозвучавший в период т. наз. московский»[6]. Вся же суть реформы Петра I сводилась к одному — к замене русского (соборного) самодержавия — абсолютизмом (вначале — «чистым», а потом — «бюрократическим»).

---

[1] *Серафим (Соболев), архиеп.* Об истинном монархическом миросозерцании. С. 55, 63.

[2] Там же. С. 66.

[3] Там же. С. 67.

[4] *Серафим (Соболев), архиеп.* Русская идеология. С. 147–148.

[5] *Хомяков Д. А.* Указ. соч. Монреаль, 1983. С. 152, 153.

[6] Там же. С. 159, 161.

Валерий ГАНИЧЕВ

НАШ ГЛАВНЫЙ РЕЗЕРВ

К 15-летию прославления в лике святых праведного адмирала Федора Ушакова

Валерий Николаевич Ганичев — родился в 1933 г. на станции Пестово Новгородской области. Окончил в 1956 г. Киевский университет. Доктор исторических наук, профессор, лауреат премии Ленинского комсомола. Главный редактор «Роман-журнал. XXI век». Председатель Союза писателей России. Автор многих книг прозы и публицистики. **Живет в Москве.**

В самые тяжелые и трагические дни 1941 года, казалось, что до края пропасти и краха России — Советского Союза остались считанные дни. Наверное, ноябрь 41-го был самым драматическим из военных месяцев. До Москвы десятки километров; правительство частично переместилось в Куйбышев; немцы, скрежеща гусеницами танков, продирались к столице; захвачены Белоруссия и Украина; защелкнулось блокадное кольцо Ленинграда…

Последние дни России? Да.

Но свершилось невиданное, негаданное, невозможное…

В хмурое заснеженное утро 7 ноября на Красной площади военный парад.

В Москву пришли резервы, которые так ждали изможденные войска. Откуда-то с востока, с границы шли эшелоны, на станциях разгружались в белых полушубках сибиряки. Кто же еще?

Но это чуть позднее. С трибуны мавзолея прозвучали в высшей степени магические и волшебные слова: «Пусть вдохновляет вас образ великих предков…» — вот тот резерв, который с небес спускался для спасения России: Александр Невский, Дмитрий Донской, Кузьма Минин, Дмитрий Пожарский, Александр Суворов, Михаил Кутузов…

Вот он, небесный мистический спасительный резерв, который призвал Верховный Главнокомандующий. Только этот резерв оказался у Ставки. Нет, не у командующих, а у страны. Сопровождаемые этим резервом, уходили с заснеженной Красной площади 7 ноября красноармейцы в бой, чтобы через 70 лет превратиться в Бессмертный полк.

К этому небесному резерву спустились к нам тогда и великие адмиралы — Федор Ушаков и Павел Нахимов, чьи силуэты стали на од-

ноименных орденах в годы Великой Отечественной войны. Так я и написал в письме патриарху Алексию II, что адмирал Федор Ушаков явился к нам, нашему народу три раза.

Первый раз — в его земной жизни, представляя особую победоносную суть нашего народа в битвах с врагами России, в создании Русского Черноморского флота, строительстве Севастополя, освобождении от воинственных безбожников-якобинцев Ионических островов, крепости Корфу в Греции, создании там одной из самых демократических республик в XVIII веке, восстановлении там православной епархии, учреждении Конституции. Россия уже тогда несла Греции мир и согласие. А затем — окончание жизни в провинции, на Тамбовщине, где он оказывал помощь больным, бедным и убогим, женам погибших, строил госпитали инвалидам и отставникам, молился в кельях Санаксарского монастыря, где после его смерти в 1817 году написали в газетах: «Вы его знали как великого флотоводца, а мы его знаем как великого милосердца». Вот в этом обличье — флотоводец, стратег, дипломат и молитвенник — он и закончил свою жизнь, и был похоронен рядом со своим дядей, монахом Санаксарского монастыря, ныне тоже святым Русской Православной Церкви.

Когда началась Великая Отечественная война, всем духом России он был зван на рать, понадобился как воин, спаситель, защитник России. И тут-то и появился победоносный воин-спаситель адмирал Федор Ушаков. Был учрежден его орден для героев.

В третий раз он появился в трагическую минуту у нас в Отечестве в 90-е годы XX столетия. Исчезла великая морская держава — Советский Союз. Россия потеряла почти всю Балтику (Эстонию, Латвию, Литву). Черноморский флот разделен. Уже и в Севастополе он только арендатор. Проходило списание на металлолом многих лучших военных кораблей. Мистическая драма погибшего «Курска». Гибли флоты, корабли, уходили из Морфлота моряки. Морская слава державы прекращалась? Но, нет, оставалась Россия, которая столетиями дружила с морской стихией.

Россия в конце 90-х и начале 2000-х набухала высоким смыслом и духом спасения своей морской сущности. Начали оживать судостроительные предприятия, появились новые боевые корабли, флот вздохнул, как бы проснулся после спячки или усыпления. Нужен был спасительный знак, образ, символ. И он явился как образ великого предка. Русская Православная Церковь тогда удивила и поразила все общество и граждан страны, прославив в чине святых две тысячи новомучеников Церкви, что стояли в годы лихолетья за веру. Духовные силы собирались, и вот в 2000-м году в ноябре месяце Священный Синод принимает решение прославить в лике святого адмирала Федора Ушакова. Для кого-то это было неожиданно, для кого-то непонятно. Но Русская Православная Церковь, ее священники этот вопрос тщательно изучили и почувствовали необходимость этого шага.

Да, адмирал Ушаков был известен обществу как признанный морской начальник и державный постпред в Греции. Но не за это его провозглашали святым.

Работая над биографией и историей жизни и деятельности флотоводца более тридцати лет, я постепенно обнаруживал черты святого праведного поведения в его жизни. Они все яснее проступали в его поступках. Он не выпячивал их, не упивался ими — он так жил.

Порожденный Ярославской землей, землей Сергия Радонежского, Александра Невского, Иринарха, благословившего Дмитрия Пожарского и Кузьму Минина на освобождение Москвы в 1612 году, и сонма ростовских святых, он не мог с детства не почувствовать эту атмосферу святости. Его морское служение дало ему не один повод укрепиться духом и проявить высшие человеческие достоинства, дорогу к святости.

Первый его подвиг по спасению десятков близких людей свершился в 1783 году, когда он ценой невероятных усилий и забот вывел свой, набранный для службы экипаж моряков в поле, за город Херсон, в котором свирепствовала смертельная чума XVIII века, косившая людей десятками и сотнями. Окопав лагерь, сделав защитные дымовые костры, выставив бочки с уксусом для ежедневного протирания тела, организовав изоляторы для больных, проверяя состояние моряков, Федор Ушаков спас экипаж от эпидемии и смерти. Это было настолько показательно и удивительно, что сама Императрица, адмиралтейств-коллегия приняли указ о его награждении орденом. Адмиралтейств-коллегия сообщила, что «приписывает свое удовольствие капитану Ушакову, отличившемуся неусыпными трудами попечения за то, что успел отвратить опасную болезнь, так что оная больше не показывалась». Вот так, первый орден, первый высокий знак судьбы не за бои и битвы, а за спасение обреченных на смерть. Это ли не подвиг святого? Тем более что это был орден святого равноапостольного Владимира IV степени.

Далее пошла его героическая и созидательная служба на Черном море и в Севастополе. Мы можем считать его одним из главных создателей Русского Черноморского флота (именно русского, а другого, кроме турецкого, там и не было). Там он побеждал, бил врагов Отечества в битвах при Феодосии, Керчи, Тендри, Калиакрии.

Святость его проявлялась в те годы, когда Федор Ушаков был командующим флота и одним из создателей, благоукрашателей города Севастополя, колыбели русского христианства в Херсонесе. И в каждом из его поступков высвечивалась его святость, праведность, которая выльется в конце жизни в единый образ святого праведного.

Ну, а затем — знаковая признательность России Греции (Византии) за христианство, пришедшее оттуда. Годами затуманивали эту миссию Ушакова, признавая только его военные, дипломатические и стратегические победы. А ведь он, освободив Ионические острова, Корфу, вернул туда Православие, вытесненное католицизмом, помог избрать православного митрополита, остановить смертельную схватку между сословиями на островах, между богатыми и бедными.

На острове Кефалония один церковный староста спросил нас: «Знаете ли вы, кто такой Ушаков и что он сделал для греков на островах? Он сумел соединить останки (кости) всех наших святых на островах, выброшенные безбожниками-якобинцами из рак». На островах действительно много святых всеправославного признания (Спиридон, Феодора, Герасим, Дионисий, Игнатий). Не знаю, сколь точно убеждение церковного старосты, но именно Ушаков нес мощи святого Спиридона в Крестный ход на Пасху 1799 года. Митрополит Керкирский, прибывший в Россию и в первый раз сопровождающий мощи святого Спиридона, впервые покинувшие Грецию, сказал: «Святой Спиридон протянул руку святому адмиралу Ушакову».

Копаясь в архивах Корфу, я обнаружил немало благодарностей Ушакову, его морякам. Так, один купец писал своему другу в Венецию: «Какое счастье и радость видеть, что нас освободил Ушаков, как ведут себя его моряки и солдаты, которые заполнили все шесть церквей, освобожденные ими, если бы все греки так усердно молились».

Память обо всем этом пытались стереть и у нас, и в Греции. В том архиве в Корфу в 1989 году мне принесли папки за 1798–1799 годы, где было написано: «Русско-турецкая оккупация». Я вскричал в лицо архивисту: «Вам не стыдно! Он вас освободил, дал Конституцию, возвратил Православие!». Грек покраснел: «Знаете, у нас с 1819 по 1970 год был протекторат Англии, и они дали нам такую хронологию». Ну, молодцы (или стервецы), англичане, где они — там демократия и свобода, где русские — там оккупанты.

Если проводить параллели, то поход-экспедиция Ушакова в Грецию был глубоко православным христианским, освободительным походом, закончившимся освобождением части Греции и помилованием пленных врагов. Состоявшиеся за триста лет европейские крестовые походы в Иерусалим проложили свой путь через греческую Византию, ее столицу Константинополь, разграбили ее, осквернили, убили немалое количество ее жителей, высокомерно заявив, что те — «неверные» христиане, присвоив себе право себя считать «истинными». Цивилизованная Европа не возражала. Православный поход и деятельность Ушакова отмечены в Житии св. Федора как праведное деяние.

Ну, и еще одно выдающееся, как бы спустившееся с небес качество: Ушаков подарил стране, флоту океанское мышление, которое тогда было только у Испании, Португалии, Англии, Голландии, Италии, чьи корабли ходили по океанам, открывая дальние миры и страны. Ушаков, не раз огибая Европу, выходя в Атлантический океан, приучил и научил русский флот преодолевать морские просторы, открывать новые земли и страны. Его ученики ходили до Аляски и Сан-Франциско, открывали Антарктиду и другие земли.

Одним из самых знаменательных и счастливых дней в моей жизни было 5 августа 2001 года, когда произошло прославление Федора Ушакова в лике святого. Оно было проведено в присутствии тысяч людей, епархиальных владык митрополитом (тогда) Кириллом во дворе Санаксарского монастыря в Мордовии (ранее Тамбовская губерния). Звучали хоры, песнопения, молитвы и слова будущего Патриарха Московского и всея Руси. Это было знаменательно. С тех пор святой адмирал Федор Ушаков шествовал по стране, по всему православному миру.

Только что в петербургском издательстве «Аврора-дизайн» (фонд «Морская слава») вышла книга-альбом с панорамой жизни, деяний великого адмирала и рассказом о его авторитете в наши дни. Поражает панорамный рост храмов, церквей, часовен во имя святого Федора от Москвы, Санкт-Петербурга до Северного Кавказа, Тихого океана. Воздвигаются памятники адмиралу. Казалось, страна давно ждала такого понятного, близкого людям святого для поддержки и укрепления духа в непростые времена. На его иконах слова, которые адмирал произнес в 1812 году, обращаясь к тем, кто шел на битву с войсками Наполеона, — «Не отчаивайтесь, если грозные бури обратятся к славе России», — звучат и сегодня как живительный и ободряющий призыв.

Маркс ГУРЕВИЧЕВ

«ГЕНИЕМ БЛИСТАЛ В БОЮ ЛЮБОМ»*

К 120-летию со дня рождения Великого полководца XX века Георгия Константиновича Жукова

Анатолий ДОЛГАРЕВ

* Статья печатается в сокращении.

Войны происходили во все времена. Они составляли важное, известное и яркое содержание мировой истории. Войны порождали героев и полководцев, но сопровождались кровопролитием и гибелью тысяч людей. Ганнибал и Юлий Цезарь, Александр Македонский и Наполеон, Суворов и Кутузов — великие полководцы всех времен и народов прошлого. Г. К. Жуков — великий полководец современности, который, в отличие от своих знаменитых предшественников, прославился не в захватнических войнах, а в освободительной войне за свободу и независимость Отечества. К тому же современные войны несравнимы с войнами прошлого. В них участвуют многие страны, миллионные армии. Это войны моторов и ракет. Боевые действия идут на суше, на море, в воздухе, скоро доберутся и в космос. Они длятся годами. В них решаются судьбы не только народов и стран, но мирового прогресса и человеческой цивилизации.

В таких современных битвах родился и сложился, проявился и за-

Маркс Михайлович Гуревичев — родился в 1930 г. в городе Чернигове (УССР). Окончил с отличием Харьковский госуниверситет им. А. М. Горького, кандидат эконом. наук (1964), доктор эконом. наук (1994), профессор кафедры педагогики и психологии управлення социальными системами Национального технического университета «Харьковский политехнический институт». **Живет в Харькове, Украина.**

Анатолий Васильевич Долгарев — родился в с. Ломное Грайворонского района Белгородской обл., окончил Харьковский политехнический институт в 1971 г., доцент кафедры педагогики и психологии управлення социальными системами Национального технического университета «Харьковский политехнический институт». **Живет в Харькове, Украина.**

сверкал полководческий гений Г. К. Жукова, одержавшего много исторических побед. Он не потерпел ни единого поражения. Его бессмертная слава живет в сердце России, благодарная память — в истории Европы, блестящие победы обогащают военную науку и искусство всего человечества.

Время, прошедшее после его исторических деяний, облегчает и помогает, требует и позволяет хотя бы кратко рассмотреть становление, расцвет и основные героические свершения нашего военного гения.

* * *

2 декабря 1996 года в селе Стрелковка Малоярославского уезда Угодско-Заводской волости в семье крестьян Константина Артемьевича Жукова и Устиньи Артемьевны Пилихиной родился сын Георгий. Устинья Артемьевна родилась в деревне Черная Грязь, расположенной недалеко от Стрелковки, а Константин Артемьевич был родом из самой Стрелковки. Его отец, дедушка будущего маршала, был взят из Московского детского приюта вдовой Анной Жуковой, которая дала ему свою фамилию и одна вырастила приемного сына. Отец Жукова рано остался без матери и, выучившись сапожному ремеслу, помогал отцу сводить концы с концами.

Константина Артемьевича уважали в Стрелковке и почти всегда избирали уполномоченным на разного рода областные сходы. Устинья Артемьевна обладала сильным характером, который передала своему сыну. Она держалась всегда прямо и казалась выше своего мужа.

Дочь Жукова, Мария Георгиевна, пишет, что еще в пятнадцатилетнем возрасте Георгий Константинович совершил героический поступок, когда, ворвавшись в горящий дом, вывел оттуда больную старуху и детей. Младшая дочь вспоминает, что отцу была свойственна природная скромность: «Всегда он был прост, доброжелателен и доступен». Первым учителем в школе у Жукова был Николай Николаевич Ремизов. Георгий Константинович называл его опытным педагогом и хорошим человеком, который никогда не наказывал и не повышал голос на своих учеников. В 1906 году Георгий окончил три класса церковно-приходской школы с похвальным листом.

В 12 лет он был отправлен в Москву учиться скорняжному делу у своего дяди Пилихина Михаила Артемьевича. В Москве Георгий не только работал, но и смог окончить вечерние общеобразовательные курсы, которые давали образование в объеме городского училища.

В августе 1915 года Г. К. Жуков был призван на службу в царскую армию, а в сентябре его отправили в Харьковскую губернию, где в Балаклеевском районе располагался 5-й запасной кавалерийский полк. Весной 1916 года тридцать наиболее подготовленных солдат начальство отправило учиться на унтер-офицеров. Учебная команда была командирована в город Изюм Харьковской губернии.

Сам Жуков впоследствии писал, что унтер-офицерский состав был основным фундаментом, на котором держалась старая армия. В боевой обстановке унтер-офицеры, особенно кадровые, в большинстве являлись хорошими командирами. Окончив курсы унтер-офицеров, Жуков был направлен в район Каменец-Подольска. Там в октябре 1916 года он в боевой обстановке вместе с двумя другими товарищами напоролся на мину, очнулся потом в госпитале, который располагался в Харькове.

После госпиталя он снова был направлен на фронт, где за смелость в бою его наградили двумя Георгиевскими крестами. В начале марта 1917 года Г. К. Жуков снова оказался в Балаклеевском районе, скрываясь в селе Лагери от офицеров, перешедших на службу к Петлюре. Оттуда он вскоре уехал на родину в Стрелковку, так как его часть самораспустилась из-за революционных брожений в России, а 30 ноября 1917 года он прибыл в Москву, где, излечившись после тифа, вступил добровольцем в Красную армию и был зачислен в 4-й кавалерийский полк 1-й Московской кавалерийской дивизии.

На свои первые курсы красных командиров Жуков был отправлен в Старожилово Рязанской области в 1920 году. После окончания этих курсов он назначается командиром взвода, потом эскадрона. После награждения в 1922 году орденом Красного знамени становится вначале заместителем командира 38-го, а потом 40-го полков 7-й Самарской дивизии.

Весной 1923 года он — командир кавалерийского полка. Уже через год Георгия Константиновича направляют в Ленинград на учебу в Высшую кавалерийскую школу, в которой учились с ним будущие маршалы Баграмян И. Х., Рокоссовский К. К., Еременко А. И. и другие будущие видные военачальники.

Окончив учебу в Ленинграде, Г. К. Жуков вместе со своим другом Рыбалко решили вернуться в Минск не поездом, а верхом на лошадях, проделав путь в 963 километра за 7 дней. Такого пробега, как писал Жуков, ни в Советском Союзе, ни в других странах тогда еще никто не предпринимал. С честью выполнив этот пробег, они отрапортовали об этом встречавшим их начальнику Минского гарнизона и председателю горсовета.

После семи лет командования полком Жукова назначили командовать бригадой. Вскоре его бригада стала лучшей в дивизии. Георгия Константиновича командируют на курсы усовершенствования высшего начальствующего состава в Москву. Руководителем группы у Жукова был В. К. Блюхер. В тот период вышли первые научные труды по военному делу красных военачальников М. В. Фрунзе, Б. М. Шапошникова, А. И. Егорова, М. Н. Тухачевского. Эти труды изучались слушателями на этих курсах. Особенно бурные обсуждения военных вызвало появление книги В. Н. Триандафиллова «Характер операций современных армий».

После окончания учебы, Жукова назначают в инспекцию кавалерии РККА, руководителем которой был С. М. Буденный. Это был в те годы самый подвижный род войск. Г. К. Жуков пишет, что практически до 1929 года мы еще не имели танковой промышленности, кадров конструкторов танков и командного состава, способного руководить механизированными соединениями.

Правительство страны решило создать не только танковую промышленность, но и, на базе факультета Военно-технической академии, Военную академию механизации и моторизации РККА. Уже в 1936 году в стране было создано 4 механизированных корпуса, 6 отдельных механизированных бригад и столько же отдельных полков, 15 мехполков кавдивизий, более 80 танковых батальонов и рот в стрелковых дивизиях. К тому же в 1938 году промышленность выпустила почти 5,5 тысяч самолетов, против 860 в 1930 году. С 1929 по 1937 год было построено 500 новых боевых и вспомогательных кораблей различных классов.

Инспекция кавалерии РККА, когда там работал Жуков, была очень авторитетной в кавалерийских частях. Ее инспекторы не просто инспектировали, а проводили поучительные командно-штабные игры, полевые учения, различные сборы и занятия по обмену передовым опытом боевой подготовки войск.

Из инспекции кавалерии Г. К. Жукова переводят в Белорусский военный округ, которым командовал командарм И. П. Уборевич, чтобы командовать 4-й кавалерийской дивизией имени К. Е. Ворошилова, служившей ядром Первой конной армии. В 1935 году дивизия и сам Г. К. Жуков за выдающиеся успехи в боевой подготовке были награждены высшей правительственной наградой — орденом Ленина.

После Г. К. Жукова переводят на должность командира 3-го конного корпуса. Из 3-го конного корпуса и после командования 6-м конным корпусом Г. К. Жукова назначили заместителем командующего Белорусским военным округом по кавалерии. В случае войны он должен был вступить в командование конно-механизированной группой, состоящей из 4–5 дивизий конницы, 3–4 отдельных танковых бригад и других частей усиления.

В июле 1939 года, по предложению маршала С. К. Тимошенко, Жуков был назначен командующим 1-й армейской группой советских войск в Монголии, которая совместно с частями монгольской Народно-революционной армии провела успешную операцию по разгрому японских войск в районе реки Халхин-Гол. За умелое руководство войсками и проявленное при этом мужество и отвагу Г. К. Жуков был удостоен звания Героя Советского Союза, а также Героя Монгольской Народной Республики. О результатах успешной операции, проведенной Жуковым в Монголии, пишет Д. Т. Язов: «В подвиге на Халхин-Голе зажглась и засверкала звезда будущего полководца».

После завершения боевых действий на Халхин-Голе Жуков некоторое время продолжал службу в Монголии. В начале мая 1940 года Жукова вызвал Сталин и поручил ему на заседании Политбюро дать информацию об итогах операции в Монголии. Среди вопросов к Г. К. Жукову были: «Как он оценивает японскую армию? С какими трудностями пришлось больше всего сталкиваться во время данной операции? Какую цель, по мнению Жукова, преследовало японское правительство?» После того, как Жуков на все вопросы дал исчерпывающие ответы, продемонстрировавшие его глубокое понимание военно-политических проблем, Сталин сказал: «Теперь у Вас есть боевой опыт, принимайте у Тимошенко С. К. Киевский округ и используйте этот опыт в подготовке его войск».

Перед рассказом о назначении Жукова командующим Киевским военным округом нам хотелось бы привести один эпизод, который есть в рукописи книги харьковского писателя Бориса Дмитриевича Силаева «Маршал и его победоносный меч». Силаев пишет, что во время осмотра новых танков «Т-34» Георгий Константинович спросил у главного конструктора Михаила Ильича Кошкина: «Почему у этого танка три главных конструктора: Кошкин, Морозов и Кучеренко?» На что Михаил Ильич ответил, что есть ходовая часть и броня, есть двигатель и вооружение. Каждая часть требует своего конструктора — специалиста того или иного профиля. «А если строго говорить, — усмехнувшись, добавил М. И. Кошкин, — у нас четыре главных конструктора». «А кто четвертый?», — поинтересовался Г. К. Жуков. «Чет-

вертый — это Вы, Георгий Константинович», — сказал Кошкин. «А я здесь при чем?», — удивился Жуков. «Дело в том, — ответил Михаил Ильич, что после изучения боевых качеств наших танков, которые применялись в Испании, мы прочли и Ваш отчет о танковом сражении на Халхин-Голе, и лучше поняли, какие имеются недостатки у наших танков. И все, чего им не хватало, мы пытались доработать в нашей новой машине», — пояснил Кошкин.

Назначение командующим Киевским особым военным округом Г. К. Жуков считал для себя особой честью и делал все, чтобы оправдать это высокое доверие правительства. На эту должность он был назначен не только за победу на реке Халхин-Гол, но и за то, что он уже много лучше других крупных военачальников разбирался в военном деле. Так, генерал Д. М. Карбышев, известный ученый в области военных наук, считал, что Г. К. Жуков сделал настолько глубокие выводы по итогам событий на Халхин-Голе в 1939 году, что он мог бы быть удостоен степени доктора военных наук[1].

В течение 1940 года он побывал почти во всех частях и соединениях. Когда он приехал в Киев, ему позвонил Нарком обороны С. К. Тимошенко и передал решение правительства о создании Южного фронта в составе трех армий для освобождения Северной Буковины и Бессарабии из-под оккупации Румынией. Г. К. Жуков назначался по совместительству командующим этим фронтом. После долгих переговоров румынское правительство согласилось вывести свои войска из Бессарабии и Северной Буковины. Таким образом, вопрос был решен мирным путем. В конце января 1941 года Политбюро ЦК партии решило назначить Георгия Константиновича Жукова начальником Генерального штаба РККА. До Жукова генеральным штабом руководили П. П. Лебедев, М. В. Фрунзе, С. С. Каменев, М. Н. Тухачевский, дважды Б. М. Шапошников, А. И. Егоров, а Георгий Константинович принял штаб у К. А. Мерецкова. Судьбы двух начальников Генерального штаба были тесно связаны с Харьковщиной. П. П. Лебедев, при котором был создан прообраз Генерального штаба в 1919 году, в 1924 году был направлен в Харьков руководить штабом Украинского военного округа, которым командовал Й. Э. Якир. Лебедев умер в 1933 году и похоронен на своей харьковской даче на въезде в Пятихатки.

Г. К. Жуков не только начинал воинскую службу на харьковской земле, но и в 1943 году координировал наступательную операцию советских войск при освобождении нашего города. 30 августа он выступал на митинге, посвященном освобождению Харькова, который состоялся у памятника Т. Г. Шевченко.

Г. К. Жуков был высочайшим патриотом своей Родины. Б. Д. Силаев в своем художественном произведении описал историю о том, как Сталин назначал во время войны Жукова заместителем Верховного Главнокомандующего. Силаев писал, что в присутствии нескольких маршалов Сталин объявил Жукову о своем решении, после чего отпустил всех военных и остался наедине с Берией. Оставшись вдвоем со Сталиным, Берия спросил: «Коба, а почему ты выбрал именно этого кавалериста своим заместителем? Ты посмотри, какие красавцы стояли рядом с ним. Разве из них некого

[1] *Петрушин М. И.* Вся жизнь — подвиг. В сб. «Георгий Константинович Жуков — историческая память России» (по материалам конференции, проведенной 19 июня 2009 г. Региональной общественной организацией «Клуб «Реалисты» и Общероссийской организацией «Жуковское движение России «Жизнь»). 2010. С. 27.

было выбрать?» На что Сталин, якобы, ответил: «Ты, Лаврентий, так ничего и не понял. Все эти красавцы думают не только о Родине, но и том, как к своей красоте добавить еще хоть одну звездочку. Только этот кавалерист, как, кстати, и я, ни о чем не думает, кроме спасения своей страны, потому я и назначил его своим заместителем».

Многих полководцев Великой Отечественной войны объединяла безграничная любовь к Родине, глубокая убежденность в справедливости целей, за которые они боролись, неразрывная связь со своим народом, вера в него и забота о его благополучии, верность воинскому долгу и присяге. Вся жизнь легендарного полководца Г. К. Жукова была посвящена созданию, развитию и превращению Советской армии в самую современную армию мира. Весь его жизненный путь — это повседневное служение благу народа: защита его земли (1939); война за его свободу (1941–1945); титанический труд изложения правды о войне, в которой он (народ), победитель № 1 (1959–1969) — оживление его чистой души и героической памяти. И честный массовый искренний ответ народа: «Вы истинный Георгий Победоносец — защитник Отечества, спаситель Советского Союза в суровую годину Великой Отечественной войны».

Жуков — творец великой правды о Великой войне (получил порядка 10 тысяч писем от читателей «Воспоминаний и размышлений» между их первым и вторым изданиями).

Полководческий гений Георгия Константиновича Жукова в полной мере выразился на фронтах японской и Великой Отечественной войн. Но сегодня возникает необходимость осмыслить значение великого полководца в истории всего человечества, пояснить феномен — почему Г. К. Жуков поныне живет в сердце России и в истории благодарного человечества.

Впервые имя смелого и умелого военного стратега Г. К. Жукова советские люди узнали после Халхин-Гола. Мировой интерес и признание полководческого таланта Маршала Победы возрастали в годы ВОВ вместе с благодарностью многих народов Красной армии — освободительнице.

Наша армия образца 1945 года была победоносной, самой организованной и сильной, лучшей армией в мире с талантливыми маршалами во главе. Эту замечательную плеяду полководцев венчала историческая фигура великого военного стратега Георгия Константиновича Жукова!

Его дарование, талант, военный гений и военное искусство профессионально объясняли военные лидеры многих стран. И противники, и союзники. Так, немецкий генерал В. Райтель (дивизия «Бервальде») писал: «Особенно маршал Жуков с изумительным искусством находит слабые места в нашем фронте, и это каждый раз, это самое ужасное для нас, но мы ничего не можем противопоставить этому»[2].

Американский генерал Д. Эйзенхауэр, командующий войсками союзников в Западной Европе в 1944–1945 гг. (впоследствии президент США в 1953–1960 гг.) в своей книге «Крестовый поход в Европу» (1948) подчеркивал: «Жуков имел самый большой опыт руководителя величайшими сражениями, чем кто-либо другой в наше время… Совершенно очевидно, что он был величайшим полководцем… Операции, проведенные под руко-

[2] *Жуков Г. К.* Халхингольский урок // Халхин-Гол: книга дружбы и памяти. М.: Воениздат, 1990 (датирована октябрем 1939 г.) С. 690.

водством маршала Жукова, долго будут изучаться в американских военных академиях как высшее достижение стратегической мысли»[3]. И генерал Гаяни (Индия): «Мы считаем маршала Жукова одним из самых выдающихся полководцев всех времен»[4].

Советские военачальники в годы войны и в мирное время, в выступлениях и мемуарах благодарно и высоко оценивали уникальный военно-стратегический талант Г. К. Жукова. Маршалы А. М. Василевский, И. С. Конев, К. К. Рокоссовский и другие отмечали его новаторский и обстоятельный подход к планированию и подготовке каждой военной операции, смелость и настойчивость в их проведении, твердость и целеустремленность в достижении победы.

Солдаты и офицеры Советской армии, все ветераны единодушно вспоминают: «На войне имя Жукова нам придавало храбрости и сил»[5]… Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл выразил святую истину: «Г. К. Жукова все русские люди любят, как своего национального героя — спасителя России в тяжелую годину испытаний»[6].

Разрабатывая стратегические операции, постоянно работая и обмениваясь идеями с маршалами, генералами, офицерами и солдатами, двигая миллионные армии, тысячи танков, армады самолетов к победам над сильным врагом, Г. К. Жуков по праву признается его современниками величайшим полководцем.

Но что в основе мирового признания полководческого гения Жукова? Прежде всего, и главным образом, ЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПРИРОДА. Родные и близкие, друзья и соратники, все годами общавшиеся с ним, однозначно и откровенно рисуют адекватной эпохе, истинный и неповторимый портрет Жукова.

Это был человек редкого пытливого творческого ума, неиссякаемой жизненной энергии, огромной силы воли, несокрушимого оптимизма, несгибаемого мужества, смелой мысли и добрых чувств. Все, за что он брался, и все, что он делал, выполнял с максимальным использованием своих способностей и достигал максимального успеха. Постоянный напряженный творческий труд — источник и пружина повседневной всежизненной деятельности.

Как военный лидер, это был любимец солдат, образец подражания для офицеров, признанный авторитет для генералов и маршалов. Настоящий военный вождь непобедимой и легендарной Красной армии в годы ее самых блестящих побед. И, конечно же, патриот без страха и упрека, для которого интересы Отечества всегда были превыше всего, спаситель Родины и человечества от гитлеровской чумы. «Генерал, который не проиграл ни одного сражения и разбил немецкую армию»[7] («Санди Таймс», США). Словом, историческая личность, великий человек, вошедший в мировую историю великими делами.

---

[3] *Бучин А. Н.* 170 тысяч километров с Г. К. Жуковым: Беседы шофера полководца с историком Яковлевым Н. Н. М.: Молодая гвардия, 1994. С. 139.

[4] Там же. С. 227.

[5] *Жукова М. Г.* Маршал Жуков. Сокровенная жизнь души // Издание Сретенского монастыря, 2000. С. 7.

[6] Там же. С. 37.

[7] *Бучин А. Н.* 170 тысяч километров с Г. К. Жуковым: Беседы шофера полководца с историком Яковлевым Н. Н. М.: Молодая гвардия, 1994. С. 54.

Полководческая деятельность, блистательные победы в исторических сражениях, все военное наследие Г. К. Жукова сегодня живы, актуальны и поучительны. Их необходимо и полезно изучать и описывать, анализировать и систематизировать, осмысливать и понимать заново, глубже, полнее.

Осмысливая и планируя проведение каждой стратегической операции, Г. К. Жуков исходил из ее своеобразия, неповторимости и специфики в ходе войны. Первостепенное внимание он уделял всестороннему и подетальному изучению местности, погоды, времени года и суток, часа и даже минут начала операции. Плюсы и минусы ТВД — дополнительные факторы укрепления обороны и натиска наступления. Зачастую он лично появлялся на переднем крае, приникая к земле, внимательно рассматривал поле будущего боя или идущего сражения и после этого готовился принять необходимое решение.

Важнейшим условием достижения оперативного ли тактического успеха он считал изучение противника. Профессионально ведущаяся разведка боевого потенциала противника, его намерений и действий позволяла Г. К. Жукову прозорливо и безошибочно предвидеть цели, время и даже моменты начала наступления вражеских войск.

Детальное глубокое и лично заинтересованное познание повседневного состояния своих солдат и офицеров, их физических сил и морального уровня всегда было его главной заботой. Особенно в условиях целенаправленной и тщательной подготовки к операции. Так, в процессе подготовки к Берлинской операции он утром и вечером принимал доклады начальника штаба, командующих родами войск, начальников управлений и отделов фронта, не менее двух раз в сутки беседовал с каждым командующим всех тринадцати армий.

Первостепенное значение в военно-командной деятельности Г. К. Жуков всегда придавал всестороннему качественному и своевременному обеспечению войск. Во-первых, это точный расчет сил и средств, соответствующих характеру поставленных перед ними задач. И, во-вторых, полное обновляемое и заблаговременное материально-техническое обеспечение подготовки и проведения как стойкой обороны, так и наступательной операции. В случае неполного обеспечения операция не проводилась, чего в его практике не случалось.

Подлинным военно-стратегическим новшеством Г. К. Жукова явилось тщательно разрабатывавшееся и эффективно проводившееся взаимодействие всех родов войск. Для этого проводились подробные обсуждения и даже военные игры с комсоставом. Он систематически вводил в новые операции новинки военной техники и технико-тактические приемы их использования. Достаточно вспомнить, как в ходе ВОВ последовательно появлялись на поле боя новые типы оружия, танков, самолетов, артиллерии, включая легендарные «Катюши», а в Берлинской операции он ослепил оборонявшегося противника ярким светом зенитных прожекторов.

Настоящие актуальные военно-действенные факторы постепенно складывались в тщательно обрабатываемую и всесторонне подготовленную систему организации, проверки и целенаправленности действий личного состава батальонов и полков, дивизий, корпусов и армий в каждой предстоящей операции.

По многочисленным и честным признаниям и объективным оценкам высших военачальников, Г. К. Жуков своими историческими победами в

решающих битвах Второй мировой войны обогатил военную стратегию и развил тактику военных действий. Итак, жуковские вершины военной науки и военного искусства побеждать в каждом стратегическом сражении и Победа в Великой Отечественной войне убедительно доказывают справедливость его абсолютного и неопровержимого всемирного признания как гениального полководца XX века.

В тысячелетней истории человечества гениев мировой военной стратегии единицы. Например, в XVIII веке это А. В. Суворов, который, как признавал Джордж Байрон, «гением блистал в бою любом»[8]. В XIX веке, бесспорно, Наполеон Бонапарт, начавший переход к эпохе машинных войн. В XX веке этим гением стал Г. К. Жуков, превзошедший своих великих предшественников по всем критериям стратегических битв и массовых войн.

Спустя много лет после окончания Второй мировой войны, некоторым, особенно зарубежным, историкам, питающим ненависть к России, хочется пересмотреть итоги великой Победы. Так, в американских школьных учебниках можно найти такое, что нормальному человеку на бывшем постсоветском пространстве не может даже присниться или появиться в трезвом сознании. Там пишут, что когда немцы напали на Францию, то американцы с англичанами решили освободить Францию, для чего и высадили свой десант в Европе. Американцы пытаются вдолбить в головы своих учащихся, что Россия при этом воспользовалась моментом и под шумок оккупировала некоторые страны Восточной Европы.

Попытка фальсифицировать историческую правду начала свой отсчет почти сразу после Победы над фашизмом. Сразу после подписания акта о капитуляции Германии у советского народа все время некоторые политики пытались отнять, украсть ту победу, за которую ему пришлось отдать более 20 миллионов своих жизней.

В оккупированной советскими войсками части Германии (Советская зона оккупации) в тот период устанавливались два центра власти — военный и военно-административный: Советские оккупационные войска и Советская военная администрация. Руководство обеими структурами осуществлял один главнокомандующий — маршал Г. К. Жуков. Как главнокомандующий ГСОВГ в июле 1945 года Жуков, являясь представителем СССР, вошел в союзнический Контрольный совет по управлению Германией.

24 июня 1945 года маршал Жуков принимал Парад Победы над Германией в Великой Отечественной войне, которым командовал маршал К. К. Рокоссовский.

7 сентября 1945 года в Берлине у Бранденбургских ворот состоялся парад Победы союзных войск — победителей во Второй мировой войне. В парадном марше прошли колонны войск и бронетехника берлинских гарнизонов СССР, Великобритании, США и Франции. Парад от Советского Союза принимал маршал Жуков. Командовал парадом английский генерал-майор Нэйрс, комендант Британского сектора в Берлине.

В марте 1946 года Жуков назначен на должность Главнокомандующего сухопутными войсками и замминистра Вооруженных Сил СССР. Он был отозван из Берлина в связи с ликвидацией его должности Главноначальству-

[8] *Байрон Дж Г.* Паломничество Чайльд-Гарольда // Дон Жуан: пер. с англ. М.: Художественная литература, 1972. С. 494.

ющего Советской военной администрацией и Главнокомандующего Группой советских войск в Германии. К тому времени американский и английский главкомы также были отозваны правительствами своих стран.

Назначенный Главнокомандующим сухопутными войсками, Г. К. Жуков прибыл в Москву, где был вскоре вызван на заседание Высшего военного совета, на котором ему предъявили обвинение в подготовке заговора против Сталина. На разборе поведения Жукова, после выступления Главного маршала бронетанковых войск П. С. Рыбалко, который прямо заявил, что давно настала пора перестать доверять «показаниям, вытянутым насилием в тюрьмах», Сталин подошел к Жукову и сказал: «Вам надо временно уехать из Москвы». Несмотря на выступление выдающихся генералов и самого Жукова, его вывели из состава ЦК и, освободив от должности Главнокомандующего сухопутными войсками, назначили командующим Одесским военным округом. Зная огромную любовь народа к Жукову, как в СССР, так и за рубежом, Сталин не стал его арестовывать, сказал Берии, что Жукова он ему не даст.

Отправляясь в Одессу, Жуков успокаивал себя мыслью, что лучше самому командовать округом, чем быть заместителем у наркома. За время его командования Одесский округ заметно вырос и качественно поднялся уровень военной подготовки входивших в его состав соединений. В свободное от работы время Г. К. Жуков занимался охотой и рыбалкой, т. е. тем, что полюбил с детства.

В феврале 1948 года Жукову неожиданно поступило распоряжение возглавить Уральский военный округ, климат в котором резко отличался от того, какой был в южной Одессе. Но приказ нужно было выполнять, и Георгий Константинович переехал в Свердловск. Чтобы «взбодрить» войска Уральского округа от зимней спячки, он провел с ними зимнюю военную игру. В Свердловске у маршала стало больше свободного времени, которое он посвящал чтению книг и журналов. Военные книги и журналы он прочитывал, иногда что-то подчеркивая и делая надписи на полях.

Г. К. Жуков всегда глубоко анализировал и честно характеризовал не только успехи своих военных операций, но и просчеты, как нашего командования, так и противника. Не сгущая краски, он откровенно высказывал свои мысли о Сталине. Некоторые беседы с журналистами на эту тему были опубликованы только в эпоху гласности. Так, в 1988 году была опубликована беседа Г. К. Жукова с военными журналистами, где он анализирует черты характера и деятельности Сталина. «Сталин — Ставка и Государственный Комитет Обороны — тоже в основном Сталин. Он командовал всем, он дирижировал, его слово было окончательным. Это как приказ, собственно. Сталин говорит — это есть приказ окончательный, обжалованию не подлежит».

Летом 1953 года, после смерти Сталина, Булганин вызвал к себе Жукова и поручил ему принять участие в аресте Берии. Прямо на заседании Президиума ЦК партии Г. К. Жуков с группой генералов арестовал Берию. С февраля 1955 года по октябрь 1957 года Г. К. Жуков был министром обороны СССР. В 1956 году его наградили четвертой медалью «Золотая звезда» Героя Советского Союза. Несмотря на то, что Жуков спас Хрущева от «сталинской гвардии» в июне 1957 года, тот уже в октябре снял его со всех постов и фактически отправил маршала на пенсию. Эта хрущевская опала

для Жукова была хуже сталинской, так как если та давала ему возможность заниматься обучением войск, подбором, расстановкой и воспитанием командирских кадров, созданием образцовых военных округов — Одесского и Уральского, то хрущевская отняла у Жукова возможность заниматься совершенствованием обороноспособности своей Родины, что очень сильно отразилось на моральном состоянии и здоровье маршала. Сегодня приводятся разные причины сталинской, хрущевской опал и их рецидивов во времена Л. И. Брежнева, но, по сути, причина их одна: нет военной опасности для страны — не нужен ей и спаситель!

Фальсификация итогов ВОВ, а также деятельности выдающихся советских военачальников продолжается и в наше время. Не случайно, когда праздновалась очередная годовщина высадки англо-американского десанта во Франции, то на этот праздник даже не пригласили Россию, чтобы продемонстрировать миру тот факт, что якобы Советский Союз вообще не имел отношения к Победе над фашизмом.

В противовес разным пасквилям и фальсификациям сегодня издаются книги и выпускаются фильмы, раскрывающие историческую правду о тех легендарных битвах, которые выиграли наши солдаты, офицеры и генералы в ВОВ. Но главной книгой правды о войне является книга самого маршала Жукова, которую ее редактор, Анна Давыдовна Миркина, назвала «Второй Победой Маршала Жукова». Выход в свет книги маршала Жукова, как нам видится, это еще одна победа: и над завистью Сталина, и над трусостью Хрущева, и над чванством Брежнева. Книга маршала Жукова пользуется огромной любовью у миллионов отечественных читателей, ею восхищаются зарубежные государственные и военные деятели. Ежедневно Георгий Константинович получал мешки писем от читателей своей книги.

Благодарные москвичи добились у власти установления на Манежной площади, перед зданием Исторического музея памятника Жукову, автором которого стал скульптор В. М. Клыков. Во многих городах России и стран СНГ стали появляться новые памятники великому полководцу, чаще стали называться улицы, школы и другие учреждения его именем.

Огромный вклад вносят в дело пропаганды деятельности, заслуг и величия гениального полководца его земляки, живущие на Калужской земле. Гордость земляков Г. К. Жукова за выдающегося сына своей земли всегда переполняла их сердца. Еще в 1944 году было принято решение Правительства СССР об установлении бюста великому полководцу на его родине в поселке Угодский Завод (ныне город Жуков). И стремление земляков полководца к тому, чтобы этот памятник был одним из лучших памятников России, стоило того времени, которое было затрачено на его создание. В результате в 1946 году такой памятник был воздвигнут под руководством его автора, замечательного скульптора Е. Вучетича. Но торжественное открытие бюста из-за происков Абакумова и его приспешников состоялось только 30 декабря 1953 года, уже после смерти Сталина.

Больше всех и раньше всех личность Г. К. Жукова на его родине заинтересовала учителя математики местной школы Александра Дмитриевича Терешина. Он посвятил всю оставшуюся жизнь созданию музея своего земляка. Помогали ему в создании музея А. М. Курбатов, В. Я. Синельщиков, Г. С. Соколов, В. Н. Зенкин, С. Ф. Романов и многие другие. 8 мая 1970 года, накануне празднования 25-летия Великой Победы, реше-

нием Угодского-Заводского райисполкома Г. К. Жукову было присвоено звание «Почетный гражданин села Угодский Завод» с вручением ему грамоты и алой ленты.

В июле 1986 года Народный музей в селе Жуков (так в честь Маршала было переименовано село Угодский Завод) приобретает статус Государственного музея Маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова. После смерти А. Д. Терешина большая часть забот о музее легла на плечи его молодой сотрудницы Маргариты Александровны Федоровой. Искреннюю поддержку ей оказывали В. И. Звонов, Н. Я. Коробков, В. Ф. Просвирин, А. Д. Миркина. Свои автографы в книге почетных гостей музея оставили гости из Европы, Азии, Латинской Америки, Канады, США, ближнего зарубежья. Многие посетители увозили в свои страны «Воспоминания и размышления Г. К. Жукова». Эта книга была издана в 30 странах и переведена на 19 языков мира.

К 50-летию Победы в Жукове было построено новое здание музея, отвечающее всем современным нормам и требованиям. Деньги на строительство этого здания собирались всем миром. Переводы приходили из Москвы, Ленинграда, Калуги, Чувашии, а также из Харькова. В городе Харькове в тот период было создано общество памяти Жукова, которое возглавлял И. С. Кольцов.

Люди присылали свои деньги на строительство этого нового здания и писали при этом в своих письмах, например, так: «Я был на войне трижды ранен. Обрадован, что, наконец, вспомнили спасителя, родного Георгия Константиновича Жукова». А. Ф. Васильев из Белгородской области прислал 2000 рублей в апреле 1994 года. Особенно активно помогали в сборе денег земляки полководца. В. С. Ягодкина в декабре 1994 года, перечислив на строительство музея 20 тысяч рублей, написала: «Благодарна этому человеку за то, что он сделал для Победы. Горжусь тем, что он наш земляк. Никто не заставлял меня отдавать эти деньги. Делала это от чистого сердца». Открывает список тех, кто перечислял деньги, Семин Вячеслав Павлович, участник Парада Победы, председатель Московского общества памяти Жукова, его земляк и бывший секретарь Жуковского райкома партии.

Но больше всего сил в строительство музея и благоустройство всей центральной части города Жукова вложил бывший первый секретарь Жуковского райкома партии и бывший глава администрации Жуковского района, нынешний Президент Международного фонда имени полководца Георгия Константиновича Жукова Василий Прокопьевич Чурин. Без преувеличения, он посвятил всю свою жизнь увековечению памяти Маршала Победы. Открытием музея к 50-летию Победы на родине полководца все прогрессивные люди обязаны именно этому человеку, который был удостоен за это звания Лауреата Государственной премии России имени Г. К. Жукова. Василий Прокопьевич регулярно посещает не только Белоруссию и Украину, но его можно встретить и на Прохоровском поле, и в маленьком пограничном городишке Грайвороне, в котором есть и бюст Маршала, и улица, названная именем Г. К. Жукова, а также во многих других местах, которые каким-то образом связаны с именем Жукова.

На открытие музея в город Жуков приезжал Председатель Правительства России В. С. Черномырдин, без помощи которого вряд ли удалось бы построить это уникальное сооружение. В. П. Чурину оказывало большую

помощь и руководство Калужской области, поручившее заместителю начальника строительного комплекса в областной администрации Н. И. Алмазову координировать это строительство. Нашелся в области и автор проекта, им стал главный архитектор области Е. И. Киреев. Генеральным подрядчиком данного строительства было строительно-монтажное управление, которое возглавляла А. Н. Цапенко.

Прохоровское поле, поле битвы, ставшей переломным моментом на Курской дуге, в наши дни стало местом ежегодных памятных мероприятий для жителей не только российских регионов, но и для представителей других стран. На Прохоровском поле есть величественный памятник под названием «Звонница», построена церковь Петра и Павла в самой Прохоровке, благодаря инициативе Н. И. Рыжкова. На Прохоровском поле создано три символических ратных поля, перед каждым из которых стоят бюсты Дмитрия Донского, Михаила Кутузова и Георгия Жукова.

Когда в 1996 году делегацию Украины пригласили на празднование 100-летия со дня рождения Г. К. Жукова в Калужскую область, то харьковским активистам Общества памяти Жукова удалось добиться распоряжения А. А. Мороза, бывшего тогда спикером Верховной Рады, чтобы эту делегацию Украины возглавлял народный депутат Украины Владимир Юльевич Пехота. Перед поездкой в город Жуков его хотели командировать в Белоруссию, где А. Г. Лукашенко намечал разгон белорусского Парламента. У В. Ю. Пехоты появился выбор: он решил, что Александр Георгиевич и без него разберется в своей стране, а 100-летний юбилей Жукова сыну солдата, не вернувшегося с войны, пропустить было нельзя.

Украинская делегация была очень представительная и авторитетная. Кроме В. Ю. Пехоты, в нее вошли: Герой Советского Союза С. М. Остащенко, ветеран двух войн М. И. Тихомиров, председатель Харьковского общества памяти Жукова И. С. Кольцов, депутат Харьковского областного совета Г. В. Милюха, депутат Харьковского городского совета В. А. Петросов, его помощник А. В. Долгарев, а также журналисты Анатолий и Елена Елагины. Когда украинская делегация прибыла на родину великого полководца Г. К. Жукова, то первое, на что все ее участники обратили свое внимание, был музей маршала Жукова, перед которым величественно красовался его памятник, созданный Е. Вучетичем.

В день празднования 100-летнего юбилея маршала Жукова в город Жуков съехались гости из многих стран бывшего Советского Союза. Там присутствовали Рафик Нишанович Нишанов из Узбекистана, Дмитрий Андреевич Сенько из Белоруссии, Вячеслав Павлович Семин из Москвы и другие. На праздник прибыла младшая дочь Георгия Константиновича Мария Георгиевна с сыном Георгием, личный водитель Г. К. Жукова А. Н. Бучин и многие другие представители государственных и общественных организаций России и других стран. Старшие дочери — Эра Георгиевна и Элла Георгиевна — находились 1 декабря 1996 года в США, где также отмечалось 100-летие великого полководца.

На торжественном собрании, которое состоялось в Доме культуры поселка Протва, от Украины выступил с приветствием Владимир Юльевич Пехота. Зал встретил его стоя, долго и громко аплодируя нашей делегации. В. Ю. Пехота окончил свою речь такими словами: «Сегодня нашим странам нужны такие руководители, как маршал Жуков».

После торжественного собрания в зале состоялся концерт Народной артистки России Людмилы Рюминой. Поздней ночью В. П. Чурин собрал представителей прибывших организаций, чтобы обсудить вопрос о создании Международного общественного фонда имени полководца Г. К. Жукова. Все единогласно предложили избрать Чурина В. П. президентом этого фонда, а Якунина Виктора Васильевича исполнительным директором. Тогда же было принято решение о создании отделений фонда на Украине, учредителями которых стали народный депутат Украины В. Ю. Пехота, депутат Харьковского городского совета В. А. Петросов и А. В. Долгарев; учредителем Белорусского отделения стал Д. А. Сенько.

Прошло 20 лет с тех пор, как делегация Украины побывала на праздновании 100-летия Жукова на его родине. Все эти годы харьковчане посещают родину маршала Жукова. Украинские ветераны вместе с украинскими школьниками неоднократно посещали памятные места в Жуковском районе, связанные с именем великого полководца. Много интересных людей харьковчанам довелось встретить в городе Жуков, таких как В. П. Чурин, А. В. Суярко, С. А. Солодухин, В. И. Петров, Е. С. Демин, В. Н. Зенкин, В. С. Черкесова и др. Здесь харьковчанам довелось познакомиться с внучкой двух маршалов (Жукова и Василевского) Татьяной Васильевной Василевской, дочерьми Жукова — Эрой Георгиевной, Эллой Георгиевной и Марией Георгиевной и ее сыном Георгием, а также с человеком, который трижды побывал в космосе, — В. В. Горбатко, с генералом армии В. И. Исаковым, маршалом Д. Т. Язовым, вице-адмиралом А. И. Шевченко, участником Парада Победы в Москве — В. П. Семиным и другими известными в России людьми.

Память о Г. К. Жукове чтут на Харьковской земле. В 2003 году делегация из города Жукова во главе с мэром города С. А. Солодухиным побывала на Украине. Благодаря приезду на Украину земляков Г. К. Жукова, мэр Харькова В. А. Шумилкин пообещал жуковцам и решил вопрос о присвоении 127-й средней школе имени великого полководца. Теперь каждый день добрым взглядом с мемориальной доски на фасаде 127-й школы встречает Георгий Константинович школьников, бегущих по утрам в школу его имени. Эту мемориальную доску по просьбе украинского отделения фонда Жукова создал прекрасный скульптор Сейфаддин Гурбанов. Много сил для увековечения памяти Жукова в Харькове приложили активисты фонда Жукова на Украине С. Н. Касютин, Г. А. Потапова, М. Д. Пилипчук, В. А. Петросов, С. М. Остащенко, И. С. Кольцов и др. Делегация, в которую входили гости из Жукова: А. В. Простяков, племянник Жукова — А. А. Пилихин, В. Н. Петров, Е. С. Демин посетили также город Изюм, где был подписан Договор с мэром Изюма Б. Т. Сидор о сотрудничестве между этими двумя городами. После подписания Договора город Жуков посетила делегация ветеранов из Харьковской области. В составе этой делегации был участник боевых действий, житель Изюма Петр Иосифович Стрельник.

В 1943 году Петр Иосифович воевал в одном полку со своим отцом, затем был контужен и стал инвалидом Великой Отечественной войны. Во время поездки в город Жуков его матери исполнилось 102 года, и она еще помнила унтер-офицеров, которые учились вместе с Жуковым в Изюме. Петр Иосифович во время этой поездки познакомился с дочерьми Георгия Константиновича — Эрой Георгиевной и Эллой Георгиевной.

Российские писатели во главе с председателем Союза писателей РФ Валерием Николаевичем Ганичевым часто бывали в НТУ — «ХПИ». В Харькове они с восхищением узнали о том, что украинцы высоко чтут память Г. К. Жукова. В. Н. Ганичев пригласил руководство украинского отделения Фонда Жукова принять участие в пленуме Союза писателей России, который состоялся в городе Калуге в 2009 году. Писатели В. Ефимовская, Н. Иванов, Л. Мачулин, В. Глебов во главе с Валерием Николаевичем побывали в дни работы пленума на родине Георгия Константиновича. Литераторы, побывав в мемориальном комплексе Жукова, были потрясены величием этого музея. На родине Г. К. Жукова писатели встретились с Президентом Международного общественного фонда имени полководца Жукова В. П. Чуриным, посетили библиотеки района и подарили землякам Жукова свои книги.

С 2011 года ежегодно в Жукове по инициативе В. П. Чурина проводятся международные фестивали любимых песен Г. К. Жукова. Известно, что у маршала на фронте был баян, на нем он играл во время кратких передышек, которые были редкими на войне. Не случайно лучшей подругой его семьи была Народная артистка Советского Союза Лидия Русланова. Украинские активисты Фонда имени Жукова помогли Василию Прокопьевичу в организации этого фестиваля. Для участия в фестивале директор Харьковской областной филармонии Ю. В. Янко по нашей просьбе направил в Жуков заслуженного артиста Украины Андрея Тимошенко. Нам с помощью В. Н. Ганичева удалось также разыскать в Москве самую яркую современную последовательницу Лидии Руслановой Татьяну Семушину, которая в Жукове буквально покорила всех зрителей своим необыкновенным вокальным талантом.

В 2012 году между городами Жуков и Грайворон был заключен Договор о творческом сотрудничестве. Делегация города Жукова во главе с депутатом Жуковского городского совета, лауреатом Государственной премии России имени Г. К. Жукова, Президентом Международного общественного фонда имени полководца Г. К. Жукова В. П. Чуриным обменялась с мэром города Грайворона соответствующими документами во время празднования освобождения города Грайворона от немецко-фашистских захватчиков. На церемонии заключения Договора о сотрудничестве присутствовала и украинская делегация, в составе которой был известный украинский писатель, профессор Иван Степанович Маслов. Иван Степанович подарил жуковцам и грайворонцам десятитомники своих писательских трудов. С этих пор обмен творческими делегациями между этими городами стал постоянным.

В 2012 году председателям отделений фонда Г. К. Жукова Белоруссии Д. А. Сенько и Украины А. В. Долгареву было присвоено звание «Почетный гражданин города Жуков». На церемонии вручения удостоверений о присвоении этого высокого звания прибыли в г. Жуков В. М. Авершин и В. А. Болдырев. Это известные на Украине люди: народный артист Украины Владимир Александрович Болдырев являлся художественным руководителем Национального Харьковского театра оперы и балета. Став солистом Харьковского оперного театра, он получил золотой приз Международного конкурса оперных вокалистов в Токио. На конкурсе имени Глинки В. А. Болдырев разделил первое и второе места с самим Дмитрием Хворостовским.

Депутат Харьковского городского совета, учредитель Ассоциации выпускников НТУ — «ХПИ», чернобылец В. М. Авершин долгие годы работал в партийных органах города Харькова, а затем возглавлял партийный комитет легендарного машиностроительного завода «ФЭД». Организационное обеспечение этой поездки в город Жуков осуществил Владимир Матвеевич Авершин. Благодаря ему, харьковчане побывали не только в Жукове, но и посетили воинский мемориал у села Щепотино, где похоронены харьковские студенты, которые вместе с дивизией ополчения Куйбышевского района города Москвы защищали столицу в 1941 году под руководством Г. К. Жукова на автотрассе Киев — Москва. Примечательно то, что батальон харьковских студентов в 1941 году был сформирован на территории политехнического института, о чем свидетельствует мемориальная доска на главном аудиторном корпусе ХПИ.

В последние годы кому-то выгодно спрятать героическое прошлое наших народов под темное сукно. Однажды активисты украинского отделения Фонда Жукова привезли в дар Историческому музею города Харькова большой портрет Г. К. Жукова. В это время из дверей музея выходили курсанты Харьковского института летчиков. Подойдя ко взводу, активисты Фонда спросили, знают ли они человека, изображенного на холсте. Ни один из них не узнал маршала Жукова. Поэтому активисты украинского отделения Фонда пытаются донести молодежи правду о нашей истории, о наших настоящих героях войны, а также прославленных полководцах, выигравших войну у гитлеровских генералов.

Украинское отделение Фонда не только занимается пропагандой величия полководческого подвига Жукова на Украине, но часто проводит совместные мероприятия с соседней Белгородской областью, посвященные памяти великого полководца. 16 января 2014 года в Белгороде от нашей делегации на конференции по Переяславской раде выступили А. Г. Романовский и В. Г. Алексеев. На этой конференции были и представители украинского отделения Фонда имени Жукова. Присутствовавший на конференции В. В. Овчинников пригласил председателя украинского отделения Фонда посетить Серафимовские чтения в поселке Ракитном, которые проводились 25 и 26 января 2014 года по инициативе настоятеля Свято-Никольского храма Николая Германского. Отец Николай с радостью предоставил слово председателю украинского отделения Фонда Жукова, чтобы участники чтений услышали, как на Украине чтут память о великом полководце. Состоялся фестиваль имени Жукова в 2015 году на родине великого полководца, блестяще выступили солисты прославленного ансамбля песни и пляски имени Александрова. В этих фестивалях всегда принимают активное участие артисты из Украины, Белоруссии, Москвы, Калуги, Тулы, Грайворона, Жукова и других городов бывшего СССР. Все эти события превратились в акции утверждения нерушимой дружбы славянских народов. Так Георгий Константинович Жуков и сегодня воюет за правду, за сохранение памяти, за жизнь и вновь побеждает.

Александр ПРОХАНОВ

СВЕТ ПУШКИНА

Александр Андреевич Проханов — родился в 1938 г. в Тбилиси. Окончил Московский авиационный институт. Главный редактор газеты «Завтра». Член секретариата Союза писателей России. Работал инженером, затем лесником в Карелии и Подмосковье, сотрудником газет «Правда», «Литературная газета». Активно выступал с публицистическими очерками в патриотической печати. Лидер патриотической оппозиции, прозаик — десятилетия своей жизни посвятил описанию локальных войн, в том числе и тех, что велись и ведутся на руинах СССР. Кавалер орденов Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и Красной Звезды. **Живет в Москве.**

ПЕВЦЫ

Орел — чудесный русский город великих сражений, побед и волшебного русского слова. Основанный Иваном Васильевичем Грозным 450 лет тому назад, в августе он справляет свой юбилей. Город полон движения, красоты. Фасады его отмечены особым блеском, напоминают медовые или слюдяные сверкающие чудеса. Много тревог, ожидания торжеств, дорогих гостей, быть может, даже Светлейшего.

Но если покинуть этот губернский город, который утратил свой стародавний захолустный оттенок и блещет новизной, красотой, и удалиться в сторону от крупных шоссейных магистралей, от железных дорог, то окажешься среди дивных русских городков, названия которых тебе не были известны. Эти городки удивительно напоминают сохранившиеся маленькие музеи, в которых дышит прежний русский уклад: купеческий, дворянский. По улицам этих городков когда-то катилась пролетка, где сидел Тургенев, отправлявшийся на охоту. Мимо этих лабазов, ампирных особнячков шел Бунин, наполняясь удивительной русскостью, которую воспел в «Юности Арсеньева».

Один из таких городков — Болхов — стоит на крутых бирюзово-зеленых холмах у реки. Миленькие, крохотные домишки, погосты, два огромных собора. Один из них наивный, наполненный провинциальной прелестью, эклектический: то ли барочный, то ли классический. Другой величественный, восхитительный — один из последних соборов русского нарышкинского барокко. Зачем ехать в Геную, в Падую, зачем ехать в Венецию, чтобы полюбоваться на шедевры архитектуры? Вот — шедевр, удивительная про-

стота: красные кирпичные стены и наличники резного белого камня. Каждый наличник, каждое окно — это окно в неведомые миры, в русский рай. Отсюда, от этого собора, видны бесконечные холмы, перелески, маленькие тихие степные речки, леса. И ты стремишься в эти дали, едешь по этим далям. Едешь по безлюдному, почти без автомобилей, шоссе, напоминающему проселок, а по сторонам, среди дубрав, среди березовых рощ смотрят на тебя исчезнувшие дворянские усадьбы, ушедшие дворянские роды. За этим перелеском была усадьба Афанасия Фета, а за тем — усадьба Лескова. За этим — усадьба поэта Дениса Давыдова…

И все эти родовые фамилии, помещики, провинциальные и столичные писатели, приезжавшие сюда отдыхать и писать свои восхитительные стихи, все роднятся, ездят друг к другу в гости, перемешиваются, создавая удивительные ансамбли русского дворянского литературно-культурного уклада.

Ты уже не думаешь о сегодняшних московских страстях, ты стал наивным и, разговаривая с какой-нибудь богомолкой, почти веруешь, что здесь, по этому полю шел крестьянин и сохой или плугом вывернул из земли икону, и она стала чудотворной. А на берег этой речки вышел когда-то рыбак и увидел, что по воде плывет икона. Он выудил ее, и она тоже стала чудотворной. А третий человек ходил по красным сосновым борам и видел, как на соснах была явлена икона, и она тоже чудотворная.

Сосны удивительного орловского полесья. Когда среди полей вдруг возникают чудесные красные сосновые боры, которые тянутся на многие километры. В этих борах, на этих лесных озерах, на болотах охотился Тургенев. И ты увидишь колодец, из которого он пил воду. Увидишь тропку, по которой он пробирался, скрадывая тетерева. Среди сосен — заросший деревами огромный старый курган какого-то скифского вождя. И не удержишься от того, чтобы подняться на курган, наполнить чарку и помянуть безвестного воителя. И тут же второй курган, где было урочище легендарного Кудеяра-разбойника — того самого, о котором поется песня, как он вместе с двенадцатью разбойниками пролил кровушку многих честных крестьян, прежде чем стал старцем, святым Питиримом. Это тургеневские места, тургеневские названия. Льгов, где он писал свои рассказы. Где-то здесь таится Бежин Луг. И здесь же Тургенев писал своих «Певцов» — удивительное произведение о русской песне, о русском звуке, русской красоте, о божественной силе русских деревенских голосов.

В селе Ильинское Дальнее есть хор, что поет исконные русские песни: обрядовые, свадебные, величальные, походные, солдатские, разбойные. Когда-то все деревни вокруг пели эти песни, и они вечерами, во время празднеств взлетали вверх, как костры, озаряя великие пространства. Потом эти костры почти совсем погасли. Мало искорок осталось и в этом селе, в Ильинском Дальнем. Но искорку подхватили местные люди, сберегли ее, поместили в лампаду.

И теперь в селе поет народный хор. Как сладко было слушать его, когда в избу с венцами, с беленой русской печкой собираются десять-двенадцать певцов. Пожилые женщины и совсем еще девочки, есть и мужчины. Все они в белоснежных домотканых одеждах, не сшитых на заказ в современных мастерских, а найденных, вынутых из сундуков. Алые вышивки, головные уборы, кики, усыпанные старыми жемчугами. Вот певцы садятся пред тобой и собираются петь. Они сосредоточены, почти угрюмы, каждый

погружен в себя. И ты ждешь первого звука, первого всплеска песни. Вот он раздается. Поет пожилая женщина, и голос ее звучит слабо, как бы надтреснутый и печальный. Он поднимается высоко и потом готов упасть. Но его подхватывает другой голос, более молодой и сильный. Они сплетаются, как две лозы, и тянутся ввысь, к потолку. И опять ослабевают и готовы упасть. Но на помощь им приходит весь хор, все многоголосье, все сильное, красочное, сочное звучание, и начинается песня — долгая, без конца. Песня, славящая былых воителей, подвижников. Песня про коней, про орлов. Песни могут длиться пять минут, десять, пятнадцать — до бесконечности. И в этом суть протяжной русской песни.

С какой-то минуты что-то меняется в доме, меняется в избе, начинают светлеть темные венцы, светиться погасшие было лица, сиять глаза. Свет ярче, сильнее. И на каком-то переливе вдруг кажется, что вся изба наполняется сверкающим светом. Бревна становятся золотыми, потолок раздвигается, и ты летишь в эту лазурь вместе с песней. И испытываешь такую сладость, радость, такое упование, в тебя вливаются такие могучие силы, будто песня проточила коридоры в глубокую древность — туда, где мы все зарождались как народ, где были нетоптаные луга, огромные звезды, где люди изъяснялись друг с другом длинными, наполненными гласными звуками словами.

Песня — божественный дар русского народа. Через песню наш народ соединяется с могучими источниками силы, с источниками таинственных древних знаний. Эти песни и делали нас народом. Песни должны звучать и ныне. Русские предприниматели, которые скопили первый свой капитал и вдруг прониклись национальным сознанием и национальным чувством, жертвуют на храмы, на алтари. И это чудесно. Потому что каждый молитвенник, каждый алтарь поднимает нас ввысь, в фаворскую лазурь. Но, может быть, найдутся русские предприниматели, которые начнут поддерживать хоры, создавать хоры, приносить им свои дарения. Потому что каждый такой хор, возникнув, усиливает нас, создает из нас крепкий народ, преодолевает в нас уныние и слабость. Недаром в молодых государствах, которые хотят выстроить свое национальное сознание, поют все: школы, села, поют города, проходит огромное количество фестивалей песен. И не какие-нибудь рок-н-роллы или кантри. Песни исконные, древние, народные.

Еще недавно в Советском Союзе существовали знаменитые хоры: Северный народный хор, Уральский народный хор, Хор донских казаков. И, конечно же, Хор кубанских казаков.

Большинство из этих хоров потускнело, поувяло, их редко слышишь, они перестали быть символами нашей народной песенности. Все, кроме Кубанского казачьего народного, который возродил великий Захарченко. Он создал явление, которое требует разгадки.

Эти народные хоры создавались в период, когда кругом все хрустело, ломалось, когда шло разорение деревни, громоздились заводы, когда формировались батальоны для будущей войны. И в эти хоры исчезающие уклады — и крестьянский, и казачий, и церковный — торопились снести свои ценности. Как это было в пору, когда на Русь надвигались нашествия и в монастыри уносили скрижали, рукописи, иконы, спасая их от пожаров и набегов. И в таком хоре, как Кубанский, сохранились эти ценности. И теперь, когда Кубань хочет возродить казачество, когда казачество опять

стремится создать свой уклад, они из этой великой сокровищницы черпают свои энергии и сущности, свои казачьи поверья.

Я слушаю этих прекрасных женщин, сосредоточенных мужчин, которые сидят в избе, срубленной их собственными руками, слушаю их песни. Мне сладко, на глаза наворачиваются слезы, я чувствую, что я им родной, и они мне родные. И в песне мы все соединяемся друг с другом и со всем народом, со всей бесконечной нашей историей и теми, кто жил до нас, и теми нерожденными, которые наследуют эту землю. Славен хор!

СВЕТ ПУШКИНА

Это «слово лауреата» было сказано Александром Прохановым при вручении ему Всероссийской литературной премии «Капитанская дочка», учрежденной Правительством Оренбургской области и Союзом писателей России, в номинации «Профессиональные авторы» за 2016 год.

Я счастлив получить премию «Капитанская дочка» на земле, которая еще хранит следы кибитки Александра Сергеевича Пушкина, путешествовавшего по вашим краям.

Совсем недавно на Красной площади я представлял свой роман «Губернатор». Мне было лестно и в то же время страшно от того, что я презентую свою книгу там, где во время парада проходили громадные танки «Армата», катились «Ярсы». Сегодня в нашем обществе книга приравнена к оружию защиты и обороны. И книга — тоже оружие, она заслоняет нас от бед, хворей, недугов, духовно защищает нас.

Пушкин — удивительное явление русской жизни: в 1937 году, в год столетнего юбилея смерти поэта, по личному указанию Сталина Пушкин был признан главным поэтом Советского Союза. Его произведения начали издавать миллионными тиражами, возобновились оперы и балеты Чайковского по произведениям Пушкина. Пушкин стал предвоенным оружием. Страна строила танки, создавала военную организацию, армию. И читала Пушкина.

У Гитлера по ту сторону границы были Аненербе, нибелунги, золото Рейна… Он хотел подключить свою нацию, свою будущую армию, которую он готовил к нападению на Советский Союз, к таинственным источникам, чтобы эти источники наполнили вермахт волей, силой, беспощадностью, жесткостью и неодолимостью. А мы вместо Зигфрида поставили Пушкина, Пушкин оказался абсолютно божественным русским поэтом. Он соединил, как говорил Достоевский, русское сознание со всем мировым сознанием, он соединил нас с такими источниками света, красоты неодолимости, что поэт вместе с танкистами воевал на Курской дуге, сражался под Сталинградом, бился под Волоколамском. И в 1945 году, когда наши бойцы водружали знамя Победы над рейхстагом, вместе с ними это знамя водружал Пушкин. Он — языкотворец. Он создал новейший русский язык. С помощью русского языка русский человек поднимается в небеса, в божественные сферы и вычерпывает оттуда удивительные энергии, знания, свойства. Язык делает русских русскими, делает наш народ добрым, наивным, верующим, терпеливым, жестким в час невзгод, братским по отношению ко всем другим народам, населяющим нашу прекрасную родину.

Пушкин то исчезает из нашей истории, словно затмевается, то вновь возвращается во всей силе и яркости. И сейчас наступает новое время Пушкина. И я несу в себе его свет.

ЦАРЬ И ВОЖДЬ

Участие генерального прокурора Республики Крым Натальи Поклонской 9 Мая в акции «Бессмертный полк» с иконой Николая II вызвало новое обострение отношений между «красными» и «белыми» патриотами России.

Во время победных торжеств в Крыму, когда двигался победный мистический Бессмертный полк и каждый вносил в этот полк свои семейные реликвии, портреты своих убиенных, замученных, сражавшихся и выигравших эту войну предков, в колонне шла прокурор Крыма Поклонская, которая несла перед собой портрет Императора Николая II — хоругвь, которую она считала для себя и для близких ей монархически настроенных людей священной. Это событие вызвало переполох и большую волну негодования среди красных, исповедующих красную сталинскую Победу, когда говорили, что внесение в эту красную волну монархической энергии, которая никакого отношения не имела к жертвенности, к мученической священной победе, — чужеродно. С другой же стороны, негодовали монархисты, упрекая Поклонскую в том, что она принесла к подножью Мавзолея портрет великого мученика и великого русского святого, погибшего от рук «красных» сталинистов.

Мне кажется, что в этом деянии Поклонской нет ничего удивительного, а наоборот, это вызывает восхищение, потому что Победа, как мы ее сегодня трактуем, является огненным сгустком такой температуры, такой силы, такой соединительной мощи, что этот сгусток способен расплавить в себе все недоразумения, все противоречия, все накопившиеся в русской истории обиды. Ибо во время священной войны, священной Победы в нашем обществе соединилось, казалось бы, несоединимое. Соединились раскулаченные крестьяне и те комиссары, которые раскулачивали, — все они сошлись в окопах Сталинграда. Узники ГУЛАГа, которые уцелели от расстрелов, гремели цепями где-нибудь на Колыме, соединились с теми, кто их охранял и конвоировал, ибо и те, и другие записались в добровольцы и сражались на Курской дуге. Армия Деникина — стенающая, окровавленная, ненавидящая, посылающая эмигрантские проклятья красной стране — во время великих битв просилась на фронт, направляла письма генералиссимусу Сталину с просьбой открыть для их полков дорогу на передний край борьбы с Гитлером. И то, что в эту огненную, расплавленную купель вступила Поклонская с изображением Императора — свидетельство того, что царское время и царская Россия, и царисты, и монархисты — они все логично и мощно вливаются в этот струящийся поток Великой Победы.

У тех, кто стремился соединить белую Россию и красную Россию, давно возникало ощущение, что местом стыка, местом сварки этого разорванного волновода русской истории могли бы быть два человека: последний император Руси Николай II и первый некоронованный император красной эпохи Иосиф Сталин. И тот, и другой были собирателями и хранителями имперских заповедей. И тот, и другой были помазанниками. И если царя Нико-

лая II помазала на царство Православная Церковь в Успенском соборе, то Сталин получил свое помазание от Великой Победы, которая являлась, по существу, христовым торжеством, обнаружившим себя в красной истории.

Победа — это религия государства российского: не только нашего времени, не только советского, но и всего предшествующего, всего того, что последует за нами. Победа является вторым пришествием Христа на русскую землю, подтверждением того, что Россия — это святая Русь, подтверждением того, что миссия России, русского народа в этом мире — принимать на себя все самые темные страшные силы мира, превращая их в свет ценою огромных жертв и мученичества. Кто за Победу — тот с Россией. Кто против Победы, кто хулит ее, кто богохульствует, бросает в нее камни, плюет в нее — тот против русского мессианства.

Во время парада Победы и движения Бессмертного полка либеральные извращенцы глумились над их участниками, издевались, произносили в адрес этого священного пасхального крестного хода множество слов хулы и скверны. Ну что ж, в них говорили бесы, которые вселились в них, и вид этого торжествующего христианского богоносного шествия вызвал у них чудовищное, метафизическое страдание. Однако Бессмертный полк прошел по всей России, демонстрируя торжество светоносного духа, а бесы, как это им положено, вселились в свиней и кинулись в море, в мертвое море, утонув в нем.

По материалам газеты «Завтра»

ВЫШЛА КНИГА

Рар А. Г.
Путин и Запад. От любви до ненависти… — М.: Алгоритм, 2014.

Автор этой книги Александр Рар — немецкий политолог, журналист и писатель, автор нескольких произведений осовременной России («Путин. Немец в Кремле», «Путин после Путина» и т. д.). В книге А. Рара, представленной вашему вниманию, рассказывается о становлении Путина как политика и его деятельности с первого президентского срока до настоящего времени. Если на первых порах отношения между путинской Россией и Западом были более или менее благоприятными, и Путина даже включили в число лидеров ведущих мировых стран, то сейчас все изменилось. На фоне столкновения интересов России и Запада началась настоящая геополитическая битва, пишет А. Рар. Ситуация усугубляется тем, что стороны конфликта не могут найти общую позицию, которая привела бы к стабилизации ситуации на Украине. Это очень опасный и затяжной кризис, считает автор, и он может привести к тяжелым последствиям для всего мира.

Анна ЕВТИХИЕВА

«АЛЕКСАНДР СЕРГЕИЧ, ДА НЕ СЛУШАЙТЕ Ж ВЫ ИХ!»*

Анна Сергеевна Евтихиева — родилась в подмосковном городе Сходня в 1974 г. Окончила филологический факультет МГУ им. Ломоносова, кандидат филологических наук. С 1999 г. — преподаватель филологического факультета МГУ, автор монографии о Гоголе в критике русского зарубежья, автор ряда статей по культурологии и литературоведению. **Живет в Москве.**

С чего начать разговор о Пушкине? Хочется процитировать некоторых авторов, чьи слова, возможно, сам Пушкин оценил бы как «преслащенную дичь» (так он отозвался о критиках «Евгения Онегина»), но время подтвердило истинность высказываний и Г. Мейера: «Пушкин — исток духовной русской нации»[1], и А. Ремизова: «Пушкин — свет и совесть русской литературы»[2], и И. Ильина о том, что «Пушкин — радостное утверждение нации в Боге», пример «классически-радостного приятия мира»[3]. Для читателей образ Пушкина-поэта, человека и мыслителя заключен, во многом, в словах самого Александра Сергеевича о том, что если несчастье — лучшая школа, то счастье — лучший университет.

Но в наши дни, как и во все времена, беспокойный и мятущийся человек не хочет, да и не может быть счастливым. Что же не дает ему покоя? Почему он так часто одержим желанием расколоть орех и убедиться в том, что ядро гнилое? Пушкинские слова, наполненные убежденностью и отчаянием: «я не хочу, о други, умирать, я жить хочу, чтоб мыслить и страдать» созвучны сердцу больше, чем «звуки сладкие и молитвы»…

Не с Гоголя ли началось это «раздробление ореха»? Как писал А. Ремизов: «С Пушкина все начинается, а пошло от Гоголя»[4]. Николай Васильевич призывает в «Переписке»: «…нельзя служить самому искусству, не уразумев его цели выс-

---

* *Маяковский В. В.* Строка из стихотворения «Юбилейное» / Полн. собр. соч. в 12 т. М., 1939–1949. Т. 2.

[1] *Мейер Г.* Трудный путь / Возрождение. Париж. 1952. № 19.

[2] *Ремизов А.* Тайна Гоголя / Воля России. Париж. 1929. № 819.

[3] *Ильин И.* «О Гоголе» / Записки русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1984. Т. 17.

[4] *Ремизов А.* Тайна Гоголя / Воля России. Париж. 1929. № 819.

шей… Нельзя повторять Пушкина… Другие уже времена пришли»[1]. Отец Матфей, духовник Гоголя, просил его перед смертью отречься от Пушкина. Что стояло за этими словами? Гоголю, боготворившему Пушкина-поэта и Пушкина-человека, тяжело было выполнить просьбу отца Матфея. Православный священник и не мог призывать отказаться от православного же человека. Фраза «отрекись от Пушкина» подразумевала под собой отречение от сотворенного кумира, испытание на окончательное смирение. Отказаться надо было от Пушкина — воплощения «изящной словесности», от служения искусству ради искусства. От чего сегодня отрекаемся мы? Мы — это те, кто «явились в своем развитии через 200 лет»… Неужели так изменился русский человек, его душевный и духовный мир, его интеллект, что он уже не в состоянии сочувственно внимать пушкинскому слову, откликаться на его мысль? Есть ощущение, что некоторые виды чувств вымирают и исчезают подобно редким видам растений или животных. Достоинство, благородство, свобода духа, величие, покой и простота, особенно простота, которая в наше время стала синонимом примитивности, — те чувства, которыми наполнен мир пушкинской поэзии и без которых душевный мир человека бесцветен и беден, — от них мы отрекаемся, и боимся их проявить, если даже и способны испытать их, потому что боимся пафоса, подразумевая под этим словом почему-то только неоправданную выспренность, пустое важничанье, неискренность и надутость. Только без пафоса! Но какое же искусство без пафоса? Пафос — всего лишь то настроение, дух, который заключен в любом произведении искусства и слово это само по себе не должно быть осуждающим… Мы как будто экспериментируем с музыкальным произведением, отказываемся от одних нот, заменяем их другими, и пытаемся убедить себя, что так тоже неплохо звучит… Как в музыке важна тональность, тон, так и в слове, в литературном произведении, особенно в его интерпретации на сцене, при чтении вслух, тон определяет слишком многое, если не все…

Вот случай из жизни. Десятилетний мальчик слушал «Повести Белкина» в одном из залов филармонии. Читал современный профессиональный актер. И старался. Так старался, что мальчик сказал: «Мне кажется, что он совсем не подходит на эту роль». Что вызвало в ребенке ощущение дисгармонии? Вот это чрезмерное старание, это желание добавить в пушкинский текст себя, своих эмоций, темперамента, мастерства. «Подсолить» пушкинскую прозу. Но простота, безыскусность и прозрачность пушкинских строк никак не вязались с манерой исполнения…

Вот этот неверно взятый тон, желание вопреки всему углядеть какие-то двойные смыслы, ироничный подтекст там, где и нет его вовсе — эта установка на развенчание «мнимой» простоты и создавала ощущение полного несоответствия авторского замысла и актерского исполнения. Дело даже не в сознательной попытке исказить пушкинский текст или опошлить его. Возможно такой цели исполнитель и не ставит. Дело, по всей видимости, в несовпадении духовного поля, в неспособности пережить и испытать те самые редкие чувства, которыми наполнена пушкинская проза, в том, что современному актеру тяжело и даже зачастую не под силу достичь той самой «божественной простоты» и ясности, которая была пушкинским даром,

[1] *Гоголь Н. В.* Собр. соч. в 9 т. М., 1994. С. 183.

а нам даром не дается. И остается только смиряться и стремиться к ней в надежде на счастливое обретение. Но вот смиряться мы не хотим. И восхищаться не желаем. И кроим все по своей мерке.

Ортега-и-Гассет писал: «Есть только один способ спасти классика: самым решительным способом используя его для нашего спасения, иными словами, не обращая внимания на то, что он классик, привлечь его к нам, осовременить, напоить кровью наших вен, насыщенной нашими страстями и проблемами, ввергнуть его в наше существование»[1]. Мысль эта перекликается в чем-то с мыслью Ю. М. Лотмана о том, что вечность всегда рядится в одежды времени. Но разве не имеет значения, в какие именно одежды? Можем ли мы за этими драпировками разглядеть вечность? Мы ввергаем классика в свой мир подчас совершенно бесцеремонно, не в хитоне праздничном, и мы стремимся прийти в гости к вечности. Позаимствовав одежды Пушкина, нам хочется проявить Себя во всей красе.

Колоссальная проблема современного искусства, кино и театра в особой степени: автор сегодня не имеет самостоятельной и безусловной значимости, права интерпретаторов несоразмерно выше прав авторов, некое ренессансное «Я» гордо выходит на сцену, самодовольно озирается и достойных соперников не видит. Кто возразит? Я так вижу. Я так понимаю. Мой Пушкин. Пушкин — наше все, а значит, и найти в нем можно что угодно. Как не вспомнить здесь замечательный афоризм Н. Н. Скатова о том, что «Пушкин — наше все, но не все наше — Пушкин»... Поэтому именины Татьяны Лариной на сцене Венской оперы превращаются в корпоративную вечеринку изрядно подвыпивших субъектов почему-то на столах и под столом, а ведь как еще донести до сидящих в зале современников актуальность сюжета? И «Бориса Годунова» посильно надо осовременить и проиллюстрировать совет бояр на уровне, понятном современному зрителю: мониторы над сценой, а на них — процесс подсчета голосов. Ведь забавно как: там Дума и здесь Дума... Вдруг не догадаются... И нет спасения от ретивых режиссеров и самоуверенных актеров, заявляющих с апломбом, что шекспиров много, а вот бессмертными они становятся благодаря актерскому и режиссерскому таланту. Гоголь сам писал: «Предуведомление для тех, кто хотел бы получше сыграть “Ревизора”», да многие ли с этим считались? Не восставать же из гроба ради мщения и отстаивания авторских прав...

Торжество цинизма и амикошонства, бытовой, кухонный подход к искусству, скабрезности и гадости — вот те нити, из которых ткут полотно для одежд современности. И в них рядят классиков.

И еще одна беда, о которой нельзя не сказать. «Никакое богатство не может перекупить влияние обнародованной мысли. Никакая власть, никакое правление не может устоять противу всеразрушительного действия типографического снаряда»[2], — так писал А. С. Пушкин, не зная слова «интернет». Наши дети вязнут во всемирной паутине и знакомятся с липкими гадостями, связанными с именем Пушкина, раньше, чем с его произведениями. Да, глупо не признавать ошибку, отрицать порок, но надо учиться и учить разделять грех и человека, доносить до развиваю-

---

[1] Цит. по книге: *Курбатова В. Я.* Пушкин на каждый день. Псков, 2014. С. 123.

[2] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. в 10 т. М., 1978. Т. 7. С. 185.

щегося и неокрепшего сознания мысль о том, что и порок, и слабость, и грех — не есть непременное условие и рецепт талантливости и тем более гениальности. В этой битве за душу и разум решающая роль во многом принадлежит учителю. Кто рискнет оспаривать слова Бисмарка о том, что «войну выигрывают не генералы, ее выигрывают школьные учителя и священники»… И как спокойно относиться к тому, что происходит сейчас в некоторых школах, приведу опять же пример из жизни: на собрании в третьем классе учительница литературы отчитывала родителей за то, что 17 человек опять выучили Пушкина! Надо было самостоятельно выбрать стихотворение о природе и вот… Робкие возражения родителей, что, мол, дети сами выбрали, мы им предлагали несколько стихотворений на выбор, вызвали нелогичный новый упрек: современные дети не могут понять авторов XIX века… В семье можно переломить многое, выправить многое и научить многому. Но мы прекрасно понимаем, что работающие мамы и папы отдают своего ребенка на откуп учителю-словеснику… Счастье, если он окажется любящим свой предмет, увлеченным профессионалом, хорошо, если просто равнодушным (можно что-то подкорректировать в семье), и совсем уж беда, если злостным борцом с косными ретроградами-родителями, читающими своим чадам Пушкина. От учителя зависит во многом (к сожалению!), будут ли наши дети любить Пушкина и литературу вообще, именно любить, поскольку расхожая фраза о том, что классику не надо любить, ее надо читать, едва ли верна… Ведь книга давно уже перестала быть источником знаний, художественная литература, особенно поэзия, имеющая эмоционально-образную основу, взывает не столько к разуму, сколько к сердцу читателя. Любовно-уважительное отношение к культуре, к слову художественному и слову вообще, к авторскому замыслу и, естественно, к Пушкину и будет противостоять попыткам превратить нашу историю и литературу в фэнтези без правил, когда значение имеет не истина, не правда, а показатели продаж и желание потребителя. Отрицание русской культуры — бесперспективно, но обесценивание ее, превращение в яркое, примитивно осовремененное шоу — вот та опасность, которой в наше время приходится противостоять…

ПРОЗА

Михаил ЗАРУБИН

НЕ ОТДАМ

Рассказ

Михаил Константинович Зарубин — родился в 1946 г. в деревне Кеуль Нижнеилимского района Иркутской области. После окончания строительного института работал мастером, начальником участка на строительстве комплекса зданий Сибирского отделения АН СССР. Более 20 лет возглавляет 47-ой строительный трест. Заслуженный строитель России. Действительный член трех международных академий. Награжден орденами и медалями РФ. Член Общественного Совета Санкт-Петербурга. Член-корреспондент Академии Российской словесности. Член СП России. Автор многих книг прозы и публицистики. Лауреат всероссийских литературных премий «Имперская культура», имени Н. С. Лескова и др. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Зима в тот год выдалась лютой. По утрам морозный туман сплошь накрывал землю, окутывал густой пеленой деревенские избы, так что в нескольких шагах не видно было стен даже собственной избы. В семье Карнауховых к этой скверной погоде добавилась еще одна беда — голодуха. Бывали дни, когда на ужин, кроме чая, не было совсем ничего. Тогда Анна брала немного муки и готовила затирку на воде.

Еда была главной проблемой Анны. Но женщина как-то изворачивалась, обращалась с просьбами в правление, чем-то помогали соседи. Голод являлся следствием неурожая. Летнее нещадное солнце выжгло все в огороде. Картошка, что всегда была основным продуктом, не уродилась, накопали мелочь, такой в прошлом году кормили скот. Капусту, которую обычно квасили по две кадки на зиму, сожрала и потоптала корова — забыли закрыть калитку. Немного огурцов, моркови, свеклы, брюквы и репы, вот и весь урожай с огорода. Заготовка ягод и грибов тоже не ахти какая. В лесу стояла сушь, ягодные завязи засохли еще в расцвете. Деревенские мужики ездили на дальние болота, но куда Анне за ними угнаться со своей ребятней.

Муж Степан пришел с фронта калекой, умер два года назад. Случилась беда с ним на конном дворе, кровь пошла горлом, спасти не смогли. Врачи сказали, что осколки внутри него пришли в движение. Вот и осталась Анна с двумя дочерьми и маленьким сыном. Вся тяжесть семейных забот легла на плечи сорокалетней, с волосами цвета пшеницы голубоглазой женщины, не замечавшей своей необыкновенной красоты.

От других крестьянок Анна отличалась белизной своего лица. Это была даже не белизна, не бледность — это было сияние. Так сияют

в весеннем поднебесье крыла журавлей или в осеннем ночном небе далекие созвездия. Красота ее была несомненной, непререкаемой, не вызывающей соперничества и пересудов. В свои сорок с небольшим лет она была стройна и грациозна. Откуда у деревенской женщины, занимающейся тяжелым физическим трудом, была эта небесная грация? Грация печальной трепетной птицы. Легкая, летящая походка казалась врожденной, она не шагала по земле, как все остальные крестьянки ее возраста, а как будто скользила, касаясь поверхности только кончиком ступни. Так сказочная Царевна Лебедь скользит по глади вод. Женщину не утяжеляли ни грубые сапоги, ни стеганая телогрейка, которая в стремительном движении распахивалась, и полы ее, как крылья, трепетали на встречном ветру. Взгляд голубых глаз был добрым и каким-то беспомощным. Даже когда она произносила резкие слова, выражение лица благодаря глазам не становилось злым или отталкивающим. В голосе не было ноток крикливости, похожих на воронье карканье, что так часто можно было услышать от деревенских женщин.

Анна никогда не вступала в женские перепалки. Часто ее беспокоили какие-то думы, это было видно по лицу, но она никогда не рассказывала о них.

Все, что ни надевала, сидело на ней ладно. Ситцевое платье, схваченное на талии тонким пояском, платок, завязанный на голове не совсем так, как у других, и даже стеганая телогрейка, какие носили в деревне все, выглядели на ней элегантно. Держалась она всегда просто и искренне, но с достоинством, никому не позволяла себя унижать.

Она казалась ангелом, существом из другого мира, космической бурей занесенным в таежную глухомань.

Работала Анна дояркой в колхозе — работа тяжелая и малооплачиваемая. При этом домашних дел было пруд пруди, вставала она рано, ложилась поздно. Однако при такой каторжной работе богаче Анна не становилась. Платили зерном. В соседнем селе была мельница, Анна решила вопрос с помолом, поэтому раз в неделю пекла хлеб. Распределялся он строго, по ломтю в день на каждого. Две дочери, погодки, что родились перед войной, учились в школе. Они помогали матери как могли, а сыночек Мишка, зачатый в радостный сорок пятый, входил в жизнь тяжело, постоянно болел, с ним всегда приключались беды. Несколько раз он находился между жизнью и смертью. А недавно, пытаясь отобрать у сестер печеную картофелину, упал на раскаленную чугунную печку и обжег всю левую половину своего маленького тела.

Анна три километра несла его на руках в сельскую больницу. Врачи, увидев рану, только развели руками. Что помогло Мишке выжить, молитва ли матери, его желание жить, грамотные действия врачей — неизвестно. Наверное, все вместе.

Сколько всего испытал Мишка, знали двое — он и мать.

Сейчас его уже выписали, он находился дома. Морозными зимними днями Мишка лежал на теплой русской печке, ожидая возвращения своих сестер и матери. В один из таких дней резко распахнулась дверь избы, ворвались в дом клубы морозного воздуха, и раздался голос дяди Вани, младшего брата матери.

— Гостей здесь принимают?

Мишка, отдернув занавеску, радостно слетел с печки.

— Принимают, принимают, дядя Ваня! — закричал он, прыгая в объятия высокого красивого мужчины.

— А где постояльцы, Мишка?

— У нас нет постояльцев, мы одни живем.

— Я про них и спрашиваю, про сестер и маму.

— Мама на ферме, а Капка с Милкой в школе.

— Значит, ты один хозяйничаешь?

— Мы с котом лежим на печке, мама говорит — кости греем.

— На печке хорошо. Вот Илья Муромец, был такой русский богатырь, тридцать три года на печи лежал.

— Как это, дядя Ваня? Неужели столько можно лежать?

— Эх, Мишка, совсем ты, брат, сказок-былин русских не знаешь… Ну ничего, в школу пойдешь, читать станешь, всему научишься.

— Ну, если это сказка, тогда понятно. И сказки мне мама читала, у нас и книжка была — русские народные сказки.

— Давай я, Мишка, коня распрягу и в стойло поставлю, и гостинцы домой занесу.

Каждый приезд Ивана был праздником для детей. Жил он на устье Илима, а там рукой подать до Ангары, поэтому рыбалка была повседневным занятием местных жителей. А рыба в Ангаре водилась — не чета илимской. Частенько в сети попадалась стерлядка, иногда и таймень запутывался.

Дядя Иван был хорошим рыбаком и охотником, поэтому в трудные послевоенные годы его семье жилось полегче, чем соседям.

В каждый приезд он привозил подарки: соленую рыбу, мясо, иногда и муку. Так было и в этот раз. Только сейчас было привезено всего помногу: и мяса, и рыбы, и мешок картошки, и мешок муки. Кулечек сахара и пакетик конфет.

Скоро пришли девчонки из школы. К приходу Анны на столе в единственной общей комнате приятно томился чугунок с картошкой, на сковородке было зажарено мясо и аккуратно порезан и красиво уложен на узкой рыбной тарелочке кусочек стерляди. Увидев это, Анна всплеснула руками.

— Вот молодцы-то, — и, поцеловав брата, добавила, — а тебе дай Бог здоровья, Иван. Такого кушанья мы давно не видели.

Ужин закончился быстро, хотя Анна пыталась незаметно одернуть девчонок и Мишку, чтоб не торопились глотать, как голодные птенцы, и прожевывали все медленно. Но голодуха и привычка выработали свои скорости. Каждый старался съесть побольше и побыстрее. Иван пил чай, поглядывая на родню с веселой улыбкой.

— Пусть едят, Анна, им расти надо.

— Я что, против? Только торопиться не надо.

Дети не спорили с матерью, но ели как всегда, быстро подбирая каждую крошку. После ужина Анна определила, где кому спать. Ивану, как гостю, досталась железная кровать, гордость в доме. Правда, никто не помнил, откуда она появилась. Продавленную сетку давно заменили на доски, матрац каждый год набивали соломой.

На этой кровати спали гости, изредка посещавшие дом. Для себя Анна выбрала место на большом сундуке, девочкам соорудила спальные места на скамейках. Мишка, как всегда, располагался выше всех, на русской печке. Укрывали его овчиной шкурой.

Уложив всех, Анна пошла на кухню поговорить с Иваном.

Однако как ни пытались по-тихому разговаривать брат с сестрой, их слушателями оказались все обитатели дома.

— Иван, как там наши отец с матерью?

— Я был у них осенью. Все в порядке, здоровье, славу Богу, есть, хозяйством занимаются сами. С дровами Трофим с сыновьями помогает. Отец прошлой зимой на медведя ходил.

— На медведя?! Так ему уже восемьдесят!

— Восемьдесят два. Однако крепкий. Меня осенью за ремень поднял от пола одной рукой.

— Молодец.

— У мамы глаза сели, плохо видит.

— Так чего очки не выпишет?

— Устали говорить ей об этом. Все чего-то стесняется: да как я буду ходить в очках, словно бы ученая какая. А все знают, что я в школе ни дня не была.

Они немного помолчали. Иван оглядел маленькую кухоньку.

— Ты-то как, Нюра?

— Я тебе все в письме написала, Ваня.

— Да письмо пришло давненько. Я был на охоте, ушел в тайгу в ноябре, в Григорьевское ухожье. Раньше из колхоза на охоту не отпускали. Да так каждый год: пока не приберут в колхозе, все не заскирдуют, не обнесут скирды с хлебом остожьями, в лес ни ногой. Мужики, чтоб в тайгу попасть, «пашут» и днем и ночью. А в конце января собака ногу на капкане повредила, пришлось спускаться в деревню. Так что Надя мне твое письмо показала. Засобирался к тебе, заодно дела в райцентре нашлись.

— Спасибо, Иван.

Анна, приподняв краешек белого платка, который был повязан на шее, утерла уголки глаз.

— Так ты-то что плачешь, Нюра?

— Да я так, мне хорошо с тобой.

— А помнишь, ты у нас нянькой была. Родители в поле, ты в доме старшая.

— Я и сейчас старшая.

— Ну что поделаешь, война никому добра не принесла.

— Может, Ваня, чаю попьешь?

— Напился я его за вечер.

— Ну тогда пошли отдыхать.

— Подожди, Нюра. Знаю, что поздно, но хочу сказать: мы с Надей вот чего порешили.

Иван почесал затылок, тяжело вздохнул, поерзал, словно не находил себе на табуретке места.

— Чего, Иван, решили-то?

— Взять у тебя ребенка на воспитание.

— Какого ребенка? Говори толком.

— У тебя же трое! Отдай одного нам.

— Как это — отдай?

— Но ты в письме, Анна, написала, помогите…

— Так то — помощь! А вы — ребенка отдай. Да где ж это видано! А воспитать-то я сама могу, вот только прокормить трудно.

— А мы прокормим. Мать не заменим, но сытый будет.

— Ну, о чем ты говоришь, Ваня! Писала я, когда время очень тяжелое было, все к одному собралось; девки голодные, Мишка в больнице. Сейчас вроде все налаживается.

— Что налаживается, Анна? Хлеба как не было, так и нет. Молока тоже, хотя в передовых доярках ходишь.

— Причем тут доярка? Коровы-то колхозные. Если Мишка забежит, кружку молока дам, а у самой руки-ноги трясутся от страха, кабы кто не увидел.

— Во-во…

Они замолчали. Анна отвернулась к окну, Иван зачем-то рассматривал свои руки, затем положил их на стол перед собой, и, глядя на Анну, сказал.

— Может, Мишку нам отдашь?

— Кого?

— Мишку.

— Чего ты придумал? Он же кроха еще, ему с матерью надо быть.

— Шесть лет весной будет. Конечно, не богатырь, но крохой не назовешь.

— Перестань, Иван. О Мишке и разговора не может быть.

— А о ком разговор? О Капе? Так она в седьмом классе учится, а у нас в деревне школа только начальная. Семилетка за пятьдесят верст в Невоне. Для чего брать? Чтобы сразу отправить в чужие края, где жить будет без матери и родных? То же самое с Милкой, в пятом учится. Не учиться сейчас грех. Хотя бы семь классов надо закончить.

— Надо, Ваня, кто спорит.

— А Мишку мы поднимем. Я его делу научу. Рыбалке и охоте. Как сын мне будет. Нам с Надеждой Бог деток не дал, ты же знаешь, как она страдает…

— Нет, Иван, не могу, маленький он еще очень.

— Зато мы с Надеждой большие, с одним маленьким справимся, да и не грудной же он.

Они опять замолчали.

— Пойдем спать, Ваня, мне рано вставать. Ты еще завтра у нас побудешь?

— Да, мне нужно в райпотребсоюзе насчет пороха договориться.

— Ну вот и хорошо. Иди, там я тебе постель приготовила.

Утром Мишка проснулся, когда в доме за столом завтракал дядя Ваня.

— Ну ты, парень, богатырь! Спать-то горазд.

— А куда мне торопится, валенок все равно нет.

— А куда они делись?

— У нас с Милкой одна пара на двоих.

— С Милкой? Так у нее нога больше твоей.

— Больше — не меньше.

— А так в чем бегаешь?

— Если на улицу по нужде, чирки или ичиги надеваю, вон они у двери стоят.

— А шубейка тоже на двоих?

— Нет, кожушок есть, мама у Григорьевых взяла, а шапку у Кудриных.

— Значит, тебе только валенки надо?

— Да, пойди купи их, они в сельмаге таких денег стоят!

Подумав, Мишка добавил:

— Там все есть. Всякая всячина. Мы летом с пацанами забегали посмотреть, а там конфет полный ящик.

— А ты конфеты ешь?

— Редко. Осенью собирали головки клевера, сушили, а потом ели как конфеты, вкуснота.

— Разве клевер может быть вкуснее конфет?

— Конечно, конфеты лучше, но их же в поле не найдешь.

— А мама твоя знает, что ты клевер ешь?

— Знает, да мы с Капкой и Милкой в поле кислицу, клевер, щавель собирали, сушили их, а потом толкли в ступке, и мама пекла лепешки.

— Ну, Мишаня, у тебя житуха. Ты что, вот так и сидишь один дома?

— Пока не попал в больницу, меня водили в детский сад, а сейчас я поправляюсь.

— Как это — поправляешься?

— Ну, так мама говорит, у меня же грудь забинтована.

Мишка поднял нижнюю часть рубахи и показал забинтованный живот и подмышку левой руки.

— Больно?

— Сейчас нет, а сразу больно было.

Иван прижал щупленькое тело мальчишки к себе, и, поглаживая по голове, говорил ему ласковые слова.

— Дядя Ваня, а правда, что ты на медведя с рогами ходил?

— С рогами? Кто ж тебе такое сказал?

— Мама, — нахмурился Мишка.

— Мишенька, не с рогами, а с рогатиной.

— Значит, я не понял. А медведя ты убивал?

— Убивал, Миша.

— Страшно было?

Иван рассмеялся, посадил Мишку на колено.

— В первый раз страшно, а потом ничего, привык. Ладно, племяш, посиди дома, а я по делам схожу. Не боишься один?

— Да нет, чего бояться. Меня кот Василий охраняет.

— Тогда поиграй немного, я скоро.

Вечером, когда Анна пришла домой, у самых дверей ее встретил возбужденный сын.

— Мама, посмотри!

Мишка был одет в новые валенки, небольшую ватную фуфайку, новую ситцевую рубашку, а на голове была водружена шапка с медной звездой. Его было не узнать. Анна всплеснула руками.

— Господи, красавец ты мой, на улице и не узнала бы. Иван, ну зачем ты так потратился?

Иван улыбался, довольный, что подарок всем понравился.

— Эх, Анна, какие это траты? Мелочь.

После ужина Анна с Иваном продолжили вчерашний разговор, но Мишка не слышал, о чем они говорили. Аккуратно сложив свои новые вещи на табуретке, он обнял кота Василия и уснул счастливый и радостный. И гордый тем, что наконец-то у него есть свои валенки, и он может бегать

по улице всегда, когда ему захочется. А такой шапки, как у него, со звездой и длинными ушами, нет ни у кого из ребят.

Утро его встретило щедрым солнцем, ясным небом, без единого облачка. Завтрак — сковородка с картошкой, ждал на загнетке, а кружка молока, прикрытая вафельным полотенцем, — на столе.

Мишка, торопясь все съел, быстро оделся в обновы и выскочил на улицу. Друзья еще сидели по домам. Вовку и Тольку он вызвал стуком в ставню, Гошка, услышав шум, появился сам. Друзья с удивлением смотрели на товарища.

— Мишка, а почему Милка дома? — спросил Гошка.

— Нет, она в школе.

— Так откуда у тебя валенки?

— Дядя Ваня купил. Мамин брат. Но он и фуфайку, и шапку со звездой, и рубаху тоже купил.

Ребятня с восторгом и не без зависти рассматривала обновки. Мишка видел, что шапка со звездой понравилась больше всего.

— Мне отец обещал ремень со звездой подарить, — сказал Вовка.

— Не сказал, когда? — засмеялся Гошка.

— Летом подарит, — насупившись, буркнул парнишка и побежал к своему дому.

— Вовка, возьми мою шапку! — закричал Мишка. Ему не хотелось, чтобы приятель уходил.

Вовка подошел, взял из Мишкиных рук шапку, натянул ее на голову, заулыбался.

— Она мне маловата…

Шапка вскоре наскучила, стали играть в прятки, потом устроили кучу малу, и скоро все забыли про обновки.

В дом Мишку загнали сестры, пришедшие из школы.

— Ты чего это бегаешь, тебе же в поездку надо собираться.

— Какую поездку?

— Тебя дядя Ваня увозит.

— Куда увозит?

— К себе домой.

— Вместе с вами и мамой?

— Ага, и вместе с домом.

— А как дом-то он увезет?

— Ладно дурака валять, только тебя забирает, радуйся.

— А вы как?

— Мы никак, тоже радоваться будем. От братика отдохнем. Пошли домой, Мишка, а то неизвестно, когда и свидимся…

Вскоре пришла мать. Она не успела еще раздеться, к ней подбежал Мишка и стал выпытывать.

— Мама, меня дядя Ваня к себе забирает?

— Кто тебе сказал об этом?

— Милка с Капкой.

— А у вас прямо язык чешется, — Анна повернулась к дочерям, те смутились и опустили глаза.

— Вы разговор вели с дядей Иваном, вся деревня слышала, — оправдывалась Капка.

— Прекратите, устала я очень.

Анна прижала к себе сына и поцеловала.

Капка попыталась что-то сказать, но не успела и рта открыть, как мать ласково, с болью в голосе попросила:

— Не надо ничего говорить. Конечно, я виновата, что вам одеть нечего и еды порой не хватает…

Она закрыла маленькими ладошками свое лицо и заплакала. Тихо, по-детски шмыгая носом.

Дети прижались к ней.

— Ну ладно, чего это я расклеилась? Давайте ужин готовить.

— Мама, картошка готова! Я зажарила ее на сале! — Мила побежала к печке.

— Ну, вот и хорошо, сейчас порежем соленую рыбку, что привез дядя Иван, и покрепче чай заварим с травами луговыми…

Анна быстро привела себя в порядок, сестренки достали праздничную скатерть. Вскоре подошел Иван, и все дружно уселись за стол на последний свой совместный ужин.

Мишку в дорогу собирали недолго. В вещмешок, с которым отец вернулся с фронта, положили две рубашки, суконные заштопанные штаны и старые, со сбитыми каблуками ботинки. Нашли кепку, она лежала в сенях. Сверху Мишка положил букварь, доставшийся ему от Женьки, соседа, учившегося уже во втором классе. Легли рано, каждый со своими мыслями и переживаниями.

Для Мишки это была первая поездка, никогда он не был так далеко от дома. Мальчик с радостью думал, что увидит новые деревни, наконец-то побывает на Ангаре, о которой столько слышал. Огорчало только расставание с матерью, но он отгонял эту неприятную мысль, пересиливал соблазн наконец-то увидеть большой и незнакомый мир, который лежит где-то далеко за Качинской сопкой…

Кот Василий, словно чувствуя расставание, ластился к Мишке и даже умудрился лизнуть его в щеку. Все уговоры взять кота с собой ни к чему не привели. Первым противником был дядя Ваня.

— Мишка, у нас кот и кошка, появится твой Вася, загрызут друг друга. Ну кому это надо. Да и везти его трое суток — проблема, выскочит где-нибудь, как искать?

Мила была категорически против.

— Он что — твой личный кот? Он нас здесь оберегает от мышей. И я уверена, не поедет он с тобой. Для него место важно. Я где-то читала, что однажды кота увезли из дома, так он сто километров прошел, чтобы вернуться.

— Не кота увезли, а кошку, — поправила Капка.

— Да какая разница.

Короче говоря, не дали взять с собой кота Василия. Мишка был уверен, что коту без него будет плохо. Их связывала между собой многолетняя настоящая мужская дружба. Увлеченный своими заботами, Мишка не замечал, как изменилась мать. Лицо ее, всегда улыбчивое, посуровело, под глазами появились черные впадины. Всем кроме него было видно, что расставание с сыном угнетало ее. Он был последним ребенком в семье. Иногда Анна называла его ласково, непонятным ему словом — поскребыш. Родив

его в муках в первом послевоенном году, не успев вместе с любимым мужем нарадоваться на ребенка, она осталась вдовой с тремя малыми детьми.

Утром проснулись почти все одновременно, даже Мишка. За ситцевой занавеской, что отгораживала верх русской печи от избы, он слышал, как брякает в кухне умывальник, как, потрескивая, в чугунной печке разгорается огонь, как наливают воду в чайник, учуял, как вкусно запахло блинами.

— Мама, я проснулся! — радостно закричал Мишка.

— Проснулся, солнышко, вставай, сейчас будем есть.

Мишка вместе со всеми сел за стол, быстро сглотнул два блина, густо намазанных черничным вареньем, и запил чаем с молоком.

— Мама, а у нас сегодня праздник?

— Нет у нас сегодня праздника, сынок.

— А почему блины, да еще и с вареньем?

— Дядя Ваня с тобой уезжает, решила порадовать тебя.

Девчонки убежали в школу, Иван пошел запрягать коня, мать осталась с Мишкой в доме.

— Боюсь я за тебя, Мишенька, ты уж береги себя.

Мишка подошел к окну, в утренних сумерках Иван вел коня к саням. Неожиданно Мишка подбежал к матери, прижался к ее ногам и тихо прошептал:

— Мама, поедем вместе.

— Чего? — не поняла Анна.

Мишка уткнулся в ее платье.

— Чего ты сказал, солнышко мое?

Мишка запрокинул голову и, глядя в голубые мамины глаза, сказал отчетливо и твердо:

— Я хочу, чтобы ты поехала со мной.

Анна приподняла его, поставила на табуретку и стала беспорядочно целовать сына, приговаривая нежные слова.

В избу вошел Иван, увидел затянувшееся прощание и с улыбкой сказал:

— Ну что вы навеки прощаетесь, даст Бог, летом на баркасе с Мишкой приплывем. Анна, одевай сына.

Мишка спрыгнул с табуретки, быстро надел фуфайку, вскочил в валенки, нахлобучил на голову шапку. Мать, как будто пытаясь защитить его от всех грядущих стуж и невзгод, обмотала его голову и плечи большим клетчатым платком. Туго затянула.

— Ну вот, готов наш путешественник. Ваня, я прошу тебя, ты поглядывай за ним, он ведь в каждую дырку свой нос сует.

— Анна, я ведь тебе клятву дал, зря ты переживаешь.

— Лишним напоминание не будет! — она замахала рукой на Ивана, когда он сделал попытку что-то ответить.

Мишка стоял у двери, смотрел на то, к чему так привык: стол в простенке, над столом икона на полочке, с маленьким расшивным полотенцем, скамьи вокруг стен, большой сундук и у кухонной перегородки железная кровать. Из-за занавески над русской печкой грустно поглядывал кот Василий, словно прощаясь с Мишкой навсегда.

В санях Мишку запаковали в тулуп, ноги укрыли овчиной, Анна открыла ворота, и повозка медленно и тяжело выехало со двора.

— Иван, а ты зачем в центр поехал, тебе в другую сторону.

— Я в сельпо заеду, там мои покупки; порох, пули. Мы их вчера упаковали, но не в дом же везти такое опасное приобретение.

Сани заскрипели по снегу, Мишка до самого поворота видел, как мать смотрела им вслед.

Проводив брата и сына, Анна вошла в дом. Тишина пронзила ее. Женщина присела на табуретку, не заметив, что забыла закрыть дверь, и тепло, что с вечера еще оставалось в доме, вытекало на волю и отчаянно сливалось с морозным воздухом. Кот Василий прыгнул к хозяйке на колени и посмотрел ей в лицо, словно спрашивал — где Мишка?

На подоконнике, рядом с алеющими цветками герани, лежал листок бумаги, но котором рукой сына был нарисован самолет. Одного взгляда хватило, чтобы увидеть лицо Мишки, старательно раскрашивающего звездочку на крыле чудо-машины, от усердия высунувшего кончик языка. Анна взяла листок и прижалась к нему щекой. Что же она натворила? Сына отдала! Конечно, родному брату, но все равно — при живой-то матери! Жив бы был Степан, что бы он сказал?

Женщина подошла к иконе и вздрогнула, заметив, что Богородица осуждающе, сурово смотрит на нее. Жалость к себе, к Мишке, ко всему страждущему миру выплеснулась из глаз Анны со слезами. Мысль о своем предательстве разрывала ей сердце, пальцы тряслись, мысли путались.

Как она могла поддаться на уговоры? Господи, что же она наделала? Как людям-то в глаза глядеть? Да при чем тут люди? Как она сама будет жить, не видя светлого, родного лица сына, не слыша его искренних, утешительных слов, не ощущая маленьких добрых ладошек его на своих плечах. Низко поклонившись Богородице за вразумление, истово перекрестившись, Анна выбежала на улицу…

Сначала она поспешила в центр, но, усомнившись в своих силах, решила подождать и перехватить сани на их обратном пути, на дороге, проходившей по реке. Добежав до проулка, увидев издалека повозку и понимая, что может не успеть, Анна изо всех сил, надрывая голос, закричала.

— Миша, Мишаня! — Горло на морозе перехватило, сняв платок на бегу, она стала махать им, повторяя осипшим голосом:

— Миша! Мишаня!

Мишка мечтательно смотрел на дорогу, на Илим, на избы, остающиеся позади. Уже поравнявшись с последними домами, он заметил бегущего с боковой улицы человека. Тот что-то кричал и махал руками.

— Дядя Ваня, кто-то нам кричит! — застучал он кулачком в спину дяде.

— Чего такое? — остановив лошадь, спросил Иван.

— Кто-то бежит, вон, посмотрите, у последних домов.

— Интересно, кому мы понадобились?

— Дядя Ваня, это наша мамка бежит.

— Анна! — пригляделся Иван. Видно, что-то забыла. Что же могла она забыть?

Мишка стал выбираться из-под накинутого на него тулупа, ловко выпростался из дохи.

— Ты-то куда? Заворачивать буду полчаса…

Мальчик колебался долю секунды, но все-таки выбрался из саней и побежал навстречу матери.

— Мамочка! Мамочка! — задыхаясь от радости и от мороза, кричал он на бегу, глубоко проваливаясь в снег.

Они вцепились друг в друга на белоснежной равнине, между накатанной ледяной дорогой и крутым угором, на котором стояли темные от времени и непогод избы, с хитрецой наблюдающие своими видавшими виды глазами-окнами эту необычно радостную встречу.

От стремительного бега расстегнутая телогрейка Анны сползла с плеч, волосы выбились из-под платка и солнечной волной, как иконным окладом, обрамляли лицо. Мать, тяжело дыша, сгребла Мишку, пытаясь его поднять.

— Мама, ты чего? — удивился сын.

— Все хорошо, родной, все хорошо, — шептала Анна, стараясь подавить подступившие слезы.

Подошел Иван, с недоумением посмотрел на сестру.

— Что-то случилось? — неодобрительно спросил он. — Что-то забыла?

Анна величественно выпрямилась, отерла платком лицо. Казалось, ей не хватало воздуха, чтобы ответить. А может, просто не находилось нужных слов.

Наконец медленно и непререкаемо, глядя прямо в глаза брату, она произнесла:

— Ваня, прости меня, не отдам я Мишку.

Иван взял нежно сестру за руку и попытался что-то возразить.

— Не отдам! Понимаешь? Не отдам! — вдруг сердито закричала она, вырвав руку, и прижала к себе сына.

— Ты чего, сестрица, орешь, успокойся, пожалуйста, никто его не забирает.

Анна обессилено села на снег, не отпуская сына. Мишка своими ручонками аккуратно укладывал пряди волос матери под платок, высвобождая родное лицо. Она подняла проясневшие свои голубые глаза к небу, ласково обвела взором окрестный мир и, тепло улыбнувшись сыну, строго сказала брату:

— Ваня, не ругай меня, но без Мишки мне жизни не будет.

Потом Анна, выдохнув все свои прежние тревоги, легко поднялась, отряхнула снег, подошла к саням, вынула Мишкину котомку.

— До свидания, Ваня.

— До встречи, Нюра. Давай подвезу к дому.

— Не надо, езжай, возвращаться — плохая примета.

Мишка с матерью беззаботно шли навстречу солнцу, которое тяжело, но неотвратно во всей своей неизбывной щедрости вздымалось над тайгой. Их снежный путь вспыхивал цветными искорками, слепящими глаза, заставляя щуриться и смущенно улыбаться над своей беспомощностью перед природой, перед незыблемыми законами жизни. Казалось, обрадовались произошедшему и повеселели свидетели — деревенские избы, столбы их сизых дымков, затейливо приплясывая, тянулись из труб к ясности, к чистоте и растворялись в океане пречистого небесного света.

ПОЭЗИЯ

Марина АХМЕДОВА

«НЕ ИЗМЕНЯЯ ВЕЧНОМУ ПУТИ...»

Марина Анатольевна Ахмедова (Колюбакина) — поэт, переводчик, публицист. Родилась в 1952 г. на Урале. Детство и юность прошли на Украине. В 1977 г. окончила Литературный институт им. Горького. С 1980 г. работает в Союзе писателей Дагестана (зам. председателя Правления). Ответственный редактор газеты «Литературный Дагестан» и учредитель издательства «Дагестанский писатель». Член СП СССР. Автор многих поэтических сборников. Автор переводов стихов поэтов Дагестана, украинских, турецких, болгарских, латышских и азербайджанских поэтов. Народный поэт Дагестана. Заслуженный работник культуры России и Дагестана. Лауреат премии Ленинского комсомола Дагестана, Государственной литературной премии Республики Дагестан им. Расула Гамзатова, еженедельника «Литературная Россия». Член Общественной палаты Республики Дагестан первого состава. **Живет в Дагестане.**

* * *

Моим родным ленинградцам
и колпинцам посвящаю.

Я родом из рассказов о блокаде,
из той зимы опухшей и седой,
где в январе
в продрогшем Ленинграде
к Неве тащилась мама за водой.

Из тех очередей, стоящих немо
на насквозь продувающем ветру,
из наведенных на ночное небо
зениток, замолкающих к утру.

Из тех парадных, где не убирают
сугробы, ибо некому убрать...
Из тех весов, где стрелка замирает
всегда на черточке —
сто двадцать пять...

Из тех салазок детских, на которых
спеленутые в коконы тела —
и штабеля их жуткие, и горы
безвестная заглатывает мгла.

Я родом из Ижорского завода,
из сорок первого лихого года,
где дед Иван, голодный и худой,
снаряды ладил для передовой.

А до нее — рукой подать всего-то...
и без бинокля видно, как пехота
в окопчиках студеных залегла
и больше ни клочка не отдала.

...Опять январь пуржит
и колобродит
у моего полночного окна...
Есть люди, у которых много родин,
а у меня она — всегда одна.

* * *

Я хотела бы быть беспечной
и принять безмятежный вид,
но душа по Донбассу болит,
ощущая,
как инвалид,
ампутированную конечность.

Что же с нами, родные, стряслось,
что мы так ненавидим друг друга?..
Заметает смертельная вьюга
города
и по новому кругу
запускает смертельную злость.

Ничему нас не учат века —
ни Руина и ни Полтава…
Разум слеп,
и над полем Славы
кружит ворон во мгле кровавой,
жертву высмотрев издалека.

ТОРЕЗ

Опять знакомый полустанок
кивнет мне сонно спозаранок,
и вспыхнет красный семафор…
И сердце радостно забьется
у одичавшего колодца,
где нет воды с библейских пор.

И я пойду знакомой тропкой,
то разухабистой, то робкой,
туда, где хатка в три окна
грустит под выцветшей соломой,
что с пор библейских мне знакома
и так застенчиво нежна.

Но, не дойдя шагов сто-двести,
замру вдруг вкопано на месте
у тына, черного, как смоль…
Где сад шумел — теперь воронка
немая, словно похоронка,
перетекающая в боль.

На белой мазанке убитой,
как сито, черным антрацитом —
следы от пулеметных трасс…
И на земле ветряк бескрылый,
и грохот над Саур-Могилой,
о, Господи, помилуй нас!
Прости, Донбасс…

ТОРЕЗСКИЙ ПОГОСТ

Лене и Наташе Саране

Спит баба Оля в беленьком платочке
под серебрянкой крашенным крестом…
А рядом спят любимые сыночки
Володя и Иван последним сном.

Но только вечный сон их неспокоен —
и сны их замогильные страшны…
Да разве же умом понять такое
подранкам отгремевшей той войны.

Великой и Отечественной… Давней,
почти два года мучившей Донбасс…
Земля на крышки гроба тяжко давит —
не будет пухом уж она для вас.

По вашим хатам снова бьют снаряды
и по могилам вашим тоже бьют…
Вы помните, как «Смерть фашистским гадам»
вы в детстве выцарапывали тут?

Не спится вам в труне своей шахтерской:
не «хэнде хох» — родная речь слышна…
По вам прицельно лупят ваши тезки,
но русские ли это имена?

Здесь на шевронах иностранный вымпел
и в отрешенных взорах блеск чужой…
И больше в степь донецкую не выйдет
с хорошей песней парень молодой.

* * *

Как вы будете жить после этой войны
с этим чувством вины
на руинах страны?..
Как заснете, когда постучат в ваши сны
все, кто были расстреляны и сожжены?..

Как замолите братоубийственный грех,
озверев и прозрев,
что вы пешки в игре?..
Как стряхнете безумного времени бред,
чтоб предстать перед Богом на смертном одре?..

КРАКОВ

Над Вислою, на самой кромке,
надменно смотришь в небеса,
забыв о том, что русской кровью
оплачена твоя краса.

Архитектуры блеск и чудо
ценой безмерной спасено,
но этот подвиг грех Иуды
перечеркнул давным-давно.

И ты, застыв над Вислой сонной,
гордясь шляхетною судьбой,
продал Сережку с Малой Бронной
и предал Витьку с Моховой.

Солдатские их обелиски
вандалом выворочены…
И лишь с табличек смотрят лица
из позабытой той войны.

Им ничего уже не надо,
но этот воинский погост
для них стал Гефсиманским садом,
в котором предан был Христос.

Пусть этим Витькам и Сережкам
не встать уже из-под земли,
но если б только было можно,
они бы вновь тебя спасли.

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Как будто письма запоздавшие
на полстолетия с лихвой,
восстанут из могил все павшие
и на полях войны пропавшие,
чтоб вместе встать в единый строй.

И пусть они, как в годы прежние,
плечом к плечу, как к брату брат,
прижмутся намертво и бережно,
все те, кто пекло это пережил —
и славянин, и азиат.

Кавказец и степняк, и северный
охотник и оленевод
в строю едином не рассеяны:
они опять — один народ.

Горами пусть, полями, рощами,
чеканя шаг, за взводом взвод
волною всколыхнутся мощною —
и по брусчатке Красной площади
Бессмертный этот полк пройдет.

И чтобы мы — его наследники,
из тьмы безверья своего,
как за соломинку последнюю,
в слезах схватились за него.

ГЕОРГИЕВСКАЯ ЛЕНТОЧКА

Наша ленточка весенняя,
победившая войну,
ты как крестное знамение
сокрушаешь сатану.

И от страха нечисть корчится
всех народов и времен —
растерзать тебя ей хочется,
обступив со всех сторон.

Но трепещешь ты, священная,
на ветру, как на пиру,
над веселым детским щебетом,
что порхает по двору.

И на лацкане засаленном
выцветшего пиджака
рядом ты с медалью Сталина
на груди у старика.

И в косичке ты девчоночьей,
и в петличке у бойца,
у смешной старушки чопорной,
у сынишки и отца.

Как сигнальная ракета ты
освещаешь темный брод,
и, наверное, поэтому
верует в тебя народ.

ПОКРОВА

Вот и опять настали Покрова —
и в изморози стылая трава,
и, как покров,
клин белых журавлей
над родиной осеннею моей.

Он бахромою белоснежных крыл
ее от непогоды заслонил,
но от войны укрыть и от беды
способна, Богородица, лишь Ты.

И дом, и город, и озябший сад,
где яблоки последние звенят
на злом невыносимом сквозняке
от гибели своей на волоске.

Накинь же Свой незримый омофор
на все, что мы хранили с давних пор —
на нашу землю отчую и речь —
а без Тебя ее не уберечь.

Заступница, яви нам чудеса —
укрой поля Ты наши и леса
от града минометного огня
и дай дожить до Судного нам дня.

ИОРДАНЬ

Распахну пальто, как пятиклассница,
и вдохну нежданную весну,
что сегодня льнет ко мне и ластится,
как дворняжка в мамином саду.

Ах, январь, в каких полях России ты
потерял крещенский свой мороз?..
Белый сок искрится и пульсирует
под корой беременных берез.

Чайки над водой, как оглашенные,
мечутся в предутреннюю рань…

За грехи свои прося прощения,
в Каспий окунусь, как в Иордань.

И полоска горизонта синяя
отсечет их все ровней ножа,
чтоб опять неведомою силою
легкая наполнилась душа.

Рассекая волны, выйду снова я
на песок — прозрачнее слюды —
чистая, сверкающая, новая,
в капельках спасительной воды.

* * *

Не изменяя вечному пути,
к родному очагу душа стремится,
чтоб возвратиться,
ночь опередив,
шлагбаумы сметая и границы.

В крови моей живет ориентир,
переходящий строго по наследству, —
он не позволит сбиться мне с пути
и позабыть далекий берег детства.

От всех прабабок горестных моих,
всех тетушек моих
— прямых и смелых —
в крови живет любовь святая их
к «отеческим гробам»
в родных пределах.

Все нити их судьбы, как хлеб и кровь,
вплету в свои стихи
— за строчкой строчку…
Куда б ни улетела я,
мой кров
на карте мира будет главной точкой.

ИВАН-ДА-МАРЬЯ

Иван Николаич да Марья Васильна,
на ваших могилках трава зелена…
Когда я печалюсь о судьбах России,
мне ваши приходят на ум имена.

На старом погосте Московской Славянки,
которую Питер уже поглотил,
с годами осыпалась вся серебрянка,
лишь юркает между корнями медянка
да желтый, как солнце, цветет девясил.

Под каждым крестом здесь лежат мои предки,
и храм, уцелевший в горниле войны,
пал жертвою очередной пятилетки,
и только молитвенным шорохом ветки
хранят незаметно их вечные сны.

Война раскидала их всех и блокада —
кто помер, кто выжил, кого увезли
по ладожской жиже из нор Ленинграда,
из склепов квартир, из голодного ада,
на край или в рай зауральской земли.

И все-таки все возвратились к истоку,
к Московскому тракту, где прежде цвело,
у главной дороги, любимое Богом
и насмерть стоявшее в битве жестокой,
славянское наше родное село.

Не в нем ли сокрыта целебная сила,
как в простеньком Иван-да-Марье цветке?..
Иван Николаич да Марья Васильна —
дед с бабкой мои, вы и есть та Россия,
которая непоборима никем.

ПОЭЗИЯ

Андрей СКОРИНКИН

«ДУБЛИРУЯ ГОВОР НЕБЕСНЫХ СВЕТИЛ…»

Андрей Владимирович Скоринкин — родился 20 декабря 1962 г. в Минске. Окончил Белорусский государственный университет и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького в Москве. Автор 20 поэтических книг и 4 музыкальных альбомов. Член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси, член-корреспондент Международной Кирилло-Мефодиевской академии славянского просвещения. **Живет в Минске.**

БЛАГОДАРНОСТЬ

Михаилу Лермонтову

Во мраке и смраде
больничных палат
Ты был со мной рядом,
товарищ и брат!

Ты был со мной рядом
и словом и духом,
Не дав разгуляться
убийственным мукам.

Но были мгновенья,
когда уж без сил
Я тенью над огненным телом парил…

Теряя сознанье, очей лучезарность,
За все выражая
Творцу благодарность,

Я ждал с нетерпением скорый конец,
Чтоб сбросить навеки
терновый венец…

Когда же слеза
облегченья катилась,
Душа моя вместе с твоею молилась!..

И, выстояв в зверском,
кровавом бою,
В прожженную плоть
возвращалась свою!

Достойно ответив зловещему року,
Я с песней один
выходил на дорогу…

За стены держась, я с тобой говорил,
Дублируя говор небесных светил…

ЦВЕТОК

В моем саду от синего цветка
Всю ночь струился дивный аромат!
Я любовался им издалека,
И он, похоже, этому был рад…
Наутро я решил его сорвать,
Не так благоухал уже цветок,
Как будто наперед он ведать мог,
Что я намерен жизнь его прервать…

МОЛИТВА НАД ПУСТОЙ ЧЕРНИЛЬНИЦЕЙ

Чернила кончились, осталась только кровь…
Спасибо и за это, Боже правый!
Я кровью опишу свою любовь
К Тебе, и к ближним, и к врагам лукавым,
Которые мне жизни не дают,
Последнюю рубаху забирают…
Я ведаю, что будет Страшный Суд;
О Господи! Направь их души к раю…

СПИРТНАЯ АТАКА

Вчера мы пили водку «Barbarossa»,
Сегодня пьем коньяк «Napoleon»…
Враги России спаивают россов
В надежде захватить кремлевский трон.

Они готовят россов для навоза,
Себя ж они готовят для икон.
Разрушьте, россы, планы барбароссов,
Наполеонов выдворите вон!

Ужели станет кто-то из французов
Спиртное пить с названием «Кутузов»?
А может быть, немецкий гражданин
На стол поставит «Жуковскую» водку?

Да нет, Иван, похоже, ты один,
Кто так легко врага пускает в глотку…

* * *

Сгустилась тьма над нашим краем,
В душе тревога и печаль…
Летят, летят людские стаи
За счастьем в призрачную даль…

Лишь я один, как месяц тощий,
Не покидаю край родной,
Хожу по голым веткам рощи
И озаряю мир ночной!

Мне не нужны чужие страны,
Я об одном молюсь в слезах:
Скорей бы день настал желанный,
Чтоб раствориться в небесах!..

НИЩИЙ

К нищему села на ворот
Бабочка цвета небес,
С ней он отправился в город
В поисках светлых чудес.

К тихому храму дорога
Шла через шумный вокзал;
«Барин, подай, ради Бога!..» —
Кто-то во тьме простонал…

Ломтем последнего хлеба
Странник себя обделил,
И устремился на небо
В царство духовных светил!..

Бабочка Ангелом стала,
Сам он Архангелом стал…
В темном подвале вокзала
Бог на полу умирал…

БОМЖ

На базаре, под забором,
Бомж дымился вместе с сором,
А вокруг бурлил народ,
Как речной водоворот;
Но в потоке вод бурлящих
Не нашлось сердец скорбящих,
И растаял человек
Незаметно, точно снег…

Так и я сорю пред вами
Сокровенными словами,
Вы ж не слышите меня
И не видите огня…
Только в будущей эпохе
Потрясут планету вздохи,
Между тем другой певец
Будет тлеть во льдах сердец…

ГЕНИЮ

Когда завистники, с невеждами сплотясь,
Нависнут над тобой суровым приговором
И труд заветный твой публично втопчут в грязь,
Сокройся в пу́стыни, не унижайся спором,
Сочти за благодать бессовестную казнь,
Смирись безропотно с неправедным позором,
Но будущим векам напомни, как велик
В устах пророческих божественный язык!..

ПОКАЯННОЕ

О, дети неба и земли,
Которых нет на белом свете,
Которых мы не сберегли…
Простите нас, святые дети!
Я жить спокойно не могу…
Как вспомню вас, так плачу кровью…
Согрейте нас своей любовью
На том и этом берегу!

За всех убийц и палачей,
За всех жестоких офицеров,
За всех неопытных врачей
И неумелых акушеров…
Простите, ангелы Христа,
За все грехи Земли безбрежной.
Любите нас светло и нежно,
Без вас мы — камни, глыбы льда…

Я говорю за всех отцов
И матерей планеты грешной:
За всех ответчиков, истцов,
За всех, кто вас растил небрежно,
За всех, кто даже не узнал,
Что жили вы на свете белом,
За всех, кто вашим белым телом
На черном рынке торговал,

На том и этом берегу
Согрейте нас своей любовью!
Я жить спокойно не могу…
Как вспомню вас, так плачу кровью…
О, дети бедные мои,
Которых нет на белом свете!..
Простите нас, родные дети,
За то, что вас не сберегли!..

ОСЕННИЙ РОМАНС

1

Над притихшей землей остывает струна паутины,
Скоро кончится век, скоро должен начаться другой…
По разливу небес проплывает косяк журавлиный —
Это значит и нам собираться пора на покой…

2

Сколько дней и ночей нам даровано было судьбою,
В окрыленных сердцах бушевала весенняя кровь!..
Но становятся редкими чудные встречи с тобою…
Ах, как годы летят, от страстей очищая любовь!..

3

Дорогая, не плачь, я тебя не оставлю навеки.
Нас нельзя разлучить, мы друг в друга корнями вросли,
И от наших корней к небесам устремились побеги,
От которых светлеют печальные виды Земли!..

4

Скоро лопнет струна, скоро кончится бал листопада,
И равнину, как саван, покроет ковер снеговой…
Пусть молитвы твои сохраняют наш дом от распада,
Пусть планету Господь отведет от черты роковой!..

ТВОРЧЕСКИЙ ВЕЧЕР

В тот вечер ожил бездыханный зал!
В тот вечер в нем поэзия царила!..
Сияли звезды, и поэт сиял,
И публика его боготворила!..

Почтенный старец ордена вручал —
Земная власть поэта оценила,
А наш герой их взял и променял
На девушку, что их преподносила!..

Кто с юных лет постигнул жизни суть,
Не даст покрыть при жизни бронзой грудь
И не позволит сотворить кумира!..

Его награды ждут на небесах,
А на земле он каждый день в слезах —
И потому его бессмертна лира!..

APOKALYPSIS

Повсюду кровь и слезы… В наши дни
Упразднены Священные законы…
Героев нет, предатели одни —
Лукавые, как змей, хамелеоны…

Но ты судьбу напрасно не кляни!
Сгорят дотла земные Вавилоны…
В колокола небесные звони
И Господу отвешивай поклоны!..

В сердцах гремит духовная война,
За горний трон дерется сатана…
Грядет конец, а с ним — начало света…

Померкнут звезды, солнце и луна…
Но за зимой ворвется в мир весна
И расцветет спасенная планета!..

ЦВЕТЫ НА КУРГАНЕ

Когда гремит бесовский барабан,
Слух не ласкает ангельская лира…
Я, как Гусляр, отвержен Князем мира
И погребен в расцвете лет в курган…

Не стал я членом дьявольского клана,
Не стал я петь антихристу псалмы,
Не получив ни премии, ни сана
Из липких рук лакеев царства тьмы…

Мне не нужны ни лавры, ни дукаты,
Ни бронзовый двойник… Мои награды —
Слезами окропленные цветы,
Что на кургане высеваешь ты…

ВЫШЛА КНИГА

Иеромонах Роман (Матюшин)
Светел дом. СПб.: Черная речка, 2016.

В петербургском издательстве «Черная речка» вышла книга иеромонаха Романа «Светел дом». Это первое издание стихотворений отца Романа для детей, с цветными иллюстрациями Наталии Назаровой. Иеромонах Роман не пишет стихотворений, адресованных именно детям, но многие его стихи понятны и близки и им тоже. Все мы читали в детстве стихи Пушкина, Лермонтова, Бунина — я до сих пор помню, какой испытала восторг, когда в учебнике по чтению увидела стихотворение «Лес точно терем расписной…» Но ни Пушкин, ни Бунин не ставили перед собой цель написать «детские стихи» — просто детская душа откликается на настоящую поэзию, как и на всякую настоящую красоту, ничуть не меньше, а может быть, даже сильнее, чем душа взрослого человека. В книге «Светел дом» стихи подобраны и расположены таким образом, чтобы читатель мог проследить духовный путь лирического героя — от детства до зрелости.

Ольга Надпорожская, «Столетие»

ПОЭЗИЯ

Николай ЗИНОВЬЕВ

«ТЫ ПОЗОВИ ХРИСТА НА ПОМОЩЬ»

Николай Александрович Зиновьев — родился на Кубани в станице Кореновской в 1960 г. Учился в ПТУ, техникуме, на филологическом факультете Кубанского гос. университета. Автор девяти поэтических книг. Лауреат Большой литературной премии России. Член СП России. **Живет в Краснодаре**.

* * *

Так ум порочный мой устроен,
Что постоянно, не порой,
Гудят сомнения в нем роем,
И не редеет этот рой.

Измучен я такой напастью,
И очень жаль, что не солгу,
Сказав, что и в твоем мозгу
Такой же рой гудит, к несчастью.

Но не веди себя, как овощ,
И чтоб осилить сей недуг,
Ты позови Христа на помощь.
А больше некого, мой друг…

ИЗ АНКЕТЫ

Материально обеспечен:
В дождливый день хожу в плаще.
В случайных связях не замечен
И не заметен вообще.

Безволен так же, как безвластен.
Не ангел, но и не злодей.
Женат. Имею двух детей.
К спасенью мира не причастен.

БЕЗОТВЕТНОЕ

Стоит учитель рядом с картой.
Струится речь его легко.
Мне десять лет. Сижу за партой.
Смерть где-то очень далеко…

Промчались годы. Всё промчалось.
Земли поскрипывает ось.
И всё, о чем тогда мечталось,
Забылось или не сбылось.

Нагромоздила жизнь торосы
И стала чуть ли не врагом.
Я задаю себе вопросы
В тысячелетии другом.

Ты где, учитель мой с указкой?
Куда исчез тот дивный свет,
Который виден в десять лет?
Где мир, казавшийся мне сказкой?
Ответа нет.

СТАНСЫ

Детство. Снег и смех. Салазки.
Вечер. Ужин. Мама. Сказки.
Стук сердечка моего.
Сон глубокий. Ни-че-го,
Чтобы душу омрачало.
Это был пролог. Начало.
А потом пошло, помчало,
Завертелось, завелось, —

Время шло, но в результате
Ни-че-го не удалось,
Как и очень многим, кстати.

И осталось лишь молиться,
И родных ушедших лица
Видеть в снах перед дождем,
Слышать голос их: «Мы ждем…»

* * *

Иду по жизни этой бренной,
Как подобает, не спеша,
Ходить хозяину вселенной
С простым названием: душа.

Я признаюсь под звуки лиры,
Что есть в моей вселенной дыры,
Они огромны и страшны.
Но и светила быть должны.

ДВА ОТЦА

Глядят они оба из бездны,
И оба мне машут рукой.
Один — Безначально Небесный,
Земной изначально — другой.

Летящим годам не перечу,
Пускай, как пылинку, несут,
И Страшный не страшен мне суд, —
На нем я отцов своих встречу.

* * *

Туманом лжи окутана планета.
Как Ты, Господь, накажешь нас за это?
Туман, в котором мы живем не с верой,
Ты не смахнешь ли вместе с атмосферой?

Ползет туман, становится все гуще,
Хохочет сатана на кураже,
И в то, что, брат, ждут райские нас кущи,
Опять почти не верится уже…

ШЕСТОЕ ЧУВСТВО

Как змея, извивалась дорога,
То на гору вела, то на дно.
Я задумался очень давно:
Ощущенье присутствия Бога —
Не шестое ли чувство оно?

Оно мало чего объясняет,
Но не этим ли чувством Творец
Потихонечку все ж вытесняет
Тьму из наших умов и сердец?

* * *

Бог и я — это уже большинство, причем подавляющее.
Св. Максим Исповедник

Все старо под месяцем двурогим
В смысле переносном и прямом.
Быть в своем уме дано не многим,
Многие живут чужим умом.

Но, как прежде, в тоге торжества
Ходит у нас мненье большинства.

Может, это псевдоторжество?
Приглядись внимательно сначала:
А не то ли это большинство,
Что «Распни! Распни Его!» кричало?

ИЗ ЦИКЛА «НЕВЕДЕНЬЕ»

1.

Вот пьяный бомж —
наш брат плетется,
Упал в густой тени берез
И захрапел. А где проснется
Никто не знает. Вот вопрос!

В аду ль, в раю ли, под березой?
Ответ оставлен на потом…
И с непонятною угрозой
Стрижи летают над прудом.

2.

Аэробус по курсу летел:
Кто в окошко спокойно глядел,
Кто разгадывал глупый кроссворд.
Кто глотал, запивая, лекарство,
И не ведал никто, что их борт
В двух часах от Небесного Царства.

3.

Неведом сердцу дух бродяжий,
Ведь то, что надо мне, все здесь.
И пусть пруд с ряской —
не лебяжий,
Но ведь и сам я — не Бог весть.

Все соответствует друг другу:
В степи — трава, в пруду — вода,
И по воде, яко по суху,
Снуют жуки туда-сюда.
И грустно думаешь: «Когда
Все это кончится, что будет?»

ВОСПОМИНАНИЕ

Чувства грустные в опале,
Ночи звездные без сна.
Удивительно совпали
Счастье, юность и весна.

Солнце ходит гулкой высью,
Облака бегут гурьбой,
И о чем я не помыслю,
Все наполнено тобой.

И какой-то добрый гений
Не давал тогда мне знать,
Что подобных совпадений
Больше мне не испытать.

* * *

Много уничтожено всего.
И зовет меня вещунья лира
Нынче не к познанью сего мира,
А на опознание его.

ПЕЙЗАЖ

Над дорогой плывут облака,
И проносятся тени их мимо.
И настолько душа глубока,
Что с зияющей бездной сравнима.

Не все сущее здесь, на виду,
И поэтому мне неизвестно:
Это я по дороге бреду
Или вид мой обретшая бездна?

* * *

Не буду следовать Эзопу,
Спрошу открыто: «Мой народ,
Зачем тебе окно в Европу?
Оно нам света не дает.

Заколотить его пора бы
И дружбы с Папой избегать,
Но духа темного прорабы
Нам продолжают нагло лгать.

В наивных сея заблуждения,
Торгуя именем Христа.
Пустоты! Общие места!
«Столпы» Эпохи Вырождения!

МАЙСКИМ УТРОМ

Открытье ужасно-простое
Я сделал под крик петухов:
Очисти меня от грехов —
Останется место пустое.

ИЗ ДЕТСТВА

Над степью солнце поднималось
И пахло скошенной травой,
И так душе легко дышалось,
Что даже собственная малость
Не ощущалась таковой.
…И непомерная усталость
Не накрывала с головой.

Пути познания

Валерий ЕГОШКИН

НЕМНОГО О РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЕ

Тезисы к беседам на Университетских субботах в МГИМО

Дипломатическая служба в нашей стране до сих пор является достаточно закрытой сферой деятельности, о которой у большинства населения имеется не так уж много достоверной информации. Наша беседа отнюдь не претендует на исчерпывающее изложение темы, а лишь предполагает, опираясь на практический опыт, дать некоторое представление об этой службе молодым людям, задумывающимся о выборе будущей профессии.

Главное предназначение дипломатии — решать спорные вопросы мирным путем — посредством переговоров и договоренностей. Суть профессии — умение мирными средствами способствовать предотвращению и разрешению конфликтных ситуаций, не только не поступаясь ин-

---

Валерий Евгеньевич Егошкин — родился 3 января 1944 г. в Москве. В 1967 г. окончил факультет международных отношений (восточное отделение) МГИМО МИД СССР. Имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла. Владеет арабским, французским, английским, немецким и сербским языками. С тремя из них обеспечивал переводы на высшем уровне. Работал на дипломатических должностях в посольствах СССР в Алжире и Тунисе. В 1995–2000 гг. был послом Российской Федерации в АНДР, в 2000–2002 гг. — в СРЮ, в 2005–2011 гг. — в Кении и постпредом РФ при международных организациях, аккредитованных в Найроби. В центральном аппарате МИД занимался отношениями со странами Северной Африки, с государствами Сахеля и Центральной Африки, курировал проблемы Закавказья и Турции, разграничение в морских акваториях с Украиной. Автор популярных книг для детей и взрослых по Северной Африке (фольклор, нравы, обычаи). Награжден орденом РПЦ преподобного Сергия Радонежского II степени. Является почетным гражданином г. Алексинац (Сербия). Зам. Председателя Совета Ассоциации Российских Дипломатов. **Живет в Москве.**

тересами собственной страны, но и стремясь к гармонизации интересов всех участников мировой политики. Дипломатия — с одной стороны защищает национальные интересы, с другой — интегрирована в систему международных отношений и мировой политики.

Сложность нынешней мировой политики, обострившиеся столкновения на международной арене различных интересов свидетельствуют о том, что сегодня как никогда востребованы именно профессиональные дипломаты.

КАРЬЕРНЫЙ ДИПЛОМАТ В РОССИИ

У нас в обиходе понятие «карьерный дипломат» употребляется не часто. Но для французов, например, такой термин вполне привычен. Дипломатическая служба — это действительно служба, а карьерный дипломат — это служивый, который всю жизнь «тянет лямку» на этой службе. Как и человек военный, он упорно карабкается по карьерной лестнице, чтобы достать свой маршальский жезл, который, согласно Наполеону, хранится в ранце каждого солдата. Как и в армии, на дипломатической службе далеко не каждому этот жезл удается достать.

С петровских времен на Руси дипломатические ранги приравнивались к воинским званиям. В советские времена, когда я только приступал к обучению в МГИМО, кто-то из ветеранов дипслужбы рассказал мне, каково соответствие дипломатических рангов и воинских званий.

Младший дипранг АТТАШЕ соответствует ЛЕЙТЕНАНТУ, ТРЕТИЙ СЕКРЕТАРЬ — СТАРШЕМУ ЛЕЙТЕНАНТУ, ВТОРОЙ СЕКРЕТАРЬ второго класса — КАПИТАНУ, ВТОРОЙ СЕКРЕТАРЬ первого класса — МАЙОРУ, ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ второго класса — ПОДПОЛКОВНИКУ, ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ первого класса — ПОЛКОВНИКУ, СОВЕТНИК второго класса — ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ, СОВЕТНИК первого класса — ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ, ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ И ПОЛНОМОЧНЫЙ ПОСЛАННИК второго класса — ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКУ, ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ И ПОЛНОМОЧНЫЙ ПОСЛАННИК первого класса — ГЕНЕРАЛУ АРМИИ, и наконец ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ И ПОЛНОМОЧНЫЙ ПОСОЛ — МАРШАЛУ РОДА ВОЙСК.

Сейчас маршалов нет, и Чрезвычайного и Полномочного Посла принято приравнивать к генералу армии. Но к кому приравнять атташе? К младшему лейтенанту? Атташе свой ранг не получает автоматически вместе с университетским дипломом, как лейтенант в армии. Ранг надо заслужить, отработав минимум пару лет на оперативно-дипломатической должности. В мое время это были должности дежурного референта, стажера, секретаря консульского отдела, переводчика посольства. Я, например, начинал с переводчика. Теперь дипслужбу начинают с должностей референта, старшего референта, которые не предполагают наличия дипломатического ранга. А без соответствующего ранга, как и в армии без соответствующего звания, карьерный дипломат не может двигаться по служебной лестнице, занимать более высокие посты. Так что на дипломатической службе ступеней для достижения высшего ранга — Чрезвычайного и Полномочного Посла — даже больше, чем на армейской для достижения маршальского жезла. Однако тенденция сейчас такая, что дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла дают не

всякому послу. Многие российские послы имеют лишь ранг Чрезвычайного и Полномочного Посланника первого класса, а то и второго, и уходят в отставку даже после двух командировок послом, так и не получив заветного ранга.

Надо сказать, что в советские времена карьерному дипломату было непросто получить должность посла. Практически все наиболее значимые загранпредставительства возглавлялись непрофессионалами — партийными работниками, проштрафившимися министрами, опальными кадрами из союзных республик и т. п. Иногда это было оправдано, особенно в случае с соцстранами, где существовали особые связи по партийной линии и была потребность в крепких хозяйственниках, имеющих прямой выход на советское руководство. На направлении к ним послов — членов ЦК КПСС настаивали и руководители развивающихся стран, с которыми поддерживались привилегированные отношения (Индия, Алжир и др.), рассчитывавшие, и не без основания, что с такими послами им легче удастся решать вопросы, требующие значительных материальных затрат с нашей стороны. Но для партийных бонз должность посла нередко была почетной ссылкой, и подчас они вымещали зло на оказавшихся в их власти беззащитных работниках посольств. Ветераны вспоминают одного среднеазиатского деятеля, направлявшегося послом сначала в Йемен, а потом в Мавританию, где он «прославился» разведением овец (отары пасли посольские работники) и проведением силами своих немногочисленных сотрудников первомайских демонстраций, с лозунгами и транспарантами. Посол, естественно, стоял на трибуне и принимал парад. Не забыли ветераны и самодурство послов — также из числа политназначенцев, не справившихся со своими предыдущими обязанностями, в Верхней Вольте и на Маврикии. Некоторые из таких политических назначенцев со временем перебрались на руководящие должности в МИД, заняв посты, которые по праву должны были занимать профессионалы.

После распада СССР возник момент, когда на посольские должности стали назначать почти исключительно карьерных дипломатов, но это продолжалось не так долго, хотя в целом и сейчас большинством загранучреждений МИД руководят профессионалы.

Надо признать, что политические назначения на посольские посты характерны не только для нашей страны. Этим грешат все страны, особенно США, зарубежные представительства которых в течение XIX столетия оставались в руках непрофессионалов. До сих пор у американцев действует так называемая spoil system, при которой должности глав некоторых заграничных миссий распределяются среди спонсоров победившего президента. Поэтому Обама, которого нередко обвиняли в том, что он назначил на такие посты профинансировавших его кампанию сторонников, ничего нового не придумал.

Исторический опыт, как наш, так и зарубежный, показывает, что допуск «на дипломатическую кухню», особенно в критические моменты мировой истории, амбициозных непрофессионалов, игнорирующих мнение специалистов-международников, сравним лишь с запуском «слона в посудную лавку», только последствия могут быть куда более тяжелыми, если не катастрофичными.

В советские времена именно профессиональные дипломаты «зачищали огрехи» таких несдержанных политиков как, например, Н. С. Хрущев, ухитрявшийся своими «искрометными», но абсолютно неуместными в дипломатической практике высказываниями создавать напряженность не только в отношениях с вероятным противником, но и с руководителями стран, считавшихся дружественными. Ветераны-арабисты вспоминают его выступление в ходе визита в Каир, которое поручили переводить не переводчику из МИД, а армянину, родившемуся и выросшему в Египте. Тот великолепно знал арабский, но не подозревал о специфике дипломатического перевода. В результате он донес до египтян такие нюансы хрущевского красноречия, которые тех глубоко оскорбили, что едва не привело к срыву визита.

При Л. И. Брежневе материалы для бесед руководства страны с иностранными политическими деятелями в основном готовились в МИД. Они могли правиться в Международном отделе ЦК КПСС и в соответствующем секретариате, но, как правило, эти правки носили косметический характер. Нередко писали эти памятки те же дипломаты, которые их потом переводили. Сам Брежнев, особенно в последние годы жизни, послушно озвучивал то, что мы ему писали. В его секретариате наши тексты могли откорректировать так, чтобы убрать слова и звуки, которые ему было трудно произнести, и перепечатывали крупным шрифтом. Иногда Леонид Ильич мог, правда, дважды зачитать одну и ту же страничку своей памятки.

Другие советские руководители не всегда были столь дисциплинированы, особенно когда речь шла не о переговорах, а о разовой беседе, и подчас позволяли себе «отсебятину», которая не вписывалась в официальную позицию. Мне запомнилась беседа одного из членов Политбюро ЦК КПСС с бывшим главой марокканского правительства, направленным королем Хасаном II в качестве своего эмиссара для разъяснения марокканской позиции по Западной Сахаре. Поскольку в МИДе курировал западносахарскую проблему я, мне было поручено подготовить для нашего руководителя справки о советской и марокканской позициях, а также ответы на возможные вопросы марокканской стороны. Это были давно опробованные материалы, с которыми никогда не случалось сбоев. Однако собеседник, которого переводил я, как главный специалист по проблеме (такая была практика в нашем отделе), оказался очень красноречивым и убедительным. Собственно, как переводчик я ему в этом помог — переводчик должен максимально доносить все нюансы до своего руководства, но я не учел, что руководитель, возможно, не прочел то, что ему написали, а, может, просто все перепутал. Как бы там ни было, член Политбюро ЦК КПСС неожиданно вдруг полностью солидаризировался с марокканской позицией, что никак не соответствовало нашим подходам. Назревал скандал. Присутствовавший на встрече мой непосредственный начальник, единственный из советских представителей понимавший суть проблемы и знавший французский, на котором шла беседа, потупил взгляд. Среди марокканцев русского не знал никто. Я понимал, что, если я переведу точно, это посеет у марокканцев ложные надежды и в дальнейшем вызовет ненужные препирательства — мы от своей позиции не отойдем. Но и откровенно перевирать члена Политбюро я не рискнул — вдруг его помощники что-нибудь поймут. Поэтому я перевел то, что было сказано, но так, что у марокканцев, несмотря на в целом позитивное для

них звучание, не создалось впечатления, будто позиция СССР изменилась. Мой мидовский начальник вздохнул с облегчением.

Государство сильно не только своей экономической мощью, научно-техническим и военным потенциалом, но и дипломатией, умелой и гибкой дипломатической службой, профессиональным и нравственным потенциалом дипломатических кадров.

При всей сословности, кастовости, консервативности российской дипломатической службы российских дипломатов во все времена отличали широкая эрудиция, организованность, культура, понимание исторических судеб своего народа, глубокое знание культуры и истории стран, с которыми они работали, великолепное владение иностранными языками.

Дипломатическая служба — сфера деятельности людей творческих. Не случайно в министерстве иностранных дел и в российских дипломатических представительствах за рубежом служили многие выдающиеся представители русской культуры — А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов, Ф. И. Тютчев, А. К. Толстой, К. Н. Батюшков, Д. В. Веневитов, Н. П. Огарев и др. Чем более творческой, увлеченной и разносторонней является личность дипломата, чем более он изобретателен и нестандартен, тем большего успеха он может достичь в своей профессиональной деятельности, тем большую пользу может он принести своему государству. Французский посол, выступая недавно перед студентами МГИМО, подчеркивал, что для того, чтобы быть успешным, дипломат должен быть «пассионарным», «гореть» тем делом, которым занимается.

Для дипломата важно не только хорошо знать, но и полюбить ту страну, которой он занимается, народ, с которым по долгу службы он имеет дело, понимать его культуру и традиции, проникнуться его заботами. Меня всегда коробит, когда дипломат неуважительно отзывается о народе, среди которого живет. Называя «макаками» людей, с которыми приходится работать, дипломат всегда будет не удовлетворен своей судьбой, бесполезно проведенными годами в какой-нибудь, как он считает, «дыре». В любой «дыре» есть много такого, про что мало кто знает, и среди представителей любого народа для профессионала найдется немало тех, с кем ему будет интересно и полезно общаться.

Настоящий дипломат — человек очень ответственный и организованный, умеющий соблюдать дисциплину и сохранять хладнокровие в самых непростых ситуациях. Необязательному человеку, неспособному мобилизовать весь свой потенциал в ответственный момент, нечего делать на дипломатической службе.

Профессия дипломата в любые времена была сопряжена с опасностью, с угрозой для жизни. В наше время опасности не стало меньше. В чужой стране, несмотря ни на какие Венские конвенции, тебя никто не защитит, особенно в условиях хаоса, как сегодня в Сирии, Ираке, Ливии или Йемене. Дипломат может стать жертвой тех, кто ненавидит представляемое им государство, быть «разменной монетой» в конфликте между противоборствующими сторонами, оказаться случайной жертвой, например, бомбардировок и т. д. В моей практике было немало случаев, когда реально можно было погибнуть в ходе внутренних «разборок» в стране, где ты оказался по работе. Но, как говорится, Бог миловал. Важно научиться не оказаться в ненужном месте в ненужное время. С опытом это приходит. Но иногда от

этого не уйти, и приходится рисковать, тем более, когда надо спасать других. А это тоже обязанность дипломата.

Профессия дипломата сопряжена и с другими опасностями, например, с возможностью заразиться какой-нибудь лихорадкой Эбола. От этого никто не застрахован. Но опытные дипломаты с успехом выходят и из этих ситуаций.

В советские времена профессия дипломата нередко ассоциировалась у обывателей исключительно с возможностью ездить за границу, привозить модные «шмотки», а еще — с посещением дипломатических приемов и возможностью хорошо выпить и поесть за казенный счет. Никто не знал об ограничениях и самоограничениях, связанных с этой профессией. А жизнь советского дипломата, особенно начинающего, в тот период, да и позже, зачастую была совсем не сладкой. Работа за рубежом — это отрыв от близких, в первую очередь от детей, которых в большинстве случаев с собой было взять невозможно, это ненормированный рабочий день, отсутствие свободы перемещения и общения, это проблемы замкнутого пространства и психологической несовместимости в маленьких коллективах, это несоразмерно низкая, особенно в сравнении с коллегами из других посольств, зарплата, и зачастую абсолютно неприемлемые жилищные условия. В первую командировку в Алжир я жил в одной комнате коммунальной виллы, где размещалось шесть семей. На всех была одна кухня, два туалета, два душа и не было отопления. Пятеро из живших в таких условиях молодых дипломатов в дальнейшем стали послами.

Жизнь в Москве тем более не была слишком обеспеченной — проблемы с жильем — получить его в МИДе было практически невозможно, а за кооператив надо было 15 лет выплачивать из микроскопической (зачастую меньше, чем в других ведомствах) зарплаты. Приходилось постепенно распродавать через комиссионки то, что удалось привезти из загранкомандировки. Многие мидовцы так и жили от командировки до командировки. Я после второй загранкомандировки задержался в Москве почти на восемь лет, и не потому, что считался слабым работником, а наоборот, потому, что мое начальство, которое мои материальные проблемы не интересовали, не было готово меня кем-то заменять, я его устраивал и мог прикрыть в случае необходимости. А начальники зачастую люди эгоистичные и думают о себе, а не о подчиненных. Интересно, что потребность обеспечивать семью дала толчок развитию моих творческих способностей — продав все ценное, что привез из Туниса, я взялся за написание статей и даже книг, в чем преуспел — мои ежемесячные гонорары стали сопоставимыми с моей мидовской зарплатой.

После распада СССР ситуация для дипработников как в загранучреждениях, так и в центральном аппарате стала катастрофической. В посольствах с трудом находили деньги для выплаты зарплаты, а в министерстве ее размер был настолько мизерен, что для некоторых едва покрывал расходы на проезд на работу общественным транспортом. Многие профессионалы вынуждены были уйти из МИДа, перейти на работу в частные, в том числе иностранные, компании, где зарплата была неизмеримо выше и где их принимали с распростертыми объятиями, с учетом в целом высокой репутации дипломатической службы. Далеко не все смогли вписаться в условия рыночной экономики, многие из ушедших просились обратно, но брали немногих,

да и то с понижением. Оставшиеся в министерстве, несмотря ни на что, продолжили работать на благо своего государства.

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ДИПСЛУЖБЫ

До Петра I в России и Западной Европе при внешнем сходстве действовали принципиально разные модели профессиональной дипломатической службы. Западная модель функционировала в условиях светского государственного устройства. Модель же допетровской дипломатической службы на Руси функционировала в рамках государственного устройства, формально унаследовавшего от Византии идею «симфонии» светской и церковной властей (государством совместно управляют главы «священства и царства»). Митрополиты Православной Русской Церкви были ближайшими советниками русских правителей по международным делам, оказывали влияние на внешнеполитический курс государства. Отношение к светским концепциям было весьма настороженным. «Несподручным» державам зачастую отказывали в установлении дипломатических сношений.

Можно говорить о достаточно высоком уровне профессионализма русской дипломатической службы допетровской эпохи. С возвышением Московского княжества особое место заняла Боярская дума. В ее ведении в XV веке находились прием иностранных делегаций, ведение переговоров, составление документации по посольским делам. В правление Василия III возникла Ближняя дума, состоявшая из доверенных лиц царя. Ее члены упоминаются как личные представители царя в переговорах с иноземными дипломатами.

По мере расширения функций центральной власти появляются приказы. Появление Посольского приказа в период правления Ивана Грозного (1533–1584) достаточно произвольно берется как точка отсчета при определении в Российской Федерации профессионального праздника — Дня дипломата 10 февраля. Службу в Посольском приказе несли дьяки и их помощники — подьячии. Три территориальных отдела — повытья — занимались сношениями с европейскими странами, два — с азиатскими. Дьяки принимали привезенные послами грамоты, вели предварительные переговоры, присутствовали на приемах иностранных дипломатов, проверяли проекты ответных грамот, составляли наказы послам, направляемым для встречи иностранных послов. Они же возглавляли посольства.

Первые постоянные диппредставительства России были открыты в Швеции (1634) и Речи Посполитой (1673).

В Посольском приказе важное место занимал отдел переводов, обеспечивавший перевод с 15 языков. Устные переводы осуществляли толмачи, письменные — переводчики. Чаще всего это были иностранцы, хотя уже в те времена существовала практика направления боярских детей за границу для изучения языков и этикета.

Небесным покровителем российской дипломатии с 1725 г., т. е. с момента учреждения Екатериной I соответствующего ордена, официально считается святой благоверный князь Александр Невский, который прославился не только победами над западными интервентами, но и умелой дипломатией, позволявшей уберечь русские земли от вторжений золотоордынских

полчищ. Портреты Александра Невского в обязательном порядке висели во всех посольствах Российской империи. Специалисты находят, что принципы, которыми Александр Невский руководствовался в своей дипломатической практике, в полной мере соответствуют современным нормам международного права. При МГИМО создан университетский храм Александра Невского.

Святым заступником русских дипломатов называют и преподобного Сергия Радонежского, 700-летие которого широко отмечалось в прошлом году. Миротворческая миссия этого неутомимого подвижника, «не щадя живота своего» служившего идее нравственного возвышения русских людей и заложившего основы для политического возрождения и объединения русских земель, послужили базисом для последующих усилий русских переговорщиков. Игумен Сергий, отвергавший насилие и добивавшийся поставленных целей путем «убеждения и вразумления», способствовал постепенному отходу от доминировавшей в тогдашней переговорной практике методики грубого давления, запугивания и вероломного обмана. (Характерно, что сегодня эту методику активно использует дипломатия США.)

Своими «тихими, вразумливыми речами» старец, по свидетельству его современников, внушал враждовавшим русскими князьям идеи «миролюбия и согласия», неоднократно спасал русские земли от междоусобных войн, сохранял русские города и села от разорения. Его доводы вносили мир в отношения между князьями, способствовали объединению Руси вокруг единого центра — Москвы. Ему были свойственны прозорливость и проникновенная сила убеждения, он знал, как и когда, соединяя принципиальную твердость с тактической гибкостью, развязывать узлы противоречий.

Дипломатические методы преподобного Сергия вытекали из его достаточно целостного учения, на основе которого формировалось общерусское самосознание и обеспечивалось становление русской государственности. Им осуждались многие человеческие пороки и слабости, как грех рассматривались любое насилие и действия, унижающие человеческое достоинство. Он поощрял в человеке высокие нравственные качества, прежде всего, любовь к родной земле и своему народу, уважение к его культуре, бескорыстные чувства к родным и друзьям. Высоко ценилось самопожертвование ради достижения высокой цели, поощрялись честность, правдивость, постоянство, неподкупность и смелость. Запад воспринимался Сергием как рассадник зла и раздора, «царство демонов», извративших учение Христа. Все эти принципы сохраняют актуальность.

Современная модель дипломатии возникает в России только с приходом Петра I. Пришедшая на смену Посольскому приказу Коллегия иностранных дел являет собой убедительный пример реорганизации старой системы. Служащие Коллегии следовали европейскому протоколу, вводилась система принятого в Европе ранжирования. Дипломатия рассматривалась не только как искусство, но и как наука, требующая особых знаний, умений и навыков. Постоянные представители России направились в Вену, Лондон, Гаагу, Мадрид, Копенгаген, Париж и другие столицы.

Реформы повысили эффективность дипслужбы и способствовали росту авторитета России на международной арене. Однако в целом действенность дипломатического механизма оставалась невысокой, что связано с недостаточной квалификацией дипработников. В своих предложениях по

усовершенствованию деятельности Коллегии иностранных дел известный дипломат того времени А. И. Остерман настаивал на отборе к иностранным делам лишь кандидатов из знатных домов, «дабы другим служили примером ревностной службы», из доброго житья, «дабы от скудости ни в какое погрешение не впали», из знакомых с политическими науками, «дабы, имея постоянно дело с иностранцами, не имели стыда перед ними, чисто и честно себя держали». В Коллегии трудились и иностранные подданные, поскольку требовались люди, владеющие языками.

В 1802 г. Александр I наряду с другими министерствами учредил Министерство иностранных дел. Преобразования в высших и центральных органах в XIX веке продолжались, затрагивая и МИД, с 1856 по 1882 г. возглавлявшийся князем Александром Михайловичем Горчаковым, которого в современном МИДе считают, по существу, родоначальником российской школы дипломатии. Без единого выстрела, лишь дипломатическими методами ему удалось вернуть и преумножить то, что Россия утратила в предшествовавшие десятилетия. При Горчакове повысились требования к образовательному уровню служащих. При поступлении на дипслужбу требовалось наличие высшего гуманитарного образования. Претендент на должность должен был в совершенстве владеть двумя иностранными языками, хорошо знать историю, географию, статистику, политэкономию, международное право. При МИД существовала «Ориентальная школа», где готовили драгоманов (переводчиков с восточных языков) и обучали редким европейским языкам — в основном балканским.

Внешнеполитический аппарат Российской империи конца XIX— начала XX в. отражал особенности уже свершившегося на Западе перехода от монархии неограниченной к буржуазно-парламентской, а в 1917 г. — к республике. Однако система административно-бюрократического управления государства придавала внешнеполитическому механизму некоторые «национальные» черты: гипертрофированная роль самодержавия, социальная однородность кадрового состава кадров дипслужбы, минимум влияния общественного мнения. Трудности создавала бюрократическая неповоротливость и медлительность, безынициативность чиновников. Работа МИД строилась на началах жесткой централизации и строгой бюрократической иерархии. Император сохранял прерогативы определения внешнеполитического курса. Ему принадлежало право решения вопросов объявления войны и заключения мира, подписания и ратификации международных договоров, назначения и перемещения министров, послов, директоров департаментов, советников посольств, военных атташе. Он утверждал инструкции российским послам и посланникам, держал все нити повседневного руководства внешними сношениями.

В 1910 г. тогдашний министр А. П. Извольский предложил реформу МИД: комплексную модернизацию аппарата, создание единого политотдела, бюро печати, правового отдела, информационной службы, внедрение обязательной ротации чиновников, выравнивание прохождения службы и оплаты в Центре и в загранточках. Усложнился конкурсный экзамен для кандидатов. Ввели непременное знание помимо французского, на котором велась зачастую переписка, немецкого и английского.

Очередная перестройка в МИД была начата накануне Первой мировой войны в июне 1914 года. Особое внимание было уделено: защите экономи-

ческих интересов за рубежом, развитию торгово-промышленных сношений, укреплению русского влияния на почве церковных интересов, наблюдению за явлениями политической и общественной жизни в иностранных государствах. Эти инновации, производившиеся уже в годы войны, позволили придать аппарату большую гибкость, закрепить приоритет политических отделов, четко разграничить полномочия отдельных подразделений, свести до минимума параллелизм в их работе, повысить эффективность дипломатической службы и дипломатии России в целом, позволило, не увеличивая численности аппарата, обеспечить увеличение объемов выполняемых работ. МИД в годы войны был одним из самых малочисленных российских ведомств — в центральном аппарате вместе с внештатниками работало 200, за рубежом — 700 человек.

После Февральской революции 1917 г. структура и личный состав МИД в основном были сохранены.

При смене власти в октябре 1917 г. практически весь дипломатический состав царской России отказался сотрудничать с большевистским правительством и был полностью сменен. В октябре первым комиссаром по иностранным делам был назначен Лев Троцкий, считавший, что деятельность внешнеполитического ведомства надо ограничить опубликованием секретных договоров и затем «прикрыть эту лавочку». Дипломатические ранги были упразднены, послов в странах Запада именовали полпредами, а в странах Востока — постпредами. С 1924 г. в связи с возникавшими протокольными коллизиями в верительных грамотах указывали класс — посла или посланника. В связи с монополией внешней торговли учредили должность торгпреда.

Курс на мирное сожительство с капиталистическими странами позволил вывести советскую Россию из дипломатической изоляции. Назначенный в 1918 г. наркомом по иностранным делам Г. В. Чичерин, дворянин, интеллектуал и бывший сотрудник царского МИД, был сторонником этого курса. Чичерин не пользовался авторитетом в партийных структурах, но сумел собрать вокруг себя группу квалифицированных дипломатов, в основном из числа оппозиционно настроенных деятелей, как, например, А. Коллонтай. НКИД постепенно терял инициативу и свободу действий. Решение внешнеполитических вопросов сосредоточилось в учрежденной в 1937 г. комиссии в составе Сталина, Молотова, Берии, Кагановича и Ежова. Сталинская дипломатия, основывающаяся на постулате победы социализма в одной стране, утрачивает черты радикально-революционного характера. В предвоенные годы центр тяжести переносится на защиту национальных ценностей.

В качестве державы антигитлеровской коалиции СССР испытывал потребность в традиционных дипломатических институтах. Были восстановлены дипломатические ранги. В 1946 г. НКИД был преобразован в МИД. Для дипломатов ввели форму.

В послевоенный период советское дипломатическое ведомство продолжало находиться под контролем «инстанции» — партийных органов, без одобрения которых ни одно внешнеполитическое решение не могло быть принято. Международный отдел ЦК КПСС, основанный в 1943 г., с 1955 г. превращается в одну из высших инстанций внешнеполитической системы на ступень выше МИД и составляет ему постоянную конкуренцию.

Вместе с тем уровень профессионализма советской дипломатии отмечался неизменно иностранными партнерами. Дипломатическая школа, позднее переименованная в Дипакадемию, и созданный 70 лет назад МГИМО давали добротную фундаментальную подготовку специалистов по международным отношениям со знанием иностранных языков, истории, политики, экономики, культуры изучаемой страны или региона. Конкурсный набор в МГИМО был очень жестким, что обеспечивало подбор сильных кадров для МИД и других внешнеполитических ведомств, включая в какой-то мере и Международный отдел ЦК.

К сдаче вступительных экзаменов в МГИМО допускались только члены КПСС или ВЛКСМ, хорошо зарекомендовавшие себя на общественной работе и проявившие лидерские качества. Те, кто в комсомол вступил поздно (менее двух лет) или не вел в школе серьезной общественной работы, сразу же отсеивались. Для школьников желательно было быть секретарем комсомольской организации школы или членом комитета комсомола, хотя бы комсоргом класса, председателем интерклуба, иначе рекомендацию можно было не получить уже на уровне райкома ВЛКСМ. Большая квота (в мое время 80 %) закреплялась за производственниками и демобилизованными из армии, но и они, естественно, должны были представить серьезные рекомендации. Поэтому студенты МГИМО, как правило, всегда были активными, амбициозными, готовыми «сворачивать горы».

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ПРОТОКОЛ

Знание и умение следовать правилам дипломатического протокола — обязанность и потребность профессионального дипломата. Хотя многие из этих правил сегодня кажутся устаревшими и не столь тщательно соблюдаются даже дипломатами европейских стран — законодателей дипломатического церемониала, их полное игнорирование чревато созданием существенных проблем при осуществлении дипломатом своей деятельности. В этом не раз убеждались первые советские диппредставители, считавшие себя свободными от буржуазных условностей. Общепринятые правила дипломатического протокола в целом совпадают с правилами этикета, и для человека воспитанного их освоить не составляет труда.

В мое время дипломатическому протоколу в МГИМО нас никто не обучал, и как многое другое, необходимое для работы в системе МИД, эти знания мы приобретали в ходе преддипломной практики в посольствах, а то и позднее, приехав в первую загранкомандировку. Мне в этом плане повезло — проходя в 1966 г. преддипломную практику в нашем посольстве в Алжире (а эта страна для Советского Союза в тот период была крайне важной точкой), я должен был подменять младших дипломатов, уезжавших в отпуск, и делать всю ту работу, которую они делали. Полтора месяца я работал в отделе культуры, а потом меня поставили на протокол, причем на этот период пришлась организация самого главного протокольного мероприятия — приема в честь очередной годовщины Великой Октябрьской Социалистической Революции. Этот прием в советские времена всегда был крупнейшим событием в протокольной деятельности любого посольства. Необходимо было найти достойное помещение для его проведения, в Алжире у нашего посольства такого помещения не было, и при этом уложиться

в весьма ограниченную смету, надо было выверить списки приглашенных, напечатать приглашения, обеспечить их рассылку. Надо было согласовать меню, решать транспортные проблемы. Естественно, к организации приема, а приглашалось более тысячи гостей, были подключены старшие дипломаты, обеспечивавшие решение возникавших проблем на соответствующем уровне, но и мне, исполнявшему обязанности официального шефа протокола посольства, вполне хватило дел. Хорошо, что к моменту проведения приема я успел приобрести какой-то опыт, погрузившись в организацию визитов и поездок посла — члена ЦК КПСС Н. М. Пегова, которого сопровождал на дипломатические приемы и переводил.

Когда после завершения учебы в МГИМО я приехал в Алжир на работу, мне сразу же поручили заниматься протоколом. Я закупил все имевшиеся в книжных магазинах книги по этикету и принялся их штудировать, в результате чего знал: и какие необходимо иметь визитные карточки, и как расставлять приборы на обеденном столе, и даже какие и в какой последовательности спиртные напитки можно подавать. Приходилось учить и поваров, и женщин, обслуживавших приемы, никто из них о таких тонкостях не имел ни малейшего представления.

Для начинающего дипломата работа в качестве зав. протоколом посольства оптимальный вариант. Она приучает к организованности, четкости. Любой твой огрех может привести к большому скандалу, и просто недопустим. Это блестящая школа, особенно когда наряду с протоколом молодой дипломат привлекается к обеспечению переводов и имеет возможность видеть, как работают опытные профессионалы. Занимаясь протоколом, ты знакомишься и с местной элитой, и с дипкорпусом, и с нашими большими начальниками, оказавшимися в стране, где ты работаешь. Но твой рабочий день не нормирован и выходных у тебя может не быть. Вспоминаю 1969 г., когда в Алжире с визитами побывали 16 советских министров, а также первый зам. председателя Совета министров Байбаков и Председатель Верховного Совета Н. В. Подгорный. Сколько было других руководителей, пребывание которых нам необходимо было обеспечивать, уж и не помню. В тот год были и визиты алжирских министров в Москву, наиболее значимым для меня был визит министра иностранных дел А. Бутефлики, которого вместе с нашим послом Д. П. Шевлягиным мне довелось сопровождать. Наиболее тяжелым оказался визит министра культуры Е. И. Фурцевой, приехавшей на фестиваль африканской культуры и находившейся в Алжире целую неделю, в течение которой она буквально «выпила все соки» из нашего посла. Кстати, после всей этой череды визитов посол тяжело заболел и 5 декабря скончался. Мне, как шефу протокола, пришлось обеспечивать и мероприятия, связанные с церемонией прощания и отправкой его тела на Родину.

На протокольной службе у новичка нередко возникают проблемы. До сих пор вспоминаю курьез, произошедший у меня при сопровождении нашего посла в иранское посольство. День у меня выдался напряженный, и пообедать не удалось. Поэтому, когда к нам подошел официант с огромными бутербродами, густо намазанными аппетитной черной икрой, я схватил один левой рукой. В правую руку поместил стакан, до краев наполненный джином с тоником. При этом я энергично переводил беседу посла с каким-то арабским послом и никак не мог даже попробовать то,

что находилось в моих руках. Беседа, как мне казалось, длилась бесконечно. Но только араб от нас отошел и я собрался улучить момент, чтобы откусить кусочек от своего бутерброда, как из-под земли возник голландский посол, который не только пожал руку моему начальнику, но и стал тянуть ее ко мне. Мне не оставалось ничего другого, как освободить свою правую руку от стакана. Я огляделся вокруг — никакого столика поблизости не было, а на пол стаканы во время приема не ставят. Тогда я переложил стакан в левую руку, где у меня был огромный бутерброд, и, о ужас, переполненный стакан наклонился и чуть ли не половина его содержимого аккуратно вылилась в слегка оттопыренный карман нашего посла. Ни голландец, энергично пожавший мою освободившуюся руку, ни наш посол этого не заметили. Только я голландца, говорившего на английском, упорно стал переводить на арабский, которого наш посол, естественно, не понимал и на меня смотрел с удивлением. Через какое-то время он полез в карман за платком и опять удивился, обнаружив, что платок совершенно мокрый.

Знания, полученные на протоколе, очень пригодились мне в последующей работе, в том числе в качестве посла в Алжире, в Югославии, в Кении, когда я проводил большое число протокольных мероприятий и постоянно обучал начинающих дипломатов и обслуживающий персонал своих посольств азам протокольной практики.

Не раз приходилось убеждаться, что без понимания местных традиций, культуры, учета национального характера и менталитета жителей страны, где работаешь, никакое знание дипломатического протокола тебе не поможет, и любые благие помыслы могут быть обречены на неудачу, а неразрешимые проблемы возникнут «на пустом месте». На моей памяти немало случаев, когда непрофессионализм протокольных служб наших организаций, не считавших нужным принимать во внимание особый психологический настрой партнеров, приводил к большим политическим и материальным потерям, сводя на нет многолетнюю подготовительную работу посольств и Министерства иностранных дел.

Один из примеров — визит в Советский Союз в 1970 г. министра религиозных дел Алжира Мулюда Касема, политического деятеля, близкого президенту Хуари Бумедьену. У нашего посольства с ним был очень хороший контакт, что позволяло оперативно решать многие вопросы, даже те, к которым непосредственного отношения министр не имел. Однако уже через два дня после вылета Мулюда Касема в Москву в алжирской печати появилось сообщение, что из-за «нерасположенности» его визит прерван. С самого начала он не задался. Руководитель принимающего ведомства, несмотря на направлявшиеся ему посольством ориентировки об исключительно важном значении визита для всего комплекса двустороннего сотрудничества, счел ниже своего достоинства встречать алжирского гостя, направив в аэропорт мелкого клерка. Затем министра, являющегося поборником исламских ценностей, повели на шоу с полураздетыми артистками и попытались напоить водкой и накормить свининой. Мулюд Касем воспринял это как издевательство и уехал ночевать в резиденцию своего посла. Попытки организаторов убедить его совершить подготовленную для него поездку по стране успеха не имели. А для СССР этот влиятельнейший алжирский политик был навсегда потерян.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ

До появления в середине XVIII века термина «дипломатия» дипломатическую профессию, по существу, отожествляли с ведением переговоров, а дипломатов называли «переговорщиками». В наше время есть понимание, что дипломатия шире, чем ведение переговоров, однако признается, что переговоры составляют сердцевину дипломатии. Одна из главных задач дипломатии — сопряжение интересов отдельных стран с интересами других участников международного общения, с интересами всего международного сообщества. Переговоры — инструмент решения этой задачи, совместный поиск соглашения между двумя или более сторонами.

Суть переговоров состоит главным образом в том, чтобы достичь гармонии интересов участвующих в них государств, привести эти государства к согласию по обсуждаемой ими проблеме, к взаимоприемлемому ее решению.

Переговоры могут использоваться и для того, чтобы, заведя их в тупик путем предъявления партнеру заведомо неприемлемых требований, обвинить его в их срыве, представив это в качестве предлога для силового решения проблемы, вплоть до развязывания военных действий.

Переговоры могут использоваться и не столько для достижения договоренностей, сколько в целях пропаганды.

Переговоры могут служить и целям получения информации одной из сторон без намерения прийти к соглашению.

В 2002–2005 гг. я в качестве посла по особым поручениям участвовал в переговорном процессе с Украиной по вопросам урегулирования правового статуса Азовского моря и Керченского пролива и разграничения морских пространств в Черном море. Камнем преткновения оказался остров Тузла, который, по мнению наших экспертов, украинцы в свое время подключили к Крыму, не имея на то законных оснований. Мы, тем не менее, с учетом стремления найти компромиссные решения предлагали варианты, полностью отвечавшие интересам обеих сторон и оставлявшие спорный остров в юрисдикции Украины. Эти варианты в полной мере учитывали сложившуюся мировую практику и нормы международного права. Однако наши партнеры настаивали на полной передаче им Керченского пролива и большей части акватории Азовского моря, что, по существу, лишило бы Россию выхода в Черное море. Когда в приватной обстановке я пытался объяснить ведущему переговоры бывшему пограничнику Осувалюку, что такой вариант абсолютно неприемлем не только с точки зрения международного права, но и с учетом того, что Россия столетиями и ценой большой крови добивалась выхода в теплые моря и никогда не откажется от него, тот соглашался, но вспоминал украинскую «мудрость»: «Пусть у меня отсохнут руки, если я буду грести не к себе, а от себя».

На что рассчитывали украинские переговорщики, откровенно тянувшие время? Ведь в отличие от других переговорных процессов по разграничению с бывшими республиками Советского Союза, на этом направлении не удавалось достичь никакого прогресса. У меня впечатление, что ждали момента, когда удастся «подвинуть» Россию в Крыму, выдавив оттуда Черноморский флот и запустив в Севастополь американцев, с помощью которых можно было бы «захлопнуть» для ВМФ России Черное море. Возвращения Крыма в Россию предотвратило развитие событий по такому сценарию.

Переговоры многократно использовались для целей подготовки силовых решений возникающих проблем, при всем том, что главное их предназначение с точки зрения дипломатии — достижение договоренностей. Особая ценность переговоров в том, что они представляют собой антипод силовых решений проблем, антипод войны. Переговоры не являются насилием. Это искусство налаживания отношений, установления или восстановления диалога для того, чтобы привести к согласию, к пониманию того, что имеется общий интерес, более предпочтительный по сравнению с ссорой.

Переговоры могут быть длительным процессом, в котором стороны необязательно стремятся к соглашению или вообще не считают его достижимым. Но это полезное средство поддержания контакта или определения уровня отношений. Кардинал Ришелье писал: «Вести переговоры непрестанно, открыто и тайно, вести их повсюду даже тогда, когда они не приносят результатов сегодня и нет уверенности в том, что результаты могут ожидаться в будущем, является делом совершенно необходимым для блага государства».

Переговоры — наиболее ответственный и сложный вид дипломатической деятельности. Люди, обладающие умением вести переговоры, составляют золотой фонд дипломатических служб всего мира. «Нет другой такой службы, исполнять которую было бы труднее, чем ведение переговоров, здесь требуется проницательность, ловкость, гибкость, обширные знания и в особенности точная и острая интуиция…» — писал в 1716 г. видный теоретик дипломатии Франсуа де Кальер.

Переговоры — это состязание, в котором каждый из участников, пуская в ход имеющиеся у него преимущества, стремится обеспечить наилучший для себя результат. Лучший итог — достижение договоренности. Поэтому переговоры приобретают характер соперничества и сотрудничества одновременно.

Владение техникой переговоров, методами продвижения своей позиции, способами воздействия на партнера и нейтрализации воздействия с его стороны, приемами, способствующими достижению договоренностей, и формами фиксации этих договоренностей в итоговых документах создает существенные преимущества.

Необходимость незамедлительных переговоров может возникать, когда требуется предотвратить надвигающийся конфликт или принять меры, чтобы остановить конфликт разразившийся.

Применительно к войнам, к затяжным конфликтным ситуациям, к спорным проблемам этот момент наступает, когда стороны исчерпывают возможности достижения своих целей односторонними средствами и приходят к выводу о том, что продолжение вооруженной конфронтации может обернуться бóльшим ущербом, чем последствия возможных договоренностей на основе взаимных уступок.

Какого-либо свода норм этического поведения на переговорах международное сообщество не разработало. Вместе с тем сложился целый ряд моральных принципов, которые уважаются в качестве своего рода этических императивов. Отступление от них может быть основанием для прекращения переговоров или отказа от ранее согласованных договоренностей.

К числу таких принципов относятся: принцип правды («Хороший дипломат не должен добиваться в переговорах успеха посредством лживых

обещаний и обмана доверия», — писал де Кальер); соблюдение договоренности о конфиденциальности переговоров; верность слову и выполнение обещаний, данных в ходе переговоров; добросовестная подача в СМИ; точное следование договоренностям; уважение правил процедуры; недопустимость внесения поправок, меняющих существо договоренностей; договоры должны соблюдаться; корректные отношения между партнерами.

Переговоры — это поиск баланса интересов участников. Если интересы диаметрально противоположны, позитивный исход вряд ли возможен. Достижение соглашения путем взаимных уступок — это компромисс. Компромисс должен нести пользу каждой из сторон. Без этого он невозможен. Баланс интересов может включать неравнозначные составные части, но свободен от принципиально неприемлемых для участников элементов и ведет к выигрышу для всех.

Планирование — существенный фактор эффективности ведения переговоров. Важно при этом выделить его составляющие: стратегию и тактику. Стратегия означает определение целей переговоров. Она предполагает определение границы возможного маневра. Под тактикой переговоров понимается совокупность действий, способствующих реализации стратегических замыслов. В большинстве случаев стороны начинают переговоры с запросных позиций, от которых могут отойти в обмен на встречные уступки партнеров.

Конфронтация — враг переговоров, как и идеологизация. Прагматический подход создает наилучшие предпосылки для поиска взаимоприемлемых решений. Конструктивность во всем, что связано с проведением переговоров, обеспечивает их успех. Стиль ведения переговоров, манера общения их участников несут на себе печать национального характера, истории и культуры, религии страны, которую представляет переговорщик, ее системы воспитания и образования, принятой в ней манеры общения между людьми, их менталитета, то есть образа мышления. Не учитывать этого профессиональный переговорщик не может.

Драматичными были переговоры в конце девяностых годов о погашении алжирской задолженности, составлявшей несколько миллиардов долларов. Россия крайне нуждалась в этих деньгах, и посольству, опираясь на ностальгические воспоминания алжирских генералов об учебе в Москве, удалось подключить к решению вопроса влиятельное военное руководство. В состав алжирской межведомственной делегации, получившей установку выйти на оптимальное решение, учитывающее интересы обеих стран, вошли симпатизировавшие нашей стране компетентные специалисты. Предусматривалась даже возможность погашения части задолженности валютой. Казалось, успех был обеспечен. Однако в Москве убеленных сединами алжирских переговорщиков ждал прием, к которому они оказались психологически не готовы. Мало того, что по возрасту люди, сидевшие по другую сторону стола, могли приходиться им внуками, но и вели они себя, как показалось алжирцам, подчеркнуто неуважительно — постоянно перебивали, не давая высказаться и показывая полное незнание предмета переговоров. Особенно возмутило алжирских экспертов поведение юнца, демонстративно игравшего в ходе их выступлений на входившем тогда в моду «гейм-бое». В итоге переговоры, сулившие нам возвращение миллиардов, были сорваны. Алжирские руководители восприняли поведение российских переговорщиков как личное оскорбление и приняли принципиальное решение полно-

стью отказаться от выплаты нам задолженности, хотя раньше заявляли, что считают «делом чести» платить по счетам. Разбирательство, проведенное у нас по инициативе прокуратуры, не смогло доказать «злого умысла». Видимо, причиной провала переговоров, помимо элементарного бескультурья российских переговорщиков, была их профессиональная некомпетентность, в том числе полное отсутствие представления о том, как надо вести дела с такими партнерами.

Формирование правильного подхода в контактах со сложными партнерами приходит с опытом, и облегчить этот процесс может лишь изучение истории, национальных традиций, языка, на котором переговорщики говорят дома.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

Работа дипломата — это в первую очередь работа с документами — их изучение, анализ, подготовка, передача партнерам, направление в Центр информационных и справочных материалов, четко сформулированных предложений по дальнейшей работе со страной пребывания и т. п. Дипломат должен мыслить аналитически, «ухватывать» суть проблемы, видеть перспективы. Ему необходимо уметь излагать свои мысли в краткой и четкой форме, быть способным убедить партнера, а тем более собственное начальство, не всегда имеющее время на то, чтобы вникать в проблему, в обоснованности вносимых предложений, в необходимости предпринять те или иные действия. Профессиональный дипломат должен обладать определенными литературными талантами, недаром некоторые дипломаты параллельно с основной работой ухитряются писать книги и статьи. Правда, когда речь идет о внешнеполитических вопросах, находясь на службе, они, как правило, пользуются псевдонимами.

В сношениях с иностранными представительствами, с МИДами зарубежных государств используются следующие документы: вербальные ноты, личные ноты, памятные записки, меморандумы, частные письма. Все они излагают официальную позицию и при необходимости могут быть опубликованы.

Вербальная нота — наиболее распространенный документ, исходящий от имени МИД или посольства и направляемый по самым разнообразным поводам. Составляется в третьем лице, не имеет личной подписи, скрепляется печатью учреждения. Проставляется номер, дата, отправитель, город. Форма ноты достаточно специфическая, но со временем привыкаешь и составляешь ее автоматически.

Личная нота составляется в первом лице и подписывается послом. Чаще всего это сообщение коллегам-послам о вручении верительных грамот и об окончательном отъезде из страны.

Памятная записка — Aid — Memoire, Non-Paper — вручается послом при посещении МИД и содержит основные положения, изложенные в беседе.

Меморандум — более обширный материал, может посылаться с нотой.

Частное письмо — полуофициальный материал, направляемый от имени посла какому-либо должностному лицу или коллеге по конкретному вопросу.

К числу дипломатических документов относятся и личные послания глав государств и правительств, передаваемые по дипломатическим каналам.

К дипломатическим документам относятся и те, что подписываются в ходе переговоров, — Договоры, Соглашения, Конвенции, Протоколы. Их составление и предварительное согласование — работа дипломатов. Здесь же можно назвать и Коммюнике о пребывании делегации высокого уровня, опубликование которых было принято в советские времена.

ВНУТРЕННИЕ МАТЕРИАЛЫ

Внутренние документы готовятся каждым посольством для Центра и включают в себя: шифротелеграммы; политотчет, составляемый раз в год и содержащий анализ развития событий за истекший период, перспективы двусторонних связей, выводы и предложения; политписьма по актуальнейшим политическим вопросам (одно-два в год в зависимости от развития обстановки); справки и информации по различным вопросам, включая характеристики на местных политических, военных, общественных деятелей; записи бесед сотрудников.

Помимо этого, в загранучреждениях готовят обзоры печати, чаще всего в связи с приездами важных делегаций, а также краткие справочники по стране и другие материалы общего плана, которые могут потребоваться.

Наиболее действенными документами посольства являются ШИФРОТЕЛЕГРАММЫ. По существу, лишь они в условиях переизбытка информации и отсутствия времени могут быть прочитаны руководством страны и МИД, и по ним могут быть приняты решения. Остальные же материалы носят скорее вспомогательный характер и используются при необходимости работниками соответствующих департаментов при подготовке своих материалов для руководства. Телеграмма, направляемая за подписью посла, должна быть максимально краткой (желательно не более одной, максимум полутора страниц печатного текста), четко сформулированной, не перегруженной лишней информацией.

К написанию телеграмм и к ознакомлению с ними допускается лишь старший дипсостав, начиная с первого секретаря. Материал для телеграммы может предварительно готовиться и младшим дипломатом, но правится и переписывается его непосредственным начальником, а то и самим послом. До сих пор телеграммы составлялись от руки и перепечатывать их было запрещено. Будучи послом, бóльшую часть телеграмм я писал сам, но наиболее важные согласовывал со старшими дипломатами, отвечавшими за соответствующее направление.

ПОЛИТОТЧЕТ считается главным итогом справочно-информационной работы посольства. В нем сконцентрирована вся информация, наработанная за год работы, включая и ту, которая передавалась по каналам шифросвязи. В последние годы некоторые стали утверждать, что Политотчет в условиях Интернета себя изжил и что его надо отменить. Я считаю, что и в нынешних условиях он нужен, поскольку содержит всю необходимую информацию, которая позволяет оперативно «освежить в памяти» произошедшее в стране и в наших отношениях с ней, посмотреть, что предлагалось, найти «точки отсчета». Работая в Центре, я часто обращался к Политотчетам посольств при подготовке необходимых материалов

к государственным визитам, а собираясь ехать в очередную длительную загранкомандировку, непременно штудировал Политотчеты, подготовленные ранее моими предшественниками.

Готовится Политотчет всем посольством. Заранее в соответствии с распределением обязанностей составляется план написания его разделов, определяются ответственные, объем, сроки представления материалов.

Схема изложения следующая: 1) введение; 2) внутриполитическая ситуация; 3) социально-экономическое положение страны; 4) внешнеполитическая деятельность; 5) отношения между двумя странами; 6) деятельность посольства; 7) выводы и предложения.

В былые годы объем Политотчета мог достигать нескольких десятков страниц печатного текста. Самые объемные присылали чаще всего посольства в странах, с которыми почти не было отношений. Последние годы существуют жесткие лимиты — не более 15 страниц. Исключение делается лишь для ведущих стран. Писать кратко — искусство, не все им владеют. По своей первой командировке помню, что написание Политотчета было кошмаром для моего непосредственного начальника — руководителя группы внутренней политики, который, не будучи кадровым дипломатом, никак не мог уложиться в отведенные ему лимиты. В конце концов руководство посольства поручило мне, начинающему дипломату, откорректировать внутриполитический раздел, который пришлось сокращать раза в три. В Тунисе, где я служил первым секретарем, мне вообще поручили откорректировать и практически написать заново весь Политотчет — более старшие дипломаты с этим не справились. С годами я набрался опыта, и никакой Политотчет мне не был страшен, особенно, когда рядом были квалифицированные коллеги. Став послом, основные положения Политотчета я формулировал сам.

На Политотчет Центр обязан реагировать — направить свой отзыв с анализом представленного документа и разослать предложения посольства по заинтересованным ведомствам, которые в свою очередь должны сообщить, что в этой связи предпринято.

Политотчет — документ секретный, за его утерю в былые годы можно было попасть в тюрьму. В советском еще МИДе вспоминали случай, когда старший дипломат в одном из наших посольств, работая над новым Политотчетом, старый взял с собой в туалет, где-то там его засунул впопыхах и совсем про это забыл. Когда хватился, поднялся страшный скандал и его едва не откомандировали, как предателя. Хорошо, уборщица случайно через несколько дней документ нашла. Но строгий выговор дипломату все равно вынесли.

ПОЛИТПИСЬМО может составляться раз в квартал, но не обязательно. Подписывает его, как и Политотчет, посол. Последние годы в обязательном порядке посольства готовят Политписьма к каждой сессии Генассамблеи ООН о позиции страны пребывания по основным международным вопросам. В мою бытность послом в Белграде мы готовили Политписьмо в связи с крушением режима Милошевича, в Найроби — в связи с межэтническими столкновениями. Посольство само определяет, какая тема представляет наибольший интерес для Центра. Политписьмо всегда содержит выводы и предложения по линии, которой необходимо придерживаться в данном контексте.

СПРАВКИ и ИНФОРМАЦИИ идут за подписью конкретных исполнителей. Информация — достаточно поверхностный материал, дающий общее представление об освещаемой теме, но не содержащий ни анализа, ни выводов, ни предложений. Справка в этом смысле, как правило, основательна и глубока.

Посольства сами заранее определяют темы своих справочно-информационных материалов, направляя в Центр планы работы, в которых за каждым сотрудником закреплено несколько материалов. В последние годы появилась тенденция навязывания всем посольствам периодической подготовки тех или иных достаточно узких справочных материалов, которые интересуют лишь отдельные департаменты МИД. Для больших посольств это несложно, а там, где работников раз, два и обчелся, и где эти вопросы не актуальны, это создает немалые проблемы.

ЗАПИСИ БЕСЕД в советском МИДе формально были едва ли не мерилом эффективности дипработника. Чем их было больше, тем сотрудник считался перспективнее. Однако нередко эти материалы были пустыми, составленными исключительно для галочки. На деле записи бесед даже младшего дипсостава могут быть очень полезны для работы особенно по конкретным вопросам. Еще полезнее оформление доверительных контактов, которые осуществляются старшими дипломатами. На их основе нередко получаются интересные и весьма полезные телеграммы, по которым в Центре принимаются решения. В последние годы все больше проявляется тенденция не оформлять записей бесед. Это, на мой взгляд, от лености и от неумения.

Отдельно следует упомянуть записи переговоров и бесед государственных деятелей, которые оформляются дипломатами, обеспечивающими перевод. На наиболее важные направлялись два сотрудника — один переводит, второй записывает.

Мне пришлось более 10 лет обеспечивать переводы на высшем уровне в ходе визитов руководителей государств Северной Африки в Советский Союз и поездок советских руководителей в эти страны и делать записи соответствующих бесед. Помню, в частности, беседу Л. И. Брежнева с Джеллудом, вторым после Каддафи лидером Ливийской Джамахирии. Она состоялась ночью и длилась около семи часов. От нас потребовали сразу же подготовить запись беседы. Как мы ни старались сделать запись компактной, первый вариант составил 28 страниц, и лишь к утру удалось свести ее к «читабельным» пяти страницам. После чего мы с коллегой, так и не поспав, отправились переводить другие встречи с ливийским руководителем.

Борис КЛЮЧНИКОВ

ГРЯДУЩИЙ БИЧ БОЖИЙ?

Новое великое переселение народов

Борис Федорович Ключников — родился в г. Георгиевске Ставропольского края в 1935 г. Окончил с отличием МГИМО, Дипломатическую академию. В течение более 20 лет работал в ЮНЕСКО в Париже. В качестве эксперта ЮНЕСКО и Всемирного Банка работал в десятках стран Азии, Африки и Латинской Америки. Многие годы был директором программы политики и планирования образования ЮНЕСКО. Вернувшись на родину, стал главным научным сотрудником Института востоковедения РАН, профессором Восточного университета. Автор семи монографий. В течение 15 лет печатается в журнале «Наш современник». **Живет в Переделкино.**

Tamen usque recurret.
Все возвращается
на круги своя (лат.)

Бичом Божиим европейцы называли в IV–V веках нашествие варваров — гуннов. Так же озаглавил свою повесть о вожде гуннов Аттиле Евгений Замятин, один из лучших эмигрантских писателей. Он похоронен в безвестной могиле на парижском кладбище Монпарнас. Блестящий мастер-стилист, он описывает нравы, вернее, безнравственность и опустошенность жизни гибнущей Римской империи. Там в плену рос будущий завоеватель Европы Аттила (железо на языке гуннов). Эту печальную повесть он заключает словами из хроники византийского историка Приска, жившего в Риме при жалком ничтожестве — императоре Гонории. «*Рим гибнет*, — писал Приск, — *ибо руки наши уже подобны потерявшим силу рукам старцев, и нашу судьбу держат в своих руках другие народы*». Ностальгический всхлип: «Ты был ли, гордый Рим?».

Рим пал не потому, что пали его крепостные стены, нет, потому, что пала нравственность, была низвергнута честь воина, гражданина, хранителя семьи. Некогда величавые римляне погрязли в роскоши, в гомосексуализме, педофилии и прочих содомских грехах. «Среди порфирных бань и мраморных палат вельможи римские встречали свой закат», — писал наш Пушкин. Они отказывались служить в армии, содержать семьи, рожать и растить детей. Историк Гиббон (XVIII век) так заключает свой грандиозный труд (The Rise and Fall of the Romen Empire): «Я описал триумф варварства и религии. Варвары и новая, молодая религия, повергнув греко-римскую цивилизацию, основали и выпестовали великую христианскую цивилизацию».

Современные европейцы с тревогой, а порой и с ужасом, смотрят в будущее: неужели, действительно, все идет по Экклезиасту, все возвращается на круги своя?

Тогда во всем мире жило не более 200 млн человек, ныне 7,5 миллиардов. Тогда не было ни самолетов, ни железных дорог, ни телевидения. Волны мигрантов катились медленно, порой годами и десятилетиями. Сейчас салафитские ячейки разрастаются по всей Европе быстро, как грибы. Неужели нынешние волны беженцев, это новое великое переселение народов, ведет к гибели европейской цивилизации? Неужели это знак беды, начало исламизации Европы? Начало возникновения на ее руинах Еврабии? Ведь подобное случилось к 476 году, когда варвары разграбили и сожгли миллионную столицу империи Рим. Варварский вождь Одоакр захватил в 476 г. Рим и изгнал последнего римского императора малолетнего Ромула Августула. Ирония истории: с Ромула начался Рим, с Ромулом и сгинул. На пепелище Рима остались жить не более 20 тысяч существ — потомков тех римлян, которые веками были властителями мира. Эти жалкие потомки уже не знали великого прошлого Рима, где лежат руины Капитолия, где был, да и был ли, Форум, о чем свидетельствуют триумфальные арки.

Гунны Аттилы сошли с арены истории, но успели в IV—V веках разграбить Европу, уничтожить многие государства, и среди них могучее государство остготов Германарикса. Гуннов теснили затем вандалы, франки, бургунды, алеманы. Византию — Восточную Римскую империю еще многие века теснили варвары тюрки-булгары, славяне, угры. Это было великое переселение народов, веками длившаяся «этническая эволюция». Заметим отличие: веками шедшая эволюция, а не нынешнее переселенческое торнадо — революция.

Что, какие причины лежали в основе этого исторического явления? *История великих переселений свидетельствует, что самый мощный толчок переселенцам дают демографические сдвиги, когда резко возрастает количество пассионарных молодых людей*. Они всегда оказывались самым беспокойным, самым агрессивным элементом общества. Как начались, по Л. Н. Гумилеву, завоевательные походы Чингисхана? Увлажнились в ту эпоху евроазиатские степи, появилось много травы — корма для скота, а, следовательно, еды для людей. Стало у монгольских женщин рождаться много детей. Их сыновьям становилось тесно, а вокруг блистали незащищенными богатствами Китай, Средняя Азия, Иран, Индия! Так и ныне в арабских странах доля молодых людей до 15 лет — 40 %, а в возрасте от 15 лет до 30 лет еще 20 % и более. Они знают о богатствах Запада, а в семьях и школах им рассказывают о Халифате, о героическом прошлом ислама, о победоносных походах.

Когда выясняют причины нового переселения народов, часто забывают о резком изменении климата. Два десятилетия на Ближнем Востоке и в Северной Африке усиливается засуха. Пески Сахары ежегодно поглощают 5—8 км цветущей саванны. В северных районах Чада, где еще в 70-е годы мне приходилось работать в качестве эксперта ООН, ныне перекатываются барханы песков. Сахара — лысина земного шара — наступает, убивая все живое. Ливийский лидер Каддафи тратил нефтедоллары на то, чтобы поднять воды подземных озер. Каддафи предупреждал западных лидеров, что без воды толпы беженцев хлынут в Европу. В ответ Запад разбомбил

Ливию — самое благоустроенное государство Африки. За 40 лет правления диктатора Каддафи население Ливии удвоилось. Ливию разбомбили во имя «свободы и демократии». Английские спецслужбы организовали еще одно мерзкое политическое убийство — растерзание Каддафи и захват многомиллиардных ливийских счетов в западных банках. Число беженцев из Африки в Европу многократно возросло.

Нынешние волны переселенцев на 80 % состоят из молодых мужчин. Они ищут воду, еду, работу, женщин. Они бегут от войн, от цветных революций. Ищут лучшей жизни, а порой просто чтобы выжить. Так было и в прошлые века. Арабы как смерч промчались в VIII веке по просторам всего цивилизованного мира. За 70 лет создали Халифат от Индии до Пиренеев и дальше в глубь Франции. Их передовые отряды разъезжали по Исландии. Но их остановили и отбросили в битве при Пуатье в 732 г. христианские воины Карла Мартелла. Прошли века благоденствия Халифата. Его стали осаждать и разрушать крестоносцы. Борьба длилась веками, кровь христиан и мусульман лилась реками.

Историческая память христиан и мусульман за полторы тысячи лет непомерно отягощена многочисленными трагическими событиями. Границы этих двух цивилизаций и ныне повсеместно кровоточат. Две соседствующие цивилизации с переменным успехом бросают друг другу вызовы. Неужели эти вызовы и ответы каждый раз приводят в движение колесницу истории? И переселение народов тоже один из вызовов, один из двигателей истории? Религиозные мыслители так и считают: таков Божественный план; и потому неоднозначно оценивают прошлые переселения народов. Они дали синтез культур Запада и Востока, ускорили этногенез в Европе, плодами которого стали все современные нации Европы. Гены гуннов, аваров, половцев, печенегов, булгаров и прочих тюрков в крови германских, романских и славянских народов. Одни киевские укры остались чистокровными, не то что москали.

Но зачем столько бед, войн, ужасов от переселений народов? Почему так жесток этот Божественный план? Ответ дал еще до христианских мыслителей древнегреческий драматург Эсхил, который повторял: «совершенствование приходит через страдания». Да и в Евангелии сказано: «Господь, кого любит, того наказывает»… Любит даже таких великих грешников, какими являются современные европейцы — богоотступники, хулители Бога, возомнившие себя исключительной, высшей расой, господами Вселенной.

Уже два поколения европейцев живут без войн, в достатке, без особых забот, в бесконечной погоне за всевозможными удовольствиями. Так беззаботно, что не заметили, не озаботились тем, что вокруг одного «золотого миллиарда» европейцев прозябают в бедах, в войнах, в голоде и эпидемиях еще шесть миллиардов таких же людей, но с другим цветом кожи и волос. И только когда миллионы этих других, иных людей стали заполнять их города, европейцы опомнились, задумались: скоро мы можем лишиться и процветания, и свободы. Всего того, чем они гордились и возносились над другими народами. Европейцы считали, что солнце всегда будет сиять над ними, что история завершилась их полным превосходством, полной победой. Ведь все восторгаются Европой, все копируют ее достижения, ее образ жизни. И не заметили, как надломилась их цивилизация. Надломилась, потому что они забыли заповедь — «плодитесь и размножайтесь».

Вспоминаю один из докладов, представленных Испанией в ЮНЕСКО. В нем говорилось: «Всего за одно поколение мы из общества, в котором нормой были семьи с 8–12 детьми, стали обществом бездетных пар или семей с одним ребенком». Демография — это судьба! Что случилось с Францией, Испанией, Италией, Германией? Совсем недавно их народы лучились силой, жизнерадостностью, уверенностью в будущем. В большинстве этих стран прирост населения упал до 1–1,5 %. Население растет в основном за счет детей иммигрантов из мусульманских стран. Среди коренных европейцев смертность часто превышает рождаемость. Больше гробов, чем колыбелей!

Еще в начале XX века каждый четвертый житель планеты был европейцем (25 %). С учетом других стран (США, Канады, Австралии) и переселенцев число европейцев составляло около 36 % двухмиллиардного населения планеты. Больше всего детей было в семьях русских и немцев. Немцы заселяли Америку, русские — просторы Азии. Ныне доля европейцев в мире упала втрое, до 12 %. Весь XX век они так усердно истребляли друг друга! Доклад ООН сообщает, что население Европы от Лиссабона до Владивостока к началу XI века составляло 728 млн человек. К середине века, к 2050 г., ожидается его сокращение до 600 млн, а к началу XXII века нас, согласно расчетам ООН, останется всего 207 млн среди 9 млрд землян. Это прогноз беды. Не о ней ли предупреждал болезненный дух Ф. Ницше? «Откройте, наконец, уши. Я буду говорить вам о смерти народов («Так говорил Заратустра»). Горстка террористов взрывает беззащитных французов, испанцев, бельгийцев. А в спящих ячейках ИГИЛа и Аль-Каиды затаились и ждут приказа еще сотни подрывников-смертников.

Европа уже сейчас представляется осажденной крепостью. Этот богатый, сияющий град, на который с завистью, ревностью и ненавистью взирают бедствующие народы третьего мира. Люмпены, те, кого английский философ Арнольд Тойнби называл внешним, «космополитическим пролетариатом». И среди них феноменальная рождаемость, несмотря на нищету и дикую социальную несправедливость. У рождающихся там нет будущего — впереди нищета, голод, болезни, безработица, наркотики, эпидемии.

Демографы сообщают, что население планеты за многие сотни тысяч лет только к 1800 г. достигло 1 млрд человек[1]. А в 2015 г. — всего за год население мира выросло на 73 млн (больше чем население Франции — 67 млн). Каждый день в мире прибавляется 200 тыс. человек. Теперь в одной только Африке *ежемесячно* прибавляется 2 миллиона детей, 24 миллиона в год. Ее население к 2009 г. превысило 1 млрд, к 2050 г. по прогнозам превысит 2–2,4 млрд. Население Индии сравнялось с численностью населения Китая приблизительно по 1,4 млрд. Население Пакистана превысило население России. Совокупное население наших близких соседей Ирана и Турции (по 80 млн) тоже превышает население России.

Новое великое переселение народов начиналось в 70-е годы прошлого века незаметными ручейками пришлых рабочих из бывших колоний. Заработав, они возвращались домой, к родным. Вернувшись, они рассказывали односельчанам о земном рае Европы, о своих действительных, а чаще о

[1] Henry Harpending and Gregory Cochrau: The 10000 Years of Explosion. How Civilization Accelerated Human Evolution.

мнимых, успехах: нашел работу, есть жилье, купил телевизор, а то и автомашину. Телевидение стало показывать этот европейский рай. И тогда очарованные мигранты, чаще всего вовсе не беженцы, не репрессированные, нарастающими потоками стали вливаться в европейские страны. В том числе и в Россию, где уже проживает более 12 млн. иностранцев. И кажется, ничто: ни холод, ни северная мгла, ни короткие дни и длинные ночи, ни опасности пути, не способны остановить эти потоки мигрантов. Известно, рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше. Но и доказано также, что отток даже сотен миллионов мигрантов на север не спасет бедствующий Юг. Если из Африки и Ближнего и Среднего Востока уедут по 250 млн человек, то там этого даже не заметят, а Европа исчезнет. *Проблемы Юга можно и нужно решать на месте, в странах Азии и Африки.*

Три века десятки миллионов переселенцев из Европы теснили туземцев, занимали новые земли в Южной и в Северной Америке, на Дальнем Востоке и Сибири, в Австралии, Азии и Южной Африке. Теперь, кажется, пришло время потеснится самим европейцам. Повторюсь: *демография, рост народонаселения определили и будут определять и менять облик континентов.* И надо расставаться с иллюзиями, будто после разгрома ИГИЛ, Аль-Каиды и других террористов потоки иммигрантов с Юга и Востока будут остановлены, границы Европы будут надежно защищены и закрыты, что все будет стабильно, как раньше. Европа не защищена, она не устрица, которая захлопывает при опасности створки раковины. И по сей день очень *многие не осознают, что началось новое великое переселение народов*, и потому не представляют весь спектр тяжелейших проблем, с которыми непременно столкнутся европейцы. История — лучший учитель и ее уроки в этом вопросе печальны. Поэтому и понадобился этот краткий исторический экскурс. Предупрежден, значит, вооружен! *Новое мощное цунамообразное переселение народов в ареалы обитания европейцев — это долгосрочная общемировая тенденция. Она уже стала важнейшим фактором метаполитики. Волны современной миграции нельзя полностью остановить.* Они подобны волнам океанского прилива. Прилива без отлива! Человечество будет решать эту проблему в самих отставших странах Юга. Решать на основе принципов социализма, альтруизма, планово, на основе долгосрочных стратегий глобализирующегося мира. А мир вверил себя «невидимой руке рынка», т. е. стихии. Вот и расплата.

Шлюзы для потоков мигрантов открыты

До 70-х годов пришлого века в Европе почти не было мигрантов из южных стран. Иностранные рабочие состояли тогда из итальянцев, испанцев, югославов — людей европейской, т. е. христианской цивилизации. Они легко интегрировались в местное население. До 70-х годов не было и мусульманской иммиграции. Во Франции тогда насчитывалось всего 24 мечети. Больше было православных храмов. Даже в 2014 г. Европа приняла всего 280 тысяч мигрантов. И вдруг, будто кто-то открыл шлюзы. Международная организация по миграции (IOM) сообщила, что в период между 15 января 2015 г. и 1 ноября 2015 г. в Европейский Союз только по морю прибыло 920 тысяч мигрантов, в пять раз больше, чем в прошлые годы. Больше всего из Сирии (175 тыс.), из Афганистана (85 тыс.), из евро-

пейских Косово — 65 тыс. и Албании — 50 тыс. Много выходцев из Ирака. Среди них много украинцев, у которых дома произошла «революция достоинства». Как видим, это страны, куда западные интервенции пытались принести демократию. Пик беженцев пришелся, согласно официальной статистике Евросоюза, на две недели с 15 по 29 сентября 2015 года. То есть за день до начала операции ВКС России в Сирии. До нее из Сирии за пять лет гражданской войны действительно уехали 10 млн сирийцев, т. е. почти половина жителей страны. Укрылись в соседней Турции 2,3 млн человек; в маленьком Ливане 1,1 млн, в Иордании 633 тысячи. Немецкие источники считают, что общее число мигрантов в 2015 г. превысило 1,5 млн. Сотни тысяч беженцев растворились по дороге без регистрации.

Страдают все. Беженцы тонут тысячами, положившись на «надежного капитана»-мошенника. Гибнут не только в Эгейском море, но и на пути из Ливии в Италию или переправляясь через Гибралтар. В апреле 2015 г. судно с 800 беженцами затонуло, потому что было перегружено. Все погибли. СМИ едва заметили эту трагедию, не то что гибель Титаника. Куда стремятся мигранты? Туда, где самые высокие пособия, т. е. в первую очередь в Германию. Затем в Австрию, Швецию, Норвегию, Бельгию, Францию. Страны Евросоюза не желают принимать их по квотам. Читаю комментарий немецкого политика: «Я видел панику английских парламентариев, когда Камерон (бывший премьер-министр. — *Б. К.*) предложил принять 20 тыс. беженцев за 5 лет». Немец сказал им: «моя страна вынуждена справляться с таким числом каждую неделю!» В сентябре 2015 г. на берега Греции высаживались 9 тыс. беженцев ежедневно. В двухмиллионную Словению в одно из воскресений явились 15 тысяч голодных, больных, усталых людей с большим числом детей. На наших глазах разворачивается грандиозная человеческая трагедия. Страдают и коренные жители, и мигранты. Нет между ними ни взаимопонимания, ни участия, ни симпатии. Видимы только тлеющие огоньки угасающего христианского сострадания, остатки европейского гуманизма.

Что можно ожидать на фоне вот таких сообщений о мигрантах?! Министерство юстиции Швеции сообщает, что за 40 лет с 1975 г. население Швеции выросло с 8 208 442 человек до 9 743 087 в 2014 г., на 18,7 %. Выросло полностью за счет иммигрантов-мусульман. Число изнасилований увеличилось в 15 раз. В одном только 2011 г. было изнасиловано 29 тыс. шведок. А сколько не захотели регистрировать[1]? Приезжают в основном молодые мужчины с мусульманского Востока, где иной взгляд на женщин, на взаимоотношения полов. И не только шведки, природные блондинки, стали зачастую перекрашивать волосы в темные тона, менять одежду, перестают свободно ходить вечером по улицам, посещать, как прежде непринужденно, кафе, рестораны, прочие общественные места. Власти Швеции считают, что приток мигрантов надломил знаменитое на весь мир шведское общество социального мира и благополучия. Власти вынуждены укреплять полицию, так как число преступлений, в том числе вооруженных столкновений, таких как бои в Мальмо или в Готенборге, многократно возросло.

Во Франции в новогоднюю 2016 г. ночь было сожжено 804 автомобиля. 80–85 % заключенных в тюрьмах Франции — иммигранты из мусульман-

[1] Ministry of Justice. Brotgts före byggande (BRA).

ских стран и бывших французских колоний. Безработица среди молодежи иммигрантских анклавов свыше 50 %. Живут на пособия. 15–20 % военнослужащих Франции теперь мусульмане. Иммигрантская молодежь кипит от ненависти к евреям, и евреи начали из-за растущего антисемитизма покидать Францию, Голландию и другие страны Европы. Это данные на сравнительно стабильный 2014 год. В маленькой некогда уютной Швеции с сентября 2015 г. стали ежедневно селиться по 1000 новых переселенцев. Шведы в панике, ведь эти новоселы на основе закона о воссоединении семей перевезут еще миллионы родственников. Помимо этого, всякий рожденный в Швеции становится подданным Швеции, хотя всем известно, что мусульмане крепко стоят за свою веру и не ассимилируются. Как бы ни ругали мусульман, ни обзывали их лицемерами, обманщиками, паразитами, экономическими оппортунистами, здравый смысл подсказывает, что переселенцы бегут не от хорошей жизни, что они самые униженные, самые обездоленные. Но о каком здравом смысле можно говорить ныне в Европе, где царит паника и истерия!

В первые дни нового 2016 г. немецкие СМИ предупредили граждан, что пик кризиса с беженцами далеко не пройден. Министр развития Герд Мюллер в газете Build am Sontag сообщил что «от 8 до 10 млн беженцев находятся на пути в Европу»[1].

Тайное соглашение Евросоюза о переселенцах

Исследуя проблему беженцев, вначале испытываешь недоумение: почему евроскептики, такие как Национальный фронт Франции М. Ле Пен, немецкая партия «Альтернатива для Германии, Партия Свободы в Австрии, все считают, что именно Европейский Союз, его брюссельская бюрократия виновны в нарастающем кризисе с беженцами. Лозунг евроскептиков — «Евросоюз должен умереть или умрет Европа»[2]. Погибнет из-за переселения беженцев. Причин ненавидеть Евросоюз много, очень много. Главная, однако, в том, что Евросоюз целенаправленно, но таясь, исподтишка, уже полвека уничтожает национальные государства, поглощая их суверенитет. Он был задуман финансовым олигархатом как промежуточный этап, как первый шаг к мировому правительству. Посредством Евросоюза США ныне влияют на жизнь стран с полумиллиардным населением. Фактически это и есть предтеча мирового правительства. Однако национальные государства продолжали сопротивляться. Главный удар был направлен на размывание национальной идентичности. Оружием был выбран мультикультурализм, предполагавший мирное сосуществование с мусульманами, постепенную метисизацию. Но и европейцы, и мусульмане его отторгли, да так решительно, что даже такая атлантистка, куратор Евросоюза, как канцлер Германии Меркель, признала многократно, что “multi-kulti” бесполезен, ибо неэффективен.

Размывание и стирание национальной идентичности — это искоренение духа Шиллера, духа Декарта, духа Пушкина. Это убийство души немцев,

[1] Frankfurter Allgemeine Zeitung, 10 Januar 2016. Article “Erst zehn Prozent der Fluchtwelle ist by uns”.

[2] European Union must die, or Europe will die.

французов, русских и других европейцев, это уничтожение наций и их государств.

Кому нужно уничтожать краеугольные камни объединенных наций? Многие воскликнут: ну, конечно, это выгодно США. Верно, но не совсем. Сами США, как государство и как нация, тоже приговорены к смерти. Кем? Мировым проектором, который создает для транснациональных банков и холдингов удобную среду обитания. Он не занимается текущей политикой, он занят метаполитикой. Вопросами, которые, как мне уже приходилось писать[1], закладывают долгосрочные глобальные тенденции развития планеты. Это рост народонаселения, экология, климат, космос, ООН, большие войны и, бесспорно, международная миграция. Она становится могучим фактором установления мирового правительства по лекалам мирового проектора — глобального финансового капитала.

Большинство людей в мире не верит в конспирологические сказки о мировом правительстве. Приведу документальные доказательства весьма обеспокоенных норвежских патриотов. Им удалось получить выступление Давида Рокфеллера в Бильдербергском клубе в 1991 г.: «Мы очень благодарны газетам “Вашингтон Пост”, “Нью-Йорк Тайм”, “Тайм-Magazin” и другим крупным изданиям, чьи директора посещали наши встречи и 40 лет сдерживали обещание помалкивать (promise of discretion). Мы не смогли бы разработать наш план мира, если бы мы все эти годы находились под ослепительными огнями гласности. Мир стал теперь более утончен, более подготовлен к тому, чтобы идти к Мировому правительству». Год спустя на очередном съезде «бильдербергов», в этот раз во французском Эвиане, Генри Киссинжер тоже указывал на «блага, которые уже дает народам их Мировое правительство»[2].

Так мировые проекторы считали еще четверть века назад. Однако с тех пор мир едва ли стал более «утонченным» и готовым принять мировое правительство. То была эйфория, восторг от развала главного врага — Советского Союза. Россия, как птица Феникс, вновь возникла как препятствие в марше финансового капитала к явному мировому правительству. И потому русские — «самый непокорный народ. Даллес по-прежнему в военной доктрине США, а Россия вновь названа главным противником. Обама, Меркель и др. — это не более чем функционеры мирового проектора. Надо, следовательно, понимать, с каким чудищем — Левиафаном, мы схватились. Но с нами Бог, а с Левиафаном дьявол. Борьба ведется уже многие десятилетия. Арнольд Тойнби еще в 1931 г. писал, что «необходимо тайно, но всей нашей мощью обрушиться на таинственную политическую силу, которая в нашем мире называется суверенитетом национальных государств. Мы пока постоянно нашим языком отрицаем то, что делаем нашими руками»[3]. Вот примеры, у кого М. С. Горбачев, ничтоже сумняшеся, учился «гласности»! Что может быть хуже вражды с политиками-англосаксами? Даже западноевропейцы знают ответ — дружба, союзничество. Немцы помнят и сто лет спустя лозунг-молитву: “Gott, staffe England” («Господи, накажи Англию»). Коварную Англию!

---

[1] См.: Сумерки Вашингтона // Наш современник. 2015. № 1.

[2] Fjordman bloger.

[3] Ibid.

Задумаемся, почему Питер Сусерлэнд (Sutherland Peter), председатель правления банка Гольдман Сакс (печально известного по делам в Греции) возглавил также комиссию ООН по миграции. Норвежские исследователи вновь подсказывают ответ: «Он нацелен на то, чтобы использовать мусульманскую иммиграцию для разгрома европейских культур»[1].

Цветные революции поднимают волны переселенцев с Юга, которые накатывают на Европу. *Манипуляторы рассчитывают, что, используя колоссальную энергетику великой религии Мухаммеда, они не только полностью искоренят христианство, но радикализируют и подрубят корни самого Ислама, в котором верх возьмут самые агрессивные течения.* Кадыров четко называет их шайтанами, иблисами. Вот такую стратегическую западню устраивает финансовый капитал двум великим религиям, двум соседствующим цивилизациям.

Распространено мнение, что европейские предприниматели в погоне за дешевой рабочей силой и прибылями в конце 70-х гг. инициировали нынешнее цунами переселенцев. Верно! Но за этими простодушными предпринимателями стояли те, кто решал другую, более глобальную задачу — уничтожение наций, христианства, создания в Европе хаоса, череды религиозных и гражданских войн, в результате которых отчаявшиеся европейцы сами попросят установить у них мировое правительство.

Большинство европейцев по сей день не верят, что Евросоюз заключил тайное соглашение с организацией «Исламская конференция» о переселении в Европу 56 млн мусульман. Да, в открытых источниках не удается найти этого соглашения. Но изобилуют косвенные свидетельства. Начиная с 70-х гг., в европейских странах, особенно во Франции, стали внушать людям, что надо в противовес Советскому Союзу создать Евро-Арабский блок. СМИ по команде стали внушать идею об общности судеб арабов и европейцев, ибо они проживают на обоих берегах Средиземного моря. Mare Nostra — наше общее море, заклинали газеты, радио, телевидение. В 1995 г. Евросоюз опубликовал «Барселонскую Декларацию» о мире и сотрудничестве, подписанную министрами иностранных дел 15 государств — членов Евросоюза и 12 мусульманских стран. В 2003 г. Евросоюз и Лига Арабских государств объявили о создании «Средиземноморского Союза» (The Union for the Mediterrenion) — «многостороннего партнерства, нацеленного на увеличение потенциала для региональной интеграции и сплочения средиземноморских стран». Так говорилось в подписанном документе[2].

В наши дни опомнившиеся евроскептики говорят: так это же было решение о начале переселения тех самых 56 млн мусульман! Значит, план создания Еврабии тайно осуществляется. В Еврабию включены 43 государства, таких разных, как, скажем, Норвегия и Мавритания. И дело не в том, что одна очень северная страна, а другая очень южная. В Мавритании только в 1981 г. закон запретил рабство, но по факту от 10 до 20 % населения Мавритании все еще рабы, хотя они не осознают, что они рабы.

Мировые проекторы, конечно, понимали, что такие планы вызовут взрыв негодования. И, как у них принято, решили тайно, маскируясь, перебежками осуществлять задуманное уничтожение наций, их государств,

---

[1] Ibid.

[2] www. ufmsecretariat.org/who-we-are.

строительство дивного нового мира. Жан Клод Юнкер — глава Еврокомиссии, согласно норвежским источникам, считает, что «если дело становится серьезным, вы должны врать (you have to lie)… И цитируют Юнкера дальше: «большинство людей не понимает, что было решено, и потому мы шаг за шагом продолжаем делать, пока не достигнем точки невозврата… Конечно, суверенитеты будут переданы. Но буду ли я умным человеком, если буду привлекать к этому внимание?.. Я за секретные переговоры, втемную»[1].

Американская модель переселения народов

Многие американцы тешат себя иллюзиями, будто им не грозят волны переселенцев из мусульманских стран. К нам, мол, переселяются люди из католических стран Латинской Америки. Евроскептики возражают: в США уже поселилось около 9 млн мусульман (3 % населения). Но 80 % их мечетей на саудовские деньги проповедуют салафитскую версию ислама. Эти пассионарии, будучи даже в меньшинстве, способны разнести в щепки постхристианскую Америку. События 9 сентября 2001 г. наглядно это показали. Транснациональную элиту США с уверенностью можно считать антихристианской. Уже многие десятилетия эта элита трудится над созданием в США нового населения путем метисизации, прямо-таки по сатирическому рецепту немецкого драматурга Бертольда Брехта — если вам не нравится народ, надо его распустить и создать для своих целей другой. Ни одна страна в мире не испытывала таких иммиграционных шоков, как США. Всего полвека тому назад только 16 млн (7 %) американцев были неевропейского происхождения. К 2000 году их было уже 80 миллионов (30 %), ныне уже 40–42 %[2].

Уже нельзя скрывать, что миграционные шоки организовывали так называемые неоконы. Это ныне главные противники Дональда Трампа. Вот почему Дональда Трампа поддерживают большинство белого населения, в первую очередь мужчины. Трамп обещает им вообще запретить на некоторое время иммиграцию мусульман. А от католической Латинской Америки отгородиться не стокилометровой Берлинской стеной, а трехтысячной мексиканской 18 футов высоты, 6 футов глубины. Забыты права человека. На горизонте могучее полицейское государство — бывшие Соединенные Штаты Америки. Неоконы — это спецназ мирового правительства[3]. Бывший депутат Европейского парламента Дж. Кьеза пишет о них так: «Я твердо убежден, что в США действует в буквальном смысле слова криминальная, безответственная группа людей, так называемые неоконы…» Руководитель Центра национального интереса известный в России Дмитрий Саймс в одном из теледебатов напомнил нам о происхождении неоконов: это последователи троцкистов, которые на опыте убедились в бесперспективности всемирной революции. Не получилось у Троцкого использовать Россию «как охапку хвороста для пожара мировой революции». Спасаясь от Гитлера, они перебежали и на другую сторону Атлантики — в США, и с левого на правый фланг созидателей мирового правительства.

---

[1] http:// www.gatestoneinstitute.org/4389 european commission president. By Soeren Kern, July 8, 2014.

[2] См.: *Бьюкенен П. Дж.* Смерть Запада. М., 2004. С. 13.

[3] См.: *Ключников Б.* Борьба двух Америк // Наш современник. 2006. № 8; *Ключников Б.* Россия под прицелом неоконов // Наш современник. 2008. № 10.

Уже несколько десятков лет неоконы де-факто контролируют внешнюю политику США. Они очень влиятельны и в Конгрессе, и в обеих партиях. Президентом всегда становился политик, которого они поддерживали. В нынешней кампании они делают ставку на Хилари Клинтон и Демократическую партию. Они травят Трампа. Не поддержали они и другого республиканского кандидата Т. Круза, тесно связанного с «Чайной партией» (Tea Party). В программе Tea Party прослеживаются элементы старого американского изоляционизма, сворачивания претензий на мировое господство. И Трамп, и Круз, придя к власти, могут пересмотреть политику США, взяв курс на защиту интересов евроамериканцев. Так в США теперь называют белых.

А пока сбывается то, что обещал президент Клинтон в 1998 г.: «Сегодня, в первую очередь благодаря иммиграции, мы не найдем преобладающего народа ни на Гавайях, ни в Хьюстоне, ни в Нью-Йорке… Ни одна нация в мире не переживала такого глобального демографического сдвига в такие короткие сроки»[1]. Дело Клинтона — дело неоконов — должна продолжить жена Хилари, взявшись за ускоренную метисизацию центральных штатов. Если победит Хилари Клинтон, то крайне правые группировки в США ускорят осуществление своих планов: «запереться в северо-западных штатах и создать заново “новую белую родину”». А это будет началом сегрегации, которая была повержена в Южной Африке. Теперь там сегрегации подвергнуты не уехавшие белые. Об их участи мало что известно.

Нам в России надо, прежде чем клясть и во всем обвинять Америку, уяснить, что для властвующей транснациональной элиты и ее спецназа — неоконов Америка уже давно не национальное государство, а американцы не нация. США для них не более чем удобная территория для банков и корпораций. Мировая олигархия дозволяет Вашингтону имитировать мировое правительство, быть его предтечей, подбрасывая пустые орехи в виде «исключительной нации». Но мировое правительство несовместимо с сохранением наций и их государств. Они должны отмереть. Эта же участь уготована и европейским нациям. Их будут уничтожать тоже с помощью массовой иммиграции. И кто знает, не станет ли Россия для них «новой белой родиной»? Аляска близка к нам, нас разделяет узкий Берингов пролив, под которым и русские, и американцы совместно уже проектируют построить тоннель. Всего в 60 километров.

Салафиты подрывают ислам

После вмешательства России в сирийский кризис в Европе начинают понимать, что выживание европейской цивилизации может обеспечить сотрудничество не только с Америкой, но и с Россией. Проект Большой Европы от Лиссабона до Владивостока будет непременно востребован. На его основе будет строиться общий антитеррористический фронт, который в ООН предложил В. Путин.

Псевдохалифат в наши дни ослаблен, боевики отступают и в Ираке, и в Сирии. Но до победы еще далеко. Нельзя расслабляться. Надо помнить, что среди боевиков не только «псы войны», уголовники, люмпены, психопа-

[1] Цит. по: *Бьюкенен П. Дж.* Смерть Запада. М., 2004. С. 14.

ты, всесветская шпана, как иногда нам сообщают СМИ. Командный костяк джихадистов состоит из офицеров и генералов саддамовской армии. Многие боевики — это идейно мотивированные люди, в том числе фанатики-салафиты. Почему среди них много молодых людей, выросших на Западе? Когда вестернизация и безрелигиозность не приносят мусульманину жизненного успеха, он вдвойне становится религиозным, а многие яростными салафитами. И, главное, они начинают придавать своему мусульманству героический и романтический смысл. Они верят, что джихад необходим, чтобы очистить мир от грехов и создать царство справедливости. Ради этого они идут на чудовищные преступления.

Пока нам помогает побеждать технология, современное оружие. Но как долго? Выжить за счет одной только технологии невозможно. Необходима сила духа, воля, уверенность в правоте нашего дела. Их рождает только вера. Но ее-то в постхристианской Европе почти не осталось. Ныне сурово и справедливо критикуют канцлера Ангелу Меркель. Но порой эта дочь пастора произносит мудрые слова. Вот, например, «В Европе не мусульман много, а мало христиан». Наши верующие предки с именем Христа веками успешно противостояли джихадам. Европейские духовно-нравственные установки, такие как толерантность, открытость, многие демократические права и свободы, в наступающие суровые времена становятся опасным анахронизмом. Кто ныне будет защищать европейцев от разворачивающейся на наших глазах городской герильи, от сети затаившихся террористов? Кто? Усатая Кончита? Гомосексуалисты, педерасты, педофилы, биржевые спекулянты, взяточники, мошенники? Неужели правда, что, как сообщают СМИ, немцев морально оскопили так, что 40 % мужчин хотели бы стать домохозяйками? Не подтверждают ли это события в Кельне в новогоднюю ночь 2016 года?

Да, мы наблюдаем тектонические сдвиги в геополитике: впервые за столетия началась эпоха быстрого отступления Запада. Радикальные исламисты видят много признаков этого и делают ставку на подрыв духа европейцев, на панику среди них. Этой цели служат и теракты, и волны беженцев. Глашатай псевдохалифата уничтоженный Абу аль Аднани грозил: «Мы захватим ваш Рим, повергнем ваши кресты, поработим ваших женщин… Не успеем мы, так наши сыновья будут продавать ваших сыновей на невольничьих рынках»[1].

Этот глашатай нанес колоссальный вред мусульманству, великой религии Мухаммеда. «Умеренный» саудовский шейх Салех аль Фавзан учит: «Рабство — это часть ислама. Рабство — это часть джихада». Другой профессор, М. Каддури, проповедовавший в университете Джона Хопкинса в США, учил так: «Дар аль ислам (мир ислама) обязан вести перманентный джихад, пока Дар аль Харб (неисламский мир, мир войны) не будет повержен… это означает непрекращающуюся войну, наступление психологическое, политическое, а если необходимо и чисто военное»[2]. О таких подрывниках-еретиках говорили участники конференции «Суфизм — безопасность для человека и стабильность государства» (Грозный, февраль 2015 г.): «Действия ИГИЛ подрывают ислам изнутри, заставляют мир отвернуться от ислама. Так поступали убийцы халифов и внука Пророка».

---

[1] The Atlantic, March 15, 2015. What ISIS really wants. By Graham Wood.

[2] *Khadduri M.* War and Peace in the Law of Islam. Baltimor. 1995.

Основатель Партии Ислама (Jamaat-e-Islam) в Пакистане наставляет: «Джихад — это Священная война. Цель ислама совершить всемирную революцию». Как видим, цель троцкистов и салафитов по сути одна и та же — перманентная революция и мировое господство. И те, и другие пытаются оседлать объективную тенденцию к всемирности. Салафиты, вахабиты и прочие радикальные исламисты считают недочеловеками «неверных кафиров», с которыми мира не может быть, возможно только перемирие (hudna). Договориться с салафитами тоже нельзя, потому что они религиозно оправдывают лицемерие, вероломство, обман (taqiyya). Почему, например, они не признают халифат, который веками возглавлял турецкий султан? Потому, — заявляют они, — что в султанском халифате не соблюдалось до 85% норм исламского религиозного права — шариата. Нормы шариата (в переводе с арабского это — путь праведной жизни) охватывают все стороны жизни мусульманина. Шариат основывается на классических источниках ислама — на Коране, на Хадит и на Суне. Турецкий халиф все-таки понимал, что в мусульманском мире за 14 веков после смерти Пророка Мухаммеда жизнь изменилась, многие обычаи и нравственные ценности устарели. Салафиты, напротив, настаивают, что все нормы шариата веками остаются в силе на все времена и повсеместно! Вот эта догма и ведет к тому, что границы с исламом постоянно кровоточат, — утверждают западные исламоведы.

Что знают на Западе о шариате

Ни одна тема на Западе не обсуждается ныне так широко, не вызывает столько эмоций, столько противоречивых и прямо противоположных суждений, как ислам и шариат. Такие же споры были и в царской России, где Православие и ислам учились уживаться веками. Строитель мечети в Санкт-Петербурге А. Баязитов опубликовал исследования «Возражение на речь Эрнеста Ренана[1] и книгу “Ислам и прогресс”» (СПб., 1897), где доказывал, что ислам вовсе не мертвящая сила, что он делает упор на нравственное совершенствование, благоговеет перед наукой. Такого же мнения придерживаются и западные *профессиональные* исследователи ислама. Современный французский ученый Жак Бергуе (Jacques Berque) издал фундаментальное исследование о шариате[2]. «Шариат — это путь, путь жизни, путь совершенствования, но на Западе и ислам, и Коран, и шариат, — пишет он, — уже давно стали объектами фантазмов и глубоко ошибочных выводов». Верно! Не мог бы ислам стать одной из четырех великих мировых религий, если бы он не был религией света и добра. Нападают на ислам и шариат поверхностные «знатоки» Востока. Их фантазмы перепевают в угоду обывателям бессовестные СМИ, которые одурманивают все большее число людей. Ведь они фокусируют внимание на таких нормах шариата, которые в большинстве стран уже веками не применяются. Приведу выдержку из одной типичной публикации о шариате:

«— За отказ от мусульманства — смерть.

— За подстрекательства к отказу от ислама — смерть.

---

[1] Ренан Эрнест (1823–1892), французский историк религий, семитолог.

[2] La Charia aujourd’hui.

— Смерть немусульманину, который осмелился жениться на мусульманке.

— Муж имеет право развестись с женой, но жена должна получить согласие мужа на развод.

— Мужчина может жениться даже на 9-летней девочке.

— Муж может бить жену за непослушание.

— Чтобы доказать изнасилование, женщине надо найти четырех свидетелей.

— Свидетельство женщины в суде допускается только в имущественных спорах, но оно значит вдвое меньше, чем свидетельство мужчины.

— Женщина наследует половину того, что наследует мужчина.

— Женщине запрещается разговаривать наедине с мужчиной, если это не ее муж или родственник.

— Во имя Аллаха немусульманину можно лгать, нарушать клятву (догмат Taqiyya). Об этом "догмате" дана ссылка на айят 3.38». Открываем Коран: в нем нет и намека на дозволенность врать и т. д. В этом айяте сказано так: «Пусть верующие не берут себе друзьями помимо верующих — неверующих…»[1].

Лжеученые и исламофобы нагородили массу нелепостей об исламе. Где, в каких странах, кроме Саудовской Аравии, в Судане и некоторых захолустных местечках, до сих пор наказывают плетьми, рубят ворам руки, отступникам головы, неверных жен побивают камнями? Где, только в помраченном сознании салафитов, только в ИГИЛ. Нормы шариата ныне практикуются в некоторых странах и только в области гражданского права и крайне редко в уголовных делах. Мусульманские ученые, отражая новые веяния времени, веками трудились над осовремениванием шариата. Они, например, стали подразделять предписания шариата на пять категорий: обязательные, рекомендуемые, разрешаемые, нежелательные, запрещенные.

Критики ислама на Западе обычно умалчивают о многих краеугольных положительных нормах шариата. Крепкая семья, забота о детях, помощь бедным, запрет абортов, неприятие содомских грехов и т. д. Все знают, что ислам запрещает алкоголь, но очень немногие знают, что ислам запрещает спекуляцию и паразитизм, когда деньги делают деньги и взимается ростовщический процент.

Истоки исламофобии

Конечно, мусульмане такие же грешники, как и христиане. Эти прекрасные предписания нарушаются, особенно на чужбине. Это вызывает у некоторых европейцев негодование. Они выискивают фактические «ошибки в Коране, насмехаются над рассказами-«небылицами» из жизни Пророка. Почему эти невежественные пришельцы — мусульмане строят не школы, а мечети? Пять раз в день молятся вместо того, чтобы работать? Не учатся, а зубрят свой Коран? Пока такой будет их жизнь, не будет у них прогресса, будут жить за счет нас, европейцев, на пособия, на деньги, которые мы зарабатываем в поте лица. Среди них будет расти злоба и зависть к Западу. Так распространяется исламофобия.

---

[1] Коран. Перевод д-ра полит. наук У. З. Шарипова и канд. ист. наук Р. М. Шариповой. М., 2012.

Особую роль играют карикатуры на Пророка Мухаммеда. Впервые они появились в Дании. Потом в США о нем были сняты омерзительные фильмы. Зачем было устраивать это тупое, в конечном итоге контрпродуктивное глумление? Так вскипали волны ненависти, неизбывной вражды против Запада, против всех европейцев. Кто авторы этой подлости? Глупцы или… провокаторы?! Скорее провокаторы, которые вскармливали талибов, Аль-Каиду, обеспечили победу салафитов в ИГИЛ. Европейцы не знают, да и не хотят знать, кто и что значит Мухаммед для мусульманина.

Мухаммед — грандиозная светоносная личность. Таких в истории единицы: Конфуций, Будда, Сократ, Моисей, иудейские пророки. С каждым восходом солнца миллиард людей от Индонезии до Нигерии преклоняют в молитве колени, склоняют головы, восхваляют Аллаха и его посланника — последнего Пророка. В тысячах хадит четырнадцать веков складывались сказания о его жизни и подвигах: родился в 570 г. при персидском царе Хосрое I, в год Слона. Отец Абдала водил караваны и умер, возвращаясь в Мекку до его рождения. Когда мальчику было шесть лет, умерла и его мать Амина, Мухаммед остался сиротой. Те, кто знал Мухаммеда, оставили в сказаниях его словесный портрет: среднего роста, широкоплеч, крепкого сложения, длинные руки, крупные кисти, высокий выпуклый лоб, орлиный нос, большие темные глаза с янтарными искорками, длинные, слегка волнистые волосы, густая борода, большой рот с приятной мягкой улыбкой, бледное лицо, походка быстрая, будто он сбегает со склона. Вместо смеха — яркая улыбка[1]. В карикатурах нет ничего, что напоминало бы этот портрет. Пророк с самого рождения живет в сердцах мусульман. И бездарные наветы не способны поколебать веру и любовь к нему миллиарда мусульман.

Еще 30 лет тому назад большинство европейцев с симпатией относилось к мусульманству. Они помнили, что солдаты из этих стран воевали против нацизма и еще недавно были под гнетом колониализма. Они жертвенно создавали сотни агентств помощи «беженцам». Общины христиан много сделали, чтобы обустроить их жизнь, учить их детей, устраивать на работу, добивались законов о пособиях иммигрантам. Следует признать, что ни одно мусульманское общество не дает столько прав, столько социальных благ, как европейские страны. И это пришельцам! До́ма у них даже собратьев-мусульман из других стран быстро возвращают обратно. Алжир, например, изгнал марокканцев и туарегов; зажиточный при Саддаме Ирак — египтян; Саудовская Аравия — миллион йеменцев. Вместо них завезли сотни тысяч покорных и трудолюбивых филиппинцев. В процветавшей при Каддафи Ливии попытались осесть всего несколько тысяч египтян и бездомных палестинцев. Их за несколько дней жестко изгнали. Вот такое на деле бывает «мусульманское братство».

Отношение к мусульманам в Европе стало меняться, когда стало ясно, что они упорно сплачиваются вокруг мечетей, чуждаются, живут по своим обычаям. Во многих семьях дети не хотят учиться, бросают школу, хулиганят, бездельничают. Фокусируется внимание на редких случаях, когда мужчины в явочном порядке вводят полигамию, привозят порой всех своих

[1] *Ключников Б.* Исламизм. США и Европа. М.: ЭКСМО; Алгоритм, 2003. С. 295.

жен с десятком детей и, бросив работу, спокойно паразитируют на щедрые пособия, суммы которых и не приснились бы им в их родных странах. Исламофобы через СМИ раздувают эти случаи безобразного поведения пришельцев. Многие коренные европейцы, зарабатывающие хлеб в поте лица своего, начинают считать всех мусульман нахлебниками, которых надо высылать. В Германии появилось ничем не подтвержденное сообщение, что из трех миллионов турок два с половиной миллиона получили немецкое гражданство и что 80 % из них живут на социальные пособия. Так нарастает враждебность, хотя в повседневной жизни европейцы видят, что мусульмане честные труженики и выполняют тяжелые и плохо оплачиваемые работы. Рабочие — коренные европейцы, кстати, тепло отзываются о тех мусульманах, с которыми они трудятся.

Европа находится в состоянии войны сама с собой. Европейцы мечутся, часто меняют отношение к пришельцам. Кто допустил, что Европа стала проходным двором? В Германии, например, проживает 82 млн человек и из них 18 млн иностранцев. Немцы, французы и прочие европейцы перестают верить правителям, которые действительно демонстрируют пугающую недальновидность, узость взглядов, угодничество перед финансовым капиталом. Массовую иммиграцию европейцы стали воспринимать как надвигающуюся беду: под угрозой становится их существование. Кто защитит их женщин, каково будущее их детей? Власти уверяют, что «мы справимся» (А. Меркель) и продолжают уничтожать всякую христианскую символику: кресты в школах и больницах; запрещают носить нательные крестики (иначе мусульмане будут носить хиджабы); перестают отмечать в школах и детсадах Рождество и т. д. Главное, — убеждают они, — не конфликтовать, не злить мусульман. А то хуже будет, вы видите, как могучая Турция становится агрессивным султанатом, а у нас живут миллионы турок! От турок лучше откупиться. Люди уже не понимают, где кончается веротерпимость и гуманизм и где начинается позорная капитуляция. Забывают, кто между войной и позором выбирает позор — в итоге получает и то, и другое. В уступчивости до сентября 2015 г. лидировала Англия. Там, например, разрешили учреждать частные исламские школы. Как отказать? Ведь уже столетиями существуют еврейские школы. Во Франции мусульмане не добились создания отдельных мусульманских школ. Но началось нарастающее давление на обычные школы. Французы! Вы же родина прав человека, так обеспечьте нашим детям в школах места для молитвы; введите для них уроки по Корану; обеспечьте в школах и в ресторанах особые мусульманские блюда; не обязывайте наших детей ходить на уроки рисования; не смейте заставлять наших девочек ходить на уроки гимнастики и вместе с мальчиками посещать бассейны; пусть мусульманки носят свои обычные платки, а то и паранджи. Очень настойчиво мусульманские организации добиваются признания многих норм шариата: законности браков, заключенных в мечетях, прав наследования, особых кладбищ или участков на кладбищах. Все чаще они ставят вопрос о мусульманской квоте среди чиновников и о создании исламских политических партий с фракциями в парламентах для защиты быстро растущего мусульманского населения.

Год за годом растет число мусульманских кварталов в городах, гетто, сеть шариатских зон. Туда уже давно не решаются заходить даже полицейские. Так было до теракта и в брюссельском районе Моленбек, он всего в че-

тырех километрах от штаб-квартиры НАТО. Европейские государства зримо распадаются на сеть этнических и религиозных анклавов. На улицах европейских городов все громче звучит молитва «Аллах Акбар». В городах Германии уже вывешивают знамя псевдохалифата. В столице Нидерландов Гааге прошла массовая антисемитская демонстрация. «Смерть евреям!» — кричали разъяренные толпы. Телевидение показывает демонстрации африканцев-мусульман с лозунгами «Немцы, мы будем вас убивать!». Немки бессильно жалуются: «вокруг одни черные молодые, сексуально озабоченные мужчины (testosteron ueberladene maenner)». Они пристают к женщинам, а те уже боятся в одиночку ходить по улицам. Безответственные журналисты распускают слухи, что арабские государства избавляются от преступников-рецидивистов и психически больных, грузят их на лодки, чтобы плыли в Европу. В шторм, когда лодки перегружены, мусульмане якобы выбрасывают в море христиан.

А что будет, если после терактов, что были в Париже и Брюсселе, начнется массовая сетевая герилья?! Страшно представить бойню в городах! Люди погружаются в пугающее безразличие: а может, обойдется, а может, ИГИЛ двинется не в Ливию, не в Африку, а в Афганистан, в Центральную Азию, на Россию. Ведь это из-за русских бомбежек в Сирии поднялась волна беженцев. Так же надеялись, когда Гитлер готовился к броску. Бросился он вначале на Париж, а не на Москву. Министр иностранных дел Ф. Штайнмаер как-то перечислял теракты… в Тунисе, Париже, Брюсселе. Но не вспомнил о 224 русских, погибших в авиакатастрофе над Синаем. Что это, оплошность? Или сигнал террористам, что теракты против русских не волнуют правителей Запада. В это можно поверить при разгуле русофобии. Призывы защищать христианские ценности не находят отклика. Создается впечатление, что европейцы забыли своих христианских предков и их подвиги в отражении турецких завоевательных походов. «Ворота Вены» с 1683 г. открыты и вера предков не достойна защиты. В Берлине практически была сорвана демонстрация в защиту истребляемых христиан Ирака и Сирии: пришло несколько десятков человек. А в том же Берлине на призыв выйти на демонстрацию за легализацию некоторых наркотиков вышли, немедля, шесть тысяч молодых людей.

Недавний опрос во Франции показал, что 70 % опрошенных считают, что французов заставят принять ислам. Французским опросам вторят немецкие СМИ: «Будущее Европы — исламское (Europeusche Zukunft wird islamisch sein). Это только вопрос времени»[1]. В социальных сетях 29 сентября 2015 г. (это был пик беженцев) читаю некоего Стивена: «Раса белых людей достигла эволюционного тупика. Из-за безмерного альтруизма она потеряла инстинкт самосохранения. Другие расы осознали это и быстро заполняют Европу». Никто в сотнях комментариев не опроверг печальные домыслы Стивена. На обложках журналов, на плакатах демонстрантов все чаще мелькает плаксивое лицо канцлера Меркель в мусульманском платочке. Об отношении к властям в Германии свидетельствует характерный саркастический рисунок в одном из изданий, который долго веселил читателей интернет-сайтов: клумба, на ней растут цветы, каждый цветок — одна из шести партий, представленных в бундестаге (Linken, SPD, Greunen, CDU, CSU, FOP); около клумбы стоит бравый полицейский… в противогазе. «По-

[1] Monthly Archives, July 2014.

чему вы в противогазе?» — спрашивают его. Он отвечает: «Иначе больше нельзя выдержать это дерьмо[1] («дерьмо» в щадящем переводе. — *Б. К.*). Статья к рисунку озаглавлена «Политический истеблишмент: враг немцев»[2].

На выборах в Германии в ландтаги земель правящие партии терпят поражение. Партия «Альтернатива для Германии» уверенно побеждает, потому что предлагает решительные меры не только против массовой иммиграции, но и против Евросоюза, за сотрудничество с Россией. Еще недавно над ней насмехались, называя за малочисленность «партий профессоров».

Фактор евроислама все глубже раскалывает европейские народы. Волны новых беженцев приводят к опасным сдвигам в общественном мнении: все большее число европейцев настраивается не только против радикальных исламистов, салафитов-террористов, а против самой великой религии, против ислама. Хватит лицемерить, — яростно требуют они. Нет и никогда не было мирного ислама. Это тоталитарная идеология, религия сабли и подавления инакомыслия. Вчитайтесь в Коран. Там нет никакого «умеренного ислама», там нет места ни свободе человека, ни демократии. Посмотрите, что творят «воины Аллаха» на Ближнем Востоке. Уже миллионы погибших, террор в 60-ти странах мира. А что творят новые сотни тысяч беженцев! Обстановка накаляется, экстремисты с обеих сторон рвутся в бой, не задумываясь о последствиях. Это очень опасно! России, с ее историческим опытом уживчивости православных и мусульман, с такими экстремистами не по пути.

Геополитика ИГИЛ

Победы над ИГИЛ, взятие Пальмиры, успехи в Алеппо порой вызывают эйфорию: скоро с ИГИЛ будет покончено! Рано расслабляться! Огненная лава радикального исламизма извергается отдельными рукавами по всему «поясу нестабильности» от Филиппин до Сомали и Нигерии. Этот пояс, известный в геополитике как «Анаконда», был сконструирован американцами для удушения Советского Союза[3]. Скоро, однако, этот змей вышел из-под контроля США и превратился в гидру о многих головах, в Горгону со змеями вместо волос. Уже видно, как новые головы салафитской Горгоны возникают в Ливии, в Мали, в Нигерии, в Афганистане, в Туркмении, в Йемене, в Сомали. И пока нет никого, подобного древнегреческому герою Персею, который отрубил голову Горгоне Медузе. Помните, из крови Медузы, упавшей в пески Ливии, родились ядовитые змеи, которые уничтожали все живое.

У псевдохалифата всемирный замах. Не отменены пока ни бросок на Саудовскую Аравию, ни захват Мекки и Медины. Геополитики ИГИЛ полагаются на сетевые структуры, выстраивают сложные, как у пчел, роевые образования. В центре матка, перемещающаяся из государства в государство. Это ядро религиозных и военных руководителей. Они рассылают другие рои в периферийные модули, в том числе в Европу. Будто о них писал Пушкин: «Мчатся бесы рой за роем в беспредельной вышине, // Визгом жалобным и воем надрывая сердце мне».

---

[1] “Anders Kann man diese Scheisse nicht mehr aushalten”.

[2] Das politische Establishment: der Feindder Deutschen.

[3] См.: *Ключников Б.* Анаконда // Наш современник. 1999. № 5.

В салафитской геополитике миграция в немусульманские страны используется для завоевания, как средство постепенной оккупации. Именно так трактуется салафитами айят Корана 4.100: «А кто переселяется, двигаясь по пути Аллаха, тот найдет на земле большое количество убежищ и изобилия…». Фанатики ссылаются опять же на Пророка Мухаммеда: он ведь тоже вначале ушел из Мекки в Медину, а потом захватил языческую Мекку. Европа с ее богатейшими ресурсами должна стать новой Мединой для завоевания всего мира.

Заметим, что мусульманские богословы веками иначе трактовали уход Пророка из Мекки. Ислам под властью иноверцев — явление, не предусмотренное Пророком. Он покинул языческую Мекку потому, что мусульманин не должен жить под властью иноверцев. Он обязан уходить к себе в мир ислама — в Дар аль-Ислам, где только и возможно вести жизнь правоверного мусульманина. В XII веке мусульмане ушли из Сицилии, в XV веке из Испании. Испанская королева Изабелла в 1492 г. подтолкнула исход последних мусульман из Гренады, где они господствовали восемь веков. Согласно этой трактовке миллионы мусульман должны вновь покинуть Западную Европу. Но салафиты требуют создавать в Европе свои эмираты-государства, вытеснять шаг за шагом, год за годом государства кафиров, истреблять их в непрерывной городской герилье — в арабской razzia.

Но кафиры могут проснуться и прогнать дряблых, толерантных либералов и прочих безбожных правителей. И тогда разверзнутся врата ада, начнутся истребительные гражданские и религиозные войны, которые унесут жизни десятков миллионов мусульман и христиан. Исламисты бросают Европе вызов и вновь, как в XVII–XVIII вв., получат отпор. Уже вызревают силы сопротивления. Вопрос только, кто его возглавит. Христиане, расисты, неоязычники или неонацисты. Низвергнув крест, европейцы рискуют вновь существовать под сенью свастики.

Но должен же быть путь к примирению и сотрудничеству между мусульманской и христианской цивилизациями! Ясно, что в Еврабии мира не будет. Зреют гроздья гнева и ненависти. Сама жизнь, видимо, решит с годами эту неразрешимую ныне проблему. Решит так, как ее решали в Ветхом Завете Авраам и Лот, когда «непоместительна стала земля»: «И сказал Аврам Лоту: да не будет раздора между мною и тобою… Не вся ли земля перед тобою? *Отделись же от меня*». Когда Германия согласилась выплатить 6 млрд долларов Турции на содержание беженцев, то не было ли это началом этого пути? Пути помощи отставшим странам, такой, чтобы они смогли решать свои социальные проблемы, оставались дома и прекратили массовое переселение на Север.

А пока положение отчаянное. В Европе нарастает хаос. В Берлине, например, уже сражаются сторонники беженцев — левые против правых националистов, которые требуют прекратить иммиграцию. Дом, разделившийся в самом себе, не устоит. Ясно одно: долго так не может продолжаться. Из подобной сумятицы выползали Хорти, Муссолини, Гитлер. Древнегреческий мудрец Софокл печально предупреждает: «Нужно подождать до вечера, чтобы понять, каким чудесным был день». Странная, настораживающая семантика: запад по-немецки — Abendland — страна вечера, земля заката. Absit, Omen! — Да не будет это мрачным предзнаменованием.

Иржи ОПРШАЛ

КАРЕЛ ГАВЛИЧЕК БОРОВСКИЙ (1821–1856) — ЧЕШСКИЙ ПАТРИОТ И ВЕЛИКИЙ СЛАВЯНИН

Иржи Опршал — родился в 1932 г. в городе Гавличкув Брод (Чехословакия). Первый чехословацкий выпускник МГИМО МИД СССР — выпуск 1958 г. Ответственный сотрудник Министерства иностранных дел Чехословакии (1958–1990) — специалист по Франции и западноевропейской интеграции. С 1969 по 1989 гг. — непосредственный участник СБСЕ и всех последующих встреч хельсинского процесса. С 1990 г. — бизнес-советник по экономическому сотрудничеству и контактам Восток–Запад. С 2002 по 2012 гг. — председатель Клуба чешских и словацких выпускников МГИМО. **Живет в Праге, Чехия.**

70 лет тому назад, летом 1946 года, в моем родном городе, находящемся на Чешско-Моравской возвышенности, состоялся большой праздник. При участии президента Бэнеша здесь открыли статую Карела Гавличека, а город Немецкий Брод переименовали в Гавличков Брод. Тысячи жителей торжественно отмечали освобождение от фашизма и готовились к строительству новой жизни в содружестве славянских народов. Президент Бэнеш тогда назвал Гавличека «живым образцом, в котором будем черпать силу для строительства прочных основ новой свободной республики». Для меня, тогда 14-летнего школьника, этот праздник запомнился на всю жизнь.

В 2016 году исполнилось 195 лет со дня рождения Гавличека и 160 лет со дня его смерти. В связи с юбилейными датами следует вспомнить короткую, но очень насыщенную жизнь этого славного сына чешского народа, его патриотизм и любовь к славянству поныне являются нам примером.

* * *

В условиях габсбургского абсолютизма у Карела Гавличека, 17-летнего гимназиста, жившего в Немецком Броде, возникло ясное патриотическое решение: вызволить чешский народ из порабощения и завоевать для него достойное место среди европейских народов. Перед Карелом стояла также личная задача — овладеть литературным чешским языком, поскольку он учился в немецкой гимназии.

В 1840 году Гавличек поступает в Пражскую духовную семинарию, где учится хорошо и с большим усердием. Но постепенно молодой

человек разочаровывается в католической церкви, узнав, что ее служители меньше всего заботятся о благе чешского народа и являются оплотом габсбургского гнета. Когда Карел написал стихотворение «Брат чех, расстанься с черным капюшоном», его исключили из семинарии. О настроении Гавличека свидетельствует и его эпиграмма, названная «После Белогорской битвы»:

В пору битв с еретиками, много лет подряд
Рай мы в Чехии имели, а по смерти — ад.
Но едва лишь Фердинанда Бог послал в наш край,
Ад мы в Чехии имеем, а по смерти — рай.

В годы идейного становления на Карела Гавличека сильно повлияла поэзия Яна Коллара, в которой чешский патриотизм соединялся с братским отношением к остальным славянским народам. Славянское мировоззрение Гавличек считал высшей добродетелью образованного чеха. Жажда знаний гонит Карела путешествовать. Он изучает славянские языки и собирается объехать все славянские земли. Во время каникул 1842 года он отправился в Краков, находясь тогда под влиянием польского революционного романтизма. Но Карел стремился дальше, на восток. Был бесконечно счастлив, когда известный писатель Шафаржик помог ему устроиться в Москве в качестве домашнего воспитателя в русскую семью. По пути в Россию он вынужден был в ожидании визы задержаться на 2 месяца во Львове. Здесь Карел с сочувствием следил за украинским национальным движением, которое во многом тогда было подобно чешскому сопротивлению. Но на Украине его разочаровали польские паны и вся польская знать. Гавличек резко осуждал польский эгоцентризм, и в дальнейшем его симпатии к полякам истощились.

Радовался Карел Гавличек, когда оказался «в белокаменной матушке Москве за идеями». Здесь он пробыл с февраля 1843 по июль 1844 года. Жил он в семье известного славянофила, профессора университета С. П. Шевырева. Познакомился со многими деятелями русской культуры, бывал в новом тогда университете на Моховой, где участвовал в принятии экзамена по чешскому языку. В Москве Гавличек выучил русский язык, занялся русской историей и литературой, начал переводить на чешский повести Гоголя. Из Москвы он послал в чешские газеты серию очерков «Картины из России». Все удивляет и восхищает молодого европейского учителя: «В России, и именно здесь в Москве, чувствуешь величие. Здесь все колоссально. Если звонят колокола, то не 5—10—100, а 5000 одновременно. Сам Господь Бог, желая угодить русским, решил: уж если быть зиме, то такой, чтоб нос отмерз напрочь».

Отдыхая летом в имении московского генерал-губернатора Голицына, Гавличек увидел тяжелейшую жизнь крепостных и с горечью написал: «крестьяне после скотины первые господа в стране… На себя работают ночью, на барина — днем». Видя язвы крепостничества, он взволнованно писал в чешской газете: «Русский крестьянин и торговец заслуживают честь и славу… и когда они однажды пробьются вверх, покажут миру, кто такой православный русский народ». Однако односторонняя ориентация на славянофилов ему не позволила увидеть демократические силы тогдашней

России, понять свободолюбие поэзии Пушкина и Лермонтова. Чем глубже узнавал Карел русскую жизнь, тем критичнее стал относиться к деспотизму царского режима. Это отразилось и на его отношении к славянству в целом. Он разочаровался в славянофилах, демонстративный патриотизм которых находил не искренним. После возвращения на родину Карел Гавличек об этом скажет и напишет открыто. И на родине он также увидел, что патриотизм стал лицемерным, лишь данью политической моде.

Приближается революционный 1848 год. В Праге готовили Всеславянский съезд, в подготовке которого Гавличек принял активное участие. Его антигабсбургская пропаганда была для абсолютизма настолько опасной, что власти выслали Карела сначала в город Кутна Гора, где Гавличек стал издавать журнал «Славянин». Позже по распоряжению министра Баха его, как опасного государственного преступника, отправляют в ссылку в южнотирольский Бриксен. Здесь вольнодумца держали под надзором до апреля 1855 года. Когда, находившемуся долго под пристальным полицейским контролем, смертельно больному чахоткой Гавличеку разрешили вернуться на родину, ему оставался лишь год жизни. Похороны свободолюбивого сына чешского народа в июле 1856 года превратились в крупную политическую манифестацию. Патриотический дух Карела Гавличека живет в чешском народе до сих пор.

В Бриксене Гавличек написал свои известные сатирические поэмы «Тирольская элегия», «Король Лавра» и «Крещение святого Владимира» — блестящие пародии на абсолютизм. Позволю себе напомнить несколько строф из его стихов.

ИЗ «ТИРОЛЬСКОЙ ЭЛЕГИИ»

Я из края музыкантов, только мой тромбон
не по вкусу венским бардам, он смущал их сон.
И они, чтоб обеспечить для себя покой,
полицейскую карету выслали за мной.
.....
И жандармы, под моим окошком
вдоль ходя и вширь,
ангелам-хранителям подобно
стерегут мою Сибирь.

ИЗ «КРЕЩЕНИЯ СВЯТОГО ВЛАДИМИРА»

Веет ветер черноморский, травы гнет тугие,
собираются на конкурс кандидаты в Киев.
Папа шлет из Рима, оппонентов кроет,
Дескать, греческая вера и гроша не стоит.
Шлют посланье из Царьграда, там печать как миска:
«Отврати, Владимир, уши, коль антихрист близко!»
Пишет муфтий мусульманский, дав совет при этом:
«Истреби собак неверных. Правда — с Магометом!»

ЭПИГРАММЫ

Демократия:
Не ходи, Вашек, с панами на лед,
Будешь калекой маяться
пан поскользнется, и — ты во след:
ноги твои сломаются.

Посмертное направление:
Что случится после смерти,
Можешь нынче угадать.
По грехам твоим при жизни
сможет смерть тебе воздать.

Под конец своих воспоминаний о великом патриоте и славянине Кареле Гавличеке позволю себе привести небольшую эпиграмму, актуальную в наши дни.

Мечтали наши предки о славянстве большом,
но распри их терзали, остался каждый при своем.
Славяне, забудьте про ссоры и спор,
ищите скорее совместных опор.
Сбирайте совместно любви виноград,
И выньте из ружей прицел и заряд!

ВЫШЛА КНИГА

Гуревич И.
Доброе небо. Псков, 2015.

«Доброе небо» — издательский фант, который объявляет авиакомпания «Псковавиа» и рассчитывает проводить его ежегодно. В рамках проекта авиакомпания планирует раз в год поддерживать издание одной авторской книги или сборника произведений нескольких авторов, поэтов и прозаиков, писателей-документалистов, публицистов, проживающих в регионах, вошедших в расписание полетов авиакомпании.

В 2015 году для поддержки издания выбрана книга архангельского поэта Игоря Гуревича. Поскольку это первая книга, изданная по гранту авиакомпании «Псковавиа», мы сочли правильным, по согласованию с автором, так и назвать ее: «Доброе небо».

Желаем новой поэтической книге высокого полета, а поэту — новых творческих свершений и удач!

Генеральный директор авиакомпании
«Псковавиа», Виктор Мартыненко

Евгений ШМАГИН

КИРГИЗИЯ-2005: ТЮЛЬПАНЫ ИЛИ ЧЕРТОПОЛОХ?*

Евгений Алексеевич Шмагин — Чрезвычайный и Полномочный Посол в отставке. Родился в 1949 г. в г. Осташкове Калининской области. После окончания в 1972 г. МГИМО и до выхода на пенсию в 2015 г. работал в различных подразделениях центрального аппарата МИД и его загранучреждениях в Германии, Австрии и Киргизии.

*Продолжение. Начало в № 3, 2016.

27 февраля и 13 марта 2005 года прошли два тура парламентских выборов. Главным их итогом стала внушительная победа партии власти, получившей твердое конституционное большинство в местном парламенте и столь же сокрушительное поражение оппозиционных сил, сумевших провести в Жогорку Кенеш только жалкую горстку своих соратников. «Прокатили» и лично Бакиева. Я прекрасно помню улыбающееся лицо довольного Аскара Акаевича, просившего передать в Москву: «Бронепоезд контрреволюции, приведенный американцами в движение на постсоветском пространстве, остановлен на земле Киргизстана». Оптимистичные слова президента я сопроводил собственным менее радужным комментарием, высказав мнение, что главе государства необходимо незамедлительно принимать действенные, а не раздражающе-косметические меры по решению насущных перезревших проблем, причем частично уже не терапевтическими, а хирургически-инвазивными методами. Иначе из сверкающих искр недовольства однажды действительно разгорится пламя народного гнева, а прогнозировавшаяся, но несостоявшаяся «революция» окажется только отсроченной, перенесенной «по техническим причинам» на более поздний время. На языке все время крутилось одно знакомое изречение: как бы акаевский «триумф» на выборах не превратился в пиррову победу! К сожалению, мои пророческие опасения подтвердились гораздо быстрее, чем я предполагал.

Уже после первого тура голосования по всей стране (но с особой силой — на юге) стали вспыхивать протестные выступления. Недовольные исходом выборов радикальные оппозиционеры поднимали народ на пикеты, митинги, демонстрации, захваты государственно-администра-

тивных зданий, организовывали «народные курултаи», пешие и конные походы на Бишкек. После завершения второго этапа активность масс резко пошла в гору, причем первоначальные требования пересмотра результатов выборов быстро переросли в лозунги отставки президента. Во многих местах стали спешно создаваться параллельные структуры управления. На этом тревожном фоне президентская администрация демонстрировала на удивление олимпийское спокойствие, время от времени объявляя антиправительственные акции «агонией оппозиции».

Вечером 22 марта почуявший неладное Акаев наконец выступил по национальному телевидению. Страна, заявил он, стоит перед серьезными испытаниями. Стихийные выступления, с которыми уже не в силах совладать те, кто их инициировал, привели к погромам, парализовали жизнь крупных городов юга. С самого начала этих акций, подчеркнул президент, власть категорически отвергла любую возможность силового решения вопросов. Органы правопорядка не имели оружия и не применяли его. Совсем поиному вели себя оппозиционеры. С осуждением их насильственных действий выступили ООН и ОБСЕ. Возникшие проблемы необходимо решать совместно и исключительно политическим путем, через переговоры, которые уже ведутся. Однако об отмене результатов выборов, прошедших в соответствии с буквой закона, не может быть и речи. Не в компетенции митингов и требование об отставке легитимно избранного президента, заявил Акаев. Он призвал всех киргизстанцев сохранять спокойствие и общественный порядок, не поддаваться на провокации. «Верю, — заключил глава государства, что обстановка в скорейшем времени будет нормализована. — Мы вовсю работаем над этим и непременно добьемся успеха».

На конец марта был запланирован очередной визит в Киргизию Председателя Правительства России. Держа руку на пульсе событий, мы одновременно принимали передовую группу из Москвы, готовившую высокий визит (впоследствии, правда, отмененный). На одной из встреч я, как назло, крепко простудился. Болезнь, разумеется, нисколько не мешала переписке с Центром. Я стремился скрупулезно протоколировать мельчайшие нюансы с каждым часом все более осложнявшейся ситуации. Коллеги в министерстве шутили: по объему донесений Бишкек вздумал тягаться с крупнейшими посольствами.

Взаимоотношения с курирующими структурами в МИД РФ, к сожалению, складывались не особенно благожелательным образом: я напрасно ждал наставлений, указаний и рекомендаций. Департамент-куратор посольства — ЗДСНГ того времени отличался особой леностью мыслей и действий. Иногда складывалось впечатление, что про начинавшую кипеть Киргизию попросту забыли. Только 21 марта последовало заявление МИДа о ситуации на юге республики. Вечером 23 марта я получил, наконец, высокое одобрение на свое же собственное предложение инициировать скорейшее прибытие в Бишкек российской посреднической миссии. С температурой под сорок я направился в республиканский Белый Дом.

А. Акаев принял не у себя в кабинете, как это бывало обычно, а в комнате для переговоров. Он вел беседу в традиционно добродушной тональности, как будто ничего серьезного не случилось. Глава государства вежливо выразил глубокую признательность российской стороне за понимание происходивших в Киргизии процессов, за ее готовность содействовать дальнейшему поступательному развитию страны. Однако он предельно ясно высказался против российского и любого другого посредничества. Заняв

такую позицию, до тех пор прозорливый Аскар Акаевич совершал непростительную стратегическую ошибку. Но и мы, с моей точки зрения, поступали весьма нерационально: направить в Бишкек своего высокого представителя надо было обязательно, в любом случае и без промедления, не спрашивая предварительного согласия киргизского руководства, как это сделали другие заинтересованные стороны. Абсолютно уверен, что одно только объявление о приезде, скажем, многоуважаемого Е. М. Примакова (или другого представителя России с высокой репутацией) стало бы на некоторое время громоотводом. Но мы, как это часто бывает, вновь деликатничали.

На той финальной встрече в последний день своего президентства невозмутимый и улыбающийся Аскар Акаевич бодрым, как всегда, голосом просил излишне не драматизировать ситуацию. Обстановка, мол, под его полным личным контролем. Он по-прежнему на сто процентов убежден, что никакая «цветная» революция не пройдет на его земле, пока он находится у власти. Да, неприятные события на юге потребуют от руководства страны железной выдержки и самообладания, виртуозного владения искусством урегулирования такого рода конфликтов. Этот процесс может занять несколько месяцев. Но в любом случае власть никогда и ни при каких условиях не применит силу против своих собственных граждан, подчеркнул президент. То было самое мудрое решение в его политической жизни, до сих пор еще по-настоящему не понятое и не оцененное должным образом киргизским народом.

Утром 24 марта на окраинах Бишкека буднично проходили привычные митинги по четыреста-пятьсот человек. Ничего особенного не предвещалось. Неожиданно разрозненные колонны двинулись на центральную площадь города, где к полудню собралось до 20 тысяч митингующих. Правоохранительные органы и организаторы шествия твердо договорились о взаимном неприменении силы. Однако уже через час агрессивно настроенные протестанты, разгоряченные не только шумным скандированием антипрезидентских лозунгов, но и материями покрепче, внезапно ринулись на штурм Дома правительства, в мгновение ока прорвали оцепление и с победными криками ворвались в здание. Все случилось именно так, как когда-то предвещал мне сметливый знаток человеческих душ Курманбек Салиевич: «Какому киргизу, приняв двести граммов на грудь, не захочется хорошенько развеселиться козлодранием?!» (популярная национальная игра, связанная с борьбой всадников на лошадях за тушу мертвого козла). Силы спецподразделений и милиции особого сопротивления не оказывали. Президента, премьер-министра и других членов правительства в здании уже не было.

Очевидцы рассказывали, что нежданно-негаданно очутившийся на своем бывшем рабочем месте ошалевший Бакиев чуть ли не рвал на себе волосы, быстро сообразив, что произошло нечто недозволенное, и живо представив себя на нарах вместе с Ф. Куловым. Его лихорадочное настроение, правда, в корне переменилось, когда вскоре стало известно, что главы государства нет не только в охваченном беспорядком Бишкеке, но и во всей республике. Поддавшись мимолетному чувству опасности, А. Акаев совершил свою последнюю, роковую ошибку. Подвели, наверное, и нервы, и естественные опасения за жизнь — свою и близких ему людей. Вместе с семьей он безответственно покинул территорию государства, законно избранным президентом которого являлся. Направь Аскар Акаевич свой вертолет в родовое село и затаись там на пару-другую дней, полностью убежден, что события стали бы развиваться по другому сценарию. Новое руководство, пришедшее к власти в результа-

те антиконституционного переворота, не признало бы ни одно государство. В худшем случае дело дошло бы до банального переголосования.

Глубоким вечером того же дня некоторые из моих коллег по дипломатическому корпусу, в первую очередь посол США и представитель ОБСЕ, наперегонки поздравляли изможденного Бакиева со свершившейся «тюльпановой революцией». У меня подобных указаний из Центра не было. Напротив, одному из назойливых корреспондентов, буквально оккупировавших посольство после того, как беспорядки стихли, я в сердцах бросил: «Боюсь, что вместо тюльпанов на революционной грядке Киргизии расцвел чертополох». Растиражированную СМИ фразу возьмет себе на заметку новый вождь и весь его мощный бандитский клан.

Уже через несколько часов после переворота началось шальное пиршество торжествующих победителей. «Бессмысленный и беспощадный бунт» огненным колесом прокатился по застывшему в жутком неведении Бишкеку. В ту роковую ночь на 25 марта оголтелые толпы мирных граждан несостоявшейся среднеазиатской Швейцарии, киргизы и кыргызы одним махом разгромили, разграбили и подожгли практически все, чем еще можно было поживиться. Над городом повис липкий страх. Что же будет следующей ночью? Дойдет ли до расстрелов? Новый день весны — 25 марта измученная страна встречала уже в совершенно другом, траурно-черном от многочасовых пожаров одеянии. Вспомнилась популярная тогда среди русскоязычной публики песня декадентского дуэта Л. Гурченко и Б. Моисеева «Я уехал в Петербург, а приехал в Ленинград».

Какой дипломат, какой посол не мечтает хотя бы однажды с головой окунуться в гущу политических хитросплетений страны пребывания? Прошлые столетия с дворцовыми переворотами, битвами канцлеров и заговорами послов, от которых кружило голову и холодела кровь, конечно, не вернешь. Но и в XXI веке, оказывается, время от времени возникают интриги, достойные кипучего азарта ушедших времен.

Утром в посольство заявилась группа нежданных гостей — ряд членов свергнутого правительства во главе с премьером Н. Т. Танаевым. В нашем малюсеньком, неприспособленном домике с одной раковиной и одним клозетом, отобранным в свое время Козыревым для размещения диппредставительства, они собираются оставаться ровно до тех пор, пока мы не гарантируем их безопасную переправку в Россию. Сообщают, что на авиабазу в Кант прибыли два огромных транспортных самолета для возможной экстренной эвакуации росграждан, напуганных ночными забавами экстремистов. Приземлился самолет МЧС. Замминистра через полчаса в срочном порядке прибудет в посольство. Телефонная линия раскалена до предела. Меня настойчиво зовут в центр ОБСЕ на чрезвычайное совещание. С роспослом непременно хотят встретиться министры иностранных дел Украины и Грузии, в спешном порядке прискакавшие в Бишкек (Россия, ау, где ты?).

Срочно разрабатывается план действий на приближающуюся ночь: всех располагающихся в городских квартирах сотрудников и членов их семей надо незамедлительно переместить в жилой дом, где проживает большинство. Завхоз пытается раздобыть хоть какие-то продукты в качестве «эн-зэ». Кто знает, какие испытания нас ожидают впереди? Стараемся «выбить» хотя бы несколько бойцов из Канта для охраны посольства, но авиабаза вынужденно забаррикадировалась: в охваченном беспорядками городе наблюдается непривычное скопление народа, есть подозрение, что хотят

идти громить наших летчиков. В Бишкеке распространяются антирусские листовки, отпечатанные в какой-то здешней типографии (попробуйте отгадать). Первые антироссийские демонстрации перед посольством. Куда внезапно подевалась вечная дружба? Милиция навесила на себя самодельные таблички «Мы с народом» и оперативно смылась.

Каждые полчаса тщетно пытаюсь связаться с Москвой. Непосредственный куратор, директор ЗДСНГ, решительно отказывается отвечать на животрепещущие вопросы, упрямо отсылая на следующий, более высокий уровень управления. Заместители министра, как назло, поголовно недоступны: позвоните, пожалуйста, позже! Наконец, все же удается получить ценное указание. Танаева и правительственную команду можем переправить в Россию исключительно с разрешения нового руководства страны. Звучит как издевательство. Ясно же, что не позволят. Стало быть, вновь сдаем друзей, как в свое время поступили с Хонеккером?

Во время ожесточенного разговора с Тарасюком и Зурабишвили непрерывно трезвонит мой мобильный: замминистра МЧС предлагает незаметно, через Кант, вывезти членов правительства, но нужна ваша, Евгений Алексеевич, команда. Я смотрю на умиленные лица сладкой парочки, которая, как ей кажется, нашла третьего и готова лопнуть от удовольствия. Две короткие секунды на размышления, и я соглашаюсь. Вся операция проходит без сучка без задоринки. Глубокой ночью звонит Роза Исаковна, новый министр иностранных дел. Она в высшей степени возмущена моим «содействием нелегальному бегству государственного преступника Танаева», обещает в следующий раз без предупреждения сбивать российские самолеты и добиваться всеми путями моего скорейшего отзыва. «Мы вам этого, Евгений Алексеевич, не простим!» Утром прибегает раскрасневшийся военный атташе: новый министр обороны Исаков категорически запретил прием любых самолетов из России! Что делать, что делать? Приходится по душам и, не скрою, на русском жаргоне разъяснить по правительственной связи г-ну Исакову реальное положение.

Раздается звонок из Москвы. В МИД РФ успели на меня настучать, причем от имени Бакиева. Оперативно, нечего сказать! Замминистра крайне раздосадован моим «легкомысленным» поведением. «Было ведь ясно сказано, что на отправку главы правительства необходимо обязательно получить разрешение новых властей!» Боже, какой серьезный, непоправимый ущерб, оказывается, нанес я нашим образцовым двусторонним отношениям! «Иди, Жень, к Отунбаевой, ударься ей в ноги, слезно кайся и умоляй о прощении, подчеркивай, что Центр не одобряет твой поступок!» Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Как горько и тяжело мне было выслушивать эти упреки! А я-то искренне надеялся, что похвалят и скажут: молодец, что не исполнил наших указаний, пойми, старик, других дать просто не могли, телефоны прослушиваются, но ты поступил по-мужски, проявил русский характер. Но все же делать нечего, придется отправляться с повинной.

С огромным букетом роз шествую на срочную встречу с Розой Исаковной. Та уже поостыла, встретила меня как старого доброго знакомого. Наш разговор получился исключительно миролюбивым, порохом зениток не пахло. Напротив, возникло бесконечное чувство взаимного уважения, которому я со своей стороны остался верен вплоть до завершения своей миссии. Аналогичным образом прошла первая беседа с покинувшим тюремную камеру Ф. Куловым. Неожиданно для меня и он отнесся к послу России с

большим почтением и предельным вниманием. В Феликсе Шаршенбаевиче меня сразу же подкупил его острый, но добродушный взгляд и открытый, бесхитростный, но явно твердый характер. Он смотрелся выгодной противоположностью всегда угрюмому и молчаливому Бакиеву.

Первые головокружительные недели после ревсобытий внезапно преподнесли мне ряд неприятных сюрпризов с направления, откуда плохих вестей я никак не ожидал. Наехавшие для прояснения ситуации из Москвы высокие лица — кто предельно открыто, кто прозрачными намеками — стали обвинять меня в… недостаточной поддержке переворота и лично Бакиева, на все лады склоняли и инкриминировали мне «странную фразу про чертополох»! С их точки зрения, я должен был от всей души наслаждаться пьянящим ароматом и буйными красками «тюльпанов революции», во все горло превознося достоинства и заслуги нового лидера страны. У России, мол, в кои-то веки на просторах СНГ появился по-настоящему верный друг, а невежественный посол его вроде как охаивает. Кошмар! Вредительство!

Роль знаменосца этих идей почему-то взял на себя известный журналист-разоблачитель, депутат Госдумы Александр Хинштейн, прибывший сюда во главе команды определенного профиля. Он не удовлетворился мерзкими публикациями собственного сочинения про меня в «МК», вовлек в травлю своего духовного собрата — Караулова. Целый выпуск передачи «Момент истины» на ТВЦ был посвящен «предательскому поведению российского посла в Киргизии». А. Хинштейн направил даже запрос министру с требованием моего отзыва. К счастью, Сергей Викторович Лавров, как и преобладающая часть других компетентных руководителей, детально разобрался в ситуации и в обиду не дал. Но неприятный осадок остался. Спустя пару недель после госпереворота из МИДа за подписью курирующего замминистра к нам поступило первое — и, к счастью, последнее — развернутое послание откровенно критического плана. В свете случившегося перед посольством ставились трафаретные задачи по типу «надлежит углубить» и «требуется расширить». Эти указания создавали тягостное впечатление, будто в Центре в глаза не видели и никогда не читали нашей многотомной продукции, ничего не знают о нашей работе. Ни единого слова благодарности сотрудникам посольства за мужество и выдержку в те напряженные дни, за оперативное и объективное освещение происходящих в стране событий, за честное и последовательное отстаивание российских интересов. За то, в конце концов, что Киеву и Тбилиси не удалось провернуть операцию «на троих». Было более чем обидно.

Любая революция развивается согласно нескольким хрестоматийным заповедям. Про одну из них поется в замечательной песне советской эпохи: «Есть у революции начало, нет у революции конца». Другой — заученный, но так по-настоящему до конца и не выученный — урок: всякая революция всегда пожирает своих детей. История революционных тюльпанов подтверждает эти тезисы на все сто.

Спустя некоторое время новоизбранный президент Бакиев объявил 24 марта неким туманным «Днем национального празднования», не решившись ни присвоить ему высокий титул «народной революции», ни скромно именовать «переворотом». День этот надлежало отмечать как «историческую победу свободолюбивого, гордого и приверженного подлинным демократическим ценностям киргизского народа над авторитарным, коррумпированным и антинародным режимом, долгие годы осуществлявшим государствен-

ное управление в личных целях и в интересах узкого круга лиц своего ближайшего окружения». Подчеркивалось, что в результате «судьбоносных событий» 24 марта 2005 года в республике установлена «подлинная власть народа, торжество справедливости, положено начало экономическому и духовному возрождению и подъему демократического Кыргызстана, укреплению межнационального и межконфессионального мира и согласия». Какой красивый, блестящий фантик — и до чего же мерзкая, дурно пахнущая начинка! За полтора года моей работы при бакиевском режиме практически каждый день приносил все новые и новые неопровержимые доказательства развития Киргизии в направлении, диаметрально противоположном разрекламированному в вышеупомянутом указе.

Сразу же после того, как на улицах столицы расчистили и смыли следы ночного мародерства, вся страна бросилась копировать «революционные устремления» Бишкека. Штурм правительственных учреждений стал заразительным примером для широких народных масс. Синдром «постреволюционного похмелья» с массивными акциями гражданского и политического противостояния, нежно именованный «демократической анархией», охватил обширные территории страны с юга до севера и с запада до востока. Общереспубликанский характер приобрело движение по разбойническому захвату земельных участков. Регионы вновь погрузились в беспросветную пучину демонстраций, пикетов, голодовок, блокирования дорог, оккупации и повального грабежа госорганов. Начался новый передел государственной и частной собственности между пришедшими к власти политическими группировками, отрядами организованной преступности и кланами вмиг воскресшего из небытия родоплеменного устройства. Трудно поверить, но в XXI веке в ряде районов установилось двое-, а то и троевластие.

Под воздействием драматической ночи погромов тысячи жителей предпочли покинуть территорию республики. Настроения тревоги охватили в первую очередь русскоязычное население, острее других почувствовавшее грядущие перемены, а затем распространились и на граждан титульной нации. Резко возросло число желающих переселиться на ПМЖ в Россию. Очереди перед консульским отделом посольства многократно увеличились. Всплыли со дна тлевшие еще при Акаеве, но не разгоравшиеся опасным пламенем междоусобиц национальные конфликты. Набирала обороты всеобщая исламизация общества. Активизировались религиозно-экстремистские группировки, самые решительные из них вышли из подполья с целью легализации. Открыто начали действовать ваххабиты. Резко обострилась наркоугроза. Республика превратилась в вольготный коридор для транспортировки афганского героина. На глазах общественности беззастенчиво разыгрывался беспрецедентный по уровню цинизма, в жанре триллера, спектакль, наглядно демонстрировавший сращивание новых властей с уголовным миром. Криминализация Киргизии достигла апогея в момент публичного лобызания главы государства с местными воровскими авторитетами. Начались политические убийства. Страну сотрясали массовые бунты в колониях. Только случайно новая «могучая кучка революционеров» во второй раз не захватила Белый дом. Ящик Пандоры не просто раскрыли нараспашку, его буквально вывернули наизнанку со всеми потрохами. Однако вместо принятия экстренных мер противодействия этим и другим животрепещущим вызовам и опасностям лидеры республики приступили к решению совершенно иной (первоочередной, по их мнению) задачи: созданию новой

национально-государственной идеологии, нацеленной на избавление Киргизии от «чужеродного влияния», якобы одного из основных источников бед.

С самых первых дней пребывания в президентском кресле Бакиев принялся клонировать наиболее негативные стороны правления предшественника, решительно выбросив за борт все сколь-нибудь положительное. Бурная энергия нового великого кормчего бездумно тратилась на громогласное сведение счетов с прежним режимом, старательное охаивание экс-президента и его родственников со списанием на них всех прошлых, настоящих, а заодно и будущих грехов. Никаких принципиально новых идей, планов, проектов по реставрации и модернизации страны выдвинуто не было. Зато резко выросли объемы и без того немалого мздоимства. Коррупция размножилась многократно. Насильственным путем начался рейдерский захват собственности. Масштабы «крышевания» ошеломляли. Экономическое положение, тяжелое еще при Акаеве, стало катастрофическим. Повсеместно падало производство. Перманентно увеличивались дефицит бюджета, внешний долг, безработица. Скукожился приток иностранных инвестиций. Зато не на жизнь, а на смерть развернулись баталии за портфели и кресла. С немалым трудом удалось достичь хрупкого политического компромисса между Бакиевым и Ф. Куловым, который под давлением обстоятельств согласился не претендовать на президентское кресло, взяв на себя «скромные» функции премьер-министра. Кадровые перестановки в высшем эшелоне производились, естественно, не по деловым качествам, а за заслуги перед «революцией». Поводом для громких пересудов стали массовые назначения на ответственные посты многочисленных родственников президента, которых оказалось на порядок больше, чем у Акаева.

Знающие люди говорили, что нажитое семьей прежнего лидера за четырнадцать лет добро Бакиевы уверенно «отбили» уже за первые полгода пребывания у власти. Сам Курманбек Салиевич немедленно получил в народе меткое прозвище «Киргиз-баши» или «Карман-бек». Притчей во языцех стал его младший сын Максим (28 лет) под кличкой Доля (и далеко не в «три процента»): под его контролем оказалась чуть ли не половина всего хозяйства республики! Самым наглым образом этот нахрапистый молодой гангстер XXI века в стиле батьки Махно обирал всех и вся, не брезгуя и российскими предпринимателями. Фактически не отец, а его ненасытный сын по-бандитски управлял Киргизией: отмывание денег, наркоторговля, контрабанда, финансовые аферы, проституция — едва ли не все криминальные площадки Киргизии составляли особую сферу его «компетенции». Младший Бакиев не пренебрегал приятельскими связями с величайшими авантюристами мира, включая одиозного Бориса Березовского, периодически, хотя и тайком, наведывавшегося к своему юному другу на Иссык-Куль.

Сразу же после воцарения на престоле новый глава государства стал последовательно избавляться от «революционных попутчиков». Вначале он отрезал «примазавшихся» М. Аширкулова и других экс-сподвижников Акаева. Не забуду свою последнюю встречу с бывшим главой администрации президента. Мисир Аширкулович, глубоко честный человек, фактически признал собственные грубые просчеты. За акаевскими «диктатурой» и «псевдостабильностью», низвергателем которых он оказался, последовала не «подлинная демократия», о чем он мечтал, а всеобщая, всепоглощающая, примитивная анархия с последующей, теперь уже настоящей, без кавычек, диктатурой. Одной из первых жертв среди тех, с кем новый властитель шел на баррикады, стала Р. И. Отунбаева. Никто из главных действующих

лиц переворота 2005 года не смог удержаться у руля власти до конца бакиевской пятилетки. А многие не дожили физически. Любое инакомыслие в республике подавлялось крайне жесткими методами. Киргизский Калигула вместе со своим сыном-Терминатором безжалостно преследовал, бросал в тюрьмы и целенаправленно уничтожал осмелившихся ему перечить друзей и сподвижников. По степени зверствований и цинизма бакиевский режим сравним разве что с самыми мерзкими образцами диктаторства в истории человечества. К превеликому счастью, я был свидетелем только начального этапа превращения тщеславного Курманбека Салиевича в кровавого и алчного хана Бишкека и всея Киргизии.

С приходом во власть клана Бакиевых резко осложнились условия для продолжения нормальной работы посольства. Мы по-прежнему изо всех сил старались трудиться образцово во имя дальнейшего развития российско-киргизского взаимодействия. Проводили много политико-дипломатических и культурных мероприятий для всех категорий населения, но новые руководители их, как правило, презрительно игнорировали. Стабильным явлением стали вспыхивавшие тут и там антироссийские демонстрации. На русских начались настоящие гонения. Правда, мне каким-то чудом опять удалось, несмотря на все преграды и препоны, установить личные дружеские связи с большинством из новых командиров Киргизии, и в случае чего мы могли обращаться к ним за помощью и защитой. Сильно повезло, что министром иностранных дел неожиданно, не в тон всей бригаде, назначили на редкость умного, делового, цивилизованного Аликбека Джекшенкулова (после моего отъезда Бакиев его тоже арестует).

На первых порах я частенько наведывался в «гости» и к новому главе государства. Тот просто не мог меня не принять. Не без моей ведь помощи он вышел в люди. Нас связывали незримой нитью не только два с половиной года подпольного знакомства, но и целый пуд съеденной соли и несколько ведер выпитых напитков. Мы многое знали друг о друге, особенно я о нем. Но беседы, которые легко велись с лидером оппозиции в затрапезных трактирах, не получались с главой государства в хоромах Белого дома. Президент с трудом мог сформулировать какую-нибудь умную мысль, которую имело бы смысл переслать телеграммой в Москву. Это была полная противоположность рассудительному и интеллигентному Акаеву. Бессвязные непродолжительные монологи Бакиева сводились преимущественно к жалобам на Кулова с прозрачными намеками на желательность разрыва их «брака по расчету» и устранения партнера по тандему. Напротив, конструктивные разговоры с премьер-министром всегда отличались насыщенным и живым характером. Из этого дуэта я однозначно симпатизировал Феликсу Шаршенбаевичу, чего никогда не скрывал в донесениях в Центр.

В постпереворотные недели посольство еще больше нарастило информационный поток в Москву. Мне казалось необходимым осветить все аспекты событий, очевидцем которых я становился. Из случившегося требовалось сделать надлежащие выводы. Я искренне считал, что нам ни в коем случае не стоит повторять ошибки акаевского периода, когда некоторые нелицеприятные сюжеты двусторонних отношений высказывались скороговоркой или порой вообще замалчивались ради создания иллюзии «единения и дружбы». С моей точки зрения, киргизские обращения в Москву за помощью надо было в непременном порядке рассматривать через своеобразный полиграф — призму соответствия данных и выполненных обещаний новых

властей на российском направлении. Таким образом строятся межгосударственные отношения во всем мире.

Любые шаги навстречу должны тщательно сопрягаться с готовностью республики уважать и учитывать государственные интересы России в их самом широком понимании, в том числе в части верности союзническим обязательствам, предоставления режима наибольшего благоприятствования российскому бизнесу, соблюдения прав и свобод этнических русских, гарантированного сохранения официального (а лучше — государственного) статуса русского языка, да и многих других важных вопросов. В мою бытность послом к этой позиции в Центре вроде бы прислушивались и не спешили слепо потакать совершенно неаргументированным просьбам из Бишкека, частенько смахивавшим на обыкновенный шантаж. А потом, уже после моего отъезда, передумали и осыпали хитроумного мошенника денежным дождем. Как требовалось при Акаеве списать часть киргизского долга! Не получилось. Не захотели. Зато при Бакиеве не только полностью списали, но и наградили его еще дополнительными кредитами, которые оказались, как сообщала печать, разворованы ханом и его принцем.

В сообщениях в Центр я стремился максимально точно и объективно, без малейшей лакировки освещать ход событий и складывающуюся обстановку в республике, бесстрастно докладывать о диких безобразиях старшего и удалых похождениях младшего. Как в свое время с Бакиевым, я возобновил конспиративные встречи с новой оппозицией, которую возглавила Роза Исаковна. Я честно передавал в Москву ее видение событий и прогноз развития ситуации. Бакиев — это «ухудшенный Акаев». Все вернулось на круги своя. Идеалы революции преданы. Ее цели и задачи свернуты. На глазах у всего народа безнаказанно возрождается, словно трехглавый Змей Горыныч, старая номенклатурная система. Бакиев обманул ожидания. «Железный Феликс» на поверку оказался гуттаперчевым. Он не в силах противостоять президентскому кошмару. Все действия новой власти — торжество серости, скудоумия, непрофессионализма. Зримо созревает непотический режим. Если экс-президент хотя бы выгодно отличался своим живым интеллектом и академичностью, то Бакиев — это просто олицетворение тупого инквизиторства. Он подводит под республику военно-полицейский каркас. С демократией покончено…

Я был готов не глядя подписаться почти под каждым ее словом! Но что особенно примечательно: как и тогда, перед первым переворотом, ясновидящая Роза Исаковна опять настойчиво предрекала, что новый общественный подъем не за горами. Он вскоре сметет бакиевский клан и освободит республику из плена нынешнего средневековья. Ее пророчество: «Конец Бакиева может оказаться даже хуже акаевского!» — сбылось через четыре года. К тому времени посольство России уже приобрело совершенно другую осанку, другое лицо. Накануне освежающего апрельского ливня 2010 года мой преемник даже и не подумал пустить ее, «локомотив революции», на порог российской дипмиссии.

В последние полгода моего пребывания в Бишкеке отношения с президентом совсем расстроились. Посла России более не сажали, как еще совсем недавно при Акаеве, на самые почетные места. Бакиев нехотя протягивал мне руку для приветствия, всем своим видом демонстрируя нечто среднее между равнодушием и презрением. Однако с некоторыми из его ближайших соратников у меня по-прежнему продолжали сохраняться добрые, доверительные связи. Я чуть было не упал в обморок, когда один из них как-то

шепнул мне на ухо: «Зря вы, Евгений Алексеевич, так критически воспринимаете Курманбека Салиевича». — «Помилуйте, дражайший, да откуда вы взяли? Такие наговоры — полная чушь», — я честно пытался придать своим неубедительным высказываниям максимальную искренность возмущения. «Да полноте, все мы про вас знаем», — прозвучало насмешливо в ответ. Из некоторых проверенных источников мне было известно, с каким яростным негодованием Бакиев воспринимает мои встречи с Р. Отунбаевой, которой по старой советской традиции он одним махом навесил ярлык «агента ЦРУ». На каком-то этапе у нас с Розой Исаковной неожиданно выяснилось нечто общее и пикантное: оказывается, за обоими уже подолгу увиваются незаметные «хвосты». Боже мой, кто бы поверил! Посол России — под колпаком спецслужб в государстве — ближайшем союзнике, члене СНГ, ОДКБ и ЕврАзЭС! Но откуда все-таки известно про мое «критическое» отношение к Бакиеву?

Я напрочь отметал даже слабую вероятность того, что в одной из курирующих нас контор в Центре завелся червяк, сливавший, как у Юлиана Семенова в «ТАСС уполномочен заявить», мои оценки тем, кому знать их не полагалось. Но некоторые донельзя странные совпадения заставляли крепко задуматься. К примеру, сразу же после отправки одной из моих депеш о бесчинствах, творимых в республике Максимом Бакиевым, президент ни с того ни с сего на одной из ближайших встреч вдруг принялся возбужденно убеждать меня, какой тихий и спокойный у него ребенок, как успешно он обучается в Дипакадемии в Москве, как не нарадуются на него родители.

Другой практической возможностью получения Бакиевым «компрометирующей» информации моего изготовления были российские делегации, возобновившие свои поездки в Бишкек после относительной стабилизации обстановки в республике. Ситуация кардинально поменялась и здесь по сравнению с прежними временами. В обход дипломатического этикета посла отныне не всегда стали приглашать на аудиенции для гостей из России. Более того, о пребывании некоторых знаковых персон родного отечества мне случайно становилось известно постфактум от своих киргизских коллег. Особую активность проявлял Заместитель Руководителя одной из самых уважаемых властных структур России, с завидным постоянством появлявшийся в Бишкеке едва ли не раз в неделю. К нему, а не в посольство, как ранее, теперь отправлялись на беседы здешние политики. Некоторые российские делегации, накачанные, очевидно, хинштейновским видением событий в Бишкеке, шарахались от меня как черт от ладана. Те же, кого я должен был вынужденно сопровождать, к моему стыду, подобострастно расшаркивались в поклонах перед Его Величеством, как будто он — королева Великобритании, а они — его жалкие верноподданные. Вспоминаю визит Председателя Совета Федерации: ни единого слова, как сильно я ни просил, не было сказано в защиту российского предпринимательства, стонавшего под гнетом Максима, ни малейшего возгласа в защиту прав этнических русских и положения русского языка. Напротив, сплошной хвалебный панегирик в адрес новых «руководящих и направляющих».

В Киргизию, конечно же, периодически наведывались и те, кто прекрасно понимал и объективно оценивал обстановку. К таковым я в первую очередь относил министра обороны России С. Б. Иванова и других руководителей военного ведомства, обаятельного и компетентного министра образования В. М. Филиппова, весьма толкового, на лету схватывавшего истину

министра промышленности В. Б. Христенко. Зорко смотрел вперед незатуманенным взором и Генеральный секретарь ОДКБ Н. Н. Бордюжа, удивительно талантливый человек. Верных единомышленников и сподвижников посольство неожиданно приобрело в лице компетентных сотрудников Администрации Президента России, по различным поводам время от времени посещавших Бишкек. Наша интеллектуальная продукция наконец-то нашла в их лице благодарного и заинтересованного потребителя. Без моральной поддержки всех наших друзей и «сочувствующих» развернуть эффективную работу в те огненные бакиевские годы было бы значительно тяжелее.

Однажды мои добрые знакомые из кругов, не имевших даже близкого отношения к политике, предупредили о реальной возможности совершения в отношении меня и посольства террористического акта. Верилось в этот абсурд с трудом. Кому я мог так серьезно перейти дорогу? На российской дипслужбе автомобиль с бронированной защитой и телохранители полагаются только послам в странах с крайне сложной военно-политической обстановкой, число которых всегда можно было пересчитать по пальцам одной руки. Тем не менее на всякий пожарный я в течение нескольких месяцев гордо разъезжал — для «устрашения» — в сопровождении одного из щуплых дежурных комендантов. Спустя годы довелось узнать, что младший Бакиев всерьез носился с идеей физически ликвидировать Ф. Кулова. Поэтому сегодня склонен серьезно полагать, что и нешуточное предостережение в мой адрес могло носить вполне реальный характер. Если мои критические рассказы в Москву о бесчинствах бакиевского правления — в пересказе или каким-то другим образом — попадали на стол Киргиз-баши, в его (сына, братьев) воспаленных мозгах вполне могла зародиться мысль об устранении несогласного роспосла. Не исключаю, что в конце концов в Бишкеке все же приступили к ее реализации, хотя и другим, вполне мирным способом.

В начале четвертого года службы на просторах Тянь-Шаня из Москвы пришла весть о моем скором отзыве. Я без труда расшифровал этот нехитрый знак. В МИД РФ спустя три с небольшим года после назначения убирают, как правило, исключительно тех руководителей загранучреждений, которыми почему-то недовольны или которых надо заменить по тем или иным причинам. Придраться к какому-либо отдельному аспекту работы посольства в Бишкеке было весьма затруднительно. Оно функционировало — с учетом всех факторов — близко к оптимальному КПД. Значит, от меня просто требовалось освободить место. Хотя я так и не нашел тому каких-либо документальных подтверждений, но и сегодня убежден, что мое фактически досрочное завершение миссии в Бишкеке было связано с соответствующей просьбой Бакиева. Президенту не терпелось избавиться от еще одного свидетеля его превращения в Дракона. В Москве, очевидно из соображений союзничества, решили пойти ему навстречу, подобрав для Бишкека в качестве моего сменщика непрофессионала и небузотера.

Проводы получились шикарными. Мне и сегодня немного не по себе вследствие того формата, который стихийно приобрела церемония прощания. Соотечественники в качестве небольшого подарка закатили в мою честь великолепный двухчасовой концерт «До свидания, Евгений Алексеевич!». Перед заключительным приемом, собравшим всю политическую элиту республики во главе с Ф. Куловым (не было только президента), пришлось обойти, реагируя на приглашения, почти все центральные министерства и ведомства, объехать все областные администрации.

Оставался только последний, прощальный разговор с главой государства. В маленькой Киргизии еще при Акаеве был заведен достойный, но в мировой практике достаточно редкий обычай: президент непременно лично принимал послов иностранных государств перед их окончательным отъездом на родину (дипкорпус не отличался многочисленностью). Более того, едва ли не каждому из них — опять же сообразно распространенной дипломатической традиции — обязательно вручались национальные награды различного достоинства. На широкую грудь моего предшественника они прикрепились задолго до прощальной аудиенции. Министр иностранных дел раскрыл государственную тайну: МИД вышел к президенту с проектом указа о моем награждении орденом.

Приближался день отъезда, но в администрации главы государства, где служили мои добрые знакомые, вдруг ни с того ни с сего начали темнить. Уже назначенная встреча переносилась раз пять-шесть. Не удалось улететь на Родину с министром обороны, как это предлагал Сергей Борисович, прибывший в Бишкек с очередным визитом. Наконец наступила последняя решающая неделя. В субботу меня должен был забрать самолет ВВС России, чтобы со всем скарбом доставить в Москву. В четверг руководитель администрации Бакиева клятвенно заверил: «Евгений Алексеевич, завтра, точно завтра». Утром в пятницу в президентско-правительственном вестнике «Слово Киргизстана» вышла обстоятельная статья, в которой подводились итоги моей работы. Публикация начиналась словами: «Сегодня президент республики примет с прощальным визитом…» Томительные часы ожидания. Время словно застыло. Нехорошее предчувствие, как это иногда бывает, приближающегося неблагополучия. В обед в посольство позвонил рядовой сотрудник протокола президента, дежурно сообщив, что, к сожалению, уважаемый Курманбек Салиевич принять меня не сможет. Вслед за этим о короткой встрече попросил А. Джекшенкулов. Он с дрожью в голосе поведал, что Бакиев демонстративно разорвал проект указа. Оставалось только неподдельно восхититься, с какой конгениальной звериной выдумкой и жестокостью Бакиевы провели всю эту операцию унижения и оскорбления…

С утра 18 апреля 2010 года, спустя пару недель после свержения киргизского монстра с трона и его бегства в Белоруссию, мой рабочий телефон в МИДе начал не переставая трещать от звонков. Коллеги хором рекомендовали прочитать свежий номер «МК»: там, мол, большая статья А. Хинштейна о событиях в Киргизии, в которой, среди прочего, упоминаюсь и я. «Господи, за что же такие мучения на мою голову? Почему господин разоблачитель не оставит меня в покое?» Читаю действительно блестящий по форме и весьма основательный по содержанию журналистский очерк Александра Евсеевича, вскрывающий всю подноготную мерзких бакиевских преступлений. Владеть пером он и правда умеет. Не откажешь. И вот, наконец, дохожу до важного места — оглашения правды, которой ждал так долго. Хинштейн честно признается, что тогда, после мартовского переворота 2005 года, он на самом деле серьезно ошибся в своих оценках и прогнозах. Стало быть, заблуждались и те властные структуры, послушным глашатаем которых он являлся. А вот прав-то оказался только посол России, сразу же сообразивший (но, к сожалению, таки не услышанный в Москве), что «на революционной грядке Киргизии расцвели не тюльпаны, а чертополох».

ПОЭЗИЯ

Ирэна СЕРГЕЕВА

ЧТОБЫ МИР ЭТО СЛОВО ПРОЧЕЛ

Ирэна Андреевна Сергеева — известная петербургская поэтесса, критик, литературовед, прозаик. Родилась в Ленинграде в 1936 г. В СП России — с 1976 г. Лауреат литературных премий «Традиция», премии им. Н. Заболоцкого, Святого благоверного князя Александра Невского, «Ладога», им. А. Прокофьева и др., действительный член Международной славянской Петровской академии. Автор более двадцати книг стихов, романа и книг рассказов. Переводила с болгарского, украинского, чешского, а также с грузинского языков. Редактор-составитель альманахов «День русской поэзии», «Северные цветы», антологий, тематических сборников. В настоящее время член Правления СПб отделения СП России, председатель секции поэзии. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Ирэна Сергеева, если перечислять главное, сорок лет состоит в Союзе писателей России, печатается пятьдесят пять лет, стихи пишет — сколько себя помнит. Книг стихов издано — более двадцати, прозы — романов и рассказов — пять, книг переводов — девять, составлено и отредактировано коллективных сборников — пятнадцать, статей, рецензий опубликовано — сотни… Это, можно сказать, — статистика литературной деятельности.

Если же говорить об Ирэне Сергеевой непосредственно как о поэте — она сторонница классического направления, любящая краткую, точную форму стиха, обладающая большим словарным запасом. Стихам И. А. Сергеевой присуща музыкальность, ритмическое разнообразие. Интересна лирика, большей частью в восемь-двенадцать срок, но написано и несколько поэм. Излюбленные темы: вера — надежда — любовь, то есть Ирэна Сергеева пишет о человеке верующем, верящем и надеющемся на светлое будущее Отечества, любящем жизнь во всех ее проявлениях. Вот характерное четверостишие:

Не суди по мгновенью о веке,
по имуществу — о человеке,
по дождю одному — о природе,
по лжецу одному — о народе.

Дорогая Ирэна Андреевна!
Поздравляем Вас с Юбилеем!
Многая и благая Вам лета!

Редакция журнала «Родная Ладога»

* * *

Сколько храмов поругано
и разрушено тут!
Мы проходим с хоругвями,
но не все к нам идут,

злые бесы ли, звери ли
вновь им застили Свет…
Мы очнулись, поверили
через семьдесят лет.

* * *

Владиславу Чернушенко

Звучат мелодии в Капелле
и окрыляют русский стих.
А кто-то думал, в самом деле,
что мы останемся без них…

Но здесь такая атмосфера —
живые лица и глаза,
всегда Любовь, Надежда, Вера
и ангельские голоса.

* * *

Как быстро все проносится!
Опять Великий Пост.
В стране чересполосица,
и путь ее не прост.

Беспутье — не беспутье,
безбожья есть процент…
Одна надежда — Путин,
любимый Президент.

* * *

Я со словом на «Вы» и на «ты»,
у меня молодые мечты,
чтоб для всех слово стало врачом,

чтобы мир это слово прочел.
Я издам и стихи, и роман…
Я за словом не лезу в карман.

* * *

От невзгод никогда не рыдала,
побеждала, хватало мне сил.
А сегодня так радостно стало,
я узнала — ты в церковь ходил.

Что со мной? Я тебя не крестила…
Слезы радости не удержать…
Есть в молитвах особая сила,
я молюсь, словно крестная мать.

* * *

Мой двадцатидвухлетний брат,
мой брат голубоглазый,
смелее многих во сто крат,
не отступил ни разу.

Ступил он первым в Будапешт
своей «тридцатьчетверкой»!
Едва не схоронил надежд,
контужен, был — как мертвый…

Горел он у деревни Чор,
в районе Балатона,
стрелял в него фашистский черт,
и он упал без стона…

Кто спас его — спасибо тем! —
но все теперь не живы.
Все было там, где «сэрэтлэм»[1],
где Кальмана мотивы.

[1] Любовь (*венгерск.*)

* * *

Северянин, Бехтеев, Набоков
о России мечтали всю жизнь,
побеждая пособников лжи,
понимали Отчизну глубоко.

Надо было с Отчизной расстаться,
грудь к землице ее не прижать,
на чужбине посмертно лежать…
Чтобы в памяти нашей остаться.

* * *

Усталость и сутулость
меняю на весну.
Я с песнями проснулась
и с песнями усну.

Жмет сердце? Ломит кости?..
Жить стану — хоть убей!
На охтинском погосте
защелкал соловей.

* * *

Перекрестила путь себе
да и тебе перекрестила.
Есть у Креста большая сила
в любви, в работе и в борьбе.

И ты не бойся, ты иди —
на дружбу, на любовь, на песню!
Есть, слава Богу, крест наперсный —
защита на твоей груди.

* * *

Очень жалко расставаться
с жизнью прошлой, поездной, —
деда, дедушкина братца,
с чудной музыкой ночной.
Он со мной, тот дух нервозный,
дух вокзалов и разлук,

запах гари паровозной
и на стыках перестук.
Мне теперь диктуют строчки,
что легки и коротки,
ночью тихие гудочки —
не истошные гудки.

* * *

Отцу Игорю

Благослови меня крестом
да посильнее тресни,
мой батюшка! Пойдут потом
повеселее песни.

Со мной всегда бывает так.
Причастие — как воздух.
Господь подаст мне добрый знак,
приму, пока не поздно.

* * *

Мать меня во грехе родила,
потому что с отцом не венчалась.
А потом-то безгрешно жила,
и почти сто годочков промчалось.

И лежала в Казанском в гробу —
эту светлую помню картину. —
Взяли ангелы Божью рабу
Екатерину.

* * *

Эти дешевые шоу,
где микрофоны у всех,
в пику искусству большому
свой прославляют успех.

Скромное наше искусство…
Каждый — душою гигант…
Денег, конечно, не густо,
но неподкупен талант.

* * *

Андрею Данилову

Я твой голос украла вчера,
буду с ним коротать вечера,
слушать…
Буду слушать, когда захочу,
он затеплит, как будто свечу,
душу.

Нам таланты Господь подает,
это счастье твое и мое,
знаю.
Стих и музыку благодарю.
Хочешь, песню тебе подарю
к маю?

* * *

И. Л.

Ты говорил мне, что не с кем
поговорить по душам,
встретиться в полдень на Невском,
кофе испить не спеша.

Только со мною одною
это возможно теперь…
В прошлое наше — не скрою —
приоткрывается дверь.

* * *

Да, мы матерей не забудем,
останемся им благодарны
за то, что мы все-таки люди,
и что не совсем уж бездарны.

Любовью вспоенных, нас много —
счастливых и любящих самых…
Любовь — изначально от Бога,
от Матери Божьей… От мамы.

* * *

Памяти отца, Андрея Даниловича Сергеева

По Ладоге отец переправлялся…
Как добирался? С палкой, еле жив,
пришел старик… Никто не догадался,
что это он… Вперед любовь бежит…
Лет — сорок шесть. Но он, на смерть похожий,
не смог перешагнуть через порог…
Вперед любовь летит… Ты видел, Боже,
Ты знал: в Тебя не верить он не мог!

* * *

Твои морщины — не причины,
чтоб разлюбила я тебя.
Что нам седины! Мы едины.
Умрем не вместе, но любя.

Жила, все время ожидая,
ты прилетел — я не ждала…
Твои цветы — подарок мая,
свет рая посреди стола.

ПОЭЗИЯ

Селимир РАДУЛОВИЧ

СНЫ СВЯТОГО ПУТНИКА

Селимир Радулович — родился в 1953 г. в городе Цетинье. Поэт, публицист, критик, издатель. Окончил философский факультет университета в городе Нови Сад по специальности «Литература». Его избранные сочинения изданы в пяти томах. Является составителем пяти антологий и хрестоматий. Лауреат премий: Ноябрьская премия г. Нови Сад, «Искра культуры», печать города Сремски Карловци, премия Весенней книжной ярмарки в Баня Луке, премия Теодора Павловича, Вукова награда, премия Миодрага Джукича, премия Симо Матавуля. Был секретарем Фонда по культуре края Воеводина, директором Культурного центра г. Нови Сад, председателем Союза писателей Воеводины. В настоящее время — директор библиотеки Матицы Сербской. **Живет в городе Нови Сад. Сербия.**

СНЫ СВЯТОГО ПУТНИКА

I.

Словно прилежный пахарь,
радостная душа земная
Ведет борозду и бросает семя златое
Среди зимы, в лютый мороз
идет навстречу
Плодородной жатве
и зрелому плоду, сияющему
На воображаемом гумне,
занося его в свой дом.
Она как кормчий неустрашимый
Сейчас спокоен
на гребне грозящей волны
Без страха перед силой
взбешенного моря
И ветра, от которого уклоняются
все ненасытные сердца,
В конце тяжкого пути
видя богатства несметные.
Как плечистый воин,
торопясь к дождю,
Стреляет и не чувствует,
и не замечает раны своей,
Спеша к венцу победному,
божественному.

Так и мы ползком
подступаем к Нему,
И не хотим избежать
ни самой смерти,
И придерживаемся тесного пути,
что ведет
В жизнь, не сдаваясь легко.

Потому что, как и первый,
справившийся с нагрузкой,
Возвращается домой
с пустыми руками,
без рода, без племени;
И второй нередко,
хоть и предан своей сути,

Идет навстречу скале
или каким-то подводным камням;
Так и третий жизнь потеряет,
Когда победит всех своих
славных супротивников.

Так и мы утешимся добром вечным,
Растем, похваляясь, в страданиях

Наших, вспомнив цепи тяжелые, раны
Неисцелимые и лекарства таинственные,
Но не из растений земных, а из слов,
Пролившихся с небес, где его не держит рука
Простого лекаря, а вечность, что истекает
Из уст Пророка,
Ибо все это, что видит око, знамений ложных
След. А то, чего оно не видит сейчас, становится созиданием
Вечным; добром, что ведет к спасению вечному!

II.

И как деревья, которые наступившей зимой не выдерживают
Удара морозного и утрачивают жизненный сок,
И нагие весной обречены быть срубленными
И изгнанными из леса навсегда, обогрева ради.
Так и грешные все дальше от Бога живого,
Из грязи пытаясь выбраться на мгновенье,
Бывают ввергнуты в огонь неугасимый.
Ибо все рождается вновь! И древо оструганное,
Дуплистое, и душа грешная, опустошенная.
И ветер, что шатает верхушки деревьев!
И листья, что плачут, ведя мелодию.
И опускается высохшая под вечным
Сном праведным. Ибо на земле
Душа моя; о, душа души моей, как листья
На дереве, сменяются сыны человеческие!

И тот лист невинный, шумящий, беззаботный
И танцующий с ветерком, сейчас высыхает
И гниет, снова рождается сейчас на солнце,
Когда раскрывается книга природы и украшается
Плодами и цветами новой весной.

Ибо что есть наша жизнь земная, если не жизнь
Листьев на дереве! Ибо что есть слеза наша,
Если не слеза Искупителя! Ибо что есть
Светлый день наш, если не светлый день цветов
Диких, что на свободе орошенные, в капле
Всякой излучают лучи, подобные солнечным лучам.
А когда в слезах и в прахе заглянул я в сердце
Свое, далекий от надежды всякой, вспомнив Того,
Кто меня мыслью благою от источника прохладного, как
Путника устремленного, подводил к Писанию
Непостижимому, и я, выпрямившийся, вставший на ноги
Свои, пришел на место шатра давнишнего, изрек —
Что мне за дело до человека и пути
Земного, обманного! И на Бога надеюсь!
Ибо как на просторной поляне
Растет звук травки всякой, светлой и чистой,
И как солнце отражается в капле росы,
Тако и праведник садится за святую трапезу
Один, в самом себе возвеличивая имя Его.

Перевод Виктора Широкова

Дина НИКИФОРОВА

ТРАГЕДИЯ, КОТОРУЮ НЕЛЬЗЯ ЗАБЫВАТЬ

К 75-летию начала блокады Ленинграда

Дина Фаритовна Никифорова — родилась в 1973 г. в Оренбургской области. Выпускница факультета журналистики Оренбургского государственного университета. Номинант профессионального конкурса журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области «Золотое Перо-2011». Автор многих публицистических статей. Член совета Исторического клуба Ленинградской области. **Живет в г. Кировск Ленинградской области.**

На старом городском кладбище в городе Тихвине Ленинградской области завершена реконструкция памятника на могиле погибших от фашистской бомбардировки 14 октября 1941 года ленинградских детей, направлявшихся из осажденного города в эвакуацию. Обновить этот символ массовой трагедии было решено к 75-летней годовщине начала блокады Ленинграда и ко дню гибели детей. Все расходы по восстановлению памятника взял на себя меценат, благотворитель, почетный гражданин Кировского района Ленинградской области Грачья Погосян[1]. Он же профинансировал и строительство памятника на железнодорожной станции Тихвин.

Груднички, малыши чуть постарше: дети… Они так и не добрались из блокадного Ленинграда до долгожданной спокойной жизни. Их младенческие души взметнулись в небеса в тот чудовищный день, когда фашистская крылатая армада безжалостно разбомбила железнодорожную станцию Тихвин.

В этот день на станции стояли эшелоны с горючим и снарядами с востока, а из Ленинграда прибыл санитарный поезд с ранеными и поезд с эвакуированными. Бомбежка продолжалась шесть часов. На станцию было сброшено несколько десятков фугасных и сотни зажигательных бомб. Вспыхнули цистерны. Над станцией и городом полыхал огненный смерч…

Точное число погибших во время этого авианалета ленинградцев и тихвинцев, солдат, пожарных и железнодорожников неизвестно до

[1] О Г. Погосяне см.: Родная Ладога. 2016. № 2. С. 72.

сих пор. Историки предполагают, что каждый эшелон вмещал более 2500 человек.

Прошло 75 лет со дня этой чудовищной бомбардировки. А на железнодорожной станции Тихвин до сих пор нет ни одного памятного знака, который бы напоминал о той трагедии, о многих сотнях оборвавшихся здесь детских жизней. Лишь на фасаде здания вокзала установлена скромная мемориальная плита с фамилиями работников станции, погибших при спасении людей 14 октября 1941 года.

Эту историческую «забывчивость» несколько лет пытался исправить председатель Исторического клуба Геннадий Москвин. Еще в 2014 году он обратился через средства массовой информации к жителям Санкт-Петербурга, Ленинградской и Новгородской областей (где аналогичная трагедия с ленинградскими детьми случилась на станции Лычково 17 июля 1941 года) с просьбой принять участие в сборе добровольных пожертвований на сооружение достойного памятника. Но собранных средств оказалось совсем мало для реализации задуманного.

И в начале 2016 года, зная, какое серьезное значение придает Грачья Погосян памяти о событиях и солдатах Великой Отечественной войны, с какой любовью относится к истории страны, Ленинградской области, Геннадий Москвин решил обратиться к меценату с предложением взять на себя реализацию этого важного проекта.

Стоит отметить, что с таким же предложением еще в конце 2015 года к Погосяну, как к почетному члену общества «Жители блокадного Ленинграда», обратилась председатель Василеостровского районного отделения Нина Юрьевна Лебедева.

Поэтому Погосян внимательно изучил все, что связано с трагическими событиями октября 1941 года, и не смог остаться равнодушным. Они встретились с Геннадием Москвиным и обсудили дальнейшие совместные шаги.

— Для меня память о событиях Великой Отечественной войны является святой. Это не просто слова. Я — внук солдат, воевавших на фронтах Великой Отечественной войны, сам в прошлом военный. И я так чувствую и иначе не могу. Поэтому трагедия, случившаяся 14 октября 1941 года с ленинградскими детьми, не могла не затронуть мою душу. Дети — самые чистые и невинные души. Им так и не суждено было повзрослеть. На их долю пришлось самое страшное, что может случиться с человеком. И я просто не мог отказаться от предложения Исторического клуба Ленинградской области сохранить память об этой страшной трагедии, — поделился своим мнением меценат Грачья Погосян.

Справка

По инициативе и при поддержке Грачьи Мисаковича Погосяна за последние 10 лет на территории России, Грузии, Армении, Белоруссии, Монголии, Словакии, Эстонии было установлено свыше 60 памятников духовного и исторического значения. Из них 16 посвящены Великой Отечественной войне, 6 из которых располагаются на территории Ленинградской области. Теперь 47-й регион пополнился еще двумя памятниками, рассказывающими потомкам о страшных событиях той кровопролитной войны.

* * *

Дело сдвинулось. Инициатива по строительству памятника погибшим детям была одобрена руководством 47-го региона и получила благословение епископа Тихвинского и Лодейнопольского Мстислава.

В конце мая инициаторы встретились с руководителями Тихвинского района. В районную администрацию, где гостей принимали глава района Александр Лазаревич и глава районной администрации Вера Пастухова, прибыли председатель Совета Исторического клуба Геннадий Москвин, петербургский меценат Грачья Погосян, председатель отдела по взаимоотношениям Церкви и общества Тихвинской епархии иеромонах Венедикт (Шустов), заведующая Тихвинским музеем Вера Бондарева и специалисты по строительству — коллеги Погосяна, которым и предстояло заниматься всеми работами по проекту.

Совместное заседание инициативной группы и руководителей Тихвинского района

Здесь прошло обсуждение не только эскизов памятника, который планируется установить на вокзале Тихвина, но и планов по реконструкции могильной стелы на гражданском кладбище в северной части города, где и захоронены погибшие дети. Все расходы, а также реставрационные работы по улучшению внешнего вида захоронения готов взять на себя Грачья Погосян, о чем и было сказано на встрече.

Справка

Памятник ленинградским детям на городском кладбище Тихвина установили комсомольцы термообрубного цеха Тихвинских производств объединения «Кировский завод». Торжественное открытие памятника состоялось 9 мая 1979 года. С тех пор проводился лишь легкий косметический ремонт объекта.

Состояние стелы до реставрации

Заведующая Тихвинским музеем Вера Бондарева уточнила, что памятное место, где захоронены маленькие ленинградцы, относится к объектам культурного наследия регионального значения, и все работы, которые планируется там проводить, должны быть согласованы с Комитетом по культуре Ленинградской области. Забегая вперед, скажем, что в итоге такое разрешение было получено. В официальном ответе от заместителя председателя комитета говорилось: «…Комитет не возражает против реконструкции памятника в соответствии с вариантом № 2… ввиду долговечности и эстетики предлагаемого материала» (вариант № 2, предложенный специалистами по строительству, предполагал полную облицовку памятника гранитными плитами в двух цветах: постамент в черном граните, стелу — в светло-сером. Старт работ, после получения разрешения не стали оттягивать и приведение в порядок могильной пирамиды началось 4 июля силами ООО «РосВоенСтрой» — предприятия, учредителем которого является Погосян).

Поэтому следующим пунктом визита, после общения с районной властью, стало посещение железнодорожного вокзала. Здесь собравшиеся обсудили различные варианты размещения планируемого памятника на территории привокзальной площади. Было рассмотрено два возможных места установки. Мнения разделились. Но все решили голуби… Сразу несколько птиц слетелось на то место, которое делегация обсуждала как один из возможных вариантов. И тогда всем стало понятно: идеальное место для установки будущего памятника именно здесь — на пятачке, который отлично просматривается и со стороны автовокзала, стоящего через дорогу, и из окон проезжающих поездов. Пообщались и с заместителем начальника станции Тихвин Игорем Гвоздевым. Он взял на заметку предложение об установке памятника на территории, относящейся к вокзалу, пообещав доложить об этом руководству Октябрьской железной дороги для получения разрешения.

Затем все отправились на гражданское кладбище, прошли к памятнику погибшим детям. Небольшой молебен у могилы провел иеромонах Вене-

дикт, и гости возложили цветы к ее подножию. Еще одним знаменательным событием стало то, что во время молебна пошел дождь, словно оплакивая погибших невинных детей и благословляя живых на увековечивание их памяти.

* * *

И вот один из заявленных этапов по сохранению исторической памяти на тихвинской земле — трагедии 14 октября 1941 года, подошел к концу. Памятная стела на могиле ленинградских детей возвышается во всем своем обновленном великолепии. Хотя обновление это прошло непросто. В процессе работ строители столкнулись с серьезной проблемой: стоило тронуть штукатурку, памятник стал осыпаться.

Стела после реставрации

— Когда мы стали проводить очистку старой штукатурки памятника, то кирпичи, образующие основание конструкции, стали просто вываливаться. Как оказалось, памятник был установлен прямо на грунт, не имел бетонного основания. Поэтому нам пришлось заливать бетонную опалубку для укрепления основания, заново выкладывать кирпичи. Не в лучшем состоянии оказалась и стела. По нашему заключению, в таком состоянии памятник простоял бы совсем недолго, а затем просто обвалился. Поэтому, прежде чем приступить к облицовке гранитом, мы конструкцию выровняли (крен составлял почти 15 сантиметров), капитально отреставрировали. Теперь, я уверен, обновленный памятник ленинградским детишкам простоит, не требуя ремонта, многие годы, — рассказал представитель строительной бригады ООО «РосВоенСтрой», проводившей капитальный ремонт могильной стелы.

Теперь инициаторам остается получить одобрение от руководства Октябрьской железной дороги на установку памятника на территории железнодорожной станции Тихвин, а за установкой памятного объекта, как утверждает исполнитель Грачья Погосян, дело не встанет. Создание памятника уже завершено на 80 %, остается лишь найти для него достойное место.

Торжественное открытие отреставрированной могильной стелы на кладбище Тихвина и постамента будущего памятника на станции Тихвин со-

Эскиз памятника на привокзальной площади (лицевая сторона)

Эскиз памятника на привокзальной площади (обратная сторона)

стоялось в канун начала блокады Ленинграда — 8 сентября 2016 года. Открытие и освящение самого памятника погибшим ленинградским детям организаторы планируют провести в 75-ю годовщину трагедии — 14 октября 2016 года.

* * *

Груднички, малыши чуть постарше: дети… Они так и не добрались из блокадного Ленинграда до долгожданного спасения. Но их невинные души больше никогда не будут забыты живыми…

Работы по реставрации стелы на Тихвинском кладбище завершены

Нина СЕВЕРИКОВА

ОТЕЧЕСТВО ПРЕВЫШЕ ВСЕГО

Нина Михайловна Северикова — родилась в Ленинградской области. Окончив Вытегорское педучилище, одной из первых в СССР организовала в школе «группу продленного дня». В 1951 г. окончила в Вологде литфак, в 1967 г. — философский факультет Московского вечернего университета. Преподавала в Политехникуме. Руководила при Минвузе СССР методобъединением преподавателей Москвы и Московской обл. С 1973 г. — в МГУ имени М. В. Ломоносова. Канд. философ. наук, сотрудник кафедры истории русской философии. Автор более 370 работ. Среди 11 наград — Золотая медаль за исследование по эстетике. Ветеран Великой Отечественной войны. **Живет в Москве.**

Идея защиты Отечества существовала всегда. Но бывают события, когда проявляется в душе самое важное, роднящее людей в едином порыве: чувство долга перед своей Родиной.

Лучшие наши сограждане ставили в один ряд честь семьи и честь Отчизны. Мы многое берем из родительского дома: здесь начинается каждый из нас как Гражданин, здесь истоки патриотизма. По-особому остро это проявляется в годы испытаний.

* * *

В нашем роду Севериковых войны XX века унесли 11 жизней. Мой отец — участник двух войн и двух революций. В Первой мировой — он полный Георгиевский кавалер, в Гражданской получил тяжелые ранения, и из ленинградского госпиталя его выписали домой — умирать: спустя годы раны сделали свое черное дело.

Еще раньше, в Цусимском сражении вместе с боевым кораблем морская пучина поглотила дядю Петра. Его сын Георгий погиб в Гражданскую войну; служивший в кавалерии Павел сгинул в боях с басмачами в Мугоджарских горах; артиллерист Владимир убит под Кенигсбергом; Олимпиада, радистка, погибла в Венгрии. Таисия вырывалась с военной редакцией из окружения на польской границе, перед кончиной успела получить орден Отечественной войны II степени; похоронена в Москве на Преображенском воинском кладбище, недалеко от Третьего Вечного огня, названного *Огнем Памяти*: он взят с ленинградского Марсова поля.

О самой старшей из наших сестер Зинаиде, ее самоотверженной работе на особо опасном участке

Мариинской водной системы, по которой шли необходимые для обороны Москвы и Ленинграда грузы, писали в сборнике «Санитарная служба в годы войны в воспоминаниях и документах». В те годы Мариинский канал усиленно охраняла ленинградская стрелковая дивизия, артиллерийский полк, оснащенный реактивными минометами «Катюша», Онежская военная флотилия и звенья ночных бомбардировщиков. Однако, несмотря на такую мощную защиту города Вытегры, были жертвы артиллерийских обстрелов со стороны финнов, верных союзников гитлеровцев. (Признаюсь: было страшно, когда из кабины идущего на бреющем полете самолета с черной свастикой на борту в тебя целился фашистский стрелок.)

Об участии сестры Александры в советско-финляндской войне мы узнали из газетной публикации красноармейца М. Тиханского, который рассказал о самоотверженной работе А. М. Севериковой: она не только перевязывала раненых и выносила их с поля боя, но и участвовала в сражениях. Орден Красной Звезды — первая боевая награда в ее 18 лет.

В 1941-м Александра ушла на фронт в самом начале войны. После серьезного ранения, не долечившись, она потребовала отправить ее на фронт: в то время решалась судьба нашего Ленинграда. На последнем военном «треугольнике» стоял штамп: «*11 февраля 1943*».

А через полгода пришло извещение о том, что «*лейтенант медицинской службы Северикова А. М. пропала без вести*».

Зная нашу Сашу, невозможно даже представить, чтобы она исчезла бесследно. Начались поиски — и продолжались они почти полвека! Я писала во все концы Советского Союза тем, кто, по имеющимся у меня сведениям, воевал тогда на обширном ленинградском плацдарме: в районе Ораниенбаума, Пулковских высот, Красного Села, «Невского пятачка», Мги, Макарьевской пустыни.

Об ожесточенных боях писали мне очевидцы и участники тех сражений: «…кони, люди, орудия, танки — сплошная бесформенная масса…»; «черный, кровавый снег…»

Наконец, получила я и конкретные сведения о сестре: 23 февраля она ушла в бой с экипажем 7-й танковой дивизии. Бывший командир 380-й роты связи М. Д. Власенко, житель Казани, сообщил: «Ее долго искали; вещи, шинель, документы остались в медсанбате; ушла в бой в одной гимнастерке…».

За Макарьевскую пустынь («Klostendorf»), *мощный опорный пункт* фашистов на пути к Ленинграду, а также захваченный ими еще 30 августа 1941 г. железнодорожный узел Мга (их *тыловая база*) гитлеровцы вели упорные, яростные бои. Хассо Стахов в книге «Трагедия на Неве», переведенной с немецкого в 2011 г., приводит слова командующего Ленинградской 54-й армией И. И. Федюнинского о том, что «*велись кровопролитные бои в лесах и болотах, которые не замерзали даже зимой*».

Это подтверждает и знаменитый ленинградский поэт С. Орлов, танкист, воевавший подо Мгой:

Год мы этот город штурмом брали.
По болотам с черною водой
Танки шли, горели, догорали —
Столбики вставали со звездой…

Эти страшные бои навсегда врезались в память танкиста-поэта:

Я не забуду 43-й год,
Когда от крови здесь снега кипели…

Сам поэт горел тогда в танке: полуживой — еле выполз. «*Пресловутою ставшая Мга*» унесла немало человеческих жизней, — пишет С. Орлов в книге «Заря и дым» (1980).

Для Гитлера Ленинград имел огромное стратегическое значение как северо-западные ворота России, важнейший политический, экономический и культурный центр и как символ революции — поэтому уничтожение Ленинграда было первостепенной задачей вермахта: начались беспрестанные бомбежки, артиллерийские обстрелы и голод — «союзник немцев», уносивший в сутки по 6000 человек. Великая битва за Ленинград продолжалась 900 дней, но город-герой выстоял.

А из кровавой битвы за Ленинград моя сестра Александра не вернулась. Мне писали: перевязав раненых, помогла им выбраться из подбитого танка; в следующую минуту танк уже превратился в огромный пылающий костер…

Но герои гибнут и в мирное время. На Троекуровском кладбище в 2001 г. установлен памятник Тимуру Апакидзе, вошедшему в нашу семью более 30 лет назад.

К памятнику легендарного военного летчика, которого во всем «летном мире» называют асом воздушного океана, дважды в год — в дни его рождения и гибели — приезжают морские летчики со всех наших водных просторов.

Это был человек необыкновенного трудолюбия и бескорыстия, эталон высокой чести и порядочности. Таким мы видим его и в фильмах о нем, и в книгах, и в сотнях статей. Он создал корабельно-истребительную авиацию и сумел отстоять ее существование в кризисные 90-е годы. Гибель генерал-майора, прославленного Героя России — невосполнимая утрата, которую военные летчики нашей страны приравнивают к «вселенской катастрофе». Такие люди рождаются только раз в истории человечества.

Я посвятила Тимуру свой перевод с китайского — танского поэта Бо Цзюй-И:

Воин, павший на бранном поле,
все равно остается с нами:
живая память сердца
не выпускает его из своих объятий.

И до тех пор,

пока почитают его родные,
пока друзья и соратники
пишут о нем книги,
а потомки увековечивают
его имя на площадях,
ибо знают: в его деяниях —
мысль и забота о человеке —
Память о нем вечна.

А на памятнике Тимуру золотом выгравированы его слова: «*Умереть за то, что любишь, — это не трагедия*»…

* * *

Жизнь моих родных наполнена великим смыслом: они защищали свое Отечество.

Теряя близких, мы ясно понимали, чего стоила на войне жизнь, и становится понятен смысл слов: *«Победа любой ценой»*. «*Любой*» — это значит тем одним, что имел воин, — *жизнью.*

ВЫШЛА КНИГА

Литературный сборник «Время Донбасса. Литература Народных Республик». Книга издана Союзом писателей ЛНР в 2016 г. в г. Луганске.

«Время Донбасса» – такое емкое название получила новая книга, вышедшая в феврале 2016-го года по инициативе Союза писателей ЛНР. Это совершенно особое экзистенциональное время, где недели и месяцы сжаты до минут и секунд, а минуты порой растянуты на годы. Литература народных республик впервые представлена в сборнике поэзией, прозой и драматургией. Жанровое многообразие книги – художественный итог того, что пережито было жителями Донбасса за время их народно-освободительной войны против киевской хунты и хрупкого перемирия.

Как говорится в аннотации, «стихи, проза, драматургия повествуют о человеческих судьбах, закалившихся в боях, о непростом выборе и цене свободы, о силе и слабости, о духовном единстве русского мира и непреходящей людской вере в лучшее будущее».

Галина ЧУДИНОВА, доцент кафедры литературы Луганского пединститута, член СП России (Пермь)

Никита ШЕВЦОВ

ВСЛЕД ЗА ЕРМАКОМ ТИМОФЕЕВИЧЕМ

Елена НАУМОВА

В истории Сибири, наверное, нет более романтичной и загадочной фигуры, чем легендарный Ермак Тимофеевич. О нем написано немало книг. Ему посвящены великолепные живописные полотна. Всем знакома знаменитая картина Василия Сурикова «Покорение Сибири Ермаком». В наше время о Ермаке снимают фильмы. Один из них, который так и называется — «Ермак», регулярно показывают по телевидению.

И все же мы знаем о Ермаке крайне мало. Ведь подвиг свой он совершил давным-давно, в XVI веке, во времена правления Царя Ивана Грозного. О завоевании Ермаком со сотоварищами Сибирского ханства сохранилось не так много источников. До сих пор можно поставить под сомнение конкретные даты событий, связанных с появлением казацкого войска на берегах Иртыша. В Сибири, в окрестностях Тоболь-

---

Никита Всеволодович Шевцов — родился в 1951 г. в Москве, окончил факультет международной журналистики МГИМО. Длительное время работал соб. корр. газеты «Труд» в Праге и Брюсселе. Автор книг «От вашего собственного корреспондента» (2002) и «От вашего специального корреспондента» (2010). Зав. кафедрой Международной журналистики МГИМО — Университета МИД РФ. Кандидат исторических наук. Награжден памятной медалью «100-летие А. Т. Твардовского». Член Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Елена Евгеньевна Наумова — родилась в 1964 г. в Потсдаме, окончила с отличием факультет русского языка и литературы МГПИ. Координатор международных культурных проектов (фестиваль «Цюрих—Москва 2007», фестиваль немецкоязычной литературы «Три страны — один язык» в Москве и Екатеринбурге, 2010). Преподает в РГГУ и МГИМО. Регулярно публикует (в соавторстве с Н. В. Шевцовым) материалы по истории и культуре в различных периодических изданиях. **Живет в Москве.**

Памятник Ермаку в Новочеркасске

ска, немало мест, где происходили схватки между казаками и сибирскими татарами. Вот мы и решили пройтись по местам сражений минувших веков. Но прежде отправились на Дон, а точнее — в Новочеркасск, где установлен один из памятников Ермаку. Считается, что легендарный атаман родом из донских степей, поэтому неудивительно, что именно здесь решили воздвигнуть монумент в его честь. Первоначально создание памятника поручили скульптору М. М. Антокольскому, но предложенный им проект отклонили. Однако эту скульптуру, так и не превратившуюся в величественный монумент, можно увидеть в Русском музее. А тот, что сейчас возвышается в Новочеркасске на площади возле огромного Вознесенского собора, торжественно открыли 6 мая 1904 года. Кстати, сама площадь носит имя Ермака. Четырехметровый покоритель Сибири стоит на гранитной скале. В одной руке у него боевое знамя, а в другой корона завоеванного Сибирского ханства. На лицевой стороне постамента надпись: «Ермаку — донцы 1904 год». На Ермаке кольчуга; подарена, по преданию, Иваном Грозным.

Статуя создавалась много лет. Сначала, уже после Антокольского, ее выполнение поручили скульптору М. О. Микешину, который несколько ранее изобразил Ермака среди 109 фигур, украшающих установленный в Новгороде монумент «Тысячелетию России». После смерти Микешина создание монумента в Новочеркасске завершил В. А. Беклемишев.

Но настоящий сюрприз ожидал нас в одном из залов бывшего атаманского дворца, ныне превращенного в музей. На стене мы увидели портрет прославленного атамана. Его написал в XVII веке, т. е. почти через 200 лет после гибели Ермака, неизвестный художник. Учитывая, что прижизненных изображений покорителя Сибири не сохранилось, художник позволил себе максимум фантазии, представив казацкого предводителя в рыцарском облачении.

Получив представление о происхождении и внешности Ермака, правда, весьма смутное, вернулись с Дона в Москву с тем, чтобы снова пуститься в дорогу — на этот раз в древний сибирский город Тобольск.

Приехав туда, сразу же отправились в сторону Чувашского мыса — огромного крутого утеса, обрывающегося у самого Иртыша. Он нависает

над рекой, которая у его основания на 90 градусов поворачивает свое русло. Взобраться на вершину утеса со стороны реки невозможно. Надо возвращаться чуть ли не в центр города и по вершинам холмистой гряды медленно подниматься в сторону Иртыша.

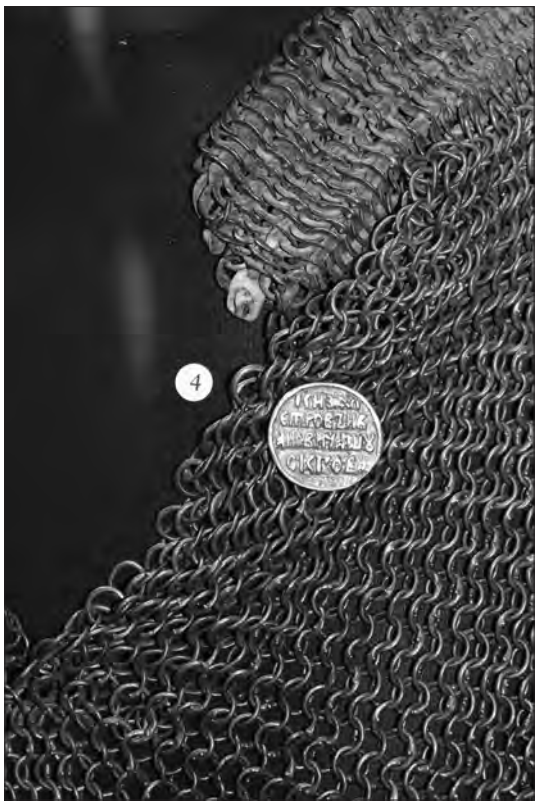
Оказавшись у подножия холма, мы мысленно представили, как много лет назад здесь произошла схватка отряда Ермака с войском хана Кучума, по своей численности намного превосходившего силы казаков. Древние хроники сообщают, что некоторые казаки дрогнули и стали убеждать атамана повернуть назад, но Ермак остался непреклонным и отдал приказ атаковать укрепления, возведенные вокруг Чувашского мыса, считавшегося форпостом столицы Сибирского ханства Искера. А ведь Кучум выставил не все свои силы, часть татарского войска во главе с Али, старшим сыном хана, в то время совершала набег на Пермскую землю.

Мы подошли к холму в том месте, где когда-то, готовясь к отражению штурма, татары устроили засеку из поваленных деревьев. Еще недавно приблизиться сюда можно было разве что на моторной лодке, но сейчас проложен вполне сносный проселок. На берегу реки родители с маленькими детьми собирались удить рыбу и не очень обрадовались нашему появлению, наверное, потому, что увидели в нас возможных конкурентов. Поэтому мы решили не мешать обеспокоенному семейству и, отойдя в сторону, принялись изучать местность, строя предположения о том, как же проходила схватка.

Штурм Чувашского мыса начался 26 октября 1582 года. Его оборонял Маметкул, военачальник, считавшийся родственником Кучума. Сам хан следил за битвой с высоты утеса. Исход схватки решила смекалка Ермака. Понимая, что засеку одним ударом не захватить, он дал ложный сигнал к отходу. Тогда, сделав в засеке проходы, татары начали «преследовать» врага. На это-то и надеялся атаман. Внезапно он развернул своих казаков

Чувашский мыс

Бляшка с кольчуги Ермака

в сторону неприятеля и, можно сказать, на его плечах ворвался во вражеский лагерь. Исход битвы был предрешен. Кучум бежал, а раненого Маметкула едва успели перевезти на другой берег Иртыша. Казакам досталась богатая добыча в виде, прежде сего, «мягкой рухляди» — пушнины. Археологи до сих пор находят в районе битвы наконечники стрел, костяные ножи. Но нам они, к сожалению, не попались, хоть мы и внимательно смотрели под ноги. Сражение при Чувашском мысу обросло легендами. Одна из них гласит о схватке, якобы произошедшей между Ермаком и Маметкулом, которой на самом деле не было.

В тот же день отряд Ермака вошел в Искер, столицу Кучума. В Тобольском историко-архитектурном музее-заповеднике нам довелось увидеть мишень (бляшку) с кольчуги Ермака с надписью: «Князя Петра Ивановича Шуйского». Известно, что пожалованная Царем кольчуга ранее принадлежала воеводе Шуйскому. И когда в 1915 году во время раскопок в Искере была найдена медная кольчужная бляшка с двуглавым орлом, надпись на ней не оставляла сомнений в том, что когда-то она украшала кольчугу атамана.

Спустя столетия мы решили вслед за Ермаком тоже покорить Искер, который в русских летописях назывался также Кашлыком или Сибирью, дав и название огромному пространству от Урала до Тихого океана.

Добирались туда проселками. Сначала доехали на автобусе до села Преображенского, где стоит прекрасно сохранившаяся церковь конца XVIII века, затем прошли два километра по шоссе, после чего свернули влево в сторону широкой поляны. Нас встретили восстанавливаемый деревянный частокол и транспарант со словами: «Построим мечеть в древнем Искере».

Для жителей окрестных татарских селений Искер по-прежнему считается сакральным местом. На территории древнего городища ведутся работы по восстановлению построек, похожих на те, что существовали во времена Кучума. Увидели несколько бревенчатых изб, но так и не заметили людей на этой безмолвной поляне. Прошли вперед к крутому берегу Иртыша и оказались около кладбища, где могилы с православными крестами соседствовали с мусульманскими захоронениями, завершавшимися полумесяцами.

За кладбищем находился глубокий овраг, по другую сторону от него виднелся холм, где некогда, чуть в стороне от городища Искер, располагалась крепость, служившая резиденцией для Кучума и его приближенных.

Городище Искер

Никакие тропинки на вершину холма не вели, к тому же кругом валялись поваленные бурями деревья. Но главную опасность представляли клещи, вовсе не собиравшиеся прятаться от нас. Они были повсюду: и в высокой траве, и на пеньках. Пришлось ретироваться, оставив окончательно мысль о штурме крепости Кучума. Бросили на нее прощальный взгляд, равно как и на Иртыш, и на еле заметную на горизонте колокольню Абалакского монастыря, куда теперь лежал наш путь. Мы стремились туда не только для того, чтобы увидеть одну из самых почитаемых и посещаемых обителей Западной Сибири, но еще и потому, что именно возле селения Абалак произошла не менее значимая схватка, чем у Чувашского мыса.

Оправившись от ран, Маметкул объединил остатки своего войска с отрядом возвратившегося после набега на Пермскую землю Али, сына Кучума. 5 декабря 1582 года татары напали под Абалаком на казаков, но вновь потерпели поражение. Поводом для этой схватки послужила гибель нескольких казаков, отправившихся ловить рыбу на Абалакское озеро. Отряд Маметкула выследил их и всех перебил. Узнав о случившемся, Ермак и его казаки устремились в Абалак, где вступили в многочасовой бой с татарами. И вновь немногочисленный казацкий отряд, как и у Чувашского мыса, оказался сильнее татарского войска.

Существует предание, что после победы Ермаку и нескольким его воинам явился Николай Угодник, повелевший основать обитель. Свято-Знаменский Абалакский монастырь возник несколько десятилетий спустя и очень скоро превратился в религиозный и культурный центр Западной Сибири.

До появления казацкого войска в Сибири Абалак относился к числу небольших татарских городков. Его назвали по имени одного из местных князей. Сейчас на крутом берегу Иртыша на месте древнего Абалака возвышаются великолепные храмы и другие строения недавно восстановленного

Абалакский монастырь

монастыря. Один за другим подъезжают к нему автобусы с паломниками. Все они хотят приложиться к иконе Божией Матери «Знамение», которая хранится в Знаменском соборе монастыря. Образ считается самым почитаемым в Сибири. Вот уже более четырехсот лет к нему приходят верующие со всей страны. Каждый год 8 июля икону Крестным ходом приносят в Тобольск, она находится в городе до 20 июля, а затем ее возвращают в монастырь.

Неподалеку от монастыря расположен крупный спортивно-развлекательный центр. Зимой в распоряжение любителей горнолыжного спорта предоставлена трасса скоростного спуска с подъемниками, устроенная на крутых берегах Иртыша, а летом можно хорошо провести время в городке, где установлены причудливые фигуры персонажей из русских народных сказок, можно даже побывать в домике Бабы Яги. Есть здесь и не без юмора сделанная деревянная фигура Ермака.

Но нас интересовали не сказки, а суровое прошлое с его жестокими схватками между отрядом Ермака и войском татар.

Спустя некоторое время после победы под Абалаком, незадолго до своей гибели Ермак вновь оказался в этих местах. Он поверил в существование каравана из Бухары, который якобы направлялся в Искер, но был задержан татарами на реке Вагай — притоке Иртыша. Решив отбить его, Ермак устремился навстречу своей гибели. Сначала он появился в Абалаке, но о караване здесь ничего не слышали. Тогда атаман продолжил преследование мифических купцов, устремившись к реке Вагай. Туда же столетия спустя отправились и мы.

Встали рано утром и вскоре оказались в татарской деревне Сабанаки. Затем добрались до другого татарского селения Иртышатские Юрты, где сохранилась деревянная мечеть XIX столетия. Продолжили путь и вско-

ре подъехали к крупному селу Вагай. Долго шли от автостанции к реке, где так любят рыбачить жители окрестных селений: полноводный Вагай всегда считался рыбной рекой. Буквально протиснувшись между оградами приусадебных участков, мы вышли к пологому пустынному берегу Вагая и попытались мысленно реконструировать события, приведшие к гибели Ермака. Но перенестись в далекие времена нам помешал установленный у самого берега транспарант со строгим предупреждением: «Купаться запрещено». Так и напрашивалась шутливая мысль, что поводом для его появления послужила гибель Ермака.

Мечеть XIX века в Иртышатских Юртах

И все же мы попытались еще раз представить события многолетней давности. В поисках каравана с ценными товарами из Бухары Ермак стал подниматься вверх по Вагаю. А тем временем лазутчики Кучума

Река Вагай

Памятник Ермаку в Тобольске

неустанно следили за продвижением небольшой казацкой флотилии. Пятого августа 1585 года Ермак и его сподвижники устроили привал на одном из речных островов. Уставшие казаки быстро заснули. Сон сморил и выставленный караул, чем не преминули воспользоваться татары. Они напали на лагерь. Выбежавший из шатра с несколькими казаками Ермак сразу же был ранен. Отчаянно сопротивляясь, казаки стали отступать к причаленному стругу, но Ермак не смог добраться до них вплавь: воды Вагая поглотили его.

В стихотворении «Смерть Ермака», которое вошло в цикл «Думы», поэт-декабрист Кондратий Рылеев писал о том, что Ермак погиб из-за царского подарка, тяжелого панциря, одевавшегося как кольчуга. Он-то и утянул его на дно реки. «Тяжелый панцирь, дар царя, стал гибели его виною».

Свой рассказ о походе Ермака мы бы хотели закончить упоминанием о еще одном монументе, установленном в честь покорителя Сибири. Он возвышается на мысе Чукман в Тобольске. Совсем рядом — оживленная улица Никольский взвоз, соединяющая нижний город с верхним. Машины по ней, можно сказать, идут сплошным потоком. Шумят, обгоняют друг друга. А возле памятника Ермаку тишина. Мраморный обелиск воздвигнут по проекту А. П. Брюллова, брата знаменитого художника. Распоряжение о его создании отдал сам царь Николай I. Открытие памятника состоялось 23 августа 1838 года. С высоты мыса открывается великолепный вид на древний Кремль, нижний город, предместья Тобольска. А дальше виднеются бескрайние просторы, земли, некогда покоренные нашим легендарным соотечественником Ермаком Тимофеевичем.

Андрей ЧЕРНОВ

ЛУГАНСКИЙ ПАРИЖАНИН ВЛАДИМИР СМОЛЕНСКИЙ

Андрей Алексеевич Чернов — писатель, литературовед, критик, публицист, историк литературы Донбасса. Родился в Луганске в 1983 г. Автор более 120 публикаций, выходивших в Луганске, Москве, Санкт-Петербурге, Перми, Кемерово, Киеве и др. Участник 1-го Международного совещания молодых писателей (Переделкино, 2011) и Всероссийского совещания писателей, пишущих о войне (Переделкино, 2015). Лауреат литературной премии партии «Справедливая Россия». Секретарь правления Союза писателей ЛНР. Зам. главного редактора луганского литературного альманаха «Крылья». **Живет в Луганске.**

Имя этого известного эмигрантского поэта почти неизвестно нам, луганчанам, его землякам. Оно вернулось в Россию, там издаются его книги, а стихи — включаются в многочисленные антологии литературы русского зарубежья.

Кто же он, Владимир Смоленский?

Уездный город

Навряд ли современный луганчанин может себе представить еще *тот*, старый Луганск. Нищий, вдавленный в степь городок, пыжившийся и жавшийся от зноя к реке. Немногочисленные многоэтажные здания, огромная базарная площадь, Никола Златые главы на Романовской. Четырехэтажный дом Васнева казался нелепым Гулливером среди ничтожно бедных, придавленных домиков-лилипутов… Современный луганчанин уже никогда не увидит в перспективе Казанской улицы (ныне — ул. Карла Маркса) величественный и суровый облик Казанского собора, снесенного в 30-е годы XX века.

Что думал о нем, родном Луганске, юный Володя Смоленский, сын полковника жандармерии, «начальника Луганского отделения Екатеринославского жандармского полицейского управления железных дорог»? Помнил ли о нем в эмиграции? Наверное, этот вопрос не так был важен для зрелого Смоленского: уж слишком юным покинул родной город, да и для потомственного донского казака, каким он являлся, куда памятнее был Великий Дон. «…Родился 24 июля (6 августа по новому стилю. — *А. Ч.*) 1901 года в имении моего отца на Дону», — сообщал впоследствии Владимир Смоленский Зинаиде Шаховской.

А у нас на Дону
Ветер гонит волну
Из глубин голубых в вышину,
И срываясь с высот,
Он над степью плывет,
И тогда степь как лира поет.

Имение Смоленских находилось под Луганском (в двадцати верстах от города), именно там рос хрупкий тонкорукий юноша-брюнет, которого в детстве близкие называли Коша. Неизвестно, как бы сложилась жизнь молодого дворянина Смоленского, однако, едва Володе исполнилось 16 лет, Россию поглотила безжалостная стихия, имя которой — Революция.

Отец Смоленского был схвачен большевиками в своем имении и тут же, на глазах заплаканного сына, — расстрелян.

Солдат ребенка хлещет по лицу,
А у ребенка щечка золотая.
Забудь, забудь …Но как забудешь ты
Увиденное этими глазами, —
Небесный луч, срываясь с высоты
Земными преломляется слезами.

«И Ангел плакал над мертвым ангелом… — Мы уходили за море с Врангелем»

Известный русский эмигрантский прозаик Гайто Газданов в романе «Вечер у Клэр» приводит интересный диалог (кстати, носящий автобиографический характер) между дядей и племянником, который в 15-летнем возрасте собирается уйти в Добровольческую армию. Дядя убеждает племянника, что за Белой гвардией нет народа, а значит, она неизбежно проиграет. Племянник соглашается. И прибавляет: именно потому, что проиграет, и иду.

Думаю, что Смоленский, как и многие-многие тысячи также это понимал. Но все же: брали оружие и шли на смерть, смерть и неся. Бессмысленное братоубийство … Кровавая мельница Гражданской войны уносила жизни сотен тысяч дочерей и сынов Отечества. За что боролись? За идеалы? За чье-то богатство? За царя? Кажется, в этом Судном дне России не было истины иной, нежели собственная жизнь.

Для Владимира Смоленского не могло быть примирения с новой властью: ни в Гражданскую войну, ни после, в эмиграции, когда так активно работал Союз возвращения на Родину. Расстрел отца навсегда перечеркнул возможность примирения.

С большевиками был народ. Именно потому провалился Ледовый поход на Москву, рухнули марионеточные «царства» и «республики», поддерживаемые Антантой. Трагедия Ипатьевского дома лишила Белую гвардию одного из важнейших символов борьбы — Царя и наследника престола. Наверное, самые пронзительные строчки о Царской фамилии написал Георгий Иванов (также поэт-эмигрант):

Эмалевый крестик в петлице
И серой тужурки сукно…

Какие печальные лица
И как это было давно.
Какие прекрасные лица
И как безнадежно бледны —
Наследник, Императрица,
Четыре Великих княжны.

Но все же… Долгие годы обескровливающего Россию противостояния.

Но исход был предрешен. Последний бастион — Крым — пал в 1920 году. С остатками армии барона Врангеля Смоленский покидает Россию. Навсегда.

Великий исход… Сотни тысяч детей России рассеялись по всему миру (иные исследователи считают, что Россию в первую волну эмиграции покинуло до 2 миллионов человек).

Чаще бежали в Европу, в бывшие российские провинции: Финляндию, Польшу, страны Прибалтики. Достаточно радушно встречали русских эмигрантов славянские государства: Болгария, Чехия, Югославия. У кого было побольше денег — ехали в Германию, Берлин до 30-х годов был сильным эмигрантским центром; либо во Францию, в столицу мира Париж. У кого же не было денег, как, например, у обыкновенных солдат и офицеров Белой гвардии, оставивших в России все, кроме собственного достоинства, — тех принимали в лагеря беженцев страны — члены Антанты. В один из таких лагерей, находящийся во французской колонии Тунисе, попал и Владимир Смоленский.

О двух годах, проведенных Смоленским в лагере в Тунисе, почти ничего неизвестно, кроме, пожалуй, того, что именно в Тунисе он начал писать стихи. В 1923 году Владимир Смоленский переезжает в Париж — город, который станет ему родным.

Русский Монпарнас

Междувоенный (1919–1939) Париж претендовал на роль столицы русской эмигрантской литературы. В этом городе вели активную деятельность многочисленные русские писательские организации, издавались русские газеты и журналы, в том числе и литературные. Любопытен следующий факт, приводимый эмигрантским критиком Марком Алдановым: «Согласно произведенному в 1925 году подсчету за границей существовало 364 периодических издания на русском языке…» Да, эмиграция была целым миром, Россией в изгнании. Пускай многие газеты и журналы эмиграции выходили непродолжительное время (иногда 2–3 номера), однако литературная жизнь эмиграции была чрезвычайно обширной. И в значительной степени она концентрировалась именно в Париже. Здесь жили Куприн, Бунин, Мережковский, Гиппиус, Адамович, Ходасевич, Саша Черный и многие другие литераторы, заполучившие признание еще в России. И здесь же — молодые писатели, оторванные, как и Смоленский, от Родины еще в юности, но также стремящиеся сказать свое слово в литературе: Юрий Терапиано, Николай Туроверов, Борис Поплавский, Гайто Газданов, Владимир Набоков и многие, многие другие…

В своей массе эмиграция представляла собой дворянство и интеллигенцию, как правило, с достаточно высоким уровнем образования. Что правда, приходилось бывшим адвокатам, врачам, инженерам и филологам очень нелегко: на иную работу, нежели тяжелую физическую, им было трудно устроиться. Это хорошо, если они успели получить образование в России, те же, кто приехал без образования, как Смоленский, были вынуждены работать где попало. Владимир Смоленский работал на металлургических и автомобильных заводах, после ему удалось получить стипендию и окончить в Париже русскую гимназию. Затем учился в Сорбонне и коммерческой академии, работал бухгалтером. На протяжении всей жизни, неся материальные лишения, ощущая весь неуют эмиграции, Смоленский не оставлял поэзии.

Естественно, что «молодая поросль эмиграции» стремилась в литературу, ей было что сказать и выразить: тягучую тоску по Родине, безысходность своего существования, ненужность ни своей жизни, ни творчества здесь, во Франции. Не зря литературный критик Владимир Варшавский назвал это поколение русских писателей эмиграции «незамеченным поколением»: хоть и была эмигрантская литература, но не было эмигрантского читателя. Однако, как писал Александр Блок: «Мы умираем, а искусство остается». Эмигрантская литература вернулась на свою Родину и стала неразрывной частью великой русской литературы.

Казалось, какая еще может быть литература, когда нужно просто выжить? Зачем писать и издавать стихи и прозу? К чему? Ведь «ни денег, ни славы»? Однако это была их жизнь. Нет, они уходили из реальности не в литературу. Они уходили в Россию, *их Россию, живую только в воспоминаниях*. Уходили стихами и прозой.

После трудового дня, усталые, но полные неутомимой жаждой творчества, они — молодые и не очень, опытные и совсем зеленые, собирались где-нибудь на Монпарнасе или в районе Латинского квартала, шли в дешевенькое кафе — «Селекту» или «Ле Болле». У многих денег хватало лишь на «аскетическую» чашку кофе, а иные не имели даже угла, где бы могли переночевать. Однако они собирались — монархисты и демократы, сменовеховцы и эсеры — и всю ночь проводили вместе, жадно прильнув всем своим естеством к Русскому Слову. Может быть, в минуты таких собраний они забывали, что находятся за многие-многие километры от Родины? «В Париже ночи сырые, темные, розовеет мглистое зарево на непроглядном небе, Сена течет под мостами черной смолой, но под ними тоже висят струистые столбы отражений от фонарей на мостах, только они трехцветные: белое, синее и красное — русские национальные флаги…». Пожалуй, Ивану Бунину невероятно емко удалось передать ностальгические ощущения русского эмигранта в Париже.

Именно на таких монпарнасских собраниях русских писателей изгнания в 20-е годы, когда еще так была сильна надежда на то, что большевизм падет, и они смогут вернуться на Родину, возникали различные литературные объединения и писательские союзы. С одним из них — возникшим в 1925 году Союзе молодых поэтов и писателей (с 1931 года — Объединение поэтов и писателей) — был тесно связан и Владимир Смоленский. Возглавлял Союз друг Смоленского Юрий Терапиано, а Смоленского называли одной из ключевых фигур этой писательской организации.

Путь к признанию

В 1929 году Союз молодых поэтов и писателей в Париже издал первый выпуск коллективного «Сборника стихов», в котором были напечатаны стихотворения Вадима Андреева, Александра Гингера, Юрия Мандельштама, Бориса Поплавского, Анны Присмановой, Ирины Кнорринг, Юрия Софиева и других поэтов «незамеченного поколения», среди которых и стихи Владимира Смоленского (это была его первая серьезная публикация). Литературный критик Константин Мочульский, написавший рецензию на «Сборник стихов», дал такую характеристику первым литературным пробам Смоленского: «В стихах *В. Смоленского*, скромных и неискусных, есть что-то настоящее. Между тем словесно они не блещут открытиями. Поэт "пьет от кубка" жизни "жадными глотками", пишет "до последней строчки жизни свиток", он "сладкою надеждою томимый" не чувствуется усилия обновить эти давно стершиеся выражения — и все же стихи запоминаются. Быть может, именно потому, что в них не заметно натуги, намеренности, что они как-то по-своему непринужденны и естественны…

Недостатки бросаются в глаза — досадные и легко устранимые. Но эти стихи родились счастливчиками — они нравятся.

Сам себе читаю по ночам,
Как Ромео полюбил Джульетту…»

Ненавязчивая запоминаемость простых «стихов-счастливчиков» В. Смоленского у многих поэтов вызывала зависть: как «обыкновенные» стихи, без литературных ухищрений и вывертов, могли так нравиться публике? Одно из ранних стихотворений Смоленского стало не просто популярным, «визитной карточкой творчества Смоленского», как метко заметил Виктор Леонидов, но и символом трагедии Гражданской войны:

Над Черным морем, над белым Крымом
Летела слава России дымом.

Над голубыми полями клевера
Летели горе и гибель с севера.

Летели русские пули градом,
Убили друга со мною рядом,

И Ангел плакал над мертвым ангелом…
— Мы уходили за море с Врангелем.

«Об этом неожиданном удачном ассонансе — "ангелом — Врангелем" кой-кто из поэтов говорил с нескрываемой завистью — "Большая удача"», — писал в своих мемуарах Роман Гуль, один из наиболее именитых писателей эмиграции, сыскавший себе славу уже не в России, а за рубежом. И прибавляет: «Владимир Смоленский писал ясную, неусложненную поэзию, иногда сильную». Да, заполучить популярность среди немногочисленных эмигрантских читателей было нелегко. Всякого, кто смог ее добиться,

менее удачливые собратья по перу без всякого стеснения кололи в глаза «удачливостью». Ведь правда: не назвать же эти «удачи» талантом?

После 1929 года стихотворения Смоленского более трех десятилетий регулярно публиковались в различных изданиях русского зарубежья. До Второй мировой войны — в «Казачьем альманахе» и альманахе «Круг», в журналах «Станица» и «Современные записки», в сборнике «Перекресток» (2-й выпуск) и газете «Возрождение» (все — Париж), в литературном журнале «Вестник» (Брюссель). После войны — в парижском журнале «Возрождение», американских журналах «Новый журнал», «Опыты» и «Православная Русь», в альманахах «Содружество» (Вашингтон) и «Мосты» (Мюнхен). Добавим, что это далеко не полный перечень периодических и непериодических изданий, в которых публиковался поэт.

Нужно отметить, что Владимир Алексеевич Смоленский активно участвовал не только в русских эмигрантских писательских организациях, но и в объединениях донских казаков, каковым он и сам был. Так, в 1938 году Смоленский входит в парижский «Кружок казаков-литераторов». Сообщая о вступлении поэта в это литобъединение, журнал «Станица» (печатный орган Общеказачьей студенческой станицы в Париже) в апреле 1938 года подчеркивал, что хоть Смоленский и «молодой поэт», но «заслуженно имеет весьма значительное место в русской эмигрантской литературе, нутро и даже внешность которого свидетельствуют о полученной им “лире с неба”»[1].

Первый сборник поэта — «Закат» увидел свет в 1931 году. Тоненькая книжечка включала лишь 40 стихотворений, однако она была замечена и оценена литературной критикой. Так один из колоссов литературного Парижа Владислав Ходасевич в статье «Книги и люди» писал о «Закате»: «В небольшой книжке Смоленский сосредоточил то, что разрозненно бродит по стихам весьма и весьма многих его современников, а в той или иной степени присутствует, может быть, у всех… Можно сказать, что Смоленскому посчастливилось написать книжку, чрезвычайно показательную для его поэтической эпохи… Стихи Смоленского очень умелы, изящны, тонки, — по нынешним временам даже на редкость». А во второй половине 30-х годов Ходасевич дает еще более высокую оценку творчества поэта: «В современной русской поэзии Смоленскому принадлежит одно из первых мест».

«Закат» и второй поэтический сборник «Наедине» (Париж, 1938) были книгами скорби русской эмиграции. Пронзительный трагизм, доходящий порой до пессимизма, обреченное одиночество, заостренное до степени «я в пустоте», злой сарказм и ирония над старавшимся казаться благополучным эмигрантским обществом, горько-грустный плач об утраченной навсегда Родине — вот что наполняло эти два сборника. И именно это нравилось эмиграции в лирике Владимира Смоленского. Все это «ледяное отчаяние», напоминающее «врубелевского Демона», было характерно, как считал литкритик Георгий Федотов, трем известнейшим поэтам-«парижанам»: Георгию Иванову, Ирине Одоевцевой, Владимиру Смоленскому.

Что ж, таковы были настроения русской эмиграции, выбравшей лишения и свободу, нежели рабство. Но ведь и нам, эмигрантам «русского порубежья», оказавшимся без Родины внезапно, без нашего на то спроса, разве не близки глубоко ностальгические строки стихотворения Смоленского, обращенного к России:

---

[1] Цит. по: http://www. rusedina.org

Зови не зови — нет ответа,
Не увидишь — гляди не гляди,
Но все же ты близко, ты где-то,
У самого сердца, в груди…

«И длится жизнь — глубокий, долгий сон Души, что спит в объятьях тела…»

Однако жизнь не стояла на месте. Надежды на то, что большевизм падет, не оправдались, и нужно было тянуть лямку существования в европейской действительности. Стоял 1939 год, приближалась страшная война, которой человечество еще не знало. Известие о войне Смоленский встретил в Аррасе, где работал на часовом заводе бухгалтером. Завод срочно перепрофилировали на производство стаканов для снарядов, город бомбили, в населении начинались шпиономания и паникерство. С большими трудностями поэт уезжает из Арраса в Париж, который также был в агонии: гитлеровская армия змеей вонзалась в сердце Франции. О тех днях Смоленский оставил свои «Воспоминания»: «Париж был темен, сир, мутен. Начинался великий исход. Дикие толпы уходили неизвестно куда… Немецкие летчики иногда били по этим бегущим толпам. Моя первая жена, Магдалина Смоленская, пешком, на высоких каблучках, ушла в безвыходный поход. Спасла ее, конечно, только бесконечная милость Господня к своим безумным детям».

Бомбежки Парижа и надвигающаяся оккупация заставляли совсем по-иному смотреть на жизнь и смерть. В «Воспоминаниях» Владимир Смоленский описывает свое прощание с Буниным, уезжающим из Парижа: «…на rue de Passy встретил я Бунина. В Бийянкуре горели склады бензина. С неба падали черные клочья сажи. “Уезжаю на юг, — сказал он мне. — А что же вы, поэт, будете делать? Куда уезжаете?” — “Некуда мне уезжать, Иван Алексеевич, — сказал я. — Нет денег, да и нет желания. От смерти все равно не убежишь. Да и есть ли смерть?”

“Ну, ну, — сказал он, слабо и ласково улыбаясь. — Смерть-то, конечно, есть, но в чем-то вы может быть и правы”».

Из окружающей реальности поэт все больше и больше погружался в «ненастоящий», выдуманный мир. Мир воспоминаний и тоски. Когда очевидно, что терять уже нечего (даже собственная жизнь висит на волоске!), неизбежно пересматриваешь всю свою жизнь. В такие моменты наступают важнейшие повороты и в судьбе, и в творчестве. В. А. Смоленский в своем творчестве военного и послевоенного периода переходит на позиции Православия. Это период глубокой философско-религиозной лирики. Смоленский больше не заигрывает со смертью — она больше не страшна ему, *не непонятна.* В этот период пишутся одни из сильнейших стихотворений поэта.

И верю, предвечное Слово,
Страдающий, изгнанный Спас
Любовно глядит и сурово
На руку, что пишет сейчас.
Недаром сквозь страхи земные,
В уже безысходной тоске,
Я сильную руку России
Держу в моей слабой руке.

Искренняя вера в Бога соединяется с верой в свое Отечество, в неизбежное прояснение мрака над ней. Не могут не вспомниться замечательные строки Ахматовой:

Так молюсь за Твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.

В 1947 году в Париже вышел альманах «Орион», ставший незаурядным событием в жизни зарубежной русской литературы, поскольку был одним из первых послевоенных литературных сборников. Редакторами альманаха выступили поэты Владимир Смоленский и Юрий Одарченко. В альманахе приняли участие Иван Бунин, Георгий Адамович, Борис Зайцев, Гайто Газданов и др. Кроме стихов Смоленского, в альманахе был опубликован и его перевод со старофранцузского первой главы «Тристана и Изольды».

Послевоенный литературный Париж подувял. Уже не было русского Монпарнаса, а среди литераторов появились представители второй волны эмиграции.

В 1957 году, наконец-таки, увидела свет третья книга стихотворений В. А. Смоленского — «Собрание стихотворений». Как оказалось — это была последняя прижизненная книга поэта. В книгу вошли два предыдущих сборника и новый, названный «Счастье». Глубокая философичность лирики в «Счастье» подняла Смоленского до уровня одного из крупнейших и выдающихся поэтов России XX века.

Последние годы жизни замечательного сына Отечества, «луганского парижанина», были омрачены тяжким недугом — раком горла. В этом есть какая-то злая символичность — один из лучших парижских поэтов-декламаторов лишился голоса, умолк. Но стихи продолжали рождаться…

Я любил на земле Свободу,
Одиночество и стихи…

Свободолюбец, донской казак, воспитанный никогда и ничему не подчиняться, кроме Бога и Царя, оказался прикованным к кровати:

Между жизнью и смертью прослойка —
Ледяная больничная койка.
……
И победное смерти жало —
Не конец уже, а начало.

Владимир Алексеевич Смоленский скончался 8 ноября 1961 года. Похоронен на последнем пристанище изгнанных сынов России — на русском парижском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

В 1963 году усилиями вдовы поэта издан посмертный сборник лирики Смоленского «Стихи», включивший 41 стихотворение. Почти столько же (на 1 меньше) включал его первый сборник «Закат».

Вернуться в Россию стихами

Реки, текущие вспять: сотни имен, колоссальное творческое наследие вернулось в постсоветскую Россию. Среди них — имя и творчество Владимира Смоленского. Первый сборник его увидел свет в 1997 году и моментально разошелся с прилавков. Второй сборник был издан к 100-летию со дня рождения поэта и назывался «О гибели страны единственной…» Ныне ни одна крупная антология зарубежной поэзии не выходит без подборки его лирики. Однако ни имя, ни творчество поэта неизвестны на его малой родине — в Луганске.

Сложно ответить на вопрос: «Почему имя Смоленского практически неизвестно на родной ему Луганщине?» Мне лично думается, что это из-за отсутствия единого центра популяризации сведений о литературной жизни Донбасса. История литературы Донбасса очень богата и давно заслуживает полноценного изучения и широкой популяризации. Силами краеведческих музеев эту задачу не решить. Лишь создание настоящего литературного музея, призванного целенаправленно изучать и пропагандировать литературу Донбасса, может помочь делу возвращения наследий и Смоленского, и многих других писателей. И вполне разумным будет размещение такого музея в Луганске — давнем культурном центре Донбасса.

В свое время Зинаида Гиппиус заявила, что русской литературы нет в Советской России, что миссия эмигрантской литературы — сохранить традиции русской литературы для возвращения ее на Родину. Этой точки зрения придерживались многие «парижане». Чувствуется она и в публицистических статьях Смоленского. Да, многие эмигранты утешали себя своим «мессианством». Конечно же, как показало время, эмигрантская литература выдохлась сразу после «молодой поросли» — тех, кто родился в России, но возмужал в эмиграции. Без читателя и, главное, без России, литература эмиграции исчерпала себя в 70-е годы XX века. Единственное, что спасало — эмигранты второй и третьей волн. Но ведь они приехали из России…

В восприятии эмигрантской литературы у нас, в России, также формируется своеобразный тормоз: уж слишком отпугивает их антисоветскость, доходящая порой до абсурда. Неприятие реформированного алфавита, отрицание советской литературы, патриотизма, самого государства и народа в нем. Вспоминается и такой факт. Мережковский, как только Гитлер вероломно обрушился на Советскую Россию, выступил по радио и в своей речи назвал Адольфа Гитлера Жанной д'Арк, которая освободит Россию от большевизма.

Слишком много было крайностей, бессмысленных и глупых, с обеих сторон. Однако пришло время понимания, что и Советская Россия, и рассеянная по миру русская эмиграция — это части одного целого, одного народа, одной культуры, одной цивилизации.

В 1938 году в парижской газете «Возрождение» была опубликована статья известного эмигрантского прозаика Бориса Зайцева «Слово о Родине». В рассуждениях этой статьи — настоящего документа эпохи — есть замечательная мысль о нашей Родине: «Истинная Россия есть страна милости, а не ненависти». А если это действительно так, то и нам надлежит понимать и прощать. И любить свое великое и многострадальное Отечество.

Павле ИНГОРОКВА

ЯМБИКОНЫ СВЯТОЙ БЛАГОВЕРНОЙ ЦАРИЦЫ ТАМАРЫ

Фрагменты статьи «Философская лирика царицы Тамар»

Владимир САРИШВИЛИ

Поэтическое наследие царицы Тамары и статья выдающегося ученого Павле Ингороква (в сокращении) впервые переведены на русский язык Владимиром Саришвили. Ему же принадлежат переводы стихотворных отрывков классиков грузинской поэзии, посвященных царице Тамаре.

Глас народа — неотвратимый приговор, который выносит история. Неугасимой любовью озарил грузинский народ память о «Матери-Грузии», царице Тамар[1].

Илья Чавчавадзе поведал нам о безымянном народном сказителе такими строками:

Вот что пел он в новом веке
О деяньях несравненных:
Некогда жила Тамари,
Матерь наша незабвенная…

[1] Царица Тамар (1166–1213) или Тамара — царица Грузии, с именем которой связан один из лучших периодов в истории страны — «Золотой век».

Павел Иессеевич Ингороква (Павле Ингороква) (1893–1983) грузинский историк, филолог и меценат. Возвратил в современную литературу поэтическое наследие царицы Тамары, опубликовал многочисленные труды, посвященные творчеству грузинских писателей и поэтов Ш. Руставели, Н. Бараташвили, А. Церетели, И. Чавчавадзе, В. Орбелиани, В. Пшавелы, открыл новые имена — Григорий Хандзтели и Георгий Мерчуле.

Владимир Карлович Саришвили — родился в г. Батуми (Грузия) в 1963 г. Окончил Тбилисский государственный университет. Автор многих книг и публикаций, в том числе антологии «Грузинская поэзия в русских переводах XIX–XX вв.». Член Союза писателей Грузии. Член Федерации журналистов Грузии. Лауреат Пушкинского конкурса педагогов-русистов СНГ (Москва, 2003). Координатор по международным связям СПГ. Доктор филологии. Президент Ассоциации русскоязычных литераторов и деятелей культуры «Новый современник — Грузия». **Живет в Тбилиси, Грузия.**

Акакий Церетели так начинает свою прекрасную легенду о царице Тамаре:

Эфира свет стране тусклей казался,
Чем ясный лик божественной Тамар.
Ее приют последний — в сердце скал,
С них всякий смертный в пропасть бы сорвался.
Над ней свечой истаяла звезда,
А небо — одеялом расстелилось.
Семьсот уж лет прошло. Но не забылась
Надежда — и не сгинет никогда…

Важа Пшавела обращается к тени царицы Тамары с такими словами:

О, наша жизнь и дыхание,
Женщина, Матерь иберов,
Лгут, что ты смертью похищена,
Нет — ты бессмертье и вера!
Как же к тебе я, божественной,
Не онемев в самом деле,
С речью хвалебной предстать посмел —
Слышавшей гимны Руставели?!
Вряд ли тебе это по сердцу,
Что стихотворец безродный
Песни возносит хвалебные
Радостно так и свободно.
Сердце пьянит свет очей твоих,
Сердце стенает, палимое,
О, кладезь всех добродетелей,
Не отвергай похвалы моей…
Сжалься над пшавом отвергнутым,
Слезы не сохнут у бедного,
Душу сжигаешь лампадою —
И до конца, до победного…
Вашими с Шота десницами
Краше, мощней молодечество,
Стань же заступницей нашею,
Женщина, Матерь Отечества!

В этих впечатляющих строках величайших грузинских поэтов нового времени отображены сокровенные мысли грузинского народа (*о возрождении былого величия отчизны, о явлении миру могущественной и справедливой монархической власти. — В. С.*).

Философские ямбиконы царицы Тамары

Из всего литературного наследия царицы Тамары до наших дней уцелел лишь один цикл — *Философские ямбиконы.*

Вместе с тем мы имеем основания для умозаключения, что сам этот цикл сохранился не полностью.

Далее следует другой вопрос:

Ограничивалось ли поэтическое наследие царицы Тамары одним только этим жанром — философского ямбикона? По-видимому, нет. Далеко не беспочвенно предположение, что для царицы Тамары не был чужд и жанр чисто светской поэзии, которую в ту эпоху представлял Руставели.

Ямбиконы царицы Тамары являют собой значительный памятник грузинской философской поэзии XI–XIII вв., выдержанный в традиционной форме.

Классический грузинский ямбикон — по своей ритмической структуре и строю — это типичный грузинский силлабический (неритмизированный или слабо ритмизированный) стих, основанный на соизмеримости строк по числу слогов. Грузинский ямбикон состоит из 12 слогов с цезурой на пятом или (реже) седьмом слоге.

Соблюсти указанное количество слогов и при этом передать максимально точно и объемно содержание философско-молитвенных текстов царственного автора — задача несовместимая. Поэтому мы отдали предпочтение содержанию перед формой, тем более, что в данном случае метрика и строфика не играет того значения, как в силлабо-тоническом стихосложении, к примеру, в «Вороне» Эдгара По или сонетных конструкциях.

Ямбикон — белый стих; использование выраженного ритма в нем считается неприемлемым. (Эту традицию неритмизированного белого стиха грузинский ямбикон позаимствовал от своего греческого прототипа — ямбического триметра.)

Встречаются и ритмически организованные ямбиконы, но это уже — нарушение стиля; классический ямбикон должен быть безритменным (*хотя нам в процессе работы над переводом не всегда удавалось удержаться от принесения в жертву теории во имя поэтичности. — В. С.*).

В области древнегрузинской философской лирики ямбиконам царицы Тамары должно быть отведено видное и почетное место. Более того, думается, не будет преувеличением отдать ямбиконам царицы Тамары пальму первенства в древнегрузинской философской поэзии — настолько велики литературные достоинства, которыми они отмечены.

В стихотворениях царицы Тамары ощущается подлинный блеск древнего грузинского языка; в то же время в них содержится резко-лапидарная обрисовка образов, тот лаконизм и афористичность слова, которые составляют суть специфического стиля философской поэзии.

Остается только выразить сожаление по поводу того, что современный читатель, не владеющий языком древнегрузинской философской словесности, не имеет возможности в полной мере ощутить всю артистическую, художественную полноту ямбиконов царицы Тамары. Язык древнегрузинской философии настолько отмежеван от современного грузинского языка, что, при отсутствии специальных сведений, труднодоступен для современного читателя.

Поэтому мы сочли своим долгом снабдить эти стихотворения комментированным переводом на ново-грузинском языке; хотя понятно, что и это не дает представления обо всех оттенках словесной художественной ткани этих стихотворений.

Ямбиконы дают представление о философском мировоззрении царицы Тамары — это христианские воззрения, озаренные светом эллинской философии.

В данных ямбиконах царица Тамара создает образы христианских деятелей: свв. Марии Египетской, Георгия Победоносца и Теодора Тиронского.

1. Ямбикон Марии Египетской

Солнце ты, Мария, узрела, и множество дивного,
Ты явила чудо женского естества, в бытие телесное воплотившись,
Мир естественный умалив, подчинив,
Подобно земле, удерживаемой воздухом,
И подобно плоти, не утопающей в воде.

2. Святому Георгию

Пришедший из Каппадокии
С солнечным нимбом на челе —
Не как дневное светило,
А как солнце солнц, как светоч двух миров —
Поднебесного и Царства Вечности.

Перевод того же ямбикона — по толкованию Павле Ингороква:

2а.

Силою мысли солнце, как молния,
Светом небесным всю землю объемлет.
Ты, мученьям семижды подвержен,
И семижды венцом коронован,
Причащенный Спасителем, в Вечности Царство вознесся.

3. Святому Теодору

Небесный нимб Теодора, солнцу подобно, сиянье чудес разливает.
Максимильян-император, мира владыка, завидует Господу Богу.
Ибо Спаситель, скорбя и страдая, под пыткою не сломился,
Ибо, распятый, заставил Он пламенем мук возрыдать даже камни.
Ибо Создатель-Судья уготовил в горниле мучений, подобно магниту,
Ему закалиться, в Господни чертоги вознесшись.

Четвертый ямбикон, предваряемый надписью «Тамариси» (стихи Тамары), написан от лица самой царицы.

Этот ямбикон пронизан миссионерским душевным порывом, он словно бы наделяет Грузию государственным правом на миссионерство и самоутверждение.

Царица Тамара провозглашает здесь себя единой для всех христиан правительницей и вершиной монаршей власти. Особое значение в ямбиконе имеет принадлежность царицы Тамары к роду Багратиони — потомков царя Давида Псалмопевца-Пророка, о котором в Писании сказано, что из его колена произойдут Божьи помазанники и сам Спаситель.

4. Тамариси (стихи Тамары)

Солнечный нимб воссиял в небеси золотыми лучами,
Избрана я, и светило меня озарило божественным пламенем,
В царских одеждах блистаю в райском Господнем саду,
Розою благоухаю на ветви Давида, царя и пророка,
Мира владычица, Божьим веленьем царица Тамара.

Сила художественности этих ямбиконов очевидна для искушенного читателя — в те времена не была еще сформирована и введена в обиход палитра поэтических средств, однако царица Тамара применяет такой известный теоретический прием, как лейтмотив, а также солнечную символику, как поэтический магистрал.

Обращает на себя внимание и сама фактура поэтического слова — фразы ямбиконов царицы Тамары словно вычеканены драгоценным металлом, напоминая златокузнеческое искусство Беки Опизари.

Еще один признак высокой художественности ямбиконов — экономичность слова. Подчас поэтический образ возникает из одной лексемы или оборота речи — своего рода «словесной иконы».

Приводимый ниже ямбикон написан в 1193 году, когда царица Тамара стала матерью своего первенца — Лаша-Георгия.

5. Тамар обращается к Божьей Матери:
Матерь Божья, Приснодева!
Ты родила сына Господня
Во имя бессмертия человечества.
Я, Тамар, Давида Псалмопевца сродница,
Осени меня благодатью
И моего рожденного сына спаси и сохрани…

Монументальный стиль этих философских миниатюр сам по себе восхищает, поскольку требует мастерства изрядного, ведь «монументальность и миниатюра» — тандем заведомо парадоксальный. К тому же некий официоз, свойственный стилю тронных речей, сливается в поэтических строках царицы Тамары с искренностью эмоций, что также свидетельствует о блестящем природном даровании, чувстве гармонии и стиля — всех атрибутов, сопровождающих явление отшлифованного таланта.

Царица Тамара позиционирует себя в ямбиконах защитницей и ревнительницей христианства, христианской идеологии, подчеркивает особую роль миссионерства Грузии и ее самодержавной правительницы.

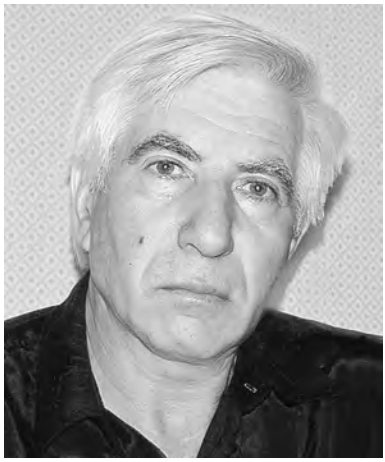
Но при этом христианское учение предстает в ямбиконах не только официальной государственной доктриной — для просвещенной и высокоодаренной царицы это — основа и подлинная суть ее мировоззрения.

* * *

Свой телефонный комментарий о вышепредставленном труде корреспонденту «АиФ-Тбилиси» оставил доктор филологических наук, главный редактор журнала «Чвени мцерлоба» («Наша словесность») Ростом Чхеидзе:

— Перед нами первый и очень удачный опыт перевода на иностранный (русский) язык поэтического наследия царицы Тамар. Особенно ценно, что доктор филологии, поэт и переводчик Владимир Саришвили — автор этого научно-поэтического труда, представил перевод ямбиконов святой царицы в неразрывной связи с фрагментами статьи выдающегося грузинского исследователя — литературоведа, историка и этнографа Павле Ингороква, проливающей свет на многие неясные моменты, связанные с особенностями формы и содержания этого малого жанра грузинской философской лирики.

ПРОЗА

Василий ЗАБЕЛЛО

НА ВОЗДВИЖЕНИЕ

Рассказы

Василий Константинович Забелло — родился в 1947 г. в деревне Утулик Слюдянского района Иркутской области, на берегу Байкала. В 1966–1969 гг. служил на флоте, имеет 42 года рабочего стажа. Автор пяти книг стихов. Член Союза писателей России с 1993 г., избирался председателем Иркутской писательской организации. Награжден премией «Святителя Иннокентия Иркутского». **Живет в г. Байкальске Иркутской области.**

НА ВОЗДВИЖЕНИЕ

Под конец сентября с Байкала потянул стылый ветер с переходом на шквалистый, к вечеру хлестко загвоздил дождь, перейдя в мокрый снег, выбелил окоемы прибрежных лесных озер. Стаи перелетных северных гусей, прижатые непогодой, надрывным неумолчным гоготаньем оглашали болото и, словно живые тени, падали на воду, сбивались к заветренной стороне.

Анатолий любил эту пору, как опытный страстный охотник заранее сооружал скрадок на своем фамильном озерке, поджидал перелетную дичь. В послевоенные пятидесятые-шестидесятые годы на охотничьи ружья в органах МВД регистрация не велась и сейфов для их хранения не требовалось. Обычно в горницах они украшали настенные ковры, трофейные рога изюбра или сохатого, вороненым блеском стволов напоминали о значимости их владельца, порождали неудержимое любопытство у подростков. С четырнадцати лет по рекомендации старших выдавался охотничий билет. Первый памятный выстрел из дробового ружья Анатолий испытал в семь лет. Заряд был намного сильнее обычного, сосед подсунул, и Толя от выстрела под хохот старших ребят полетел в одну сторону, ружье — в другую. Однако страх он переборол и уже к десяти годам имел личное ружье — подарок отца. Патронов из чужих рук не брал, заряжал всегда сам. К семнадцати он расстрелял полпуда пороха и на десять выстрелов девять уток брал с лету. Так что утиной солонины семье хватало до весны. Последнее ружье, на котором остановился охотник, было тульского производства с инжекторами. После выстрела при переломе ружья автоматически выбрасывались гильзы, и Анатолий приноровился в верх-

ний ствол еще загонять патрон и отправлять заряд вдогон улетающей дичи. И все-таки по его сноровке и азарту трех выстрелов бывало недостаточно, особенно на гусиной охоте, и Анатолий решил приобрести пятизарядный автомат. Но автомат стоил дорого — два месяца работать, и он упросил продавца до завтра попридержать ружье, пока соберет нужную сумму. Но к вечеру этого дня задурила непогодь, и, гонимые ветром, заскрипели в небесах свою вечную тоску по Родине первые вереницы гусей. Анатолий не стал дожидаться предрассветного часа, застегнул на поясе патронташ на двадцать четыре заряда, закинул на плечо испытанную переломку и, набросив на голову плащ-накидку, торопко зашагал из города в сторону родной деревни. К полуночи он свернул с тракта, пошел лесом, осторожно прощупывая поступью тропинку, которая змеилась к болоту. Сквозь стенания непогоды то и дело доносились гусиные окрики. При тупой видимости в бурю, чтобы не потерять друг друга, гуси непрерывно ведут перекличку, невольно выдавая себя затаившемуся охотнику. Наконец лес расступился, и Анатолий вышел на озерко к своему скрадку. Снежный окаем воды и лунный отсвет, сочившийся сквозь рваные тучи, на фоне мглистого неба едва очерчивали безлистые гривы перелесков. Издали донеслись обрывки гусиного гогота. Охотник, затаив дыхание, напрягся и до боли в глазах стал вглядываться в омут неба. Гогот то приближался, то отдалялся, стало понятно: табун закружил. Анатолий, когда гоготанье приблизилось, втягивая в гортань воздух, призывно закричал по-гусиному. Перекличка табуна стала усиливаться и приближаться. Охотник перевел ружье в исходное положение. С правой стороны озерка, откуда доносился нарастающий гогот, над чертой перелеска темным пятном высмотрелся силуэт первой птицы — вожака, за ним второй, третий, шестой замыкал вереницу. Как только гуси оказались напротив, Анатолий вскинул ружье и ударил по вожаку. Вожак оборвался камнем, остальные судорожно замахав крыльями, зависли и плотно сгрудились. Второй заряд выбил двух гусей, Анатолий молниеносно переломил ружье, в верхний ствол загнал патрон, выстрелил вдогон. Четвертый гусь завалился набок, послышался шлепок о болотную кочку. Звено из оставшихся двух живых, скорбно зарыдав, как показалось Анатолию, повернуло в сторону Байкала и, уносимое ветром, навеки исчезло в кромешной темноте ночи. Сердце неуемно билось, охотник резко с выдыхом присел на корточки, сгасил волнение, немного успокоившись, поднялся, пошел за добычей. «А была бы у меня пятизарядка, — вдруг подумалось ему, — всех бы шестерых оставил». При этой мысли чувство азартной радости внезапно сменилось ощущением подавленности. «Да что я, с голоду подыхаю?!», — спрашивал сам себя Анатолий. В ушах продолжало пронзительно звенеть скорбящее прощание, уносимое ветром, пары. Если бы тогда он знал, что оно еще долгие годы будет временами накатывать и преследовать его, вызывая неотвратимую грусть и раскаяние, — хоть лбом бейся об стену, а ничего уже не изменишь, если бы знал… Но теперь Анатолий при свете фонарика подобрал краснолапых гуменников, рядком разложил на скамье и стал поджидать следующих. Следующим налетел табун казарок, охотник автоматически вскинул ружье, но палец на спусковой крючок не нажал, что-то сломалось в сознании Анатолия, и впервые, провожая долгим взглядом кричащих гусей, он сказал про себя: «Летите, милые, летите!»

Утром в родительской избе мать, которая всю жизнь, сколько помнил Анатолий, молилась по ночам, прося Господа о милости, серьезно и жалею-

чи глядя на сына, тихо сказала: «Толя, а ведь это грех. Сегодня большой праздник: день Воздвижения Честного Креста Господня».

Пятизарядный автомат Анатолий так и не купил.

ОПРАВДАНИЕ

Город, где проживал Василий, находился в восьми километрах от родной деревни. Города он не любил, называл выкидышем советской индустрии и исторической необходимости, по которой рождаются города, в его появлении на берегу священного моря — Байкала — не видел и не понимал. Зато вреда от него было, куда с добром, и Байкалу и людям. Половина его сотоварищей-работяг, не дожив и до пятидесяти, отправились вперед ногами в лоно вечного покоя. С появлением завода и города пострадал и уклад коренных поселений. От многих изначальных фамилий родной деревни остались только воспоминания, зато пришлого народа, которому и черт не брат, появилось с лихвой, ни замки, ни запоры не помогали. Как выразился поэт:

…Народцу одичалого взялось,
Уклад села поехал вкривь и вкось…

Старожилы же, по поводу заводских загрязнений, рассуждали просто, говорили, что на дне Байкала должны быть только песок, камни, и рачки — бормаш. И никаких отходов от химического производства.

Василий себя клял за то, что невольно участвует в пагубе некогда щедрого кормильца Байкала, а изменить ничего не мог. Дважды увольнялся и дважды устраивался снова. Жить вне родины не получалось: тоска изъедала душу. Наконец решил, отстраняться не будет, а будет работать хорошо с предельным вниманием, чтобы по вине его службы, когда он на смене, аварий не случалось. Этим и облегчил совесть. Да и мать постоянно назидала, дескать, нечего бегать, трудись, где трудишься, все какая-никакая копейка заведется, все равно не будет того, что раньше было. Василий родителей любил, слушал, соглашался, помогал по дому: где дров привезти, где поляну выкосить, где картошку выкопать. Только потом, кода их не стало, понял, что мало помогал, мало жалел и мало любил. Из шестерых детей рядом с ними жил только он, остальные разлетелись кто куда. Правда, еще какое-то время собирались всем семейством с женами и детьми праздновать Новый год. Отец воскрылял, руководил застольем, мать с невестками хлопотали на кухне, накрывали стол. Угощение в основном состояло из даров тайги и моря. Рыба, грибы, холодец, пельмени, мясные и морковные котлеты, посреди стола блюдо с дымящимся картофелем, в руках главы семейства традиционное Советское шампанское. Также к чаю разрезали ягодные пироги и детям давали лакомство в виде замороженных на спичках кубиков творожной смеси. Словом, — заявка на следующий удачливый и сытный год была достойной. Что удивительно, из всех закусок только грибы съедались под чистую, особенно грузди и рыжики. Радужное было время. Но прошло и оно. Только Василий взял себе за правило каждый год тридцать первого декабря навещать родителей. Убедившись, что все у них ладно, возвращался в свою городскую квартиру. На прощание, обнимая мать и отца, улыбнувшись, говорил: «Не скучайте, встретимся в Новом году».

В этот же раз, как только Василий открыл калитку родового гнезда, глаза резанула неприбранная ограда. Прошлой ночью шел снег и до сих пор не убран, возле поленницы валялись упавшие поленья, на крышке колодца ведро на боку. Вкралась тревога: неужели что-то случилось со стариками? Василий обмел голиком валенки, вошел в избу. Морозный воздух молочным клубком вкатился в прихожую вместе с ним. Из кухни показалась мать, взглянула опечаленно и устало.

— Мама, на носу Новый год, а ты чем-то расстроена, пошто не веселая? — как можно бодрее спросил Василий.

— Да ну, — только и успела проговорить в ответ. В это время из комнаты неожиданно вышла тетка Зинаида — сестра отца. Она с мужем, как позже узнал Василий от матери, в столичном городе навещала дочь и внуков, когда истощились подарки и сбережения, доченька с ними расскандалилась, и им ничего не оставалось, как исполнить промежуточный вариант: отгоститься в Новый год у брата. В буквальном смысле свалились как снег на голову, что, между прочим, практиковалось ими не единожды. Тетя Зина, как всегда, выглядела шикарно: природная красота и дорогие наряды заметно выделяли ее в любой компании, порождая убийственную ревность безумно любящего супруга. Дядя Ваня — машинист паровоза — завсегда был при ней. Недостатка в воспитании, приличествующих манер, излишнее самолюбование, что подрывало красоту внешнего вида дорогой супруги, напоминая о том, что обложка не всегда соответствует содержанию, дядя Ваня не замечал. Тетю Зину он просто безоглядно любил всю жизнь. Василий, в отличие от матери, которая явно недолюбливала золовку, и было за что, искренне обрадовался появлению нежданных гостей, стало быть, Бог послал, тепло поздоровался с ними, обнял отца, и тут его взгляд упал на немытые полы, на подмятую на столе скатерть. Во время службы во флоте ему приходилось делать приборку по расписанию на дню четыре раза — трижды сухую и один раз мокрую, заведование содержать в сияющей чистоте и вдруг увидеть неприбранной родительскую избу, да еще в канун праздника, было недопустимо, невольно спросил:

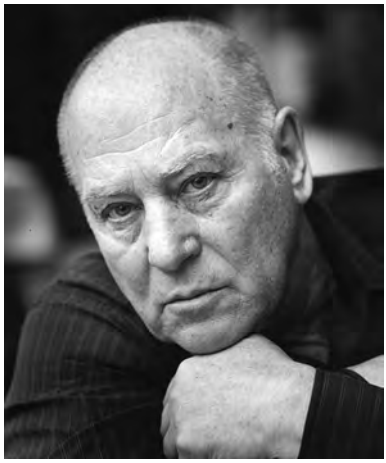
— Мам, а чевой-то изба неприбранная? — и, не дожидаясь ответа, пошел на кухню, достал за умывальником палубное ведро, принес колодезной воды, принялся за приборку. Как обычно, начал с углов, начал споро с радостью, с превеликим удовольствием, да так, что все повеселели, поскольку то и дело им приходилось перемещаться по горнице. Закончив с полами, принялся за ограду. Морозный воздух разогревал кровь и прибавлял силы, вскоре была прибрана и ограда. Василий вошел в избу:

— Ну, все, дорогие мои, пора ехать. Бог даст, встретимся в Новом году.

Отрадно было видеть повеселевшую мать в непринужденной хлопочущей обстановке. Позже при разговоре с сыном она проговорилась, что, когда он прибирался в ограде, тетя Зина, обращаясь к ней, с восхищением выразилась: «Лена, какие у тебя дети, какие дети!»

С того момента прошло много лет. Давно не было родителей, завод приказал долго жить, город не по возрасту обрел старческое лицо, хирел и умирал. Как его реанимировать не ведал никто. Василий размышлял: не было в нем Правды, оттого и случилось так. А самому-то как и чем оправдать свою поступь по родной многогрешной земле? Получалось, что и он пришел только взять и ничего не оставить взамен. Может одно оправдание и есть: счастлив.

ПОЭЗИЯ

Константин СКВОРЦОВ

«УНОСИТ РУСЬ В ИНЫЕ ВРЕМЕНА…»

Константин Васильевич Скворцов — родился в 1939 г. в городе Туле. Русский поэт-драматург, признанный мастер изящной словесности и сценического искусства — продолжатель традиций русской классической литературы и византийского театра в самом широком смысле этого слова. Его произведения отличаются глубиной исторической памяти, смелой трактовкой исторических событий, афористичностью языка, то есть тем, чем издавна славилась русская драматическая поэзия. Действительный член Петровской академии наук и искусств (2005). **Живет в Москве.**

ЕЛЕЦ

В здравом уме, не во сне,
Не удивляйтесь, собратья,
Рыбу ловить на Сосне, —
Ох, не пустое занятье!..

Древняя мудрая речь…
Разве сегодня могли бы —
Речку Сосною наречь,
Город — названием рыбы?!

Озеро, сердце, война,
Осень, зима или лето, —
Только: иль ОН, иль ОНА, —
И никаких сантиментов!

Слов сокровенная вязь…
Распорядилась природа:
В говоре здесь, отродясь,
Не было среднего рода!

Рубят дома мужики,
Ставят стога и сторожки,
Не опуская ремки…
Старой отцовской гармошки!

Бабы и вяжут, и ткут,
Нянчат коклюшки часами
И в девяносто поют
Дéвичьими голосами!

Тверже кремня мужики,
Бабы нежнее кудели.
Их не свели степняки,
Рыцари не одолели.

Как же враги не смогли
Слово отнять у народа?
……
Просто у русской земли
Не было среднего рода!

ВОРОБЬИ

Кроме слова живого
Мы блага земного не ищем,
Хоть и знаем, что нам
Уготовано место в аду.
Дай мне Бог умереть,
Непутевому, гордым и нищим

Под цветущею яблоней
В тихом, заросшем саду.

Пусть лихач с ветерком
По дороге веселой промчится.
Пусть пройдут поезда,
Нагруженные, словно рабы.
Пусть, как тени, мелькнут
Запоздавших друзей моих лица
И замрут на мгновенье,
Купаясь в пыли, воробьи!

Горемыки мои,
Знаю, слышать кому-то нелестно,
Как щебечете вы
О похожести наших судеб.
Но что делать, коль вам,
Вам одним в мире этом известно,
Как дается поэтам
В России безрадостный хлеб?!

Пусть поля плодоносят
И мирное стадо пасется.
Ковыряйтесь в пыли,
Но не клюйте с руки, воробьи!
Может кто-то из вас,
Дорогие мои, и спасется,
И найдет утешенье
В ниспосланной с неба Любви.

ЯБЛОНЯ

Ольхой дымит заброшенный погост.
Чернеет остов рухнувших ворот.
Забитый дом по окна в землю врос.
Плетень упал, а яблоня цветет.

Ни кур, ни вездесущих воробьев.
Все замерло. Земли не роет крот.
И матушка, что холила ее,
Давно не здесь, а яблоня цветет.

На обелиске стерты имена.
И поезд скорый, набирая ход,
Уносит Русь в иные времена,
В беспамятство, а яблоня цветет.

* * *

Дождь идет — значит, будут грибы!
Красной птицею туча парит.
От слепого удара Судьбы
Тихо дерево в роще горит.

Робкий зверь стороной обошел,
И окончен охотничий гон.
И, промокший, с пустою душой
Я бездумно смотрю на огонь.

И, привыкший идти напролом,
Не могу отойти от огня.
Это дерево сизым крылом,
Как любовью, согрело меня.

Что за чудо ниспослано мне,
Словно в стужу тепло шалаша?
Гибло дерево в синем огне,
Но моя возрождалась душа.

Это ж надо — сгореть на корню!
Чуть дымит почерневшая медь…
Может быть, я вот так же сгорю,
Мне бы только тебя обогреть!..

* * *

Солнце встает на краю разоренной эпохи.
Празднует мир Воскресенье и Господа славит.
Налиты чаши Байкала и озера Охрид,
Что ж вы столы не сдвигаете, братья славяне?

Или латиница цепью сковала нам ноги?
Или уже не отцы нам Кирилл и Мефодий?
Мы песняров растеряли на долгой дороге.
Нам не услышать в застолье напевных мелодий.

И не поднимется конница наша из пыли,
Пыли веков, где не знали мы в битвах позора.
Мы на одном из пиров незаметно испили
Чашу запретную, черную чашу Раздора.

Что ж вы в глаза не глядите друг другу, славяне,
Память ли нам, дорогие браты, изменила?
Может быть, все же мы словом достойным вспомянем
Стяги на Шипке и флаги в камнях Измаила.

Это не мы поделили народы на расы.
Славы сыны, мы сегодня, славяне, бесславны.
Все мы в плену,
Мы в темнице из собственных распрей.
И не стихает столетия плач Ярославны.

Празднует мир Воскресенье распятой эпохи.
Нами поруганных Веры,
Любви
и Надежды.
Налиты чаши Байкала и озера Охрид.
Сдвинем столы и обнимемся, братья, как прежде.

* * *

Я думал, Русь, что ты моя броня.
Но над полями выжженного хлеба
Ослепли, нас от недругов храня,
Твои глаза, взирающие с неба!

Жара, жара. На маревых горах
Мох поседел и высохли истоки,
А по степям средь обнищавших трав
Мышкуют лисы, серые, как волки.

Грачи атаковали сокари,
Вьют нагло гнезда в соловьиной роще.
Доколе это? Матушка, прозри!
И защити оплеванные мощи!

Я понимаю, что мой голос слаб,
Что легкий ветер листьев не колышет.
Но, Господи, я Твой смиренный раб,
Так почему никто меня не слышит?

* * *

Не став избою, доживает сруб.
Дымит полынь из выбитых окошек.
Не пахнет хлебом из холодных труб.
Нет ни мышей пронырливых,
ни кошек.

Петух уже не сядет на плетень.
Ворóн и тех не видно на деревьях.

Старушка, словно собственная тень,
Едва плывет по вымершей деревне.

Берестяной пылится туесок.
Забыта прялка. Выброшены пяльцы.
Не говорите мне: всему свой срок…
Страна уходит,
как песок сквозь пальцы!

* * *

Не жди благих вестей,
Готовь мешок в дорогу.
Затеял коростель
По всей Руси тревогу.
Зовет его труба,
А нас не видно в поле…
Напрасно городьба
Протягивает колья.

Не жди благих вестей,
Пусть день беспечно прожит.
Не будет коростель
Зря по ночам тревожить.

Воспрянь же ото сна!
Доколе нам дивиться,
Что сладки голоса,
Да неродные лица?!

Не жди благих вестей.
Задумайся о сыне.
Последний лиходей
Еще не на осине.
Куда ни кинь — клыки.
Куда ни кинься — жала.
Вставайте, мужики,
Нас так осталось мало!..

ШАРМАНЩИК

В городе Туле в старинном посаде,
Не признавая тяжести лет,
Ворот рванув, умер добрый мой прадед.
Умер, а я появился на свет.
Скажут о нем: балагур и обманщик.
Скажут и следом забудут про все…
У перекрестка вечный шарманщик
Плачет и крутит свое колесо.

Лебедь летел и кричал ошалело.
Все в этой жизни, знаю, не вдруг.
Видимо, новое горе приспело:
Умер отец, но родился мой внук.
Новые лебеди низко летели.
Острые крылья касались земли.
Матушку белые вьюги отпели,
А по весне внучку в дом принесли.

Что же теперь мне в бессмертье рядиться?
Вечность прекрасная мне не жена.
Если умру я и правнук родится,
Значит, Россия наша жива.
Скажут мне вслед: балагур и обманщик.
Скажут и тут же забудут про все…
У перекрестка вечный шарманщик
Плачет и крутит свое колесо.

ПОЭЗИЯ

Надежда МИРОШНИЧЕНКО

«...ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ НЕ ИМЕЕТ СМЫСЛА»

Надежда Александровна Мирошниченко — народный поэт Республики Коми, дважды лауреат Госпремии Республики Коми, ответственный секретарь Коми отделения Всемирного Русского Народного Собора. Лауреат Большой литературной премии России и др. Ведет творческую лабораторию в УГТУ (УФА) «Азбука нации» по разработанной авторской теме: «История России — История Русской Православной Церкви». Секретарь СП России. **Живет в Сыктывкаре.**

ПЯЛЬЦЫ БОГА

Михаилу Попову (Архангельскому)

А на русской канве —
Крест и месяц синий.
А на русской канве в пяльцах —
небеса.
А на русской канве вышита Россия.
Все народы ее, кто — глаза в глаза.
Нам назначено быть
Родины основой.
Мы на русских плечах
держим груз веков.
Двунадесять племен.
Поле Куликово.
Двунадесять племен.
Сорок сороков.
Мы рогожка, мы лен.
И на пяльцах Бога
Мы — основа-канва
для Святой Руси.
Вышивает Господь Русскую дорогу,
Начинает ее прямо с небеси.
А на русской канве,
как цветы, народы
Восхищают сердца, берегут канву.
Вышивает Господь
русскую природу,
А имеет в виду Русскую судьбу.
Я в бессмертную даль,
не умею ближе,
Загляжусь, как в любовь,
чтоб себя сберечь.
Я на русской канве всех нас
вместе вижу.
И сквозь кольца времен
нашу слышу Речь.

* * *

Что-то душа притомилась, Родина.
Что-то тревожит сердце.
То ли седою стала смородина.
То ли стога — без сена.

Только стожары и только созвездия
Черных черемух, что ли?!
То ли предчувствие, то ль возмездие
Всем и за все... А то ли
Белая-белая ночь над ракитами,
Как ожиданье чуда.

Что-то томит меня позабытое.
Что оно и откуда?
Люди улыбчивые и светлые.
Праздники — нараспашку.
Песни какие-то недопетые.
Ситцевые рубашки.
Мало предателей, трусов мало.
Словно — до революций.
Родина, ты их заколдовала.
Дай им домой вернуться.
Дай им напиться воды колодезной,
Далями наглядеться.
Что-то томит мою душу, Родина!
Все не могу согреться.

СКАЗКИ ЗЕМЛИ

Да вы не очень-то верьте.
Что не при нас было,
того, может, и вовсе не было.

Из сказки

Я набралась у Василис не красоты,
А мыслей-лис.
Мне говорили: сказки скажутся бедой.
А мне слабо: я не могу,
когда мой братец на лугу.
Пьет из козлиного копытца братец мой.

И гуси-лебеди летят.
И гадких много ребетят.
А тот утенок — он единственный, один.
Не страшно мне, что гол король.
А страшно мне, что кровь — с корон.
Ну, ничего, зато бессмертен Насреддин.

Как бесконечно одинок
хрустальной туфельки следок.
Уже двенадцать! Но все кончится добром.
Народ — он знает, что творит,
когда о главном говорит
На языке своем бессмертном и родном.

ТВОРЧЕСТВО

На дне озер, где только стебли лилий,
Офелии прекрасные глаза.
За что тебя, Офелия, любили?
За что тебя, бессмертная, убили?
Безмолвствуют и лес, и небеса.

— А эти луны, чистые, как дети, откуда?
— Из Сонаты.
— А цветы?
— С Холста.
— А этот вольный ветер?

— Из Песни.
— А мечта?
— Из Красоты.
— А там, невдалеке от горизонта,
Уже ***отсюда***, но еще — ***туда***,
Кто так свободно прикоснулся к солнцу?
Неужто Александр Сергеич?
— Да.

* * *

А природа — она создает на века.
И не мучайся зря, белый свет:
Значит, Пушкина миру хватает пока,
Если нового Пушкина нет.

ВДОХНОВЕНИЕ

Прекрасно, как женское тело,
Пречисто, как детская речь,
Пришло не когда захотело,
Когда не смогло пренебречь.

* * *

Они похожи — гром и тишина.
Строка и пуля, мука и блаженство.
Прошу вас,
отойдите от окна:
Отсюда вся Вселенная видна.
Мне нравится ее несовершенство.

* * *

Андрею Попову

Упаси меня, Бог, от завистливых дум
И от мести меня упаси!
Упаси меня, Бог, от нацеленных дул,
От всего, что сейчас на Руси!
Только в Коми земле и стоит благодать.
Только в ней — тишина и покой.
А, считай, до войны-то рукою подать.
И до новых могил над рекой.

Я люблю эту землю. Ее забытье
И ее первозданную ширь.
Я люблю эту землю: и села ее,
И воскресший в тайге монастырь.
Не забыть мне цены за сегодняшний день
За дорогу — аж до Воркуты!
Я люблю наших сосен глубокую тень
И снегов голубые холсты.

Упаси меня, Бог, от предательских глаз
И от гнева меня упаси!

Вот и пробил он — этот негаданный час —
Испытать, кто нам друг на Руси.
Ой ты, Север, мой Север, идут холода.
Да земля под ногами гудит!
Пусть не гаснет Полярная наша звезда!
Пусть любовь нас спасет, как спасала всегда!
Пусть на нас вся Россия глядит!

* * *

Понимаешь, ничего я не хочу:
Ни цветка, ни обручального кольца.
А приходишь — вся от радости свечусь,
Словно белая береза у крыльца.

Даже город от тебя не уберег.
Вот живу — четыре сдвинутых угла,
А приходишь — задыхаюсь без дорог,
Словно в поле подорожником росла.

А приходишь, я себя не узнаю.
Я хмелею, как некошенная рожь.
Ну откуда в этом каменном краю
Эта радуга сиреневая сплошь.

Что ты знаешь о себе и обо мне?
В голове случайной встречи перезвон.
Понимаешь, даже птица на окне
Понимает, что в меня ты не влюблен.

* * *

Мне этой песни не перевели.
А может, перевод был и не нужен.
Я понимала: песня о любви.
О несчастливой, видимо, к тому же.

Перебираю в памяти ключи
От всех имен, от всех недоговорок.
О, как ее упреки горячи!
О, как ее пленительны укоры!

И мне ль не знать, какая ей цена,
Той песне, что наивна и жестока.
Вчера взошла на Севере она.
Сегодня поднимается с Востока.

Затем мне песни не перевели,
Что у любви одни слова и числа.
И если знаешь: песня — о любви,
Все остальное не имеет смысла.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я ваш современник. Я в этом же времени пела.
Я в этом же времени душу и сердце рвала.
И если я что-то сказать до конца не сумела,
Во времени нашем я все до конца поняла.
Не спутали сердце космических далей былины.
Ни прошлых столетий соблазны и материки.
Но только печально: ушли в небеса исполины,
И канули в Лету эпох золотые деньки.

И если по совести: думалось прежде, что люди
Поймут, наконец, что такое — Великий Народ.
А нынче, кто только историю нашу не судит:
И крошит, и делит, и зарится, и продает.
Но я не жалею, что песню неловкую спела.
Я ваш современник. Я в это же время жила.
И если я что-то сказать до конца не сумела,
Во времени нашем я все до конца поняла.

ПОЭЗИЯ

Николай РАЧКОВ

«ВСТАЛА И БЬЕТСЯ ЗА РОДИНУ РАТЬ...»

Николай Борисович Рачков — родился в 1941 г. в селе Кирилловка Арзамасского района Горьковской области. Окончил историко-филологический факультет Горьковского пединститута. Автор многих поэтических книг. Секретарь правления Союза писателей России, лауреат «Большой литературной премии России», Всероссийской премии имени А. Твардовского, премии «Ладога» им. А. Прокофьева. **Живет в городе Тосно Ленинградской области.**

КОРЕЛА

И горела, и терпела
И сапог чужой, и раж
Крепость русская Корела,
Приграничный древний страж.

Чистую надев сорочку
На себя не напоказ,
Билась долго в одиночку
Не один, а много раз.

Лик ее суров и светел.
Что сдавала пост — вранье.
Билась так, что только пепел,
Только камни от нее.

Ни к чему на сердце жалость.
Были версты далеки.
И пока она сражалась,
Собирала Русь полки.

Нет, она не штрих на карте,
А святой отваги знак,
Коль полгода Делагарди
Взять ее не мог никак...

Не владеть Корелой шведу!
Под знакомое «Ура!»
Как забыть ей ту победу
Императора Петра?!.

...Нынче нет того дозора,
Смолк штыков и сабель звон.
Лишь туристы да озера,
Да леса со всех сторон.

Дремлет в уголке Державы
Над Вуоксою-рекой
Словно витязь русской славы,
Заслуживший свой покой.

КРЕПОСТЬ ОСОВЕЦ

В годы Первой мировой войны
на границе русской империи долго
держалась крепость Осовец.
И тогда немцы применили газы...

Вот она, боевая страница:
Не сдается врагу Осовец —

Небольшой гарнизон на границе,
Крепость русских солдатских сердец.

Этот штурм длится больше полгода.
И в истерике прусский генштаб…
Но такая сегодня погода,
Что уж лучше она не была б.

Слепнут очи от желтого мрака,
Начинается газовый ад.
Подпоручик Котлинский! В атаку!
Это будет последний парад.

И лицо забинтуйте, и шею.
Горлом — кровь. Но всему вопреки,
Задыхаясь от газа —
в траншею!

Грудь на грудь!
В рукопашный!
В штыки!

Все в чаду блиндажи и настилы.
Неприступный покинут редут.
Словно встали бойцы из могилы,
Словно мертвые в схватку идут.

Вот она, эта страшная сила!
Ей и нет, и не будет преград.
И лавина врагов отступила
Перед горсткой бессмертных солдат.

Этот подвиг не раз отзовется,
Кто бы нам ни пророчил конец,
Потому что она не сдается —
Крепость вечная
русских сердец.

ПАРАД 9 МАЯ

Вместе с живыми и павшие встали
В нашем Бессмертном полку…
Сколько и крови,
и крупповской стали
Видел народ на веку!
Небо в дыму. Пепелища. Могилы.
Голод и холод в дому.
Но поднялись светоносные силы
И одолели тьму.

Помните, фюреры и бонапарты,
К новой готовясь войне:
Брошены будут все ваши штандарты
К нашей кремлевской стене.
Ни под какой чужеземной пятою,
Знайте, не будет страна.
Русь остается как прежде
Святою —
Долго,
на все времена.

* * *

Я вам о славе,
я о мире прежнем,
Который ныне где-то вдалеке…
Я говорю на русском, на безбрежном,
А не на зарубежном языке.

Его нетленный клад, его основу
Священная держала литая.
Я, к слову, уважаю вашу мову,
Но в мове нет державного литья.

А потому, когда распались скрепы
Любви и дружбы, помните о том,
Что недруги лукавы и свирепы,
Что, разделившись,
может рухнуть дом.

Падут опоры. Разорвутся нити.
Кто вас поймет среди
вселенских драм?
Не отвергайте русский.
Берегите.
Еще не раз он пригодится вам.

* * *

Пусть умники в самом деле
В музее болтают кстати,

Какая большая идея
Заложена в «Черном квадрате».

Нет, это любви руины,
Пепел дома отцова…
А мне по душе картины
Поленова, Васнецова.

Гляжу я в теплые дали,
В солнечный дворик московский.
С детства в меня запали
Суриков и Маковский.

Снегов весенних остуда,
Березовые палаты…
Не разложить это чудо
Ни на какие квадраты.

КАК В СОРОК ПЕРВОМ

Нет, не кино, не спектакль, не игра.
Смаху — по нервам.
На Украине такая жара,
Как в сорок первом.

Как в сорок первом — в огне и в пыли,
В страшном июле.
Как в сорок первом, снаряды легли,
Бомбы и пули.

В доме родном убивает фугас,
В школьном спортзале.
Кровью окрашен отважный Донбасс,
Залит слезами.

Вновь обнаглев и не устрашась
Кары Господней,
Вылезла к свету нацистская мразь
Из преисподней.

Миру грозит неизбывной бедой,
Нет ей запрета.
Это не просто сраженье, а бой
Мрака и Света.

Встала и бьется за Родину рать
Тем же манером.
Беженцы, беженцы всюду опять,
Как в сорок первом.

Вновь среди пепла, огня и свинца,
Адского грома
Где же еще и стоять до конца,
Если не дома…

* * *

Живет в душе средь песнопений,
Среди волнений и тревог
Есенин — музыкой осенней
И зимней музыкою — Блок.

И Лермонтов — как дух поэта,
Когда кипят страстей грома.
И Пушкин — ощущеньем света,
Когда владычествует тьма.

* * *

Как солнце играло на желтой стерне,
На теплой ботве огорода!
Была ты, деревня, опорой стране,
Извечной душою народа.

Когда черной тучей в родные края
Шел враг, беспощаден и страшен,
Вставали стеною твои сыновья
От сельских угодий и пашен.

И знали, где их потайные ключи,
Где корни у них родовые,
Твои космонавты, поэты, врачи,
И маршалы, и рядовые.

Стоишь ты в кольце
обустроенных дач,
Возросшей тревоги не пряча.
Тебя извели. Истребили. Не плачь.
Ты выше страданья и плача.

* * *

Вот и последнее тает тепло,
Тополь-то как нарядился!
Солнечный лучик упал на стекло
И о дождинку разбился.

Значит, недолго уже до зимы.
Чудится: в жаркой погоне
Скачут вдоль алых рябин Хохломы
Вновь Городецкие кони.

Снова под грай суматошный грачей
На сквозняках перелеска
Вспыхнуло столько
прощальных свечей,
Столько янтарного блеска.

Не пропусти, поспеши, улови
Сквозь потемневшие своды
Эту улыбку осенней любви
Женщины,
жизни,
природы…

ЦЕРКВЕЙ ШЕЛОМЫ ЗОЛОТЫЕ

Растут, растут по всей России
От гор, равнин и до морей
Церквей шеломы золотые,
Святая твердь монастырей.

И если все их цепким взором
В одно единое собрать,
Узрим, как строится собором
У нас архангельская рать.

Не ведаем, какие сечи
Возьмут нас снова в оборот,
Но чем молитвенней,
тем крепче,
Несокрушимее народ.

ВЫШЛА КНИГА

Советная Н.
Два поклона. Минск: Белорусская Православная Церковь, 2015. 167 с., илл.

Истории, объединенные прозаиком в книгу под названием «Два поклона», безусловно, хорошо продуманный замысел. В его основе лежит очень конкретное: зримое человеческое лицо, село, город, родные улицы героев, чем-то поразивший предмет и чудеса бытия нашего.

Это хорошая, а точнее, мудрая книга для молодого поколения православной страны с элементами педагогического дидактизма. Православная тема в творчестве писателей стала модной, и не каждому «перелицованному» писателю веришь, а вот Наталье Советной веришь – веришь в искренность ее веры и, соответственно, в чудеса божественного происхождения.

Надежда Перова,
член Союза писателей России

БЛАЖЕННЫЙ ИНОК*

Жизнеописание блаженного инока Владимира, Важеозерского чудотворца

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла

Составлено по воспоминаниям современников и их потомков.

Составитель А. Е. Селезнев

*Продолжение. Начало в №№ 1, 2, 3 за 2016 г.

Мария Андреевна жила в пригороде Петербурга, в Парголово, и вместе с жителями поселка была свидетелем еще одного случая прозорливости инока, поразившего многих.

Было это еще до революции, году примерно в 1908–1909-м. Местный крестьянин Константин Тимофеевич Рыжов решил построить в Парголово на собственной земле храм. Пока были средства, дело двигалось. Храм возводился на каменном фундаменте, но деревянный. Рядом строился двухэтажный дом причта, вокруг разбили большой сад. Быстро подвели храм под крышу и надеялись так же споро все закончить, да не хватило денег на внутреннюю отделку.

В таком виде он простоял два года. Кто-то из прихожан дал объявление в газету с призывом о помощи. Получив газету, Мария Андреевна вырезала объявление, послала его иноку Владимиру, и он не замедлил откликнуться — прислал ей серебряный рубль, как благословение «на удачу». Монету велел отдать тому, кто напечатал объявление, а на словах добавил, что храм будет открыт к празднику Св. Пасхи, и освятят его во имя святителя Иоасафа Белгородского. Так и случилось. Внутренние работы быстро завершили, подготовили храм к освящению, и на Пасху 1912 года, совпавшую с Благовещением, там состоялась первая служба. Однако по неведомой причине недели через 3–4 храм был закрыт.

Узнав об этом, инок Владимир стал расспрашивать парголовских богомольцев, приехавших в монастырь, о причинах внезапного закрытии храма. Никто ничего толком ответить не мог, и тогда он приступил с вопросами к Марии Антоновне, через которую давал рубль: «Куда девался серебряный рубль? Ведь он был дан на удачу». Сомнений в порядочности тех, кому были

переданы деньги, ни у кого не было, да и сумма была невелика, но инок видел некую связь между использованием монеты и открытием храма. Марии Антоновне он велел ее отыскать и положить в свечной ящик: «Тогда храм будет вновь открыт», — прибавил он.

Легко сказать: «найди монету». Деньги-то в ходу. Может, ими расплатились, или кто-то другой такой же рубль пожертвовал. Поди отличи их тогда.

Маловерие, связывающее нас крепкими путами рассуждений «от ума», всегда начеку и не упустит возможность смутить сомнением. Преодолевая его, Мария Антоновна вместе с Марией Андреевной отправились в Парголово. Дорогой туда строили планы ответов иноку на случай, если рубль не обнаружится, но дело оказалось на редкость несложным. Рубль был передан сторожу для покупки лампады к образу Казанской иконы Божией Матери. Не найдя лампады за эту цену, сторож вернулся обратно с деньгами. Всю историю он рассказал женщинам сам, в подтверждение своих слов вынул из комода и подал им тот самый рубль. Потом по их просьбе сторож открыл храм, и женщины за послушание иноку Владимиру опустили монету в свечной ящик.

Действительно, вскоре после этого службы в храме возобновились.

Там же, в Парголово, проживал некто Бахуров, рассказавший Марии Андреевне о другом случае, участником которого был он сам. Еще до революции, году в 1915—16-м, поехал он в монастырь, остановился в гостинице для паломников и готовился пойти на службу. Мимо проходил блаженный инок Владимир. Бросив взгляд на записки Бахурова, которые тот приготовил для подачи на литургию, инок сказал ему, что нехорошо поминать живых как покойников.

— Это имя надо вычеркнуть, — сказал он ошеломленному Бахурову, указывая пальцем на имя Иаков.

Покорные воле Божией, в семье Бахурова молились об упокоении зятя Иакова, погибшего на фронтах Первой мировой войны; и вдруг такое замечание! Записку он исправил, побывал в монастыре на службе, помолился и вернулся домой. Со временем смущение, пережитое им в обители, прошло. С домашними он делиться им не стал: «Мало ли что скажет блаженный», — подумал про себя, и жизнь вошла в прежнюю колею. Но какова же была радость, а у него еще и сугубое удивление, когда через две недели получили они письмо от Иакова, в котором он сообщал о своем возвращении из немецкого плена. Тут уж Бахуров рассказал всем об искушении в Никифоровой пустыни, о встрече с блаженным иноком, которого так любят у Николаевых. С тех пор вера в молитвенную помощь инока поселилась в его семье тоже.

Парголовские, не только Николаевы или Бахуров, ездили в Никифорову пустынь к иноку со своими нуждами, а бывало, просто передавали ему с оказией записочки. В одну из поездок туда Марии Андреевны ее соседка, очень переживавшая из-за своего рябого лица, попросила передать иноку записку, очевидно с просьбой помочь в ее печали. Сразу по приезде в монастырь Мария Андреевна при первой же встрече с иноком попыталась передать ему записку, но он отмахнулся от нее, сказал что-то вроде: «Потом, потом». Беседуя о своих проблемах, они подошли к какому-то сарайчику с запыленными, затянутыми паутиной стеклами. Неожиданно инок Владимир обернулся к Марии Андреевне:

— Где та записка, которую ты мне хотела дать?

Взял, не читая, скомкал, плюнул на нее и стал протирать ею пыльное стекло. Так долго и тщательно протирал, что скоро оно стало абсолютно прозрачным, а от записки остались лишь грязные обрывки, которые он выбросил. Очень удивились женщины (Мария Андреевна была со своей дочерью Ольгой) такому его поведению и отношению к чужой просьбе. Когда же вернулись из паломничества и увидели сияющую от радости соседку с совершенно чистым лицом, поняли смысл действий инока.

* * *

Верующей душе нужда в помощи Божией во все времена необходима, а в те годы она росла с каждым днем. Война с Германией переросла в революцию. Одни называли ее «этапом естественного развития общества, освобождением от векового рабства», другие — плодом усугубившегося греха отпадения от Бога, пленение себя в рабство сатане. Как бы то ни было, Россия последнего императора доживала последние дни. Каждый день на улицах городов убивали полицейских, градоначальников и просто чиновников, безнаказанно грабили не только прохожих, лавки, магазины, но и охраняемые продовольственные склады. В многомиллионной стране, одной из крупнейших в мире, на огромной территории воцарился хаос. Пришла пора жестокой междоусобицы, возобладал в людях каинов грех, восстал брат на брата, и земля не просыхала от крови.

Важеозерский монастырь большевики закрыли одним из первых. Президиум Совнархоза (орган новой власти) 10 марта 1919 г. постановил: «Принять меры к организации Советских хозяйств во всех остальных монастырях уезда, как-то… Задне-Никифоровском, по образцу уже открытых в монастырях Александро-Свирском и Сяндебском». «Новую жизнь» строили, в основном, пришлые люди, назвавшие монастырское село Интерпоселком из-за финнов, появившихся здесь вместе с ними, и началось все с создания совхоза имени Зиновьева. Что за личность скрывалась под этим именем, вряд ли кто из местных жителей знал, и для финнов оно было пустым звуком. Но даже если бы знали, что это не имя, а партийная кличка Апфельбаума, диктатора Петрограда тех лет, легче бы им от этого не стало.

Первые же плоды перемен обрекли одних на изгнание, других — на страдания.

Дальнейшая судьба монастыря типична для советской поры: собственность леспромхоза, спортзал, клуб, тюрьма для несовершеннолетних преступников, психушка. Братия разошлась кто куда, многие впоследствии прошли российскую Голгофу — сидели в лагерях, были расстреляны. Для них Господь приготовил венец мученический, а блаженному иноку Владимиру судил пасти Свое стадо. Только теперь не «овцы» стекались к пастырю в монастырь, а пастырь снова взял в руки страннический посох и обходил свое рассеянное стадо. Блаженный инок скитался по разоренной России, переходя из одного дома в другой. Унывающие под напором стихии зла, они спешили принять его в надежде на молитвенную помощь блаженного.

Мария Алексеевна Кондакова, крестница Марии Антоновны из Тосно, вспоминала, как в 1919 году арестовали ее мужа Петра. Был он сцепщиком вагонов на железной дороге и в ту голодную пору как-то ночью с двумя то-

варищами вскрыл один из них. Новая власть, «экспроприировав» дворцы, земли, заводы, а заодно и банки, железные дороги — всю страну, вселила во многие христианские души оправдание нарушения восьмой заповеди. «Сами-то вы всю страну разворовали, присвоили себе чужое и от меня в вагоне запечатали! Настоящий хозяин этих продуктов тот, на чьей земле выросла эта пшеница, кто пахал, сеял, собирал, молол — не вы. А вы у него отобрали, и я у вас отберу», — так или примерно так рассуждал Петр Кондаков, рискуя своей жизнью ради детей.

Утром кража была выявлена. Петра с товарищами забрали прямо с работы и должны были предать суду революционного трибунала. До смерти напуганная Мария побежала к своей крестной Марии Антоновне. Обыкновенно в Тосно блаженный инок, как его еще называли — отец Владимир, жил у Марии Антоновны. По счастью, на тот момент он был дома, и звать его не пришлось. Услышав шум в прихожей, отец Владимир появился на пороге своей комнаты. Сквозь рыдания Мария пыталась ему что-то объяснить, но он прервал ее:

— Не плачь, посиди тут, а я пойду молиться.

Очень скоро вышел к ней с просветленным лицом:

— Иди, Мария, не плачь, к вечеру вернется твой Петр.

Что уж там в головах у властей произошло, только действительно к вечеру того же дня выпустили они Петра, даже суда над ним не было.

Потом, когда голод усилился, инок помогал своим чадам пройти и это испытание.

Если в пригороде Петрограда в 20-е годы хоть и с большими трудами, но можно было добыть пропитание (все-таки ближе к земле-кормилице), то в самом городе люди от голода сильно страдали.

У Александры Макаровны Андреевой, жившей в Петербурге, семья была большая — 9 человек детей. Одну из ее дочерей, Елизавету, инок Владимир крестил, сам выбрал ей имя, как, впрочем, и остальным детям Андреевых. В те годы основной пищей в доме Александры Макаровны была лебеда, и от голода во рту у детей стали появляться язвы. Однажды, когда было уж совсем невмоготу, в дверь неожиданно постучали. На пороге стоял отец Владимир. Увидев улыбающегося инока, хозяйка расплакалась, стала рассказывать о своих бедах, а он по обыкновению принялся ее утешать, что-то веселое, даже смешное рассказывать. Обычно, когда он приезжал в гости к Андреевым, посмотреть на инока приходили многочисленные знакомые. Все усаживались вокруг большущего стола и трапезовали, чем Бог послал, но в этот приезд дорогого гостя кормить было нечем. Видя это, инок Владимир благословил принести большую миску с водой, велел насыпать туда побольше перца, соли, кто-то принес с собой сухари, которые инок также высыпал в миску, у кого-то нашлась для этого «блюда» капелька масла. Помолившись над трапезой, инок благословил ее и раздал всем по ложке. Гости и хозяева смотрели на миску широко раскрытыми глазами, не решаясь прикоснуться к такой еде.

— Ну что вы боитесь? — стал он убеждать всех, — или не верите Богу? или забыли, что всякое даяние от Него? не бойтесь, это пища сладкая.

Сам первым взял ложку и стал есть. Кто-то отважился за ним попробовать и с удивлением обнаружил, что и впрямь нет ни горечи, ни жжения, а потом и остальные накинулись на еду. На третий день все бывшие тогда за

столом у Андреевых почувствовали облегчение, и никаких язв во рту ни у кого уже не было.

В воспоминаниях о блаженном иноке у многих присутствует такая общая деталь: его чада были, как правило, из семей многодетных. У Марии Андреевны Николаевой было 7 человек детей. Александра Макаровна и ее муж Дмитрий Андреевич имели на своем попечении 9 детей и престарелую маму, а работал один глава семьи. Конечно, тяжело было, и отец Владимир помогал как мог. Помощь заключалась, прежде всего, в молитвенной поддержке, в обращении к Подателю всех благ. Он молился сам и других учил жить именно молитвой, верой в безусловную помощь Божию. Будучи Его пастырем, он заботился о пасомых, сводил неимущих с имущими, нуждающихся с теми, у кого было чем поделиться. Духовные чада инока, почти все, были знакомы друг с другом и общались, несмотря на то, что жили на разных концах города, даже пригорода, помогали друг другу в трудную минуту: *братия же в нуждах полезни да будут: сего бо ради раждаются* (Притч. 17, 17). Крестных в большие семьи инок определял из одиноких, чтобы было им о ком заботиться, скрепляя чувство долга духовным родством. Так, в крестные отцы четвертой дочери Александры Макаровны он благословил бездетного вдовца Луку Ивановича, человека глубоко верующего, певчего церкви преподобного Серафима Саровского за Невской заставой. В сам день появления на свет будущей крестницы отец Владимир послал его в дом к Андреевым:

— Иди к Макаровне, скажи, чтобы дочку назвали Александрой.

Вышла книга

Хомутов С. А.

Здесь мой век протечет. — Рыбинск: Рыбинское подворье, 2015. — 184 с.

Сергей Хомутов — член Союза писателей России, заслуженный работник культуры Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств, лауреат нескольких литературных премий. Всю жизнь поэт прожил в Рыбинске, и большинство его стихов, навеянных своеобразной жизнью провинции, размышлениями о судьбе своей малой родины, сложились именно здесь. Они — не только о красоте приволжского края, но и обо всем, что волновало человека, бесконечно преданного русской глубинке и понимающего ее радости и печали, обретения и потери в прошлом и настоящем.

ПРОЗА

Владимир КРУПИН

«ОЛ РАЙТ», — СКАЗАЛ ЕМЕЛЯ

Владимир Николаевич Крупин — родился в 1941 г. в с. Кильмезь Кировской области, сын лесничего. Работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты, служил в армии. Окончил областной педагогический институт Н. К. Крупской, преподавал в школе, работал на ЦТ, был главным редактором журнала «Москва». С 1994 г. преподает в Московской Духовной академии. Главный редактор журнала «Благодатный огонь». Секретарь правления Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Чем сильнее иностранец изучает Россию, тем сильнее влюбляется в нее. В России есть магнитная притягательность женственности, вековая мудрость, добрый юмор и спокойное терпение. Особенно любят Россию те, кто занимается русским языком, — филологи и переводчики. Мне везло на переводчиков, хотя даже лучшие из них часто ставили меня в тупик своими вопросами.

— А что такое голик? А что такое рига? Разве это не столица Латвии? И почему коса для травы — литовка? И почему у вас написано: ограда до Петрограда ветру рада?

Я терпеливо объяснял:

— Ну, значит, нет никакой ограды. Бедность. Или мужик такой ленивый или пьяница, что даже ограду не может сделать.

Но вообще мы всегда как-то выкарабкивались, находя похожие слова или выражения. Но, конечно, я понимал, что читатели за рубежом так никогда и не поймут, что подберезовик — это обабок, и что есть еще обабок, бабка — суслон, а что суслон — это снопы, составленные особым образом, а снопы — это связанные свяслом колосья, а свясла — это те же колосья, скрученные для крепости жгутом. Конечно, видимо, и слово «голик» они понимали как бывший банный веник. Так оно и было, бывший веник, потерявший листья на службе в избе и вынесенный на крыльцо для несения героической службы по обметанию валенок от снега. И что еще до работы в избе веник работал в бане, выбивал из хозяев разнообразные хвори. Где уж там было объяснять, что последний ребенок в семье — заскребышек, что это вовсе не от того, что ближе к весне приходится «по амбарам помести, по сусекам поскрести». И почему в амбаре метут, а в сусеке скребут? И как объяснить, что под-

полье — оно не только большевистское, но и место под полом в избе для хранения картошки, овощей и запасов на зиму?

Это нам, русским, сразу все понятно, до иностранцев оно доходит медленнее, а чаще всего не доходит, и они ищут облегченную замену для понимания.

— Вот у вас такая фраза, — спрашивала меня немка-переводчик. — «Этот Витя из всех Витей Витя».

— Ну да, из всех Витей Витя.

— Это у нас не поймут. Надо как-то иначе.

— Ну-у, — вслух думал я. — Давайте: этот Витя еще тот Витя. Да, пожалуй, так даже лучше: еще тот Витя.

— Это тем более не поймут. Подумают, что этот Витя похож на того Витю. То есть их два: этот и тот.

— Вот то-то и оно-то, — говорил я, — что он не тот, хотя он еще тот. Он еще тот Витя.

Мы начинали искать общеупотребительное слово, синоним выражения, перебирали слова: шаромыжник, прохиндей, мошенник… Нет, Витя под эти мерки не подходил, это был еще тот Витя, переводу не поддавался и уходил за границу сильно упрощенным.

— Вот я назову повесть, — сказал я переводчице, — и тебе снова не суметь перевести ее название. Переведи: «Как только, так сразу».

Переводчица тяжко вздыхала, а я ее доколачивал:

— И в эту повесть включу фразу: «Шлялась баба по базару распьяным-пьяна-пьянехонька», как переведешь? Да никак. Ни по какому базару у вас не шляются, да и базара нет. И она, заметь, не ходит, не слоняется, не шлендает, она именно шляется. И хотя распьяным-пьяна-пьянехонька, но какую-то цель обязательно имеет. Иначе зачем бы шлялась.

— Может быть, — вспоминала переводчица выражение, — она погоду пинает?

— Это для нее пройденный этап. Вчера пинала, сегодня шляется. Или, вот еще, переведи разговор двух женщин: «Твой-то пьет? — Как не пить, пьет, но уж чтобы так-то, так-то не пьет». Да, товарищи немцы, были мы для вас непонятны, такими и остаемся. Но в утешение тебе скажу, что для англичан мы еще более непонятны. Вот сидит у меня дочь, учит английский, обратный перевод русской сказки с английского. Сказка называется «Приказ щуки».

— У вас есть такая сказка? — заинтересовалась переводчица. — Я очень много занималась русским фольклором, такой не помню.

— Это сказка «По щучьему веленью».

— О да, есть.

— Вот. У них же, на английском, веленья, видимо, нет. Так вот, читает, переводит: «Жены братьев говорят Емеле: “Организуй доставку воды с реки, иначе наши мужья, твои братья, не посетят в городе супермаркет, не купят тебе презента”. Каково? Нет у них, оказывается, ни гостинчика, ни ярмарки. «Ол райт», — сказал Емеля и пошел организовывать доставку воды.

— Трудно, — вздохнула переводчица. — Я бы ближе перевела, но на гостинчике бы запнулась. Хотя гостинец у нас есть. Подарок.

— Нет, тут именно гостинчик.

Переводчица задала интересный вопрос:

— А вот Витя, о котором мы говорили, он мог бы в свое время быть Емелей?

— Вряд ли, — протянул я, — вряд ли. Емеля бесхитростней, он — как Ванюшка. Кстати, слово Ванюшка тоже для вас непереводимо, у вас только Иван да Ваня. А как же Ванек, как же такая фраза: «Сашка-то, ухорез, ухарь, на ходу подметки рвет, а Петька ваньковатый. А «Конек-горбунок» у вас, наверное, в переводе: маленький конь с большим горбом, а?

— Я не помню, переводили ли ее у нас? — задумалась переводчица.

— Бесполезно и переводить. Так вот, этот Ванюшка говорит братьям, когда они его обманули: «Хоть Ивана вы умнее, да Иван-то вас честнее». И по смыслу сказки именно честному Ване достается царство. Для меня в этом Ване загадка: когда он привозит для царя Царь-девицу, то критически оценивает ее красоту: «А ножонка-то, ножонка, тьфу ты, словно у цыпленка, пусть понравится кому, я и даром не возьму». Вот. А когда превращается в добра молодца, не доброго, хотя добрый молодец, конечно, добрый, так вот когда превращается в добра молодца, то эту Царь-девицу берет в жены. Ну, тут уж она его сама не отпустит, вкогтилась. Не поймалась, не уцепилась, именно вкогтилась. Сильнее глагол. А у вас спросят: разве у нее когти, а не ногти? Она ж с маникюром.

— Ну-у, — почесал я в затылке, — о женщинах только начни. У вас…

— Вайбкляйн — маленькая баба, — добавила переводчица.

— Ростом маленькая, значением? Чем? О, у нас обилие этих баб.

— Записываю.

— Записать можно, перевести невозможно. Вот бабенка — это веселая, разбитная. К ней где-то близко бабешка — шальная, может быть, не очень усердная на хозяйство, но на веселье всегда пожалуйста, наше вам почтение. Бабища — это не обязательно габариты, полнота и вес, это, может быть, характер. Не путать с бабехой — это дама бесцеремонная, громогласная. Вот бабочка — это не мадам Баттерфляй, это может быть и аккуратная бабочка, и заводная.

— Заведенная?

— Нет, заводная. Или вот на мужском жаргоне, когда обсуждают достоинства женщин, говорят про иную: «Отличный бабец!» Или: «Бабенция без комплексов». Или ласково: «Веселый бабенчик». Не бубенчик под дугой, это маленький такой веселый поддужный колокольчик в свадебной запряжке, а именно бабенчик. Но почему в мужском роде, не знаю. Может быть, это юношеское про общую подругу: «Наташка — свой парень». Но бабенчик, опять же, не бабеночка, бабеночка постарше. Да, вот, кстати, для улыбки, литературный анекдот. Исаак Бабель написал «Конармию» о Первой конной армии. К командующему Буденному приходят и спрашивают: «Семен Михайлович, вам нравится Бабель?» Он отвечает: «Смотря какая баб*е*ль». А уж что касается девушек, девиц, о! Тут и девоньки, и девочки, тут и товарки, и подружки, тут есть и супостаточки-соперницы, тут и присуха, тут и суженая-ряженая… нет, далеко до нас Европе в разнообразии жизни… Но я тебя, наверное, замучил?

— Нет, нет! Слушаю.

— Богатство русского языка — это богатство мышления, — назидательно заговорил я. — Так что выражение «русский ум» — не пустые сло-

ва. Вот оттого, что переводы русских трудны, Запад переводит не русских писателей, а русскоязычных. Наш пен-клуб, например. Конечно, зная русский, ты понимаешь, что в просторечии он не пен, а пень-клуб.

Переводчица записала.

— Всегда мы были богаты, сорили богатством. Вася не Вася, семь в запасе, то есть полно всего, а я вот схватился за любимое собрание русских загадок, читаю, а из них три четверти умерли. Не слова умерли, выражения — явления умерли, предметы, осталась только словесная оболочка, идея предметов. Двор, поле, упряжь, сельхозработы, лес, вообще образ жизни, — все изменилось. Сейчас в русском языке кастинги пляшут, пиары, гламуры резвятися, а в кофе-брейках обсуждают дресс-коды да тест-драйвы.

— Неужели это массовое явление?

— Увы и ах! А страшное нашествие уголовных терминов: вертухай, запретка, пали малину, шлангуешь, замастырить, стибрить, слямзить, свистнуть, стянуть, скоммунизьдить... А связанное с пьянством: косорыловка, табуретовка, сучок, бормотуха, гнилуха, стенолаз, вмазать, втереть, жахнуть, остограммиться... неохота перечислять, срам. Пользуются такими словами лузеры, лохи, профаны, чуваки. А еще срамнее всякие консенсусы, саммиты, ваучеры. Смотри, назовут кого вором, ворюгой, это позор для него. А если он коррупционер, то уважаемый член общества. Или у вас не так?

Переводчица вздохнула. Я продолжал:

— Вообще противны все эти дилеры, киллеры, риэлтеры, логисты, дистрибьютеры, всякие маркетинги... все это, конечно, я уверен, провалится в преисподнюю, как и всякие менеджменты. А менеджер, кстати, по-русски это приказчик — прекрасное слово.

— От слова «приказывать»?

— Ну да.

— Но менеджер не совсем это, — защитила менеджера переводчица.

— Оставим его, это уже мелочь по сравнению с главным нашествием на язык церкви, церковнославянский. Очень простой, доступный, божественный язык. Называется богослужебный. И на него атаки — заменить на современный. Это же прямая измена всей русской истории: на этом языке молились наши предки. Как менять? Вот это и будет пропасть, в которую нас насильно волокут.

Переводчица, вздохнув, закрывала исписанный блокнот. Утешая ее, я сказал на прощанье:

— А в чем разница между молодушкой и молодяшкой? Этот вопрос труден уже и для русских. Молодушка — это недавно вышедшая замуж, а молодяшка — это молодая кобылка. Уже не стригунок, но и не кобылка, еще не жеребилась. А зеленая кобылка — это вообще кузнечик. И это не маленький кузнец, не подручный в кузнице, а насекомое такое, на него хорошо голавль берет.

— Спасибо, — с чувством благодарила замученная мною переводчица.

Я же, войдя во вкус, отвечал:

— Спасибо не булькает. Спасибом не укроешься. Спасибо в карман не положишь. От спасиба не откусишь. Спасибо — много, хватит и рубля. Из спасиба шубу не сошьешь. Спасибом сыт не будешь. Но это все шутки, а про русский язык все очень серьезно.

Эдуард АНАШКИН

ИЗ ГЛУБИН ПАМЯТИ

Эдуард Константинович Анашкин — родился в 1946 г. в Читинской обл. Окончил сельскохозяйственный техникум, затем учился в Ульяновском педагогическом институте. Работал столяром и плотником, слесарем по ремонту вагонов и рабочим кирпичного завода, секретарем сельского Совета, учителем истории в школе и заведующим отделом сельского хозяйства районной газеты. Двадцать пять лет проработал чабаном в совхозе «Майский» Самарской обл. Сейчас работает кочегаром. Печатался в центральных газетах и журналах. Автор многих книг прозы. Член СП России. Лауреат многих литературных премий. **Живет в селе Майское Самарской области.**

С каждым годом неумолимо редеет круг друзей. Зябкий ветерок прощания все чаще касается покрытых серебром волос. Не просто неуютно, но сиротливо ощутил я себя, когда в день своего рождения умер Валентин Григорьевич Распутин. Вспомнилось вдруг въяве-вживе это ощущение из детства, детдомовское ощущение, что тебя покинул едва ли не самый близкий человек… Некоторые, возможно, захотят меня поправить, что Распутин умер не в день своего рождения, а накануне. Но и тут включился тот символизм, который неизбежно присутствует в жизни великого писателя. По московскому-то времени — накануне. Но с учетом часовых поясов это не совсем так. Да и не в часовых поясах дело. Главная причина в том, что жил-то Распутин по-сибирски, настолько корневой был, что название «московский писатель» по отношению к Распутину ощущается с натяжкой, хотя, конечно, Москва немало дала ему, провинциальному сибирскому гениальному мальчику, будущему писателю всея Руси. Сибиряки-земляки, к которым по праву рождения причисляю себя и я, уверены — Распутин умер именно 15 марта, в день своего рождения. В Сибири уже была глухая ночь — 15 марта. Так же считают и священнослужители. И как бывает, когда уходят очень близкие люди, целый год я не мог убрать из телефона ни его московский домашний номер, ни иркутский, ни сотовый. Словно ждал его звонка, не веря в его кончину. А до распутинских дарственных книг с автографами, его писем, открыток, телеграмм смог дотронуться только после годовщины со дня смерти. И то после звонка выдающегося нашего литературоведа Сергея Куняева, который попросил подумать о материале про Распутина.

Сразу же хочу выразить глубокую признательность известному

иркутскому прозаику, критику Валентине Андреевне Семеновой, от моего имени возложившей букет цветов во время похорон Распутина и в годовщину со его дня смерти…

Мое эссе вовсе не воспоминания о Распутине — чего вспоминать, если я его никогда не забывал. Как вечное напоминание о нем — стоящий на моем рабочем столе первый в России бюст Валентина Григорьевича работы московского скульптора, народного художники России Николая Александровича Селиванова. Спасибо Николаю Александровичу за то, что подарил его мне! Русская литература в лице лучших ее творцов — Михаила Ломоносова, Павла Васильева, Николая Клюева, Василия Шукшина, Николая Рубцова, Юрия Бондарева — занимает значительное место в творчестве этого скульптора. Год назад эту галерею выдающихся людей пополнили прекрасные скульптурные портреты Василия Белова и Валентина Распутина. «Хочу своими скульптурами оставить в памяти потомков память об этих великих деятелях нашей культура», — говорит Селиванов. Сегодня уже более 80 работ Николая Александровича хранятся в 38 музеях нашей страны! Славная память!

Я не впервые пишу о Валентине Григорьевиче. Но впервые пишу — посмертно. Мои воспоминания и очерки о нем публиковались в региональной и центральной печати, было дело, сейчас даже странно вспоминать, но окорачивал зарвавшихся бойких журналюг и критиков Распутина, очевидно не понимавших, на *ЧТО* они руку поднимают, точнее, грязное свое перо. Но в основном доводилось мне писать о Распутине-писателе. А вот как о человеке, земляке начал писать не так давно. Хотя знакомы мы с Валентином Григорьевичем целую вечность — с того далекого 1965 года, когда он делал свои первые шаги в литературе. Мы тогда еще не нажили отчеств, были молоды и нетерпеливы. И все у Распутина тогда было еще впереди — признание, книги, ордена, премии. А главное — его чудесные произведения, в которых русский наш язык явлен в такой красоте и силе, что поневоле понимаешь: такой язык не может не быть дан писателю не иначе, как свыше.

…15 марта, вторник. За окном снег, 5 часов утра. Уже много десятилетий просыпаюсь в это время. Кофе, сигарета, письменный стол. Обычный вроде день. Да нет! Сегодня год со дня смерти Распутина. Включаю телевизор — об этой скорбной годовщине, как и Распутине, ни слова. Чем только не заполнен российский телеэфир, каким только мусором в виде новостей о свадьбах и разводах безголосых певичек и прочих актерах… Что это за российское телевидение такое, что Россия-то ему как раз и не интересна? Но слава Богу, в иркутских газетах, журналах много пишут о Валентине Григорьевиче. А после его смерти многие люди стали особенно интересоваться его творчеством и биографией. Что ж? Что имеем — не храним! За последний год, минувший после смерти Распутина, у него столько друзей появилось и таких, что подчас врагов не надо. Пишут не столько о произведениях, сколько лезут в личную жизнь, видимо, такое «влезание» считая главным доказательством близкой дружбы. Пишут, чем он болел, какие ему делали операции, ощущение таково, что изучили медицинскую карту!

Вячеслав Огрызко в статье «Возможен ли прорыв» (книга «Время Русь собирать», М., 2005) пишет о Распутине: «Он очень долго умалчивал о своих родителях». Как говорят у нас в Самаре, любит Вячеслав Вячеславович ежа запустить под череп читателю.

В. Г. Распутин и Э. К. Анашкин

Обычно самые невероятные слухи родятся при недостатке информации. Сам Валентин Григорьевич особо про свою личную жизнь не рассказывал. Да и с чего? Но эта жизнь стала той «питательной средой», на которой расцвели его прозаические шедевры на радость и гордость всей России. Ну уж раз пошли биографические копания, придется вывести из тени распутинской скромности некоторые факты его биографии. Родился Валентин Распутин в районном центре Усть-Уда Восточно-Сибирской (ныне Иркутской области). Его отец Григорий Никитович (именно так значится на его могиле в Аталанке, о чем просветила меня племянница Распутина Екатерина из Братска) работал в Усть-Удинском лесничестве лесником, часто ездил в другие деревни по служебным делам — тушить пожары, пресекать незаконные вырубки леса. После свадьбы Григорий Никитович работал экспедитором в райпотребсоюзе. Между прочим, мало кто знает, что местом одной из многих сталинских ссылок была Усть-Уда! Причем, став генсеком, Сталин не забыл о ней, и по его указанию многие юные усть-удинцы побывали в Москве.

Когда семья Распутиных в 1938 году переехала в Аталанку, отец устроился работать сопровождающим почту при Аталанском отделении связи, а жену его Нину Ивановну (в девичестве Чернову), маму будущего классика отечественной литературы, приняли на работу на должность письмоносца — почтальона. Однажды в Доме творчества Переделкино я спросил у Валентина Григорьевича: почему именно в Аталанку переехала семья? Ведь эту деревню не найти на картах даже в Иркутской области, не то, что России!

Распутин почти дословно ответил мне так: «Дело в том, что в этой деревне жила вся огромная семья Распутиных, жил дедушка Никита Яковлевич с бабушкой Марией Герасимовной. А вот откуда дедушка появился в Аталанке, где женился на бабушке — вопрос для меня неизученный. В Нижнеудинском районе нашей области жили да и живут много тофаларов, жили деревнями и друг друга не сторонились, потому перемешались, теперь и не понять, где русские, где тофалары. Вот дедушка, видимо, из тех краев…».

— В моей крови намешано много: и польская, и цыганская, и тунгусская, и русская, — тогда же сказал мне Валентин Григорьевич. — И хотя

сейчас нам старательно внушают, что мы россияне, но какой это я россиянин? Да, у меня в паспорте теперь нет графы национальность. Но сколько я ни был за границей, то слышал только то, что я русский… Да и в тебе, Эдуард, как я заметил, тоже разных кровей намешано. Не ошибаюсь?..

— Не ошибаетесь, Валентин Григорьевич, — в свою очередь вспомнил свою родословную я. — Прадедушка по отцовской линии — поляк, фамилия Бонзо, был управляющим золотыми приисками в Минусинском уезде Красноярского края. Прабабушка из богатого казачьего рода Анашкиных. Но брак свой не оформили, потому что прадедушка католик, а прабабушка — православная, хотя и любили друг друга. А другая прабабка по отцу — сербка, прадедушка — из Молдавии. При строительстве Транссибирской магистрали всех их выселили в Петровск-Забайкальский Забайкальского края. А вот со стороны матери я полностью как есть русак! С именем Эдуард, конечно, неувязка получилась.

— Как это понять? — заинтересовался Распутин.

— В 1948 году мои родители приехали в отпуск на родину матери в Орловскую область. Вот здесь-то моя бабушка возмутилась: как так, внук некрещеный?! Решили покрестить, но батюшка посмотрел в книги, не нашел в них имя Эдуард и предложил родителям наречь меня в крещении Сергием.

Валентин Григорьевич громко и от души рассмеялся:

— Все ясно. Как и я, настоящий сибиряк!..

На том мы, что говорится, и порешили.

…В 1939 году в семье Распутиных хлопот прибавилось — родилась сестра Валентина Григорьевича, которую назвали Альбиной, но родственники и односельчане ее звали просто Ага… Весть о начале войны в Аталанку запоздала (радио в селе не было), так что о начале Великой Отечественной в затерянной в бескрайних просторах Сибири Аталанке люди узнали из газеты «Правда», приехав с пахоты. В списке призывников на фронт был отец Валентина Григорьевича Распутина — Григорий Никитович. На военные сборы он прибыл 19 июля 1941 года. Вслед за ним ушли десятка два его односельчан и родственники — сестра Клавдия Никитовна, брат Виктор Никитович, зятья — муж сестры Александры — Алексей Анциферов, муж сестры Кристины — Алексей Спирин. Виктор Никитович, дядя Распутина, как и многие аталанцы, не вернулся домой, погиб в 1942 году под Сталинградом. Зять, муж сестры Кристины, Алексей Терентьевич, умер от ран в 1944 году под Витебском. На фронт призывался и дед Валентина Григорьевича — Никита Яковлевич Распутин, воевал под Ленинградом, участвовал в прорыве блокады, получил тяжелое ранение, после лечения был комиссован.

…Отец Валентина Григорьевича воевал на мурманском направлении. На этот северный порт наступал отборный горно-егерский корпус фашистов. Распутин-отец был одним из тех, кто своей грудью встретил первый удар врага. Здесь и получил ранение. А затем, после лечения, опять в строй.

— Папа вернулся домой 7 октября 1945 года, — пишет мне сестра Валентина Григорьевича Альбина Григорьевна. — Весь в орденах и медалях. О фронте отец ничего внятного не рассказывал, все больше отмалчивался, может, не хотел ворошить трагическую память, расстраивать меня и брата?

Хотя в самой Аталанке старожилы деревни вспоминали о Распутине-отце как воине доблестном — попадал в тыл к немцам, выходил из окружения вместе со своим ротным командиром.

— В ноябре 1945 года папа поступил на работу в Аталанское отделение связи, работал начальником отделения, — вспоминает дочь Альбина Григорьевна, — а мама уже работала контролером на почте.

В 1946 году в семье Распутиных родился третий ребенок — сын Геннадий. И тогда же в семье произошла трагедия.

Григорий Никитович, в очередной раз получив крупную сумму денег как начальник отделения связи для выплаты рабочим в Аталанке, встретился в райцентре с друзьями. Встречу по-мужски так хорошо отметили, что Григорий Никитович сел на пароход и заснул. Русский человек вообще беспечен, пока не найдется подлец, который обязательно этой русской беспечностью воспользуется. И такой подонок нашелся — срезал у пьяного мужика сумку с деньгами, и загремел Григорий Никитович в Магадан, на рудники на 7 лет. Вернулся домой по амнистии только в 1953 году, совсем больной. Вот уж жестокая русская правда: от сумы и тюрьмы не зарекайся. А тут срезанная сумá и привела человека в тюрьму! После возвращения на свободу отца Распутина приняли на работу десятником в Замараевский лесозаготовительный пункт Аталанского леспромхоза. Умер Григорий Никитович в 1974 году в возрасте 61 года. Похоронен в Аталанке, там же, где покоятся его отец и мать, похоронен его младший сын Геннадий в 2001 году и многочисленная родня Распутиных — Черновых.

— После похорон отца маму, Нину Ивановну, я взяла к себе в Братск, — говорит сестра Распутина Альбина Григорьевна. — Прожила она у меня до 85 лет и похоронена в Братске. Валентин каждый год приезжал к нам повидаться. А мы с мамой каждый год, как только наступала весна, на «Метеоре» уплывали в Аталанку и жили там в родном доме до глубокой осени. Возились на огороде, заготавливали грибы и ягоды.

— Отца, я, конечно, простил за его грех, хотя, признаюсь, простил не сразу, — признался как-то в разговоре со мной Валентин Григорьевич во время нашей встречи в Иркутске на Всероссийском литературном празднике «Сияние России». Эта наша встреча оказалась последней!

— Маму очень жаль, очень досталось маме, — рассказывал Валентин Григорьевич. — Работу на почте ей пришлось оставить. Да и наши односельчане не сразу поверили, что сумку у отца украли: судачили разное, иные говорили — прикарманил… Мама, которую я сильно любил до самой ее смерти, с грудным еще ребенком, сестрой и со мной переехала в деревню Замараевку. Здесь находился лесозаготовительный пункт, и мама устроилась на работу банщицей в казенную баню. Целый день коромыслом вручную носила воду для бани. Труд очень тяжелый, но надо было как-то кормить нас, ребятишек.

— А как тяжело жили мы в Аталанке во время войны, даже вспоминать не хочется, — Распутин, помнится, грустно посмотрел на меня и, словно ободряя почему-то меня, положил мне руку на плечо. — После похоронки на мужа в 1944 году в Аталанку вернулась в родительский дом отцова сестра Кристина со своими четырьмя малыми детками. Моя бабушка, Мария Герасимовна, отдала ей большую часть дома, а в маленькой поселилась сама со своими детьми Татьяной и Леонидом. Здесь же ютились и мы с мамой.

Непростая выдалась судьба и у дяди Распутина — Леонида Никитовича. Как и многие его сверстники, в годы войны работал наравне со взрослыми на лесозаготовках.

— Мужиков тогда не хватало, все воевали на фронте, но планы лесозаготовок никто не отменял. Вот собирали и старых, и малых. Я в бригаде валила лес, а Леонид был возчиком, перевозил бревна на лошадях, — это уже рассказала мне Полина Николаевна Распутина, которая в дальнейшем стала женой Леонида.

Кристина Никитовна, тетя Распутина, тоже не лытала от дела — на лесозаготовках валила лес, рубила сучки. А так как только одна Мария Герасимовна из всей родни трудилась в колхозе «Память Чапаева», то и делянку для покоса ей давали одной. Вот и приходилось держать только одну коровенку. А что это значило для семьи из двенадцати человек?

— Тяжело было, — вспоминает сестра Распутина Альбина Григорьевна. — Мы с Валей глубокой осенью и ранней весной ходили на колхозные поля, где выращивали картошку. Неважно, какая картофелина попадалась, все несли домой. А осенью нас выручал лес — грибы, ягоды — брусника, клюква, облепиха, голубика, смородина.

Лес-батюшка всегда выручал русского человека!..

Возвращаясь к Распутину. Именно в Аталанке он пошел в начальную школу, которую успешно окончил, и перед матерью встал вопрос: что дальше? Нина Ивановна, как любящая мать, приняла мудрое решение: сын должен учиться дальше. Он был первым из деревни, кого повезли учиться дальше в среднюю школу, в райцентр Усть-Уде.

О том, как Валя Распутин жил и учился в средней школе райцентра, хорошо сказано в его знаменитом рассказе «Уроки французского». А ведь это было за пятьдесят километров от дома. Окончив в 1954 году с медалью школу, Распутин поступает на историко-филологический факультет Иркутского государственного университета. В студенческие годы стал подрабатывать внештатным корреспондентом областной молодежной газеты «Советская молодежь». На физмате Иркутского университета училась старшая дочь известного иркутского поэта, первого председателя иркутской писательской организации Ивана Ивановича Молчанова-Сибирского, Светлана. Они с Валентином познакомились, стали общаться, а затем дружба переросла в любовь. На дворе стояло лето 1960 года. Но годом ранее Валентин Распутин окончил университет и стал работать корреспондентом в областной молодежной газете, где в студенческие годы был внештатником. С 25 февраля 1961 года Валентин и Светлана стали жить вместе, а официально зарегистрировались 11 октября этого же года.

Первый рассказ «Я забыл спросить у Лешки» — романтическая история о дружбе и смерти — был напечатан в 1961 году в журнале «Ангара». 21 ноября этого же года в семье Распутиных появился малыш — сын Сережа. В 1962 году Светлана окончила университет и получила направление на работу преподавателем высшей математики Красноярского технологического института. В августе молодая чета Распутиных уехала в Красноярск, где они получили комнату в общежитии для педагогов. Распутин устроился на работу в областную газету «Красноярский рабочий».

Чего только сегодня ни пишут о втором сыне Распутиных Романе: и родился-то он в Красноярске, и здесь же умер и похоронен, и жили-то Распутины в бараке, где и простудили ребенка так, что даже имя ему не успели дать. Слухами земля полнится, а уж когда человек именитый — тем более! В марте месяце 1966 года Распутины возвратились на постоянное место жительства в

Иркутск. И вот 15 октября 1968 года у них родился сын Роман, умерший от пневмонии 28 ноября 1969 года. Похоронен ребенок в Иркутске.

Не могу не сказать несколько теплых слов о Виктории Станиславовне Молчановой — теще Валентина Григорьевича Распутина, которую он не только уважал, но и любил. На книге Валентина Распутина «Что передать войне?», изданной в Кургане в 1995 году, которая хранится у младшей дочери Евгении Молчановой, такой чудесный, как сегодня бы сказали, эксклюзивный автограф:

«Жил-был зять… и была у него одна теща (а посмотрите-ка, сколько теперь у зятьев бывает тещ!). И этот зять дарит своей единственной теще в день ее юбилея юбилейную книгу не в последний раз. Итак — Виктории Станиславовне, любимой теще, от зятя Валюши.

В. Распутин. 14 апреля 1996 год».

…Накануне своего золотого юбилея Валентин и Светлана Распутины 12 октября 2010 года венчались в храме Касперовской иконы Божьей Матери по улице Лесной, 145. Таинство венчания совершил протоиерей Алексий (Серединов). А 15 марта 2012 года в день своего 75-летия Валентин Григорьевич с супругой, уже на тот момент тяжело больной, возвратились из Москвы в Иркутск. Болезнь Светлана Ивановна переносила стойко. Никогда не жаловалась, даже когда боль была непереносимой. До самой ее смерти, 1 мая 2012 года, рядом с ней была ее младшая сестра Евгения Ивановна, жена известного в России поэта Владимира Скифа…

…Утром к нам в гости пришел внук Архип, он восьмиклассник местной средней школы. С порога радостно известил:

— Дедуля, вчера вечером пошарил в компьютере и нашел статью о Распутине. Распечатал, принес, читай.

Поблагодарил внука, принялся читать. Но, как говорится, лучше бы не читал! Статья «В пламени Пожара» появилась 02.12.2015 года. К сожалению, как многие статьи о Распутине, изобилует «новостями» и «фактами», высосанными из пальца. «…У молодоженов (имеется в виду молодая чета Распутиных. — *прим. авт.*) родился сын Сергей. Ныне он преподает английский язык в одной из иркутских школ». Или другой «факт биографии» писателя, что дочь этого сына Антонина, родившаяся в 1986 году, — единственная внучка писателя.

По счастью, Распутин — «многодетный» дедушка! У него четверо внуков — Антонина, Григорий, Люба, Надя. А вот правнучку он дождался и подержал на руках только одну — Алису. Внучка Антонина жила со своей семьей у дедушки в Москве…

…Не могу не сказать пару слов о свояченице Валентина Григорьевича. Есть очень многогранное понятие — сибирячка. Произнесешь это слово, и сразу перед глазами встает совершенно непохожий ни на волжанок, ни на северянок образ женщины. Такова статная, сдержанная, но в то же время радушная и открытая младшая сестра Светланы Ивановны — Евгения. Она мне очень много помогала и помогает в работе по сбору материала о Распутине, своей старшей сестре, племяннице Марии. Из породы тех самых сибирячек и Альбина Григорьевна — сестра Распутина, ее дочь Екатерина Мавроди, которые так же очень много мне помогли в работе над этим очерком.

Выдающийся современный критик, редактор отдела критики журнала «Наш современник» Сергей Куняев вспоминает, что Распутин по жизни

был однолюбом и всегда говорил: «У меня одна родина — Россия, одна любимая жена на всю жизнь и один журнал “Наш современник”». Сергею Станиславовичу я благодарен за то, что он своим предложением написать, наконец, этот очерк сподвиг меня плотнее сесть за работу над ним.

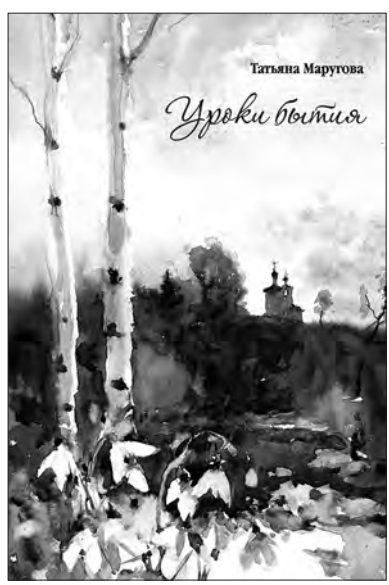
А закончить мне хочется отрывком из статьи Николая Савельева «Живу и помню», которая была опубликована в годовщину смерти Валентина Григорьевича Распутина в «Российской газете»:

«Ему выпало похоронить не только свою дочь, жену, мать, а еще и старуху Анну, и Настену, а еще перешагнуть тюремные ворота с обездоленной героиней последней повести. “О Господи… и это пережить… И сердце на клочки не разорвалось”».

Думаю, оно, сердце, разрывалось у нашего классика всегда, на протяжении всей жизни. И гулами разрывов становились его великие произведения, ныне составляющие гордость литературы XX–XXI веков.

ВЫШЛА КНИГА

Маругова Т.
Уроки бытия: Сборник стихотворений. — М.: Гриффель, 2016. — 192 с.

В своей новой, уже седьмой по счету, книге Татьяна Маругова в поэтической форме осмысливает перипетии женской судьбы: болезненное расставание с некогда близким человеком, ложь и предательство тех, кто когда-то вызывал безграничное доверие, зарождение нового чувства — страстного и полного неразрешимых противоречий. При этом лирическую героиню не охватывает жажда мести, она не разочаровывается в жизни, а продолжает смотреть на окружающий мир с любовью и радостью. Где же истоки такой силы? Они — в особом отношении ко всему происходящему: земной путь человека — это уроки бытия, пройти которые надо от начала и до конца. Лишь окончив эти «земные университеты», душа готова к встрече с Отцом Небесным.

Сборник стихотворений Татьяны Маруговой «Уроки бытия» представляет интерес для самого широкого круга читателей.

Валентина ЕФИМОВСКАЯ

ПЕРВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ или ФАКТ ИНОГО ЗНАЧЕНИЯ

О книге Бориса Подопригоры «Запомните нас живыми» из серии «Писатели на войне, писатели о войне», СПб., 2015 г.

Валентина Валентиновна Ефимовская — коренной житель Санкт-Петербурга, родилась в Ленинграде, имеет два высших образования. Поэт, литературный критик, заместитель гл. ред. журнала «Родная Ладога», автор четырех книг поэзии и книги критики «Резонанс жизни». Руководитель Северо-Западного отделения Академии Российской словесности, советник Российской академии естественных наук, лауреат литературных премий им. Гумилева, «Прохоровское поле», «Имперская культура», «Золотой Витязь», награждена многими медалями, орденом Анастасии Узорешительницы. Секретарь Союза писателей России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Вы жалеете людей, а не думаете о том, что вот придет весна, выедет смерд (крестьянин) в поле с конем пахать землю. Приедет половчанин, крестьянина убьет, коня уведет. Потом наедут половцы большой толпой, перебьют всех крестьян, заберут их жен с детьми в полон, угонят скот, а село выжгут. Что же вы в этом-то людей не жалеете? Я жалею их, а потому и зову вас на половцев.

С. М. Соловьев «История России с древнейших времен»[1]

Природа противоречивого отношения человека к войне заложена в двойственном характере личности. Человек является существом этическим и одновременно гражданином, носителем политического сознания. С точки зрения человекоубийства — война претит человеческой морали, с точки зрения защиты государства от внешнего врага война — дело святое. Как говорил св. Афанасий Александрийский в своем послании к монаху Аммуну, «*великих почестей сподобляются доблестные в брани, и им воздвигаются столпы, возвещающие превосходные их деяния. Таким образом, одно и то же, смотря по времени и в некоторых обстоятельствах, непозволительно, а в других обстоятельствах и благовременно, и допускается, и позволяется*».

Критерии этих «обстоятельств», а именно воинской службы и участия в боевых действиях, в рамках этики и политики, нравственности и социальной необходимости исследует в своей новой книге «Запомните нас живыми» известный публицист и аналитик, прозаик и поэт, полковник Борис Александрович Подопригора. Но это не просто рассказ участника о войнах конца XX века, констатация исторических фактов офицером, которому за время службы «посчастливилось» побывать в семи горячих

[1] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. 2-е изд. В 6 кн. Кн. 2. М., 1896. С. 343.

точках — Африке и Афганистане, Таджикистане и на Балканах, Чечне и Абхазии… Это реквием по погибшим воинам, это объективная картина российских побед, поражений и предательств в войнах, произошедших на рубеже тысячелетий, это гимн героям, лирическая песнь об ушедших временах и сожаление об упущенных Россией возможностях.

Нельзя однозначно определить жанр этой книги о войне, состоящей из отредактированных записей из творческих блокнотов переводчика, философских рассуждений, лирических отступлений, документальных портретов современников писателя, а также авторских стихов. Взаимопроникновение жанров и соседство языков прозы, публицистики и поэзии в максимальной степени приближает повествование к реальности, к современной действительности. Сам автор назвал это целостное в своем симфонизме произведение — произведением в «жанре живого рассказа». Оно ценно тем, что правдиво, и потому по современным меркам у книги «огромный» тираж — 8000 экземпляров. Редкость нашего времени: издание писатель с гордостью может именовать забытым словом — популярное — то есть народное. Такой тираж определяется и содержанием, и названием — для которого поэт-публицист Борис Подопригора находит точные слова, чтобы выразить основное свойство истории — быть и оставаться живой. Такое возможно, если прошедшее проявляется настоящим или нагнетающимся фактором грядущей войны. Используя наблюдение Ф. М. Достоевского, можно сказать о значении произведения о войне: это «не просто литературное произведение, а целый *факт уже иного значения*… Этот факт впечатления от романа, от выдумки, от поэмы совпал в душе моей… с огромным фактом объявления теперь идущей войны, и оба факта, оба впечатления нашли в уме моем действительную связь между собою и поразительную для меня точку обоюдного соприкосновения»[1]. Книга Бориса Подопригоры не позволяет читателю оставаться в стороне от происходящего, но заставляет участвовать в нем, как бы ни было нам там страшно и больно. Очевиден факт обоюдного соприкосновения личности и истории.

Основным художественным достоинством произведения является его документальность. В перекличке с сегодняшним временем, наполненным тревожным предощущением войны, книга имеет гораздо большее воздействие на читателя, чем если бы это был придуманный, даже военно-приключенческий, литературный сюжет. Чтение сборника нелегко, автор, видимо, рассчитывает на читателя подготовленного, хорошо знающего новейшую историю России. Поэтому некоторые события упоминаются мимоходом, не устанавливается их взаимосвязь с происходящим, называются, но не разъясняются поступки иных исторических персонажей. Вскользь, по необходимости писатель вспоминает политиков, к которым относится с презрением. Людям, к которым испытывает уважение, посвящает документальные портреты.

Будучи офицером-переводчиком, Борис Подопригора и в своей книге как будто использует скупой, официальный язык перевода — перевода с языка истории на язык современности. Заметно, что автору многое хочется сказать и рассказать, он торопится, дабы ничего не забыть, не упустить из вида. Когда что-то надо высветить особо — переходит на язык поэзии. Много информации, много героев, много событий. Действительность кажется

[1] *Достоевский Ф. М.* Признание славянофила // Русские философы о войне. Москва–Жуковский. Кучково поле, 2005. С. 19.

многослойной. Произведение обладает как будто «модусами незаданности», случайности, но это только кажущийся факт, все задано и предусмотрено. Книга имеет выверенную внутреннюю логику и структуру в рамках нескольких глав, из которых локомотивными можно назвать две первых — об Афганистане и о Чечне.

Глава «Афган» отличается от остальных лиризмом, лейтенантской романтикой. Ее события подсвечены воспоминаниями о годах молодости автора — офицера, выпускника Института военных переводчиков, свободно владеющего несколькими восточными языками, находящегося в центре дипломатических коммуникаций, информированного более многих своих сослуживцев. Писатель — натура поэтическая, владея языком поэзии, оправданно часто использует его для отражения собственного миропонимания.

Нечаянный образ
выхвачен из гула времени…
……
С коричневых картонок выцветших фотокарточек
доверчиво смотрят
еще ничего не подозревающие девичьи глаза.
…Женская гимназия. Год тысяча восемьсот…
…как будто безмолвно просят:
Запомните нас живыми.
Какими запомнимся мы?

С первых страниц книги писатель повторяет задачу, сформулированную в названии. «Вы запомните нас» — минорным рефреном звучит простая фраза, пронизывающая воспоминания об афганской войне. Эта необходимость, это неиссякаемое желание оставить память о своем времени пришло к писателю-офицеру, вероятно, тогда, когда он по непостижимой целесообразности перестройки вынужден был вместе с войсками покидать Афган, причем майор Борис Подопригора замыкал выходивший с достоинством непобежденный советский военный контингент. Он уходил последним! Можно представить, о чем думал в эти минуты боевой офицер. Конечно, «последний» не мог не вспоминать первых солдат, ступивших на афганскую землю, своих друзей, подчиненных, сослуживцев…

В полночь 27 декабря 1979 года первой по сухопутному маршруту на термезский мост через Аму-Дарью вышла боевая разведывательно-дозорная машина дислоцирующейся в Душанбе 201-й Ленинградско-Гатчинской мотострелковой дивизии. В 9.35 15 февраля 1989 года уже в обратном направлении речку Кушку пересек замыкающий последнюю колонну грязный танковый тягач. На его кузове сквозь снежную пелену читалось: «Ленинград — Всеволожск». Наверное, отсюда призывался один из последних солдат десятилетней афганской войны.

Она оказалась для каждого своей, в том числе в ее личном и узкопрофессиональном измерении. Офицер разведотделения Ферганской воздушно-десантной дивизии старший лейтенант Георгий Татур погиб недалеко от Кандагара в 1980 году — одна из первых афганских потерь среди моих коллег-переводчиков. В числе последних — капитан Андрей Шишкин, подорвавшийся 29 января 1989 года под Шиндандом по дороге к

своим из расположения только что наконец «договорившегося» с шурави об их (нашем) свободном проходе домой отряда моджахедов…

Даже такие скупые сведения о героях афганской (и любой другой) войны — уже не мало. Именем человек значится в мире, имя, по мнению А. Лосева, есть «тончайшая плоть, посредством которой объявляется духовная сущность». Называя имена доселе безвестных героев, писатель возвращает их из небытия. И мы запоминаем их живыми. Явленные художником в границах своего времени и в пространстве эпизода, они возвращаются в жизнь.

Как поветшавшие исписанные листки из старого афганского блокнота, разлетаются и смешиваются в поле повествования истории судеб, неизвестные нам имена, забытые подвиги русских воинов. По собственной ли воле или вселенским промыслом возложил на себя писатель тяжелейшую миссию *сохранить то, что осталось: пыль, грязь, цветные портреты полковых героев. Хаотичная музыка сюжетов, фраз, случайных взглядов… Афганистан. Снится. Было.* Через всю свою жизнь он понесет мучительное ощущение долга пред душами забытых героев, заботу — вспомнить всех поименно, которая сродни трагическому переживанию о непогребенных солдатах Великой Отечественной. Вспомнить тех, кто честно воевал там, где считал, что служит России. Даже за ее границами. Даже в «непопулярных», ошельмованных либеральной критикой войнах.

Служение Отечеству — понятие исконное, для русского человека святое, наполненное надбытийным смыслом, выражающееся в стремлении к идеалу справедливости и всеобщему благу. Стойкость духа, честь, преданность — характеристики этого стремления. Многие герои повествования наделены этими качествами, но, кажется, не подозревают об этом. Их подвиги, их служение буднично в своей непрерывности и нравственности.

Командиры безо всяких инструкций устраивали шмон вернувшимся из рейда солдатам. Обнаружив у кого-нибудь в кармане часы, старшина или ротный выводил парня перед строем на импровизированный плац. Затем обладателя «боевого трофея» посылал за пудовым валуном…

А что до дедовщины, то и здесь из песни слов не выкинешь: практически никто из последнего афганского призыва на «боевые» не ходил. «Деды» не пускали. Вплоть до того, что «строили» не в меру ретивых лейтенантов.

И только героическая смерть солдата, как восклицательный знак в конце жизни, напоминает о подвиге, который не имеет национальности.

В ходе одного из самых кровопролитных боев за всю историю афганской войны — в ноябре 1988 года близ Кишкинахуда, провинция Гильменд, командир взвода лейтенант Гончар, санинструктор рядовой Абдурахманов и рядовой Семашко свыше трех часов доставали из самого пекла погибший экипаж танка… Доставать оказалось нечего. Взорвалась боеукладка. Принесли из танка один обгоревший автомат…

Много добрых слов автор книги посвящает афганским воинам, советским солдатам разных национальностей, воюющим по совести. О политиках-предателях говорит скупо, в контексте, в сопоставлении, как будто, брезгуя тьмой, не впускает ее дальше места, допущенного сюжетной необходимостью.

Абдул-Хак — возможно, единственный живой участник восстания советских военнопленных в пакистанском лагере Бадабера. Перебирая четки, он медленно произнес: «Али-джан, я видел настоящих шоурави. Они совсем не похожи на шакала Горбачева. Русские не понимают, что потеряют себя, если предадут нас».

«*Если войну не закончите — заберете ее с собой*», — пророчествует морщинистый дервиш.

И забрали…

И разгорелась она в Чечне с небывалой жестокостью, подпитываемой алчностью новых российских временщиков. Глава «Чечня» более мрачная, трагическая. Смертоносную статистику читаешь со скорбным сердцем и сжатыми кулаками, представляя, сколько же кровушки русских солдат попили омерзительные *русскоязычные представители транснациональных корпораций.* Нефть, деньги, предательство — вот их смыслы, их боги, их планы. Но, как убежден автор, *не все на войне идет по плану*. И рассказывает о разведчиках, *без которых войны подчас начинают, но никогда не выигрывают*. И о честных генералах, которые отправляют в смертельный бой не только чужих сыновей, но и своих. И о простых солдатских радостях в минуты отдыха. И становится понятно, почему, даже отступая, теряя силы, подписывая кабальные мирные соглашения, преданная своими руководителями Россия никогда не проигрывала и не сдавалась.

В этой главе писатель разграничивает понятия народ и власть. О сепаратистской чеченской власти, о предводителях бандформирований, имена которых мы еще помним, автор рассказывает с историко-психологическими подробностями, как о пособниках вышеупомянутых *представителей транснациональных корпораций*, отделяя их от остальной Чечни. Он подчеркивает, что Чечня хоть и не похожа на Россию, *взросла на нашем же культурно-историческом поле. Ее населяют такие же, как мы, соискатели человеческого счастья. Счастья, понимаемого с поправкой на веру в свой род-тейп, постигаемые с возрастом заповеди Всевышнего и справедливость, не стесняемую кавказскими хребтами, — все в сумме не такое уж чужеродное нам, русским*.

Но власть имущие в Чечне времен 1-й и 2-й Чеченских кампаний для людей с русским менталитетом непостижимы в своих стремлениях и поступках, алчности и жестокости даже по отношению к единородцам. Не пытаясь дать однозначные ответы на возникающие по ходу повествования вопросы, автор предлагает вместе с ним исследовать не только истинные причины и события войны, но и природу ваххабизма, историю шахидов, корни рабства, расцветшего в конце XX века. Называя имена людей, проведших долгие годы в мучительном чеченском рабстве-плену, писатель обращается к нашему милосердию, заставляет представить мучеников и принять их боль в наши души, вкрапить их имена в нашу память.

Нашедший для своих исторических и нравственно-психологических исследований форму документального портрета, Борис Подопригора, рассказывая о героических современниках, призывает их в советники. Создавая литературные портреты исторических личностей, таких как генерал Трошев, генерал Романов, полковник Буданов, командир рижского ОМОНа Чеслав Млинник, политик Слободан Милошевич и другие, автор книги воспроизводит полноценную, убедительную картину трагического периода русской истории не в двух цветах — черном и белом, но в многоцветной натуральной палитре. Спорит с идейными противниками — журналисткой Анной Политковской, с чеченскими главарями, показывая примитивность их воззрений и желаний. Зачем он все это делает? Чтобы установить правду. Чтобы внукам было легче понять дедов, сыновьям — отцов, ведь *оценки нам всем поставят внуки. Чтобы ни там* (в Чечне), *ни в остальной Рос-*

сии беженцев не было ***вообще***, и рабов тоже, чтобы в будущем не сгорали в танках 18-летние российские солдатики, чтобы варвары не отрезали им головы из-за религиозной неприязни и национальной ненависти. Наречие «вообще» — свидетельствует о том, что писатель обладает видением целостной картины мира и воссоздает ее таковой «в мгновеньях посвященности».

Это образ взят из стихотворения Бориса Подопригоры «Эсэмэски Господу», утверждающего, что основное свойство бытия — любовь. И в другом стихотворении поэт тоже говорить о любви:

Нам предстояло уцелеть
вместо некрещенных мальчиков Афгана,
теперь — Чечни.
Война учит любви.
Помнишь мою мольбу?
Любая кончится дорога,
дорогой вечною не став…
На посошок мне, ради Бога,
глоток земной любви оставь…

Книга «Запомните нас живыми» умягчает сердца, учит и читателей любви, без любви нет памяти, ведь

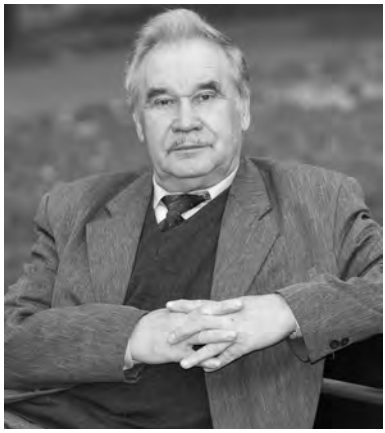
Любовь — это память,
запрятанная в ладони и губы.
Наш век — короток и ненастен, как февраль.
Мы уйдем незаметно,
стараясь не разбудить соседей,
длинным больничным коридором,
где давно перегорела лампочка.
Чтобы, как скальные столбы кайнозоя,
стать частью жизни вселенной.

Любовь и поэзия категории одного ряда, поэтому текст повествования, как золотыми нитями, пронизан стихами. С помощью поэзии художник преодолевает ограниченность своего мировоззрения и тем расширяет художественную концепцию, повышает уровень чувствования. Поэт-офицер осознает, что публицистическое слово не имеет той высшей, всеобщей убедительности, чтобы доказать, что *минута может стать вечной.* Что мы должны

оставить после себя мир нашей совести, мук;
то, что наши взрослеющие девчонки
расскажут своим будущим мальчишкам…

И можно надеяться, что все достойные жизни вечной останутся живыми…

Так записки из планшета офицера Бориса Подопригоры превращаются в «факт иного значения», указывают сторону мира, открывают пространство соприкосновения мгновения и вечности, смерти и бессмертия, памяти и любви. Воскрешают прошедшее, укореняют историю в настоящем, защищают правду и жизнь.

Чеслав КИРВЕЛЬ

ПОКА ГОРИТ «ЗОРКАЯ СВЕЧА»

О творчестве Андрея Реброва

К 55-летию со дня рождения

Снежана СЕМЕРНИК

Пронзают сумрак зоркие лучи,
Светло глядящей в зеркало свечи.

А. Б. Ребров «Зоркая свеча»

Неуютно и растерянно чувствует себя современный человек, соприкасающийся с мощной стихией информационных потоков, ежедневно, ежесекундно обрушивающихся на его, в сущности, беззащитную голову, во(у)влекающих в пространство мрачных (трагичных, мелкосуетных, скандальных, бутафорных) событий, в «селевом» потоке которых трудно найти место для глубокой мысли, подлинного чувства, радости живого общения. Окружающий мир в отраженном свете информационного зеркала выглядит кривым и каким-то нереальным: в нем явно (реже — косвенно) постулируется торжество зла, право на беззa-

---

Чеслав Станиславович Кирвель — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии Гродненского государственного университета им. Янки Купалы. Окончил философский факультет ЛГУ. Автор более 300 научных работ, в том числе нескольких монографий, учебников и учебных пособий. Лауреат премии журнала «Наш современник», III Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь». Президентом Республики Беларусь награжден медалью «Франциска Скорины». Заслуженный деятель науки Республики Беларусь. **Живет в Гродно, Беларусь.**

Снежана Здиславовна Семерник — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ГрГУ им. Я. Купалы. С 2012 по 2015 гг. — докторант кафедры философии факультета философии человека РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург). Тема докторской диссертации «Социокультурные риски экономоцентричного общества». Автор около 100 научных и научно-методических публикаций. В том числе монографий, учебников и учебных пособий. Лауреат премии журнала «Беларуская думка». **Живет в Гродно, Беларусь.**

коние, на господство сильных и сытых. В этом мире для добрых чувств места становится все меньше, а высшие моральные добродетели, такие как любовь к Отчизне, своему народу, жертвенность, добровольное служение ближним и т. д., и вовсе маргинализируются, ставятся на подозрение, обвиняются в лицемерии.

Сложно в этом мире быть вдумчивым читателем, слушателем, зрителем. Но еще труднее быть настоящим писателем, публицистом, поэтом, создателем визуальных образов и не проникнуться конъюнктурным, наносным, дешевым. Без преувеличения можно сказать, что это тернистый путь, с достоинством идти по которому удается немногим. Однако эти немногие подтверждают удивительную максиму жизни, что «дорогу осилит идущий»: если ты ступил на сложный путь служения добру, истине, красоте, они ответят тебе взаимностью и невозможное станет возможным. Именно таким «невозможным» в контексте господствующих сегодня культурно-интеллектуальных тенденций путником является главный редактор журнала «Родная Ладога», поэт и публицист, коренной петербуржец Андрей Борисович Ребров, творчество которого созидательно, вдохновляет, вселяет надежду и осветляет. И это неудивительно, ведь главным творческим кредо этого человека является синергия с Высшим, не терпящим никакой лжи и нечистот(ы):

Освяти меня, Свете Святый!
И душа, паче снега белея,
Вострепещет Твоей чистоты,
На былые года молодея —
От мгновенья сего красоты.

Возжеланная чистота, умноженная на поэтический талант, поистине рождает чудо: стихи А. Б. Реброва проникают до глубины души, поражают искусностью владения словом:

БЕРЕЗЫ

Отъярились осенние грозы,
И забрезжились в ясной дали
Столь привычные взору березы —
Златокрылые светы земли.

Замахали призывно ветвями,
Листвяным опереньем искрясь,
Прикровенно являя пред нами
Немирскую свою ипостась.

И, быть может, во дни увяданья,
Их нетленного вида страшась,
Просветлеет, стяжав покаянье,
Многогрешная чья-то душа.

Это о его работах современная поэтесса Валентина Ефимовская написала: «Поэзия Андрея Реброва — явление самобытное, как личная молитва

в храме; она полнится древними токами, как исконная народная вера»[1]. «Древние токи», пронизывающие все творчество А. Б. Реброва, незримо сообщаются и читателям, открывающим для себя вдохновенную поэзию мастера слова. Ведь щедро рассыпанные в поэтических строках образы-символы («сугроб-канунник», «сердцем предтечется», «накадит муки», «взбранный восход», «твердь окон», «горние недра сердец», «схима ночи», «умно зрят», «свет окрестный», «душа оглашена», «притворы ночей» и т. п.) показывают, что поэтическое слово для А. Реброва практически неотделимо от молитвословия. Духовные истоки рожденных смыслов не вызывают сомнения.

Исконная народная вера, драгоценные зерна лучших проявлений культуры предков являются для А. Б. Реброва источником вдохновения и той «зоркой свечей», которая неизменно светит в сумерках современности:

Пронзают сумрак зоркие лучи
Светло глядящей в зеркало свечи.

И, слившись с отражением ее,
Мой долгий взор лучится в Бытие,

Где ныне я… Мой род запечатлен
В необозримом зеркале времен.

И я, как в вещем полузабытьи,
Глазами внуков зрю в глаза свои,

Из глубины которых на меня
Взирают предки — горняя родня.

Неожиданное, но гармоничное сочетание древнерусских мотивов с риторикой христианского словоизъявления в творчестве поэта — не столько признак так характерного для русской культуры двоеверия, сколько указание на возможность синтеза лучших проявлений древнерусского духовного творчества и глубин христианского миропонимания и мироощущения. Особенно наглядно это цельное поэтическое восприемничество ощущается в стихотворении, посвященном последнему русскому Царю Николаю II:

Покаянный, но не обученный
Во чужие стучать дворы,
Божьей милостью Царь и мученик,
Гой еси, Николай Вторый,

Неотпетый и неотмоленный,
Днесь усердно тебя молим
О сынах своих обездоленных,
О прощенье больной земли.

[1] *Ефимовская В. В.* «В необозримом зеркале времен» // Резонанс жизни. СПб.: Родная Ладога, 2015. С. 184.

Аз к тебе прибегаю искренне,
«Камень отнят», — в тиши шепчу,
В книжном плеске Никольской пристани
Возжигаю маяк-свечу.

Поэзия А. Б. Реброва, отзывчивая и восприимчивая к духовным заветам предков, служит живительной нитью, связывающей прошлое, настоящее и будущее. Благодаря подобного рода творчеству, культура, создаваемая тем или иным народом, имеет свой неповторимый колорит, свое уникальное духовное наследие. И это действительно так. Ведь духовная генетика народа передается не мифическим образом, но благодаря тому, что воспроизводится в лучших образцах культуры, науки и творчества. Субъекты — носители данной генетики — плодами своей деятельности создают ту культурную, духовную атмосферу, в животворящем пространстве которой формируется самосознание общества, куются его идеалы, определяются важнейшие цели развития.

Данное обстоятельство особенно значимо сегодня — в стремительно меняющихся событиях нового тысячелетия. Именно в их калейдоскопическом мелькании со всей очевидностью обнаруживается факт огромного влияния сознательной человеческой деятельности на решение текущих социальных проблем и определении перспектив общественного развития. Не случайно современные интеллектуалы активно разрабатывают проблемы социальной субъективности — доминирующей роли в жизни общества действий отдельных людей. Здесь можно вспомнить «теорию социальных агентов» (П. Бурдье, А. Гидденс, М. Крозье, А. Турен, А. Этциони и др.), а также идеи постмодернистов о возрастании роли социального субъекта.

Именно субъект как отдельная личность или некоторая социальная общность ставит перед собой конкретные цели, выбирает методы их достижения, чем существенно влияет на актуальное состояние и будущее развитие общества. В связи с этим особое внимание в современной культуре, политике и науке уделено человеку.

Приблизительно во второй половине XX века наука сменила вектор: с энерготехнологического она перешла на информационно-коммуникативный путь развития. Это означает, что технологии, еще несколько десятилетий назад ориентированные на преобразование окружающего мира, приспособления его под нужды общества, теперь направлены на преобразование и «покорение» самого человека. Несколько предшествовавших столетий технико-технологического развития, в котором природа рассматривалась как «мастерская», призванная поставлять необходимые для жизни блага, привели к серьезнейшему экологическому кризису, масштабы которого сегодня носят глобальный характер. «Антропологический поворот» в современной экономике, политике и науке, когда объектом воздействия становится собственно человек, за гораздо более короткий срок стал причиной «антропологического кризиса», все более стремительно приближающегося к «антропологической катастрофе»: человек утрачивает «волю к человечности», соглашаясь на метаморфозу — превращение в постчеловека, сверхчеловека, не-человека, легко оперирующего понятиями «эффективности», «успешности», «коммерческой выгодности», но утрачивающего способность различать добро и зло, истину и ложь, подлинное и симулятивное.

Катастрофичность ситуации с человеком предопределена в первую очередь фактом осознания той роли, которую играет выбор, сделанный конкретной личностью или группой людей, в той или иной сфере общественной жизни. Политический, экономический, морально-нравственный и т. д. выборы своей совокупностью способны направлять развитие общества в некотором направлении. Эта максима верифицируется сегодня на практико-эмпирическом уровне. Не случайно современное социогуманитарное знание вывело для себя важнейшую формулу для понимания общественных процессов: социальные процессы и зримые сдвиги обыденной жизни, получившие материальное воплощение, предопределяются более скрытыми духовными сдвигами. Вот как написал об этом известный французский исследователь психологии народных масс Гюстав Лебон: «Великие перевороты, предшествующие изменению цивилизации, например, падение Римской империи и основание арабской, на первый взгляд определяются главным образом политическими переменами, нашествиями иноплеменников, падением династий. Но более внимательное изучение этих событий указывает, что за этими кажущимися причинами чаще всего скрывается глубокое изменение идей народов. Истинно исторические перевороты не те, которые поражают нас своим величием и силой. Единственно важные перемены, из которых вытекает обновление цивилизаций, совершаются в идеях, понятиях и верованиях. Крупные исторические события являются лишь следствиями невидимых перемен в мыслях людей»[1].

Такой мощный фактор социального развития, как социальный выбор, безусловно, не мог остаться не в поле зрения сил, заинтересованных в движении общества в некотором заданном направлении. Эти силы — политическая и экономическая элита общества. Поэтому сегодня увеличивается количество исследований и разработок, а также конкретных технологий, некоторые из которых даже стали именоваться оружием («психологическое оружие», «психотронное оружие», «психоисторическое оружие», «консциентальное оружие» и т. д.), посвященных проблеме управления социальным выбором. Под «прицелом» данного оружия оказываются сознание, мысли, чувства, воля и даже инстинкты людей. Данный факт вовсе неочевиден для современного общества, поскольку одной из главных его характеристик, на которую совершенно справедливо обратили внимание члены «Римского клуба», является «неосознанность происходящего»[2]. Указанное обстоятельство становится серьезным рискогенным фактором, поскольку модель социально-ориентированного государства, равно как и перспектива «светлого будущего» давно уже перестали быть приоритетом социального развития. Это означает, что современному человеку надо очень хорошо понимать то, что происходит вокруг него для того, чтобы не стать жертвой манипулирования и не утратить собственные жизненные перспективы. Однако совершенно очевидно, что рядовой обыватель, далекий от синтетико-аналитических мыслительных усилий, направленных на решение проблем современного общества, несопоставимо более слабый «игрок» по отношению к социо-антропо-технологам, целенаправленно накапливающим свой потенциал в

---

[1] *Лебон Г.* Психология народов и масс [Электронный ресурс]. URL: http://socioline.ru/files/5/309/psihologia.pdf (дата доступа: 21.08.2016).

[2] *Печчеи А.* Человеческие качества [Электронный ресурс]. URL: http://www.igrunov.ru/cat/vchk-cat-bibl/articles/peccei/ (дата доступа: 22.08.2016).

деле манипулирования массами. Поэтому так важно, чтобы у народных масс были свои предстатели, выражающие их интересы и надежды. Традиционно такую роль выполняют элиты общества. Однако XX век, ознаменовавшийся «открытием глобализации», породил феномен, обозначенный известным русским политологом и философом А. С. Панариным понятием «дезертирство элит». Элиты, увидевшие возможность индивидуального восхождения на глобальный олимп перманентного благополучия, позабыли про свой народ, обрекая его на «безмолвие», невысказанность своих глубинных чаяний и надежд и соответственно утрату положительной перспективы социального развития[1].

Тем не менее, если понимать слово «элита» в широком смысле как лучших представителей в каком-либо роде деятельности, то можно с уверенностью сказать, что наш народ сохранил в себе потенциал формирования таких личностей, которые, невзирая на откровенно сложные социально-экономические, политические и духовно-нравственные обстоятельства современной жизни, готовы на высоком личностном и профессиональном уровне осуществлять непростое дело служения народу. Именно такие личности не только не покинули свой народ в период массового дезертирства «лучших», но и делом своей жизни способствуют тому, чтобы состоялось «возвращение элит», а также возрастание новых. Это чрезвычайно важное социальное, гражданско-патриотическое, а также нравственное «делание» осуществляют пусть немногочисленные, но подлинно достойные представители своего народа. К их числу принадлежит и талантливый поэт, публицист Андрей Борисович Ребров. Учрежденный с его помощью культурно-просветительский и художественно-литературный журнал «Родная Ладога» воплощает собой неизбывную мечту русского духа о единстве, полноте, красоте, справедливости и мудрости. Данная идея, рассматриваемая еще в философии цельного знания (Г. С. Сковорода, В. С. Соловьев), тяготеет к творческим синтезам мысли и духа, ума и сердца, добра и красоты. И это очень важно. Поскольку любое общество может успешно развиваться только при наличии позитивной ценностной системы, консолидирующих целей и идеалов. Отсутствие данной системы ценностей превращает народ в неорганизованную толпу, разрозненное население. В наше время лишь синтез «философии разума» и «философии сердца» может дать достойное человека отображение мира в его сознании, стать надежной опорой для поведения. Именно такой путь — объединяющий духовное, интеллектуальное и прекрасное — избрал для себя главный редактор журнала «Родная Ладога» А. Б. Ребров. Избрал сам и пригласил других — талантливых, высоких духом, мудрых и прекрасных делом и словом людей — к восхождению тернистыми тропами служения на вершины подлинной культуры Отечества. Ведь это только на первый взгляд кажется, что вопросы о подлинности и под(из)мене, истинности и ложности, добре и зле в современной культуре навсегда заменены на вопросы о коммерческой выгодности и экономической эффективности, технической виртуозности, социальной успешности и карьерной необходимости. В тайниках своей души общество по-прежнему тяготеет к вопрошанию о том, что неизменно, вечно, неизбывно:

[1] *Панарин А. С.* Народ без элиты. М., 2007.

Певучим облаком слетела птичья стая
На кроны тихих, сумрачных древес.
И, словно высь пасхально-золотая,
Исполнился звучаньем древний лес.

И даже здесь, в глуши его плутая,
Я всей душой заблудшей ощущаю
Высокое присутствие небес.

И, может быть, как мой язычник пращур,
Обретший путь евангельский — в лесах,
Я лишь затем скитаюсь в этих чащах,
Чтоб отыскать тропинку в небеса.

Глядя на самозабвенную творческую деятельность А. Б. Реброва, бережное собирание им духовно-поэтических, литературных, научных дарований, возросших в недрах современного общества, не без радостного изумления открываешь, сколь богата русская земля талантами, сколь велики ее духовные силы: она все еще не утратила способности, «отложив всякое земное попечение», взывать к горнему, наполнять непреходящим и «единым на потребу» жизнь. Надежда на возрождение России, ее славы и величия становится осязаемой.

Это они — светлые сыны Отечества — дарят народу надежду на возвание из социальных руин и духовного пепла, на возможность спасения драгоценного наследия родной культуры, в животворящих лучах которых только и возможно подлинное рождение, воспитание и возрастание будущих поколений.

Снежана Семерник

Вставай, страна огромная, вставай в духовный бой

О поэзии петербуржца А. Б. Реброва

Взбранила поле речевое
Иноязычных рыков рать.
И силы нет стихи слагать...

А. Б. Ребров,
(из книги «Зоркая свеча»)

То не громы раскатные чудятся,
Не ветров разыгралась картечь,
то народным страданием будятся,
на духовную кличут сечь

исполины — родных слов защитники,
дóбры воины дóбра пера —
встали против «культурной политики»,
разоряющей души дотла.

Род людской о судьбе своей жалится:
«Ой, лиха иноземная тать[1]!»
и взывает ко Небу, печалится:
«Нету силушки песен слагать,
ни стихов, ни молитв покаянных».

От безгласья, безсмыслья, без слов
в немоте, как во мгле окаянной,
прозябает народ Христов.

И под гром немоты той бесславной,
сокрушая духовный род,
душегубное, плотоядное
злое чудище кривды ползет.

Чудо-юдо разит эвфемизмами[2],
пеплом сыплет в зерцало души,
за кривыми словесными призмами
превращением смыслов чадит:

«деградации» в «оптимизацию»,
«душегуб» в «киллер» звоном монет
рикошетит, а при восприятии
слова «киллер» «губителя» нет!

Не почуять и «киллера-медиа»[3]
распродажность с житейских торгов:
журналюга родимым наследием
кормит тучных златых тельцов.

Стопки ценностей в топку политики
он швыряет: ему не впервой,
за купюры, банкнотные листики
все отдаст с сердцем и головой.

«Живодер» в «трансплантолога черного»
наряжается, выйдя на свет,
а «растлитель», кружа черным вороном,
возвещает про «секс-просвет».

---

[1] Тать (устар.) — вор, тайный похититель, грабитель.

[2] Эвфемизм (с греч. — благоречие) — нейтральное по ценностному и эмоциональному окрасу слово, заменяющее более жесткое, грубое или прямое. Часто используется в политике для фальсификации действительности. Например, вместо слова «пытка» употребляют эвфемизм «жесткие меры допроса».

[3] Примерно в 90-х годах XX века стало распространенным слово «продажный журналист», которое довольно скоро было заменено эвфемизмом «медиа-киллер» — журналист, за определенную плату искажающий любую информацию, уничтожающий данной информацией любой объект-мишень.

Не ликуй, чудо-юдо поганое,
не играй победителя туш,
посмотри, там, вдали за туманами,
во спасенье обманутых душ,

обнажая талант, Богом данный,
не страшась клеветы и оков,
вышел сечу держать,
за народ свой стоять
и за веру поэт Ребров.

И другие поэты, что сродни
«всем церквам и избушкам Руси»[1]
возжигают маяк путеводный,
как его ни туши, ни гаси —

не остынут, не переменятся,
не сторгуют Отчизну вразлет;
мир молитвой речей их изменится —
на заре Солнце Правды взойдет!

Лучекрылый собор Сохранителей,
Словом призванных, вырвет из пут
наш народ на погибель мучителям:
нету места для злобы их тут!

И тогда Слово станет собою —
Дар Создателя Бога-Творца —
Увенчает красой неземною
Души, чувства, умы и сердца!

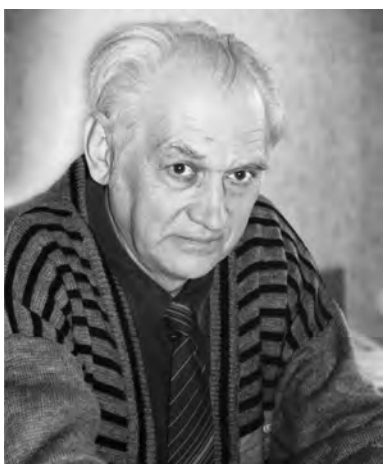
---

[1] Отсылка к строке из стихотворения А. Б. Реброва:
От лугов и покосных лужаек,
Что нездешним вовек не сыскать,
От застенчивых зорь урожая
Свет неяркий запомнила мать.
Не исчезнуть ему, не потухнуть,
И в меня он вошел, негасим,
Возвестив, что родной я по духу
Всем церквам и избушкам Руси.

Александр ОСЫКОВ

ИСКРЕННИЙ ГОЛОС ЛЮБВИ

Борис ОСЫКОВ

В прошлом году исполнилось 130 лет с момента создания и публикации первой редакции популярнейшего романса «Ночь светла», а в следующем году исполняется 170 лет со дня рождения Михаила Александровича Языкова — одного из авторов этого признанного шедевра музыкально-поэтического искусства.

I

Михаил Александрович Языков родился 9 октября 1847 года в городе Торопце Псковской губернии (ныне — районный центр Тверской области).

Языковы — старинный русский дворянский род, возникновение ко-

---

Александр Иванович Осыков — родился в 1959 г. в Белгороде. Окончил Белгородский технологический университет им. В. Г. Шухова, кандидат технических наук. Автор восьми поэтических книг. Автор-составитель сборника избранных произведений своего прадеда — поэта и композитора М. А. Языкова — «Ночь светла». Член Союза писателей России, лауреат Международного поэтического конкурса «Звезда полей — 2010» им. Н. М. Рубцова, литературной премии «Золотая осень» им. С. А. Есенина (2014). **Живет в Белгороде.**

Борис Иванович Осыков — родился в 1937 г. в Воронеже. Окончил Белгородский государственный университет, много лет работал главным редактором газеты «Белгородская неделя». Его перу принадлежит более сорока книг, переведенных на белорусский, украинский, узбекский, литовский, удмуртский, болгарский, польский, английский, немецкий языки, язык эсперанто. Заслуженный работник культуры РФ, почетный председатель собрания краеведов Белгородской области. Член Союза писателей и Союза журналистов России, лауреат Всероссийских литературных премий «Отечество» (2004) и «Прохоровское поле» (2008). Правнук М. А. Языкова. **Живет в Белгороде.**

Михаил Александрович Языков (1847–1919)

торого восходит ко временам Дмитрия Донского и Сергия Радонежского. К этому роду принадлежит целая плеяда талантливых поэтов и композиторов, выдающихся государственных деятелей, известных полководцев, мужественных офицеров, на протяжении пяти с лишним веков верой и правдой служивших родному Отечеству.

В Родословном сборнике русских дворянских фамилий М. А. Языков упоминается как представитель «третьей ветви» рода Языковых — дворян Тульской и Псковской губерний, а выдающийся русский поэт «золотого века», друг А. С. Пушкина — Николай Михайлович Языков относится к Симбирской ветви рода Языковых и, таким образом, приходится М. А. Языкову дальним родственником.

Кстати, основатель Псковской ветви рода Языковых — один из множества славных предков Михаила Александровича — бельский городовой дворянин Петр Языков, погибший в 1634 году при осаде Смоленска, занятого поляками, сражался в рядах русской армии плечом к плечу с ротмистром Джорджем (Юрием) Лермонтом — основателем русского дворянского рода Лермонтовых.

Сын Петра Языкова — торопецкий городовой дворянин Владимир Языков — унаследовал от отца его поместье в Торопецком уезде Псковской губернии, где и жили на протяжении более двух столетий предки М. А. Языкова по прямой линии.

Михаил Александрович был предпоследним, четвертым ребенком в семье разорившегося торопецкого помещика Александра Павловича Языкова. Александр Павлович, отличавшийся весьма эксцентричным характером и склонностью ко всякого рода авантюрам, в результате нескольких необдуманных и поспешных финансовых операций полностью разорился и фактически оставил себя и свою семью без средств к существованию.

Нужда, которую познал будущий поэт и композитор с самых ранних лет, а также невозможность получить хорошее образование (Михаил Александрович закончил только гимназию. — *А. О.*), безусловно, наложили серьезный отпечаток на все его творчество. Большинство стихотворений М. А. Языкова пронизаны мотивами «неравной борьбы с суровою нуждой» и неразделенной или погибшей любви, но при этом несправедливость судь-

бы не вызывает у поэта ожесточения и озлобленности, но, напротив, каждое его произведение, буквально каждая строчка наполнены любовью к ближнему, состраданием к человеческому горю, святой верой в Бога.

Настойчиво занимавшийся самообразованием, М. А. Языков был разносторонне одаренным человеком, он не только писал талантливые стихи, но и сочинял замечательную музыку, великолепно играл на фортепиано, прекрасно рисовал.

Сохранился сборник «Стихотворения М. А. Языкова. 1865–1887 гг.», изданный в г. Великие Луки в типографии В. А. Вязьменского в 1887 году. Стихотворения Михаила Александровича публиковались в эти и последующие годы в популярных центральных газетах «Неделя», «Свет», петербургском журнале «Домашняя библиотека», соседствуя с новыми произведениями Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, И. А. Гончарова, Э. Золя и других классиков отечественной и зарубежной литературы.

В конце позапрошлого столетия М. А. Языков с семьей переехал в поселок Лигово под Санкт-Петербургом, где он вместе с женой Софьей Стефановной содержал частную школу для детей малообеспеченных родителей. Все это время вплоть до Октябрьской революции 1917 года Михаил Александрович постоянно публиковал свои музыкально-поэтические произведения в популярном журнале «Музыка для всех», активно сотрудничал с известными столичными издателями А. К. Соколовой, В. В. Бесселем, Ю. Г. Циммерманом, со знаменитым издательством «Северная лира», которые охотно печатали небольшими отдельными изданиями его романсы, вальсы, песни, элегии, торжественные марши. При этом М. А. Языков выступал в этих изданиях то как автор слов, то как автор музыки, но чаще — как поэт и композитор одновременно.

М. А. Языковым созданы музыкальные произведения на стихи Ф. И. Тютчева, А. А. Фета, А. К. Толстого, И. С. Никитина, Я. П. Полонского, К. М. Фофанова. Михаил Александрович поддерживал творческие отношения со многими известными поэтами «серебряного века»: П. И. Вейнбергом, Г. А. Галиной, В. А. Комаровским, А. А. Лукьяновым, В. А. Мазуркевичем, С. К. Маковским, С. Л. Рафаловичем, С. А. Сафоновым, П. С. Соловьевой, Т. Л. Щепкиной-Куперник. Был дружен с Ф. И. Шаляпиным, которому посвятил пять(!) своих романсов: «Вырыта заступом яма глубокая» (слова И. С. Никитина), «Звезда», «Лес шумит и гудит», «Одинокая могила», «Разрушен храм». Эти произведения вошли в постоянный репертуар великого русского певца. Есть у Михаила Александровича и романс «Ни слова, друг мой, о былом!..», посвященный выдающейся русской певице Варе Паниной, с которой его также связывали теплые творческие отношения. Романс М. А. Языкова на стихи Я. П. Полонского «Мое сердце — родник» с успехом исполнял выдающийся русский певец П. З. Андреев.

В 1916 году М. А. Языков опубликовал в столичном издательстве А. К. Соколовой собственный вариант текста широко известного ныне романса «Отцвели хризантемы» на музыку талантливого, трагически погибшего в молодом возрасте композитора Н. И. Харито.

Причем в поэтическом плане стихи М. А. Языкова совершеннее канонического текста, приписываемого во многих источниках первому исполнителю этого романса — популярному в начале XX века певцу В. Д. Шумскому (настоящая фамилия Шомин. — *А.О.*).

Примерно в эти же годы М. А. Языков сочиняет и публикует оригинальный вариант текста другого известного романса «Лебединая песнь», первоначальное авторство которого принадлежит М. Я. Пуаре — русской поэтессе, актрисе и певице со странной и трагичной судьбой. Мария Пуаре является также автором еще одного, весьма популярного и сегодня, романса «Я ехала домой…».

Судя по всему, Михаил Александрович любил не просто редактировать тексты других авторов, но создавал на их основе, по сути, новые поэтические произведения, так сказать, «по мотивам» понравившихся ему песен и романсов. Возможно, что поэт делал это, уступая просьбам коллег-композиторов, выполнявших аранжировки популярных произведений с целью приведения их в соответствие с вокальными данными и музыкально-поэтическими вкусами конкретных певцов-исполнителей.

М. А. Языков с успехом редактировал и известнейшие произведения знаменитых поэтов. Так, работая над музыкой романса на стихи Ф. И. Тютчева «SILENTIUM!» («Молчи, скрывайся и таи…»), он сумел очень изящно и в то же время весьма деликатно поправить две строчки великого стихотворения, сделав их более ритмичными и, как следствие, более «музыкальными».

Одним из последних произведений М. А. Языкова, увидевших свет еще при его жизни, является опубликованный в конце 1916 года в том же санкт-петербургском издательстве А. К. Соколовой романс-вальс «Резвился ликующий мир», в котором автор, предчувствуя приближение неминуемой страшной беды, нависшей над Россией, воспринимает эту беду как общую трагедию для всех русских людей, всего русского мира.

Последние годы жизни поэта и композитора прошли в Курске, куда он переехал вскоре после Октябрьской революции. Тяжкие, голодные, стылые годы… Михаил Александрович Языков скончался 10 февраля 1919 года. Похоронен на Херсонском кладбище города Курска.

II

Безусловно, вершиной творческого наследия М. А. Языкова является популярнейший романс «Ночь светла». История создания этого блестящего шедевра литературно-музыкального искусства весьма интересна, но серьезно запутана и по сей день мало исследована.

Наиболее авторитетным собранием стихотворений русских поэтов, ставших популярными песнями и романсами, безусловно, является двухтомный труд известного санкт-петербургского литературоведа В. Е. Гусева «Песни русских поэтов», изданный в Ленинградском отделении издательства «Советский писатель» в Большой серии Библиотеки поэта в 1988 году. Профессор В. Е. Гусев пишет: «Романс (“Ночь светла”. — *А.О.*) написан на слова Л. Г. с музыкой Пригожего (впервые опубликован в музыкальном приложении «Аккорд» к журналу «Радуга», М., 1885, № 1 под названием «Вспомни ты обо мне»). В современных нотных изданиях — текст в обработке М. Языкова, музыка — М. Шишкина».

Яков Федорович Пригожий (1840–1920) — русский композитор, пианист, дирижер. Был известен как аккомпаниатор, в частности, выступал на эстраде знаменитого московского ресторана «Яр» (где, как

известно, более десяти лет пела и руководила хором В. В. Панина. — А.О.).

Яков Федорович много концертировал по России, руководил различными русскими и цыганскими хорами, для которых создал множество обработок популярных песен и романсов (например, «Коробейники» на стихи Н. А. Некрасова, «Мой костер в тумане светит» на стихи Я. П. Полонского, «Ухарь-купец» на стихи И. С. Никитина). Популярностью пользовались песни и романсы Я. Ф. Пригожего — «Пара гнедых», «Ночи безумные», «Я помню вечер» и др. Многие из них входили в репертуар Варвары Паниной, Надежды Плевицкой, Анастасии Вяльцевой. Умер Я. Ф. Пригожий в 1920 году, в дальнейшем его имя было основательно забыто, а многие сочиненные им песни стали считаться народными.

Михаил Александрович Шишкин (1851–1916) — композитор, гитарист-аккомпаниатор Вари Паниной, автор музыки нескольких популярных романсов, в том числе знаменитой «Отрады» («Живет моя отрада...»).

Ну, а кто же скрывается за инициалами Л. Г. в первоначальной публикации романса? Обратимся к свидетельству нижегородского литератора и краеведа Ю. А. Адрианова, который весьма активно отстаивал версию: Л. Г. — это Леонид Григорьевич Граве — русский поэт XIX века, который родился в городке Елатьма (ныне Рязанская обл.), но чья жизнь прошла, в основном, в Нижнем Новгороде.

Вот что пишет Ю. А. Адрианов в предисловии к сборнику стихотворений Л. Г. Граве, изданному в 2002 году в нижегородском издательстве «Книги»: «Этот романс конца XIX века (“Ночь светла”. — *А.О.*) в наше время прочно входит в репертуар самых знаменитых исполнителей. Его очень любила великая певица Надежда Обухова. Музыка и слова этого произведения, принадлежащего к “золотому фонду” отечественного романса, стали поистине хрестоматийными. Каждый раз перед его исполнением мы слышим: “Слова Языкова, музыка Шишкина!” Казалось бы, надо без сомнения воспринимать эту пару имен, но, насколько я помню, старые нижегородские краеведы, что жили ближе к временам Граве, с упорным и убеждающим постоянством повторяли, что строки принадлежат именно ему! В юности я часто слышал от своего дяди, известного краеведа, автора книги “Родной город”, Алексея Ивановича Елисеева, который любил музицировать на семейных вечерах, что слова романса принадлежат Леониду Граве. Л. Г. Граве много печатался в изданиях московского предпринимателя Н. И. Пастухова, о чем А. Елисеев пишет в своей книге о Нижнем Новгороде: “Предприимчивый издатель некоторые из стихов давал малоизвестным композиторам, и в качестве «цыганских» романсов стихи Граве распевались в трактирах и ресторанах. Один из таких романсов дошел до настоящего времени и стал известен по граммофонной записи: «Ночь светла, над рекой тихо светит луна...” ... Итак, первоначальный текст загадочного Л. Г. был в некоторой степени изменен М. Языковым по желанию композитора, как это и ныне бывает: строки поэта “подтягиваются” к музыке».

В том же сборнике избранных стихотворений Л. Г. Граве, составленном на основе единственного известного издания его произведений «Стихи, Москва, 1892 г. Издание Пастухова с предисловием П. Е. Астафьева», опуб-

ликован и текст стихотворения, открывающегося строкой «Ночь светла; блистает небо…»[1]. Приведем его полностью:

Ночь светла; блистает небо
Изумрудною лазурью.
Ряд зеленых кипарисов
Сторожит обломки храмов.
По разбитым колоннадам
Плющ венки свои развесил.
На оставленных могилах
Рдеют пламенные розы, —
Здесь, в жилище мрачной смерти,
Жизнь веселая проникла…
Жизнь и смерть с начала мира
Тесным связаны союзом:
Обе служат неизменно
Силе творческой орудьем.
Цель одна у них: из праха
Жизнь творенья созидает,
Смерть, для сферы новых действий,
Им меняет только формы, —
Созидает, разрушая…
По закону мирозданья
Жизнь и смерть одно и то же,
Только — разные названья…

А вот текст романса «Ночь светла» в том виде, как он был опубликован в журнале «Радуга» в 1885 году под названием «Вспомни ты обо мне» (*Слова Л. Г., переложение Я. Ф. Пригожего. Вальс, петый московскими цыганами*):

Ночь светла, над рекой ярко блещет луна,
И кипит серебром голубая волна.

Темен лес, и в тени изумрудных ветвей
Звонких песен своих не поет соловей.

Милый друг, нежный друг, я, как прежде любя,
В этот час при луне вспоминаю тебя.

В этот час далеко, на чужой стороне,
Милый друг, нежный друг, вспомни ты обо мне.

Любому, даже малоискушенному в поэзии, читателю понятно, что М. А. Языков не просто отредактировал или «подтянул к музыке», как пишет Ю. А. Адрианов, изначальный текст Л. Г. Граве, но создал, по сути,

[1] Кстати, автором строки «Ночь светла…» на самом деле является А. А. Фет — см. его стихотворение «Ночь светла, мороз сияет…» (1847). Заметим, что эти стихи А. А. Фета были в конце XIX — начале XX века положены на музыку М. А. Языковым.

новое стихотворение, послужившее основой великолепного романса, широко известного теперь не только в России, но и во всем мире под названием «Ночь светла» и по праву входящего в сокровищницу лучших произведений мировой культуры.

При этом нельзя, конечно, исключать и версию о том, что текст романса «Вспомни ты обо мне», опубликованный в журнале «Радуга», в полной мере принадлежит перу Леонида Граве.

Предположим, что это действительно так, и сравним текст романса «Вспомни ты обо мне» с текстом романса «Ночь светла», который давно уже стал каноническим и автором которого в огромном количестве самых разных изданий неизменно и однозначно указывается М. А. Языков:

Ночь светла, над рекой тихо светит луна,
И блестит серебром голубая волна.

Темный лес… Там в тиши изумрудных ветвей
Звонких песен своих не поет соловей.

Под луной расцвели голубые цветы.
Они в сердце моем пробудили мечты.

К тебе грезой лечу, твое имя шепчу,
Милый друг, нежный друг, о тебе я грущу.

Милый друг, нежный друг, я, как прежде любя,
В эту ночь при луне вспоминаю тебя.

В эту ночь при луне, на чужой стороне,
Милый друг, нежный друг, помни ты обо мне.

В языковском варианте не только отредактированы первая и вторая строфы («тихо светит» вместо «ярко блещет»; «блестит серебром» вместо «кипит серебром»; «темный лес, там в тиши…» вместо «темен лес, и в тени…»), но и добавлены два абсолютно новых, оригинальных куплета, что опять-таки является не простым редактированием, но весьма существенной переработкой, и, таким образом, и в этом случае речь идет, как минимум, о полноценном соавторстве Леонида Граве и Михаила Языкова.

Также надо отметить, что широко исполняемый сегодня не только в России, но и во всем мире, романс «Ночь светла» весьма существенно отличается от своей первоначальной редакции («Вспомни ты обо мне») не только поэтической основой, но и музыкальным содержанием. И, естественно, возникает вопрос: когда и каким образом повстречались поэт М. А. Языков и композитор М. А. Шишкин для того, чтобы осуществить переработку первоначальной версии Пригожего–Граве и создать ставший ныне каноническим вариант романса «Ночь светла»?..

III

В 1889 году великий русский инженер, будущий академик Владимир Григорьевич Шухов представил на Всемирной торговой выставке в Париже

свои знаменитые металлические фермы — клепаные конструкции в форме шатра, скрепленные как элементы Эйфелевой башни. По окончании выставки «шуховские фермы» приобрел предприимчивый ярославский купец Петр Тумпаков, который привез их в Петербург, установил в Измайловском саду, накрыл тентом и устроил там летний театр. Театр легкой и воздушной конструкции, весь залитый светом, получил звонкое и запоминающееся имя — «Буфф» (в переводе с итальянского — «шутка»).

Петр Вионорович Тумпаков (1859–1911) — крупнейший петербургский театральный предприниматель. Начал жизнь половым, окончил миллионером, домовладельцем, содержателем многих столичных театров и садов.

Петр Вионорович обладал не только практическим умом, но и художественным чутьем. Именно он «открыл» и привлек в свою труппу актрису и певицу из Польши В. В. Кавецкую, ставшую настоящей «звездой» русской оперетты.

Виктория Викторовна Кавецкая (1870 — после 1922) — певица, артистка оперетты (лирико-колоратурное сопрано). Ее исполнительская манера отличалась непосредственностью, изяществом и чистотой интонации. В совершенстве владея мастерством художественного свиста, во многих спектаклях насвистывала вставные номера под собственный аккомпанемент на фортепиано. Выступала на сцене столичных театров «Буфф» и «Палас» (1905–1915). В 1922 году уехала на родину в Польшу, работала в театрах Варшавы.

Театр П. В. Тумпакова сразу стал излюбленным местом отдыха горожан, и все истинные петербуржцы считали своим долгом непременно посетить очередную премьеру «Буффа». Вне всякого сомнения, бывал в новом театре и М. А. Языков. Тем более что его и В. В. Кавецкую связывали не только творческие, но и теплые дружеские отношения. Виктория Кавецкая — одна из первых исполнительниц уже упоминавшегося романса «Развился ликующий мир» (слова М. А. Языкова, музыка О де Бове в аранжировке П. Ратье). И именно ее портрет Михаил Александрович поместил на обложку отдельного издания этого романса.

На сцене модного театра довольно часто выступали с сольными концертами и многие знаменитые исполнители тех лет — Анастасия Вяльцева, Надежда Чарова, Николай Монахов и др. Для того чтобы выступить на сцене театра «Буфф» неоднократно приезжала из Москвы в Санкт-Петербург и «королева цыганского романса» Варя Панина.

Варвара Васильевна Панина (1872–1911) — певица, знаменитая исполнительница цыганских песен и романсов (контральто). Руководила цыганским хором ресторана «Яр». Известны восторженные отклики современников, восхищавшихся певческим талантом Вари Паниной — Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, А. А. Блока, А. И. Куприна, Ф. И. Шаляпина, К. А. Коровина.

Именно во время гастролей Вари Паниной в Петербурге, при непосредственном участии Виктории Кавецкой, и состоялось знакомство Михаила Александровича Языкова с Варварой Васильевной Паниной и Михаилом Александровичем Шишкиным, который, будучи гитаристом-аккомпаниатором Паниной, постоянно сопровождал певицу во всех гастрольных поездках.

Вскоре это знакомство переросло в настоящее творческое сотрудничество. М. А. Языков посвящает Варе Паниной романс «Ни слова, друг мой, о

былом…», который входит в постоянный репертуар знаменитой певицы. Издательство музыкального магазина Як. Соколова в Санкт-Петербурге выпустило романс «Ни слова, друг мой, о былом…» отдельным изданием, обложку которого украсил портрет его первой исполнительницы — В. В. Паниной.

Именно в эти годы (ориентировочно 1905–1910 гг.) Варвара Панина и Михаил Шишкин, близко знакомые с Я. Ф. Пригожим по совместной работе в ресторане «Яр», и «озвучили» М. А. Языкову романс Пригожего и Граве «Вспомни ты обо мне». После переработки — Языковым стихов Граве, а Шишкиным музыки Пригожего — родилась оригинальная, ставшая ныне канонической, окончательная редакция романса, получившая свое современное название «Ночь светла». С тех пор романс был опубликован не одну сотню раз в самых разных музыкальных и поэтических изданиях, в которых авторами произведения неизменно называются поэт М. Языков и композитор М. Шишкин.

Однако, подводя итог всему вышесказанному и ратуя за соблюдение принципов исторической и творческой справедливости, считаем, что имена авторов романса «Ночь светла» все-таки надо указывать следующим образом:

Слова Л. Г. Граве и М. А. Языкова
Музыка Я. Ф. Пригожего и М. А. Шишкина.

Также необходимо отметить и тот удивительный факт, что ни первая редакция романса «Вспомни ты обо мне» в конце XIX века, ни новый вариант, уже под названием «Ночь светла», в начале XX столетия, не получили не то, чтобы большой популярности, но даже и маломальской известности. И лишь на рубеже двадцатых-тридцатых годов прошлого столетия, уже в советское время, благодаря блестящему исполнению двумя выдающимися русскими певицами — сначала Н. А. Обуховой, а затем М. И. Черкасовой — романс «Ночь светла», наконец, завоевал настоящее признание самой широкой аудитории как в России, так и за рубежом. Впоследствии романс входил в репертуар Елены Образцовой, Людмилы Зыкиной, Вадима Козина, Бориса Штоколова, его исполняли Тамара Синявская, Нани Брегвадзе, Эдита Пьеха, Иосиф Кобзон, Дмитрий Хворостовский, Татьяна Петрова, популярные артисты театра и кино Алиса Фрейндлих, Зинаида Кириенко, Лариса Голубкина, Александр Михайлов — всех не назвать! Существуют переводы романса на английский, французский, белорусский языки, а известный израильский оперный певец Евгений Шаповалов исполняет «Ночь светла» на иврите. Романс стал главной музыкальной темой в фильме режиссера Карена Шахназарова «Город Зеро».

Нам же хочется верить, что долгая и счастливая жизнь суждена не только романсу «Ночь светла», но и другим поэтическим и музыкальным произведениям М. А. Языкова, лучшие из которых вошли в изданный в 2015 году в белгородском издательстве «ПОЛИТЕРРА» нотный сборник «Ночь светла». Тем более что в это всегда верил и сам Михаил Александрович, сказавший почти полтора столетия назад:

Если слово твое без искусства
Будет искренним гласом любви
И проглянет в нем теплое чувство, —
Не забудутся песни твои!

НЕУДАВШИЙСЯ ПОБЕГ

Два десятилетия назад в Ульяновске на родине великого русского писателя Ивана Александровича Гончарова правительством Ульяновской области и Союзом писателей России была учреждена литературная премия имени И. А. Гончарова.

Присуждается она за современные романы, среди лауреатов прошлых лет — писатели Юрий Лощиц, Михаил Попов, Александр Сегень, Евгений Шишкин, Николай Дорошенко, Ольга Шейпак, Василий Дворцов.

В этом году лауреатом Международной литературной премии имени И. А. Гончарова в номинации «Мастер литературного слова» стал санкт-петербургский писатель Николай Коняев.

Премией отмечен сборник его романов «Неудавшийся побег», вышедший три года назад в издательстве ООО «Сезам-принт», в Санкт-Петербурге.

«В этом году эта награда здесь, на родине Ивана Александровича, вручается в 11-й раз. Гончаровская премия стимулирует литературные процессы, помогает научно-исследовательской работе, способствует тому, чтобы авторы поверили в свои силы, талант. Также для нас это способ выразить благодарность мастерам слова», — сказал на церемонии вручения премии губернатор Ульяновской области Сергей Морозов.

Сборник романов Николая Коняева «Неудавшийся побег» принадлежит к числу итоговых книг писателя.

Все три романа, хотя и являются совершенно самостоятельными произведениями, но, собранные воедино в книге «Неудавшийся побег», обра-

зуют некое новое художественное целое и именно в этой новообретенной цельности и прочитываются сейчас.

В 1959 году, разоблачая культ личности И. В. Сталина и засевая страну кукурузой, Н. С. Хрущев объявил, что в 1880 году в СССР будет построен коммунизм.

Потом в 1980 году даже анекдот появится, дескать, коммунизм в 1980 году отменяется, вместо него будут Олимпийские игры.

Об этом говорят герои романа Николая Коняева «Заводское поле».

«Андрей помолчал, выжидая, не засмеется ли Ромашов, потом сам вздохнул.

— Не смешно, — пожаловался он. — А до пожаров смеялись.

— Да… До пожаров многое смешным казалось».

Читаешь романы Николая Коняева, написанные в восьмидесятые годы, и открывается странная и парадоксальная мысль, что и в самом деле тот коммунизм, который собирался построить Никита Сергеевич для народа, в восьмидесятые годы, действительно, был построен. Разве такие персонажи, как бездельник Пузочес (роман «Пригород») или страдающий манией отвращения к труду Термометр (роман «Заводское поле»), живут не в коммунизме?

Они уж точно работают только в свое удовольствие, но существующая система общественных отношений, тем не менее, обеспечивает их и пропитанием, и общежитским жильем. Это ли не коммунизм? Другое дело, что такой коммунизм не пожелали узнать и сами строители, и те идеологи коммунизма, которые и руководили его строительством.

Боязнь, нежелание узнавать созданное — источник того беспокойства, которое совершенно беспричинно, казалось бы, охватывает порою героев. Преодолеть этот дискомфорт и обрести утраченный покой героям романов не удается, и тогда и возникает идея побега.

Тема побега — это то ощущение всеобщего понимания неблагополучия, в котором пребывает страна, это ощущение не декларируется, оно пропитывает судьбы отдельных людей, проникает в их отношения друг с другом.

Бессмысленно, неведомо куда и зачем пытается уехать из пригорода врач Прохоров, неведомо куда пытается убежать герой романа «Заводское поле» Термометр.

Тема побега, побега неудавшегося, развернута в сюжет и вынесена в заголовок романа Николая Коняева «Неудавшийся побег».

Если романы «Пригород» и «Заводское поле» были созданы писателем и выпущены еще в СССР, то работа над романом «Неудавшийся побег» продолжалась практически до сдачи книги в типографию.

Включенные в новую книгу писателя романы были написаны и опубликованы уже десятилетия назад, но собранные воедино и изданные сейчас, когда побег нашей страны из своей не слишком-то привлекательной реальности восьмидесятых все-таки совершился, они обретают особую цельность художественной мысли и новое, кажется, даже более глубокое звучание, чем десятилетия назад.

Из «Пригорода», в котором автором, как в горсть, взят и поднесен к глазам безымянный городок вблизи современного мегаполиса, читатель переносится в «Заводское поле или житие помойной бабы», на гигантский, суперсовременный завод. Страница за страницею и нам открывается завод

Николай Коняев на вручении премии им. И. А. Гончарова

многих поколений. Какие-то корпуса его сгорели и ушли в небытие, другие полузапущены, полузабыты. Убита не только та земля, на которой расположен сам завод, но и округа. Носит над территорией ветер красную кирпичную пыль, а рабочие, вдыхающие ее, одновременно и рационалистичны, и суеверны. Те, кто работает в ночную смену в пролетах безразмерных цехов, в закоулках между ними, видят «дефективных» котов ростом под потолок, карлика, таскающего свой живот на руках, «помойную бабу», что бродит по цехам, собирая пустые бутылки. Можно сказать, что «пожары» — гигантская техногенная катастрофа, которая произошла на заводе, в чем-то созвучна тогдашнему Чернобылю, но в романе Коняева никто не спешит ликвидировать ее последствия. И некому ликвидировать их, и незачем ликвидировать их теми же методами, которые и привели в результате к «пожарам».

В одной из своих статей Николай Коняев писал, что многие наши соотечественники, растерявшиеся от нужды и бесправия, обрушившихся на них, не соотносят с собою тютчевских слов: «Счастлив, кто посетил сей мир в его минуты роковые».

«Увы… Далеко не все понимают сейчас, что счастье, о котором пишет Ф. И. Тютчев, не имеет никакого отношения к счастью, модель которого насаждается в обществе потребления.

Его призвали всеблагие,
как собеседника на пир…

— уточняет поэт, и в этих словах полнее, чем в самой многостраничной программе, сформулировано и раскрыто все, что нужно делать нам, застигнутым ночью, опустившейся на наше Отечество.

Желаем мы этого или нет, готовы или не готовы, но мы обязаны стать ***собеседниками*** в тютчевском значении этого слова. Мы обязаны освободиться от всех, пусть и дорогих нашим сердцам, иллюзий и ***открытыми*** глазами увидеть то, что явлено сейчас не только сосредоточенному молитвенному сознанию, но и нам грешным».

Ответы на поставленные перед ними историей вопросы пытаются найти герои романа «Неудавшийся побег», заключающего эту «трилогию».

Молодой солдат, не выдержав издевательств, убив троих дембелей, бежит из армии, захватив с собой автомат. Его ищут, его ловят…

Прекрасно выписано ощущение опасности, сгущающегося до мистической черноты ужаса, так или иначе прорывающегося и в самом беглеце, и в людях, так или иначе связанных с ним.

Но эта обычная, детективная сюжетная линия сплетается в романе еще и с рассказом о киностудии, где снимали документальный фильм об этом парне. Узнав о трагическом повороте — парень уже был однажды героем документального фильма! — в его судьбе, кинодокументалисты дерутся между собою, выясняя, кто же будет делать фильм об этой трагедии, борются за выигрышную тему.

Киностудийные интриги врастают в судьбу парня, подчиняют себе ход событий, но они же вовлекают в беду и самих людей, заваривших эти интриги.

Писатель показывает, как личные амбиции, групповые интересы и выгоды становятся непреодолимым препятствием на пути поиска ответов, которые необходимо найти героям, и увлекают героев в трагедию, еще более страшную, чем в предыдущих романах, трагедию, завершившуюся распадом СССР.

Почему так случилось? Почему мы не сумели спасти свою страну от страшной катастрофы? Эти вопросы, поставленные в трилогии Николая Коняева «Неудавшийся побег», важны не только для истории, найти ответы на них особенно важно сейчас, когда мы пытаемся возродить нашу страну, и когда на этом пути воздвигаются самые невероятные препятствия.

Роману «Заводское поле» предпослан эпиграф из литургии Иоанна Богослова «Двери, двери».

Увы… Мимо этих дверей, распахнувшихся перед героями «Заводского поля», прошли замыслившие побег герои романа, заключающего эту трилогию.

«Миша встал. Надо было идти и ему, но он посмотрел на Балконова, и ему сделалось страшно — таким немыслимо жутковато-добрым было сейчас лицо у Романа Германовича. Но тут же, сминая страх, рванулась изнутри обжигающая ненависть, и Миша хотел закричать, что наплевать ему теперь на все, что он…

— Миша… — сказал вдруг Роман Германович, всего на долю секунды опередив Мишу. — Разве вам мама не объясняла, что назад не кушают? Вы меня поняли, Миша?

Миша ничего не понял, но в голове вдруг сделалось пусто, а сердце заныло от знобящего холодка.

— Вот и хорошо, что вы поняли… — благожелательно улыбаясь, сказал Балконов, — не спешите, посидим немного здесь, подумаем…

Востриков опустился в кресло.

Свет в зале — видимо, в проекции решили, что все уже разошлись, — выключили, и сейчас свет проникал в зал только из полуоткрытой двери. Но этого освещения не хватало даже сейчас, когда глаза привыкли к полутьме…

Миша сидел не двигаясь.

Не двигался и Балконов.

Миша не знал, что Роман Германович вспоминает сейчас о последнем разговоре с Михасевым, когда тот с каким-то неожиданным сожалением и сочувствием посмотрел на него, словно понял, что ничего уже ни хорошего, ни плохого не может совершить Балконов… Роман Германович, может, и не понял, что думал в эту минуту Михасев, но — самое ужасное! — он сам думал так же, и то, что Михасев отгадал его страх — ведь Балконов и сам понимал, что и он тоже уже ничего не может переменить! — было непереносимо. Но теперь Михасева нет, он мертв, и никто не знает, как страшно ему, Роману Германовичу…

Балконов снял очки в дорогой оправе и пальцами помассировал тяжелые веки.

— Хорошее кино… — надевая очки, сказал он вслух. — Но скажите, Миша, зачем нам нужно такое кино?

Востриков ничего не ответил.

Опустив голову, он смотрел на теряющийся в сумраке пол под своими ногами и не мог различить его»…

Марина Дейнекина

Вышла книга

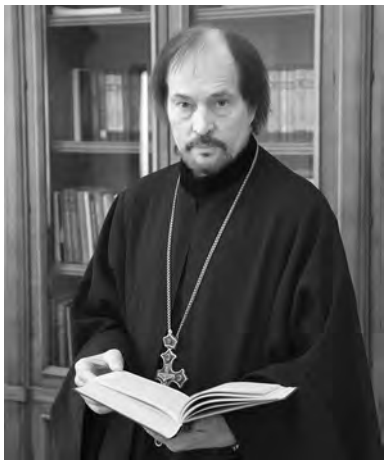
Сигида А.

Вместо репортажа: Сборник стихотворений. Краснодон: 2016, 96 с.

Представленный поэтический труд является очередной книгой Александра Сигиды, самобытного донбасского поэта. Предыдущие сборники стихотворений, среди которых «Путешествие», «Каменный угол», «Месторождение», «Непочатый край», «Легенда о карте», «Ключевые слова», «Северная тетрадь», широко известны за пределами Луганщины и давно полюбились искушенному читателю русской поэзии.

ПОЭЗИЯ

Протоиерей Геннадий
РЯЗАНЦЕВ-СЕДОГИН

«СТРАДАНИЕ ТОЖЕ ПРИЧАСТИЕ...»

Геннадий Рязанцев-Седогин — окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Член СП России, член-корреспондент Академии Российской поэзии, действительный член ПАНИ, МАПП. Автор семи книг. Лауреат Литературной премии имени Евгения Замятина. Протоиерей, настоятель храма Архистратига Михаила в городе Липецке, который построил тщанием прихожан и помощи Божьей. **Живет в Липецке**.

ИНВАЛИД ЗА СТЕНОЙ

За границей твоего «никогда» —
самое страшное слово
во всем языке — да —
мир недоступных вещей — олово,

камни, асфальт,
припорошенный снегом,
горный хребет,
летящий в луче серебристый
самолетик, лыжник,
скользящий свободным бегом,
из камней — яшма, гранат, аметисты.

Собственно все, что за гранью
стен четырех, серых,
за темным окном с геранью,
твоих лет молодых черно-белых.

Не перейти по судьбе к счастью,
не помогут сердобольные люди,
страдание тоже причастие,
а причастников Бог не судит.

ПРОЩАНИЕ

Всходило солнце в шесть утра,
Сначала освещало раму,
Затем портьеру, часть ковра
И спящую тихонько маму.

Свет огибал овал плеча,
Изгиб руки, волос колосья,
И яркость первого луча
Делила мир на до и после.

* * *

Твои божественные руки
В пригоршни собирают свет,
Небесных сфер простые звуки —
Твоей гармонии ответ.

И словно инеем искрится
В тебе благословенный день,
А ты сидишь, как мастерица,
И ткешь счастливой жизни тень.

* * *

Был мне подан
С высоких небес
Воинский меч —
Украшенный крест.
Громом гремели
«Аксиос» хоры,
Эхом вторил
Народ.
Разговоры
Херувимы вели по углам,
Здесь и там.

Был мне подан
С высоких небес
Камень могильный —
Господний крест.
Плакали смолами
Серые горы,
Эхом вторил
Обрыв.
Разговоры
Черти вели по долам,
Здесь и там.

ПОЕЗДА ДЕТСТВА

Памяти Николая Седогина

Отгрохотали барабаны,
Промчался «скорый» на Восток,
А мы стояли, мальчуганы,
И нас закручивал поток.

Железный ветер, гул состава
Вдаль уносил сцепной вагон,
И стрелочница тетя Клава
Роняла пепел на перрон.

Мы никогда не успевали
Поймать вагонов точный счет,
Мы в спорах истину искали,
Был прав, кто был сильней, и вот

Смотрели мы и тосковали
О жизни… Грезилась она.
О, Боже правый, мы не знали —
Как эта жизнь была трудна.

* * *

Как страж между двумя мирами,
Стоишь, храня слова, поэт,
И, ежедневно умирая,
Ты ищешь правды вечный свет.

Слепа судьба, в огне эфира,
И речь твоя сродни мольбе,
Выходит не строфа — стихира,
Но, кажется, Спаситель мира
Идет к тебе, зовет к Себе.

* * *

Не потеряться бы в мирах,
Вернуться б в собственное тело.
Но, вдруг, найдешь истлевший прах,
А ведь душа пожить хотела.

Пожить, чтоб вынести урок;
Поспеть к единственному сроку,
Вернуться к своему Истоку
И аду не платить оброк.

* * *

Мне снится, что я умираю
В тревоге и тесноте.
Не вижу ни ада, ни рая,
Лишь только скользят по воде,
Своим отраженьем любуясь,
Два ангела белых, как снег,

И облако, нежно целуясь
С водой, продолжает свой бег.
И, дожидаясь ответа,
Кукушка меня позвала,
Тростник наклонился от ветра,
А может, от взмаха крыла.

Здесь так гармонично движенье,
У тростниковой гряды,
Здесь ангельское оперенье
Сливается с всплеском воды.

* * *

Как томителен срок ожидания,
И никто мне не может помочь.
Словно ангельское ликостояние, —
Эта дивная звездная ночь,

Эта мысль о последней разлуке
С этим миром, с тобой, милый друг.
Как тревожны полночные звуки,
Как сияет луны полукруг!

И за всем этим темным пределом —
Где пространства и времени нет —
Ты идешь в ослепительно белом,
Словно не было прожитых лет.

ДОЖДЬ И ТЫ

Никто не видит нитей Высших Сфер
Даже тогда, когда дождем обильным
Летят стремглав и накрывают сквер
И все роднят с небесным миром дивным.

И нити путеводного дождя
Шумят по листьям шорохом алмазным
В надежде убедить тебя
Не раскрывать свой зонт бумажный.

* * *

Памяти Валентина Устинова

Ты удержись на грани красоты,
Постой над бездной, как канатоходец,
Один неверный шаг исполнишь ты
И устремишься в каменный колодец.

Не многим удавался этот путь,
На грани выдоха и вдоха,
Без страха в горний мир шагнуть,
И пусть клянет тебя эпоха.

Там свет сияет ярче тьмы,
Там слышно ангельское пенье,
И серафимов оперенья —
Мерцают, как лучи луны.

Светлана СЕНИЧКИНА

СТИХИ ПОЭТОВ ЛУГАНСКА

Александр СИГИДА

СВЕТЛАНА СЕНИЧКИНА

«Остались лишь глубинные пласты…»

* * *

Каждая улочка — воспоминание,
В людей и слова я врастаю корнями.
Кому-то кажусь я на камне кораллом,
Но это мой выбор —
искать чудо в малом.
Меня не манят ни Китай, ни Америка,
Европа маячит чужим стылым берегом.
Столицы, карьеры, амбиции —
полноте,
А мне важно это: живу в своем городе.

Светлана Александровна Сеничкина — поэт, публицист, переводчик, литературовед, критик. Родилась в Луганске в 1982 г. Автор поэтических книг «Апрельский ветер» (2005), «Музыка солнца» (2013). Публиковалась в различной периодике, сборниках «Ожог» и «Час мужества» (Москва), «Время Донбасса» (Луганск), журналах «Родная Ладога» (Санкт-Петербург), «ЛиФФт» (Москва), альманахе «Крылья» (Луганск). Лауреат литературной премии партии «Справедливая Россия». Член редколлегии луганского литературного альманаха «Крылья». Член Союза писателей ЛНР. **Живет в Луганске.**

Александр Александрович Сигида — поэт и переводчик. Родился в 1986 г. в семье известного донбасского поэта Александра Ивановича Сигиды. Публиковался в различных периодических изданиях. Занимается переводами с различных европейских языков, главным образом с французского. Подборки стихотворений выходили в сборнике «Время Донбасса» (Луганск), альманахе «Крылья» (Луганск), журналах «Родная Ладога» (Санкт-Петербург) и «ЛиФФт» (Москва). Участник Всероссийского совещания молодых писателей (Каменск-Уральский, 2015) и Всероссийского совещания писателей, пишущих о войне (Переделкино, 2015). Лауреат литературной премии партии «Справедливая Россия». Был награжден серебряной медалью 1-го Всероссийского фестиваля «ЛиФФт». Член Союза писателей ЛНР. **Находится в рядах армии ДНР, старший лейтенант, ведет борьбу с украинскими оккупантами.**

* * *

А в Луганске сегодня ветер
Осыпает липовый цвет,
На качелях смеются дети,
И войны здесь как будто бы нет…

* * *

Я из дома убежала на свидание
И на прежнем месте встретила его.
Сердце сжалось — как лицо его изранено.
Но он жив, он не боится ничего.
Мы дышали летних парков густой зеленью,
Это роскошь: так идти, не торопясь,
Верить, знать, что эта встреча — не последняя,
И любить, в тиши вечерней растворясь.
Его шрамы еще долго не изгладятся,
Своим телом он хотел закрыть всех нас.
Он все помнит, но сейчас — мне улыбается,
Мой любимый, мой единственный — Луганск.

* * *

Каждый вечер воет собака:
Об уехавшем в Киев хозяине
И о том, что все в жизни неправильно,
Сколько ты на нее не гавкай.

Каждый вечер темна так улица —
В трех домах лишь окошки светятся.
Кто-то верит, что будет лучше все,
А кому-то уже не верится.

По утрам вновь на почте суетно:
Кто за пенсией, кто с коммунальными,
А вот школа второй год пустует
И печально глядит провалами.

Заросли так пути трамвайные,
Будто их тут вовек и не было.
Все меняется. И не знаем мы,
Что там дальше в планах у неба.

* * *

И кажется, мы все уже привыкли,
Что в новостях расскажут про обстрелы,
К свечам на аватарках и иконам,
К молитвам, что кого-то не спасут.
И кажется, что мы уже не плачем.
На всех воды и соли не хватает,
Ведь за два года вышли все запасы,
Остались лишь глубинные пласты.
И кажутся теперь попеременно
Нелепою иллюзией и бредом
То мирный быт, где дети, дом и ужин,
То дикость и безумие войны.
Мы кажемся героями кому-то,
Другим — скотом, недолюдьми, врагами,
Кому-то — даже выдумкой и фейком,
И каждый твердо убежден в своем.

Мы ничего наверняка не знаем,
Но от того не перестанем верить.
Сидя в подвале и не видя неба,
Не перестанешь верить: небо — есть.

* * *

В то странное, безумное лето
Птицы и люди на улицах редкими были.
Не было ни телевизора, ни интернета,
А лишь одна-единственная газета —
Листовка формата А4.
Отодвигается, прячется в памяти это:
Дни без воды, ночи без света.
Давно уже выброшены поржавевшие снарядов осколки,
Давно заполнились супермаркетов полки.
А люди ныть и жаловаться куда больше стали.
И потому, наверное, чтобы не забывали,
Стоит дом с проломленной крышей — через дорогу,
А школа без окон и с дырами — напротив,
Спрашивают строго:
«Ах, вы очень плохо живете?
Глупые, вы ведь живете…»

АЛЕКСАНДР СИГИДА-младший

«…будь Сильным, Умным, Русским»

В ПОИСКАХ НЕВЕДОМОГО ВОРОШИЛОВГРАДА

В краю степном, угрюмом, ледяном,
Воспетом в «Мельпомене» Геродота,
Хребты и бездны над голодным дном
Откроют лабиринты для кого-то.
Таинственный, неведомый Кадат,
Индустриальный Ворошиловград.
Стигийская вода грунтовых вод
Размыла известь меловых пород;
Сломив сопротивление камней,
Река ушла, сухое русло — с ней.
Колодец времени, неведомый Кадат,
Где ураган, неистовый Адад.
В краю степном, угрюмом, ледяном,
Воспетом в «Мельпомене» Геродота
Тебя отстроят в облике другом
Разумные рабочие — Шогготы.
И там, где плющ и дикий виноград
Появится неведомый Кадат
В подземных галереях и хребтах,
Забытых штольнях и стальных путях...

МОЙ КРЕСТ (НИК)

Как крестный отец
И крестоносец
Тебе, Саня,
Крестом и Текстом,

И огнем перекрестным
Реконкисты,
Русской,
Что неизбежно грядет.
Грядущее скрыто
Туманом войны,
Глаза сыновей
Слезятся от дыма.
В братоубийственных
Сагах и песнях
Старшей и Младшей
Эдды, мой крестник,
Правду найдешь.
Пламя идет
С далекого Юга,
Люди щадить
Не станут друг друга.
Меньше ресурсов
И меньше воды,
Под яростью турсов
Треснут льды.

Это война — не последняя, крестник,
Когда придет черный наместник.
Пылающий юг,
Юные страны,
Тени империи Оттоманов,
Албания. Сирия, ересей клад,
Сельджуков натиск и Халифат.
Новый средневековый мир,
Войны за деньги и войны за веру,
Фанатики, викинги, кондотьеры.
Падение буржуазной химеры.
Век двадцать первый —
мечей и секир,
И достижений, и поражений,
Готы и гунны — ориентир
Перезагрузок и новых вторжений.
Будет еще Революции шторм,
Новой системы перезагрузки.
Знай, что молился об одном:
Саня, будь Сильным,
Умным, Русским.

ТЬМА НАД СУТОГАНОМ

1

Разгадав нечестивые тайны,
Психологию масс и пиар,
Знай: «Посланник — всего
лишь посланье»,
Так учил некромант Бодрийяр.
Вихрем войн и медийных камланий,
Вовлеченный в стальной ураган,
Ветеран президентских кампаний,
Посетил он рудник Сутоган.
Издавая кошмарные звуки,
Исступленно кричал козодой.
Он бродил по туннелям сторуким
И не раз говорил с Сигидой.
Там, где сны богомерзко клубятся,
Где вращается демон-султан,
Превращений не надо бояться,
Так предстал перед ним Сутоган.
Вечный ужас бездонных карьеров,
Горизонтов подземных стозев;
Воплощение древней химеры
прогрызает ночной чернозем.
Так, змеиной тропою влекомый,
он взошел на забытый курган.
И развеялись тени, фантомы —
Он познал, наконец, Сутоган…

2

«Мир вам, зодчие телегипноза!
О, супруг полногрудой Иштар,
Здесь и сбудутся тексты, прогнозы,
Те, в которые верить устал.
Потребленье —
мой путь к преисподней,
Междуречья коммерческий ген
Пожирает миры и сегодня.
Возрождается вновь Карфаген.
Силу символов знаешь, зато ты
Для туземных угроз — уязвим».
И рассеялся вихрь Азатота,
Что пульсировал зверем живым.
Загорелся огонь над холмами,
Тех, что помнили палеолит,
И они приготовили камень —
Глыбу, черный, как ночь, антрацит.
Алый отблеск окрасил ворота…
На просторах шахтерской земли,
В жертву, под завыванье койота,
Луганчане его принесли.
Он лежит под ущербной луною,
Где небесный горит ятаган,
Где подсолнух с роскошной копною…
Там, где тьма над тобой, Сутоган.

АРХЕОЛОГИЯ

Ночи настали тогда хулиганские,
Пряжка с орлом посредине ремня.
Ночи хрустальные, ночи луганские,
Помнишь ли, юная дева, меня?
Там, в маргиналиях Ост-Европы
Ночью вершилась звездная месть
Проводы утром — и автостопом
Машину ловить
в Molly-Dog-War-Dei-sk.

Бездны ночной антрацитовый полог
В сердце углеводородной тьмы
Глубже копай, черный археолог,
С каждым штыком все ближе мы
В бомбоубежищах бывшей штази
Лугалавкрафтовых катакомб
Где завязались опасные связи,
Трепет и страх Амели Нотомб…

TOTENTANZ

И в германской гравюре,
Где все так готично, идейно.
И в гражданском гламуре
С мотивами Ганса Гольбейна
Черно-белая лента
Кинохроники. Солнце и сталь.
Документы Конвента,
Где массовка сродни Рифеншталь.

Где горящие декорации
В Донецке премьеры «Голландца».
Где аборт и зачатие нации
Повторяют сюжет Тотентанца.
Ты ныряешь за золотом Рейна,
Ты — совсем как Кусто.
Если хочешь мотивов Гольбейна —
Приходи на Восток.

ВЫШЛА КНИГА

Ожог / Сост. С. Д. Евсеев, В. Ф. Кирюшин, В. Н. Попов. — М.: Вече, 2015. — 272 с.

Боль и надежда — два этих слова определяют атмосферу поэтического сборника. Стена отчуждения, умело возведенная внешними силами между Россией и Украиной, не может не отзываться болью в сердцах людей, не оболваненных пропагандой. А надежду дает наша общая история, в том числе победа в Великой Отечественной войне, 70-летие которой отметили в 2015 году.

В сборник вошли стихи современных поэтов, а также произведения поэтов военного времени.

ПРОЗА

Ирина ДУБОВИЦКАЯ

НОЧНОЙ ГОСТЬ

Рассказ

Ирина Михайловна Дубовицкая — родилась в Ленинграде, окончила исторический факультет ТГНУ им. В. И. Ленина в г. Душанбе. Работала корреспондентом республиканских газет «Комсомолец Таджикистана», «Вечерний Душанбе», а также Гостелерадио РТ. С 1993 по 2003 гг. была корреспондентом газеты Группы погранвойск России в Таджикистане. Автор учебных пособий, романов, документальных повестей, более полутора тысяч статей, опубликованных в печатных и электронных СМИ России, Китая, Таджикистана и Узбекистана. **Живет в Душанбе (Таджикистан).**

Он никогда не открывал двери незнакомым. Тем более вечером. Но тут что-то как толкнуло. Почему? Зачем?

В дверях стоял хмурый бородатый человек: ни дать ни взять — разбойник. Но вот человек переступил порог, снял шапку и вдруг… улыбнулся как-то открыто, по-детски улыбнулся: спасибо, мол, добрый человек, что приютил хоть ненадолго. Хозяин посторонился, пропуская ночного гостя в комнату.

— Ну, мил человек, сказывай, с чем пришел.

— Да зябко нынче на улице, темно. А у тебя окна светятся теплом и уютом. Вот и подумалось, а вдруг и мне сегодня счастье будет. Не очень стеснил? А то я стаканчик чаю (если, конечно, предложишь) выпью, да дальше пойду.

— А куда идешь-то ты в такую пору? — вопросом на вопрос ответил хозяин, начав споро накрывать на стол чем Бог послал (сухари, колбаса и сыр из холодильника, чай пакетиковый).

— В Лавру. К мощам нетленным.

— Так до Сергиева Посада путито еще сколько?! Неужто пешком?!

— А я не тороплюсь. Чего торопиться?

— Ну, как чего? Неужели дел дома нет?

— А у меня и дома нет.

— Как так? Бомж что ли?

— Да нет. Не бомж. В том смысле, о котором ты толкуешь. Просто дом… сложное это понятие… здесь, на Земле, относительное.

Чайная ложка, которую хозяин хотел положить на стол, выскользнула из его руки, с тонким «дзинь-нь» ударившись о стоящий на полу чайник из нержавейки:

— А ты не с Земли, что ли? Инопланетянин?

Гость тихо рассмеялся:

— Нет, конечно. Не инопланетянин я. Такой же, как и ты, человек.

— А что ж загадками говоришь? Дом — не дом…

Гость пододвинул к себе стакан с чаем:

— Благодарствую, — неторопливо отхлебнул его он и с видимым наслаждением вытянул ноги к электрокамину. — Дом… — задумчиво посматривая на мерцающие огоньки, промолвил, наконец, мужчина, как бы пробуя слово на вкус. — Да разве ж наши временные здесь жилища можно назвать домами, и тем более своими?

— А почему нет?

— Да потому. Не терял ты, что ли, Отчего дома… однажды и навсегда; не прощался с дорогими тебе и близкими, навеки уходящими в черноту вечной ночи (для тебя, конечно, ночи, потому как оставаться всегда трудней, чем уходить)? Что на этом свете НАШЕ? Что можешь ты удержать своей волей или хотением?

— Почему ж не могу? А как же свобода выбора — «направо пойдешь… налево…»?

— Ну, да, насколько-то свобода выбора, конечно, меняет жизнь. Вопрос только, насколько.

— Если в смысле, все когда-нибудь умрем или что-то рано или поздно потеряем, то да… прав ты… Но это слишком «космический» что ли масштаб…

— А мы, не частички ли Космоса, Божественной волей движимого?

— Земные дела столь велики, что…

— Что не до Космоса, что ли? — шутливо продолжил мысль хозяина гость и тихо рассмеялся. — Суета это. Дьявол в мелочах. Забыл, что ли?

Флер наносного как-то вдруг спал на миг с глаз хозяина, во всей убогости показав то, к чему некогда стремился (работа, зарплата, учеба ныне невесть куда разъехавшихся детей, шуба жене, теперь уж ее никогда не согреющая).

Он опустил на колени разом обмякшие руки:

— Кто ты и что тебе нужно?

— Да, ничего. Сам спросил — я ответил…

Ночной гость осторожно поставил полупустой стакан на стол и поднял глаза на сидящего рядом мужчину:

— Что же стушевался? Думал всегда чадом неразумным пребывать? Рано или поздно, а надо в глаза настоящему заглянуть, чтобы с пути не сбиться. Не земные мы. Не здесь наш дом…

— А… Ты в смысле религиозном, мол «Царство Мое не от мира сего…»?

— Оно на самом деле так. И по-настоящему значимое в нашей жизни лишь то, что в пять минут, мелькающие перед взором умирающего, укладывается.

— Кто ты? — хрипло повторил хозяин.

— Говорил же: в Лавру иду… Со мной хочешь? — вдруг предложил ночной гость.

— Пожалуй… — протянул как во сне мужчина. Он вдруг понял, что в этом доме его уже никто и ничего не держит.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЖУРНАЛА «РОДНАЯ ЛАДОГА» В МОСКВЕ:

Ясенев Владимир тел./факс: 8 (499) 242 42 46 rodnaya.ladoga@gmail.com

КОРРЕСПОНДЕНТЫ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖУРНАЛА «РОДНАЯ ЛАДОГА» ЗА РУБЕЖОМ И В РЕГИОНАХ РОССИИ:

Австралия	Кучина Галина	+6 (139) 879 70 29	kuchina_galina@mail.ru
Беларусь	Семерник Снежана	8 10 (375) 152 88 55 278	snezha05@mail.ru
Белгород	Молчанов Владимир	+7 (904) 532 46 65	tavolganov@mail.ru
Болгария	Анчев Панко	+359 889 545 770	pankoantchev@mail.bg
Воронеж	Невярович Владимир	+7 (910) 285 17 7	vkn2009@mail.ru
Германия	Даксель Фриц	+49 36459 62344 +49 151 40151855	fritz.dachsel@t-online.de
Грузия	Чеботарь Зоряна	+995 577 220 813	zoreana@mail.ru
Екатеринбург	Кердан Александр	+7 (912) 610 57 11	kerdan@ru66.ru
Иркутск	Забелло Василий	+7 (924) 604 39 47	irkdl@mail.ru
Казахстан	Михайлов Валерий	8 (777) 221 48 77	vfm@list.ru
Карелия	Пиетиляйнен Елена	+7 911 409 24 30	sever@karelia.ru
	протоиерей Павлюченко Константин	+7 (912) 570 844	pkserg@mail.ru
Кемерово	Бурмистров Борис	+7 903 916 71 85	cdlk@mail.ru
Коми Республика	Попов Андрей	+7 912 123 44 00	popov-ag-vorkuta@rambler.ru
Кострома	Мурзин Николай	+7 962 180 79 80	gonharova4848@mail.ru
Краснодар	Макарова Светлана	+7 (988) 244 09 11	
Крым и Севастополь	Горелов Вячеслав	8 (380) 503 24 65 85	gvn@tavrida.com
Молдова	Авдеева-Мокрак Ольга	8 (373) 22 58 20 32	olga_mocracavd@mail.ru
Московская обл.	Ясенев Владимир	8 (495) 231 45 21	nativeladoga3@gmail.com
Нижний Новгород	Сдобняков Валерий	+7 (910) 887 59 55	vertical.journal@gmail.com
Омск	Перминов Юрий	+7 (913) 612 84 01	j-perminovomsk@mail.ru
Орел	Кондратенко Алексей	+7 (906) 66 06 000	istorik57@yandex.ru
Псков	Смолькин Игорь	+7 (951) 756 70 14	iasmol@yandex.ru
Самара	Громов Александр	+7 (927) 260 24 43	ag-smr@ya.ru
Словакия	Пархимович Виктор	8 (421) 904 289 016	vparkhimovich@gmail.com
США	Петров Геннадий	770 923 3313	nalubitela@yahoo.com
Сербия	Булатович-Медич Лиляна	+3 (816) 331 38 63	likid@eunet.rs
Ханты-Мансийск	Стельмах Андрей	+ 7 (902) 814 13 21	stelmah@bk.ru
Чехия	Опршал Иржи	8 (420) 602 171 618	joprsal@seky.cz
Эстония и Финляндия	Илляшевич Владимир	8 (372) 507 81 95	vladila1320@gmail.com

Учредитель
Общество с ограниченной ответственностью
«Издательский дом “Родная Ладога”»

Контактные телефоны редакции:
+7 (911) 836-00-06
+7 (921) 311-31-87 (*В. В. Ефимовская*)

Московское представительство:
тел./факс: +7 (499) 242 42 46

Почтовый адрес редакции (*для рукописей и писем*):
196244 п/я № 8. *В. В. Ефимовской*

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
e-mail: info@rodnayaladoga.ru
http://rodnayaladoga.ru
http://роднаяладога.рф

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
191014, Санкт-Петербург,
Ковенский пер. 30/7, литер А, помещение 4-н

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.

Цена свободная

Компьютерная поддержка *Николай Станкевич*
Корректор *Галина Ильина*
Компьютерная верстка *Татьяна Макарова*

Подписано в печать 14.10.2016 г. Формат 70×100 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 28,0.
Тираж 1500 экз. Заказ 1610101.
Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт»
Санкт-Петербург, Сабировская ул., д. 37.